

Михаил Ишков

В РАБСТВЕ У БОГА

фантастический роман

Москва
Издательство «БПП»
2009

ИШКОВ
Михаил Никитич

В РАБСТВЕ У БОГА
фантастика

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 463.

Каждый из нас в детстве загадывал что, если?.. Что если в руки попадет лампа Алладина? Как поступить, когда нос к носу столкнешься с инопланетянином? Что выбрать, когда тебе предложат исполнить три желания?

Мог ли подумать Серый волк, большую часть жизни проводящий в человеческом облике, что битва с нечистью за папоротников цвет обернется для него вечным заточением в волчью шкуру? И что подмогу он найдет в глухой сибирской тайге, где уже многие тысячелетия таится чуждый всему земному межзвездный корабль.

© ИШКОВ М.Н., 1998

© Издательство «БПП», 2009

Часть I

Глава 1

Я — человек-волк. Я — бисклаварет. Кровожадности во мне не больше, чем в опрощенном цивилизованном человеке, через смену поколений утерявшем связь с прародителями своего племени. Другие исконные свойства вспыхнули во мне с необыкновенной силой. Мне дано видение прошлого и будущего, и в ночь на Ивана Купалу меня гнетет прежний облик — в людном месте я страшусь опрокинуться на спину.

Такое однажды случилось со мной в студенчестве. Нестерпимая любовная страсть одолела меня; и в лесу, в верховьях Клязьмы, неподалеку от костра, в самую жгучую, истекающую минуту я на мгновение обратился в волка... С тех пор она боялась приблизиться ко мне, о том случае мы больше никогда не вспоминали. Через несколько месяцев я охладел к ней, как-то в момент яснovidения увидел ее четвероногой, с маленькими рожками — конечно, волку трудно приручить лань.

Теперь я живу с волчицей, правда, она не догадывается об этом. Ей не дано осознать свою суть, она добрая женщина, и дети наши вполне заурядные, без признаков шерсти, детеныши. К моим частым отлучкам она привыкла. Я помалкиваю о том, куда меня заносит в начале лета — кто бы воспринял подобные рассказы всерьез! — но как мне быть, когда в июне начинается полнеть луна и чередой бегут короткие, как вздохи, теплые ночи. На этот раз мне пришлось отправиться в глухое приволжское полесье, на землю древних кривичей, на-

ших близких родственников (мою родину в Побужье мне довелось посетить только раз, пробежал в погоне за Марьей-царевной). Делаю привал в деревне Волковой у знакомых стариков. Дед Петряй — пенсионер, заслуженный алкоголик из семейства псовых. Степановна — помесь рыси с лисицей.

Издали потянуло душком козлоногого и неопрятного создания — уж не Василь Васильевич с опаской подбирается ко мне? Пусть подойдет поближе, тогда я так лягну на него зубами, что он тут же скроется из глаз. Если же не испугается и перебежит по бревну через ручей, звенящий в залитой сумеречным светом ложине, значит, пришло время встречи. Поведем мы с ним беседу о сгинувших богах, о переселении душ, о том, насколько весомо тысячелетие и как ощутить эту тяжесть; о приближающихся минутах цветения папоротника, охранять яркую искорку которого пришел мой черед.

У моих предков так было заведено исстари, начиная с тех заповедных времен, о которых писал еще Геродот. Он рассказывал, что негры были вытеснены из своих старинных жилищ змеями, частью пришедшими к ним из северных стран, а частью и расплодившимися в их краях. Предки отправились искать приют у своих родственных соседей, будинов, на реке Буг. Сами негры были чародеями: каждый из них раз в году обращался в волка, потом снова принимал человеческий вид.

Древний историк обманывался в факте, а не в сути. Теплые длиннополые тулупы мехом наружу, которые мои пращурь надевали зимой, он принимал за волчьи

шкура. В зверей мы, посвященные, обращались в дни летнего солнцестояния, когда в сумеречных, влажных, припахивающих прелью лощинах, на вырубках, в чащобах, в истоках лесных ручьев у родников, начинал похрустывать бутон нарождающегося папоротникова цветка. С годами он все реже и реже зацветает по лесам... Наша обязанность — сохранить огненную искру от нечистой силы. Бывали случаи — срывали! Соберутся толпой на Лысой горе, начудят, наблудят, наиграются — и в дебри, на охоту! Тут надо глядеть в оба, иначе беды не оберешься. Вы думаете несчастья этого века в чем корень имеют? В попрании святынь, в дележке чужого, в ненависти к иноплеменникам? Так-то оно так, но вот вопрос — отчего эти пороки так внезапно и кроваво извергаются, отчего поток их бывает неостановим? Оттого, что бесы приращение сил от обладания заветным цветком, указующим, где лежат клады, испытывают. Самым ценным сокрытым богатством что является?

Бессмертие!..

Сорвет нечисть огнев цвет и мчится по лесу — воет, шумит, гикает, деревья валит; ищет, где пламенеющая головка приклонится. Там и копай! Где же огнев цвет три раза качнется да еще вспыхнет ярко и слепяще, там Алатырь-камень схоронен. Всем камням отец — этот бел-горюч камень. По-простому знаете, как он называется? Правильно, янтарь — да не тот, что на берегах Варяжского моря находят, а тот, что был рожден на острове Буяне, где когда-то сидела царь-девица, умевшая исцелять любые раны...

Вот откуда ниточка тянется.

...Пришлось рыкнуть, лязгнуть зубами — ломится Василь Васильевич через кусты, как медведь. Даром что фавн. Существо он безвредное, тихое, трусоватое. Жизнью наделен вечной. Правда, с веками характер у него изменился, а в последнее время его нрав основательно подпортило преподавание общественных наук. Был он и профессором философии, и в монахах хаживал — занимался богоискательством; после революции работал в агитпропе, во время войны служил политруком роты — был насквозь прострелен пулеметной очередью, но выжил. В последние годы трудился в педагогическом институте — уминал в головах студентов основы научного коммунизма, заодно преподавал атеизм, где на лекциях убедительно доказывал, что Бога нет. Согласно этой логике он тоже не должен был бы существовать. По этому поводу Василь Васильевич на основании тысячелетнего опыта выстроил хитроумную теорию, доказывающую, что на самом деле он не существует и является не более, чем плодом народной фантазии. Я, случалось, указывал ему на разительное несоответствие теории и практики, на что он, хлопая веками, отвечал, что это противоречие мнимое... Василь Васильевич, приняв свой истинный облик, иной раз тупеет прямо на глазах и может, обидевшись, загнуть такую фразу: «Характернейшей приметой исторического процесса является наличие в нем поколений, предшествующих современности. Не будь этой заданности, исторический анализ свелся бы к эмпирическому обобщению сиюминутных деяний, что, безусловно, нанесло бы заметный ущерб глубине и своеобразию человеческой мысли».

Скажет — и сам застынет с открытым ртом. В глазах тоска. Я невольно затаю дыхание и спрячу язык, покуда блоха не куснет меня через кожу.

Блохи — вот напасть, так напасть! Откуда они только берутся? Накинешь заветный, от пращуров, пояс, перекувырнешься через голову, обернешься волком, и постань сменишь, а эти, насекомовредные, тут как тут. Мир обретает иной цвет, погружаешься в другие измерения, окружающее осмысливается вне исконного прародительского наследия, а они все равно норовят куснуть через кожу. Им безразлично на раритетном ли экземпляре, вроде меня, поселиться или на какой-нибудь дворовой псине. Только баней и спасаюсь — дед Петряй к моему возвращению накалит каменку... Хорошо!

Не рано ли ты о возвращении размышлял? Что значит сила привычки!.. Соскучился, что ли, по ботинкам, ошейнику, называемому галстуком? Попробовал бы кто-нибудь здесь, в заповедном лесу, накинуть мне удавку на шею... Ух, умчал бы за тридевять земель!.. Помню, ведьма одна подбиралась, козлица. Сначала с Василь Васильевичем побаловалась, потом ее на экзотику потянуло. Колдовского захотелось... У-у, змея!..

— Серый волк, а, Серый волк? — из-за березы слышался тоненький старческий голосок. — Это я.

— Подходи, подходи, Василь Васильевич, — по приветствовал я старого товарища. — Что, ушли тебя на пенсию в родном институте?

Фавн вышел из-за дерева и оглушительно чихнул.

— Что ты! — рявкнул я на него. — Лесовика разбудишь, потом от него не отвяжешься.

— Я ничего, — начал оправдываться Василь Васильевич, — просто зайчихой потянуло. Пелагея где-то рядом кормится.

— Сатир ты ненасытный! — возмутился я. — Все тебе нейметя.

— Натура такая, — деловито ответил Василь Васильевич, присаживаясь напротив. Ноги, покрытые свалявшейся шерстью (вместо ступней — обгрызенные копыта), вытянул перед собой. — А насчет работенки порядок. Где наша не пропадала, я теперь историю философии преподаю.

— Ты — и философию! — изумился я.

— Кому же, как не мне. Я, между прочим, был лично знаком с Анаксагором, Эпиктетом, с Пифагором чай гонял.

— Тогда чая в Европе не было, — возразил я.

— Это по-вашему не было, а я лично с ним гонял. Кому же, как не мне... — в его голосе послышалась обида. — Прибавь мою исключительно глубокую научную подготовку, опыт преподавания самого светлого в истории человечества учения. Развитие общественной мысли свидетельствует о необходимости вдумчивого, осторожного отношения к подбору фактов, к разработке тех или иных научных концепций. Цель и смысл философии в бережном просеивании идей, аккуратной их подгонке, решительном отмежевании от всяких противоречащих истине фактов, тем более от таких, которые подбрасывают нам зарубежные псевдоученые. В чем сила философического ума? В убеждении, что все течет, все изменяется в лучшую для данного субъекта сторону; что все матерьяльное — суть духовное и наоборот. Главное,

не пренебрегать сменой поколений и тщательно отсеивать факты...

Тут он неожиданно замолчал.

— Ты сам понял, что сказал? — спросил я его, потом после короткой паузы, не дождавшись ответа, заинтересовался: — Что там разведка доносит? Полчища нечистой силы собираются?

Погрустневший фавн кивнул и тихо добавил:

— Неисчислимое количество.

— Ты истинный философ, — я лязгнул зубами. — Количество у тебя неисчислимое. Может, неисчислимое множество?

— Тебе от этого легче? Зайцы донесли — им собратья с Юпитера рассказали — какую-то пакость готовят. Что-то туманно-ядовито-огненное везут под брезентом. Только что изготовили на планете Цны и теперь, по их, заячьим рассказам, подгоняют под алфавит.

— Под что?! — удивился я.

— Под алфавит... Так зайцы донесли, — испугался Василь Васильевич.

— Место для засады приготовил?

— На другой стороне Волги. Пусть ползающие и прямо ходящие хорошенько вымокнут — силу свою потеряют. На нашем берегу их чудище встретит. Против летающей нечисти опять придется эльфов пригласить.

— Сами примчатся. Им с мирами возмездия вовек не ужиться. А что с нашим чудищем, уродцем-богатырем? Не пора ли зачаровывать?

— Пора-то пора, только будет ли толк? Помнишь, Серый, как в позапрошлый раз ему ведьмы такую кралю подвели. Истинно урожденная венерка... Так он цвето-

чек наш аленький, папоротников цвет, чуть сам ей не вручил. Какой на него заговор подействует, ума не приложу.

Потом он показал мне два скрещенных пальца — указательный и средний. Этот знак свидетельствовал, что место зарождения бутона найдено, замкнуто заговорами и оберегами, укрыто травами и крепкими чарами. В противоположном направлении — за семью горами, семью долами — спрятано подобие цветка. Пусть бисова сила сначала за подделку повоюет, глядишь, до третьих петухов мы с обороной управимся.

— Ой! — неожиданно вздрогнул Василь Васильевич. — Что-то прелью потянуло. Взглянуть, что ли?.. — и он мелкими скачками, вздев к груди ручки, сложив колечком пальчики, запрыгал в сторону лощины.

Я пронзил землю взглядом и обнаружил на противоположном склоне зайчиху Пелагею, неосторожно приблизившуюся к нашей стоянке.

Фавн есть фавн! Сколько раз лосихи грозили его растоптать, волчицы мужской срам отгрызть, кабанихи на куски разорвать — ничто не помогает. Зайчихи от него стонут, птички осуждают, а у него на все про все один ответ — где разлюбезные моему сердцу нимфы, где лесные девы, дриады, где лимнады, сильфиды, вилы? Вымерли? А я еще живу — и это факт, с которыми невозможно не считаться. Мне скоро на войну, за правое дело сражаться буду, ваши уголья охранять. Может, меня какая-нибудь бичура погубит, черти полонят — что же мне духом томиться?!

В такие моменты Василь Васильевич становится красноречив. Не то что в институте, на кафедре. Что он

там несет — уму непостижимо! Даже мне, великому воину, потомку Змея Огненного Волка, остается только плечами пожимать.

Предки, просветите, о чем рассуждаю! Богатыря нашего, Георгия-царевича, пора заколдовывать против женских чар. С той поры, как провела его Настенька на далеком тропическом острове, где рос аленький цветок (вы только ребятишкам об этом ни полслова, не вернулась она в положенный срок в чудесный дворец), наш герой немного свихнулся. Стоит ему увидеть прекрасную юную деву, сразу плакать начинает. Ведьмы хитры — черную мурилку оборотят златовлаской и ведут впереди себя.

Вот еще загадка, что за напасть приготовили архонты для овладения цветком. Чую, нас ждет суровый бой. В стране людей разбой, грабеж, души дотла выгорают, вот нечистая сила и встрепенулась. Туманно-ядовито-огненное?.. Надо же! Василиски были, виев гоняли, приходилось и от бинфэна (сноска: (древнекит.) чудовище, обликом похожее на дикого кабана. Спереди и сзади у него по голове) отбиваться. С Велиаловым воинством справлялись, игвов (сноска: главная из рас античеловечества, высокоинтеллектуальные существа, обитатели «изнанки мира») и раруггов (сноска: вторая из рас античеловечества, потомки гигантских хищников древних геологических эпох) одолели, а тут что-то заграничное, инопланетное завезли. Ну-ну, поглядим.

***

Отворотного зелья королева фей наварила столько, что я не удержался и попрекнул ее за расточительность. Все приправы — жабье дыхание, комариный писк, скрип высохшего дуба, рыбы разговоры, стебельки девятисила, нечуй- и плакун-травы — страшный дефицит. То же самое можно сказать и о вересковом меде и соке одолень-травы — а она их ведрами в котел.

— Зачем ему столько?! — возмутился я. — До второго пришествия хочешь заколдовать?! Он после твоего питья опухнет и меч не сможет поднять, а ему еще надо раскалить клинок праведным гневом до цвета небесного огня.

Каллиопа потупилась и молча продолжила помешивать волшебном жезлом едуче-алое варево, дымящееся в медном котле. Очаг был устроен в глубине не имеющей выхода на поверхность обширной пещеры. Свод ее был обтесан гномами во времена засилья гоблинов, на ровном, испещренном трещинами полу, в центре овального зала поблескивало озерко, из которого вытекал ручеек с живой водой. Сквозь толщи горных пород, выемки угольных шахт, глинистые пласты, песчаные залежи и слои известняка стремился поток наверх, и целебной силы его влаги, ослабевшей за столь длительное путешествие, все же хватало, чтобы оплодотворить изумрудные пастбища и светлые, ухоженные рощи Ирландии.

— Ему и одного глотка будет достаточно, — печально ответила Каллиопа, — остаток я готовлю для себя.

Шерсть встала дыбом у меня на загровке. Полный котелок! Бедная женщина!..

— Поможет? — спросил я.

— Вряд ли. Вроде бы отболит, недели две полна сил и бодрости, потом он меня вновь на свой тропический остров заманит, и я таю, таю... Мужик он неплохой, только сбрендил немного на идее вернуть первородный человеческий облик. Тот, которым обладал, когда ты повез его добывать меч-кладенец и вызволять меня из подземной темницы. Он все понимает, все теперь ему, Георгию-меченосцу, открыто... Я ему всю бытовуху-чернуху расписала, на блюдечке с золотой каемочкой показывала, как там у людей, в греховном мире — голод, холод, кровь, смерть, брат на брата войной идет, а он твердит одно и то же — мне надо быть с ними, там я нужнее. Блаженный, твержу ему, мы-то чем занимаемся? Мы что, без дела сидим? Сонмы нам подобных без сна и отдыха трудятся, чтобы сохранить каждый зеленый листок, каждый родничок, каждую струйку чистого воздуха. Что ты маешься, говорю, ваш институт уже второй год сидит без заказов, сотрудники по полгода зарплату не получают, а он мне отвечает — эта чудесная ипостась стесняет меня, мешает быть самим собой. Обыкновенным человеком. Я его спрашиваю, а ты кто? Ну, кто ты есть? Не человек, что ли? Скажи прямо, на соплюшек потянуло. Человеческой ... ему захотелось, меченосцу-правдолюбцу. А ты, спрашиваю, этих Настенек нынешних видывал? На шабашах их рок-н-рольных присутствовал?

— Ну, это слишком, — запротестовал я. — Молодежь как молодежь.

— Извини-подвинься, Серый, ничего не слишком, — замахала на меня жезлом Каллиопа. — Разве можно меня, прапраправнучку Венеры, с любой земной женщиной сравнить?

Одеяние спало с нее. Она застыла с раковиной в поднятой руке. Я не мог отвести от нее глаз, потом наконец вымолвил:

— Да... Нет слов.

— А ему все свежатинку подавай. Тебе, говорит, тыщи лет, и пусть твое тело прекрасней утренней зари, чище снега на горных вершинах, это знание меня убивает.

— Серый волк, Серый волк, — под сводами пещеры раздался мелодичный голосок. — Четыре космические тарелки подобия «эль» вошли в околоземное пространство.

— Ведунья, — я сбросил оцепенение и, глянув в темный свод пещеры, где ясно проступили очертания дамы в белом, занявшей наблюдательный пост на одном из астероидов, вращающихся возле нашей планеты (пройдут годы, и Белая дама станет героиней передаваемых из уст в уста легенд о чудесной спасительнице терпящих бедствия космонавтах), попросил? — Ты бы не смогла проникнуть ясновидящим взором в грузовые отсеки нарушителей? Что за несокрушимое оружие они везут?..

— Вижу... С трудом вижу. Туманная оболочка... Облако, замешанное на испарениях злобствующих травоядных с Цны. Полиморфное... Фу, мерзость какая!

Ох, нелегкое предстоит сражение. Что-то Каллиопа подозрительно загрустила.

— Хватит печалиться, — обратился я к ней. — Должна же быть у этого искусственного чудища какая-то тайна. Есть же у него какой-нибудь магический код. Значит, и ключик найдется...

— Так-то оно так, — кивнула Каллиопа. — Эта пакость безусловно структурирована, иначе рассосет его в нашей ноосфере. Пришелец должен под что-то привычное, узаконенное подделаться. Робот-убийца? Вряд ли. На уровне машин мы уже сражались. Межзвездный захватчик или прочая, смердящая ужасом пакость? Тоже было.

— Может, ученого кота или Змея Огненного Волка подключить? — предложил я.

— Уже задействованы, — задумчиво ответила королева фей.

— Ладно, давай свое пойло и займись ведьмами, вампирами, гоблинами. Не может быть, чтобы без наших темных сил они смогли бы составить надежно действующий магический код. Зайцы в сибирской тайге что-то лопотали об этом нашествии, а вот о чем — припомнить не могу.

С этими словами я сглотнул отмеренную Каллиопой порцию волшебного зелья и, растворившись в ручейке, растекся по подземным пластам. Мгновение спустя я воплотился на склоне меловой горы. Скачок, другой — и вот передо мной трясущийся от страха Василь Васильевич.

— Они уже близко, — побледневшими губами прошептал он.

— Где Георгий? — спросил я.

— Выстраивает за оврагом царевичей и королевичей. Гвардейский батальон третьих и седьмых сынков, а также отдельная бригада крестьянских и солдатских детей занимают позицию уступом вправо.

— Георгий! — окликнул я.

— Здесь я, — безмолвно отозвался с небес густой раскатистый баритон, и под посвист нагоняющего тучи ветра, в разрывах облаков неясно очертилась исполинская, бледно-золотистая конная фигура, накрытая длинным, до лошадиных копыт, сизым плащом.

— Прими зелье, — я послал ему свернутую в шар порцию волшебного напитка.

Небесный всадник что-то глухо проворчал в ответ — дробястые громовые отголоски прокатились окрест.

— Пей, пей. Это приказ. Ты вот что, храбрец-удалец, присматривай за старшими и средними царскими сыновьями, а то эти обозники того и гляди разбегутся. Стоит нечистой силе дохнуть на них жаром и смрадом, вмиг по кустам попрячутся. Не давай обойти себя с флангов, сверху тебя прикроют валькирии. Задача — оттеснить врагов в болота.

Между тем с востока надвигалась гроза.

Был час заката, солнце еще висело над лесом — шар его багровел на глазах. Поднявшийся ветер скоро нагнал на светило зыбкую сероватую пелену. Вздвигнувшиеся на восходе облака резво поглощали синь, клубами всплывали черные тучи. Вдруг свет померк — разом обрубали его сизые сумерки, только кое-где в редкие проймы сыпались солнечные лучи, золотыми столбами

упирались в землю. Вот и их поглотило вязкое облачное месиво. Завихрило вокруг, закружило, погнуло деревья, крупные градины обстреляли лес. Редкие рыбаки на Волге спешили укрыться в шалашах, в деревнях захлопывали ставни. Прошло еще несколько минут, и в чащобах завывало, затрещало, и при свете частых зарниц было видно, как вода пошла на приступ — начала заполнять пойму, побежала вверх по оврагам, по извилистым руслам лесных ручьев.

Скоро небо окончательно заволокло тучами, и мне, сумевшему пронзить взглядом всю их многокилометровую толщу, стал различим строй из четырех летающих тарелок, смело погружившихся в это ураганное, смердящее ужасом и смертью, слепящее молниевыми разрядами крошево. Распахнулись грузовые люки, и из них начал сочиться невиданный на Земле мерзкий, желтый, с прозеленью, туман. Я поежился — даже тучи, согнанные черной силой со всех материков и океанов, содрогнулись, расступились и образовали пустоту, в которой под дикий хохот ветра и громовую россыпь разрядов начала разрастаться гирлянда покрытых слезящимися панцирями шаров.

Шары вращались, натыкались друг на друга, ежесекундно меняли размеры, наконец, начали обрастать щупальцами. Потом комковатая нечисть принялась вытягиваться, шары стали превращаться в некие загогулины, штрихи, крючки и — я не поверил своим глазам — буквы!.. Знаки свивались, сливались, обрастали прямыми углами, менялись образцы шрифтов, и в этой ядовитой расплзающейся слизи стали попеременно проступать то змеиные головы, то рыло бинфэна, то пасти

драконов, то шлемы роботов-убийц, искаженные человеческие лица... Создавалось впечатление, что чьи-то невидимые руки второпях лепили из шафранно-бирюзового месива нечто необычное, подобное ужасу. Энергетический заряд этого инопланетного монстра был так велик, что я никак не мог проникнуть ясновидящим взглядом вглубь чуждого организма, отыскать тот поддельный ключик, с помощью которого нечистой силе удалось распахнуть дверь земной атмосферы-защитницы. Мать сыра земля допустила его до своей груди. Что оно скрывало, это смердящее смертью брюхо, это порождение Абраксаса? Напев ли детской песенки, колыбельную женщины с островов Фиджи, забытое заклинание древних египетских магов? Что извратили Миры возмездия, что приспособили для проникновения в наши заповедные уголки, где, храня душу человечества, зацвел на Ивана Копалу волшебный стебель кочедыжника? Может, забавную считалку, секрет и описание игры в «классики» — или, как у нас говорили, «почекашки»; правила, по которым следовало «водить» в «двенадцать палочек» или «чижика»? Или они использовали что-то заумно-окультурное? Может, какой-нибудь литературной строкой прикрылись? Дверь открылась, и никто не вошел... Это из Уэллса. Море смеялось? Мы ехали на перекладных из Тифлиса?..

Никакого ответа, ни малейшего всплеска...

Инопланетное чудище свободно разгуливало по небу, паслось, толстело, нагуливало информацию, точило нож. Наконец на светящихся, истекающих струйками испарений боках родилась надпись: «Ну, Серый волк, погоди!» — и тут же земную рать захлестнул истериче-

ский хохот, предошущение опасности оледенило кровь. Тут уж ветер не выдержал — взвыл от нестерпимого ужаса. Следом обломился громовой раскат, засверкали молнии.

Кто-кто, а я присутствия духа не потерял. Не впервой... Главное, разгадать, в чем источник силы неумолимого, стегающего смехом бича. Где тот дуб, хрустальный ларец, где заяц и утка? Где скрывшаяся в глубинах вселенной мудрая птица Сон? Она смогла бы подсказать разгадку. Какие земные духовные элементы были соединены в этой нелепости, что придало ей смысл, значит, жизнь? Этот переиначенный смысл, некий скрытый порядок и является его «я», неисчерпаемым резервуаром энергии, которая питает это суперчудовище. Стоит мне добраться до него, отыскать ключ к магическому коду, и вся эта мощь потечет в мои лапы, в мои челюсти.

Что примолк, ученый кот? Я слушаю, слушаю... Где твоё хваленное всеведение, царь Соломон? Где ваша несокрушимая нравственная сила, святые отцы? Неужели мы эту слизистую, сочащуюся муть не одолеем? Разве есть нехватка в аскетических подвигах, разве ослаб наш дух? Неужели мы не можем топнуть ногой и воскликнуть — а все-таки она вертится! Это же не монстр, а посмешище какое-то!..

Чу, он вздрогнул, зашевелился. Что-то проняло его. Слово? Не реагирует. Слог? Тоже молчок... Звук? Ага, встрепенулся. Набор звуков? Попадание! Что же это за набор? Я принялся метать в него сначала сочетания гласных, потом согласных. Так, звонкие, глухие, а ну-ка, шипящие... Ага, опять дернулся!

Тем временем ведьмы, бесы и шишиморы, оседлав выползших из адских недр гадов, клином врезались в фалангу царственных героев.

Разразился ураган, понатыкал в землю смерчи, двинул их на воинство Георгия-меченосца. Меч у богатыря уже раскалился, по лезвию сужу — слепящий луч трепещет у него в руке, разит врагов... Как нам удалось добыть меч-кладенец? Потом как-нибудь расскажу. Вот и убийцы восстали из земли и двинулись на нашу рать с ухмылками, с куплетами. Гоп со смыком — это они и будут.

Между тем валькирии разметали орды Велиала, разбросали их по лесам — будет теперь прокорм лесным хищникам. Ветер завыл вслед гимн германской бомбардировочной авиации. Это была песнь отчаяния...

Где ты, ученый кот? Что так тихо мурлычешь? Каллиопа, растолкуй. Ага, «Рим» наоборот выходит «мир». Ну и что? Какой «мир» — «реасе» или «world»? Ладно, сейчас попробую запустить в него этой идеей.

В следующий момент я против воли зарычал, потом тоскливо взвыл. Это я, Серый волк, поставивший передние лапы на гору драконьих голов, оторванных мною в пылу сражения! Из моей груди, против воли, чудовищной силой был вырван предсмертный рык. Я поджал хвост. Силы оставили меня, угас боевой запал. Воины вокруг меня заплакали — так и стояли в строю, обливаясь слезами. Оружие опустили... Первыми ударились в бега старшие и средние сыновья. Такого позора я стерпеть не мог — сразу пришел в себя. Пришлось куснуть кое-кого из дезертиров, вернуть в боевую ли-

нию. Однако обессиливающий рык все не кончался. С трудом мне удалось пронзить дальновидящим взглядом облака. Неподалеку возвышалось — с одной ногой на небе, другой на земле — жуткое «рычешище». Я взвился в отчаянном прыжке и ударил эту тварь в промежность. Там было гадко, пусто, ядовито...

Я насквозь промчался сквозь туманное, клочковатое варево, через пустоту свободного пространства, через грузные недра нейтронной звезды и, наискось пронзая своего врага, без помех впущенный в ядовитое нутро и также свободно выпущенный, — почувствовал, что тайна его существования в бессмыслице. Этот энергетический, бесформенный монстр являл из себя совершенный, отлаженный микрокосм. Все в нем было упорядочено, все притерто, все подогнано и свинчено без каких-либо вероятностных люфтов. Эта слизь могла вместить любое материальное тело — обволочь его, растворить, но всякая мысль, всякая духовная конструкция была ему глубоко чужда. Я не мог понять, ради чего состоялось зачатие этого непобедимого организма, на чем держался замысел, в чем состояла его жизнетворная идея? Ясно, что его главная функция — разрушение. А что крушит основательнее всего как не бессмыслица, пустопорожные разговоры, инициатива, проявляемая дураком. И в то же время я уже отчетливо понимал, что составлена эта боевая форма не на каком-то случайном, а вполне последовательно проведенном принципе.

Я уже перебрал все *шипящие* звуки, упоминал и *свистящие* — на их набор чудовище отчетливо реагировало, однако сложить из этих согласных что-то стоящее мне никак не удавалось. Принявшись за сонмище

упырей, растоптав несколько десятков (Василь Васильевич едва успевал подтаскивать осиновые колы), я принялся покатываться со смеху. Веселье волнами, потоками, цунами накатывалось на меня и на моих воинов. Раскатистый хохот, всхлипы, безудержное залихватое хихиканье вил и валькирий, зычное гоготанье асов и ванов, богатырей, нартвов, странствующих рыцарей лилось рекой. Вместе с кровью... Наши ряды дрогнули и, вдохновленные близостью победы толпы инкубов и суккубов, ведьм и чернокнижников, ринулись на обширную, залитую водой, густо поросшую папоротником болотину, где в изголовье родника покачивался на тонком стебельке алый бутон. Свет, мерцая, с хрустальным звоном изливался во тьму.

Я рванулся вперед. Внезапно спиралевидный слизистый рукав, полая гибкая труба, выброшенная суперчудовищем, обхватила меня поперек груди, потянула вверх. Мои задние лапы мгновенно пустили корни, пронзившие многометровые толщи осадочных пород и зацепившиеся за кристаллический щит. Передними я попытался срубить щупальце у основания. Оно было ледовито-холодно, я — обжигающе горяч; оно смердело, я же благоухал, как дивный розарий; оно было туманно и осклизло, я — плотен и быстр. Несколькими ударами молний я разделил отросток на несколько частей, и самый малый обрубок ветер унес на остров Буян, где по цепи, отчаянно мяукая от бессилия помочь, от незнания и страха, носился ученый кот. Благородное божественное животное тут же набросилось на инородное тело, вонзило в обрубок клыки и довольно заурчало, познавая истину.

Между тем один из ведьмаков верхом на черном козле подскочил к роднику, и не успел Илья Муромец взмахнуть мечом, как черный мурин сорвал цветок.

Вопль радости, истошный визг, могучее шипение и рык потрясли округу. Тут же клики стихли, сменились единым бессильным завыванием. Сорванный цвет в руке беса мгновенно превратился в то, чем был на самом деле — в маков цвет.

Тут же безбожное отродье с новой силой ударило в наши ряды, а инопланетный монстр обернулся плаксивым, поливающим землю слезами «мычешищем».

Следующий суматошный натиск мы легко отразили. Без миражей, соблазнительных и пугающих видений, без хлестких телепатических ударов чертовой силе никогда не добиться успеха.

«Серый волк, — неожиданно в сознание вторглось кошачье мяуканье. — Лексически полная бессмыслица, однако крепко и многопланово структурированная. Возможно, на грамматическом уровне, возможно, на фонетическом... Вспомни знаменитую фразу насчет буйленка, которого кудланула какая-то кудра. Его плоть разлагается на буквы. Источник энергии — деление и последующий отрыв формы от содержания».

«Так-то оно так, — успел ответить я, — но он совершенен, завершен. Это единица. Понятие... Не определение. Что там насчет шипящих?»

Не переводя дыхания, я бросился в скопище убийц — принялся прокладывать направо улицы, налево переулки. Черная кровь хлынула рекой, вражья орда отступила за холмы. Решили перегруппироваться? Где-то в тылу адских полчищ послышались истошные во-

пли — по-видимому, там свершались казни над незадачливыми шпионами, которых так ловко обвел вокруг пальца Василь Васильевич. Повелитель лесов, потомок Пана, Силена и Волоса, в тот момент с десантниками-викингами в поисках соглядатаев прочесывал чащу неподалеку от сыроватой вырубки. Приближался решающий час! У обгорелого дубового пня уже потянулся из земли хрупкий росток с ярко светящейся почкой на вершине. Близилась полночь, вражья рать, перестроив ряды, выдвинув вперед космического монстра, вновь устремилась вперед. Теперь они напирали в сторону глубокого оврага, за которым лежала заветная вырубка. Деревья по приказу вооруженного палицей фавна изготовились к бою. Через несколько мгновений эта несокрушимая армада двинулась в контратаку. Впереди шла фаланга тысячелетних дубов — пусть тряхнут стариной, их кора непробиваема для заклятий. За ними вышагивали ряды сосен и елей — эти кого угодно выметут из леса, потопчут в поле. Лучники-березы и осины с флангов принялись метать каленые стрелы.

Медленно сходились два войска. Длинные щупальца ядовито-огненного тумана коснулись крон заповедных дубов. Деревья плотнее сомкнули строй — чужеземное облако отступило. Недобро и горестно завывали ведьмаки и оборотни, сверху ударила по ним отборная конница, набранная из крестьянских и солдатских сыновей — полетели во врагов гребни, зеркальца, платочки, уголья, заветные шнурки и нательные крестики. Огненная буря, прихлынувший потоп забушевали во вражеском стане. Сокрушающее землетрясение раскололо почву. Из матери сырой земли восстала исполин-

ская каменная рука, сжимавшая гигантский меч и рубанула им туманное чудище — то очнулся от тяжелой дремы Святогор-богатырь.

Меч погрузился в мельтешащееся посверкивающее варево — и растаял. В то же мгновение бег огоньков замедлился, вращение ослабло. Бесформенное, расползающееся по всей округе облако вновь начало сворачиваться в осклизлые шары, однако прежнего наглого всесилия в этом кружении уже не чувствовалось. Я почувствовал, что это инородное враждебное существо испытало боль. Как ни крути, а страдание — первый шаг к обретению смысла, осознанию себя.

«Серый волк, Серый волк, — в сознании вновь возникло кошачье мяуканье. — Мы здесь с Каллиопой посоветовались... Есть мнение, что все дело в сочетании букв, на первый взгляд, бессмысленном и в то же время обладающем определенным набором информации».

«Из скольких же элементов состоит это сочетание? — я не смог скрыть раздражения. — И сколько этих сочетаний? Пока все переберешь...»

В этот момент темные силы, пустив вперед находившихся в резерве раруггов, сокрушили сопротивление лесных великанов и выбрались на ближние подступы в оврагу, за которым начиналась драгоценная наша вырубка. Не медля ни секунду, нечисть начала форсировать преграду, наводить мосты. С этой целью космомонстр принялся закатывать свои шары в овраг. Скоро над ядовито-зеленой бурлящей поверхностью вздулся закрученный спиралью росток. Он с видимым усилием тянулся ввысь и напоминал шею гигантского змея. Или какого-то иного чудища.

Или чудовища? Чу-до-ви-ще... Ще. А, б, в, г, д... Е?
Е-п-р-с-т?..

Отросток не откликнулся.

Е-к-л-м-н?

Результат тот же.

Страшилище? Посмешище? Рычешаще?.. Ши, ше...
Уф! Х-ц-ч... Ше-ще...

Отросток на мгновение замедлил рост, на конце его обозначился бутон. Вот превратился в крупную шишку.

Ше-ще!

Цечешаще!! Кто ты или что ты?

Шишка внезапно обрела форму человеческой головы. Очи был закрыты. Вдруг веки дрогнули, чуть приоткрылись. Бездонной пустотой блеснули пустые глазницы. Разомкнулся рот, и выдавилось хриплое, жуткое: «Кто я? Что я?»

— Цечешаще. Ты — цечешаще! Ответь, что есть истина?

Сражение вмиг стихло. На небесах замер с поднятым мечом царевич Георгий, опустили щиты могучие валькирии, передовой отряд упырей расселся на бровке оврага — подперли головы окровавленными лапами.

Все ждали ответа.

Вдруг вдали, перекрывая шум ветра, явственно кукарекнул петух. И словно струна лопнула — бисово племя с воплями, стонами и завываниями бросилось в бега.

С грохотом начали захлопываться крышки гробов, забили хвостами о землю василиски, сбились в стадо окутанные дымом, испуганные драконы, вурдалаки на-

чали раздирать рты, оборотни, трепеща, хлопотали во-круг внезапно оцепеневшего вия — пытались упрятать его в землю. Но земля не расступилась... Буря утихла, и скоро в наступивших сыроватых сумерках то там, то здесь запели рожки скоморохов, застучали бубны северных шаманов, заголосили негры-колдуны, затопали корнями тысячелетние дубы, пошли вприсядку сосны, ели. А мы с цечешищем сидели друг напротив друга: я — на краю откоса, он — в низинё... Привычный глазу предутренный, бледно-сизый туман, голова его уютно покоилась на вздутой, как подушка, поверхности густого облака.

Я заглядывал в космические провалы его глаз, в его плоть, обретающую разум, — в далекое прошлое и даже не Земли, не галактики, но во время оно, память о котором искоркой небесного костра, из которого возник наш мир, еще жила во мне. От эпохи к эпохе, от поколения к поколению эта искорка гасла, потому на душе было тоскливо. Мне самому эта память уже недоступна... Говорят, умение расставаться и терять — лучшая часть мудрости. Не знаю...

Ты, новорожденное, сотворенное вне смысла, все разрушающее цечешище, знаешь ли, кто ты, что ты? Ты бессмертно? Ищешь бессмертия? Для себя, для всех? Вечная жизнь для избранного подобна наказанию. Это вечная пытка...Взгляни на Василь Васильевича, он знает, о чем я говорю. Для всех?.. Всех не облагодетельствуешь. Вот я и верчусь в этом заколдованном круге.

Облако, скопившееся в овраге, угрюмо помалкивало.

— Хочешь взглянуть на заветный цветок?

Голова качнулась.

— В заповедном травнике сказано: есть трава черная папороть или, по-иному, кочедыжник, растет в лесах около болот, в мокрых местах, в лугах... Стебель ростом в аршин и выше, а на стебле маленькие листочки и с испода большие листы. А цветет трава накануне *Иванова дня*, в полночь... А брать тот цвет непросто, с надобностями, и, очертясь кругом, следует заговор на подход говорить. Вянет цвет, но есть еще минутка. Пойдем глянем...

Облако выдвинуло щупальце, на кончике его соорудило око, и я повел эту струйку тумана к поваленным внакидку стволам, возле которых на коленях стояли Георгий-меченосец и Василь Васильевич.

— Стану я, раб Божий, Серый волк, — начал я и кивнул цечешищу — повторяй, мол, — благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами. Выйду в чисто поле, стану на восток лицом, на запад хребтом. *Акиры и Оры*, и како идут цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, все православные роды, и не думают лиха и зла; такожде и на меня, раба Серого волка не думали бы зла и лиха. И как не видит мать отлученное дитя многие лета, а увидит, возвеселится и возрадуется весело, такожде меня, раба Серого волка, увидев, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи и княгини, все вельможи, все православные роды христианские. Как не можно небесные колесницы превратить, такожде вы меня и моих слов не могли бы превратить во веки веков...

Я присел рядом с Василь Васильевичем, над ухом моим затрепетало око, подвешенное на мокрястом, скрученном жгуте тумана.

Ровная округлая впадина под стволами сплошь поросла кочедыжником. Была трава древовидна, гигантские перистые листья напрочь покрывали землю. В середине на ровно очерченной полянке, на тонком стебельке, осененном двумя мягкими разлапистыми метелками, тлел цветок-звездочка, составленная из пяти лиловато-алых, теряющих пышущие огнем капельки, лепестков. Сердцевина цветка золотилась, угольно чернел единственный пестик с маленькой изящной коробочкой-семенем на нем. От этого семени возродится искорка, вспыхнет где-нибудь в сыром месте, и пока жива папороть-трава, Алатырь-камень будет источать животворящую силу.

— Ступай, — обратился я к цечешищу, — обрети смысл жизни, познай самого себя. Пройдут эры, эпохи, и может, придет твой час беречь этот цвет.

Облако на глазах истаяло, лишь мерцающий контур опоясывал то место, где только что покоилось тело влажного монстра. Огоньки зашевелились, пришли в движение, оформились в странную объемную фигуру. На том танец светляков не прекратился — словно чудище приступило к укладыванию себя в нечто осязаемое, реальное... Я замороженно следил за изменчивыми, сменяющимися друг друга абрисами, и вслед за превращениями цечешища окрест менялся пейзаж. То вдруг я оказывался на берегу неизведанного океана, то вдруг распаивалась межзвездная даль — немигающие точки на фоне темно-фиолетового, с переходом в бархатистую

черноту небошара. Потом разом все исчезло, и в пред-
рассветном сумраке обозначилась очерченная цепоч-
кой огней человеческая фигура. Скорее, фигура, похо-
жая на человеческую, — коротковатые, искривленные
ноги, длинный корпус, мощная голова, осененная чем-
то, напоминающим петушиный гребень, освещаю-
щими зубчиками спускавшийся вдоль хребта.

Фигура удалялась. Под ногами похрустывали сучки,
шуршала трава, колыхались отброшенные в сторону
ветви.

Глава 2

К рассвету буря утихла. Утро выдалось ясное, густо
пахло влагой. Зализав раны, к восходу солнца я добрал-
ся до избы Петряя. Дед, пьяный в стельку, валялся в хо-
лодной бане на полкѣ. Даже огня в печке не развел.
Степановну, как после объяснила Василь Васильевичу
соседка, нечистая сила унесла в Калязин... Я коротко,
по-волчьи выругался, побрел к заветному месту, где под
вековым мшистым валуном хранилась моя одежда и
чудесный пояс, накинув который я опять мог стать че-
ловеком. Пора бы! Шкура нестерпимо чесалась.

Приблизился, прохрипел заветные слова — валун
шелохнулся, съехал набок. Я заглянул в яму, где хранил
кованый сундук. Достал его, откинул крышку. Внутри
было пусто. Ни одежды, ни пояса...

Я взвыл от отчаяния, бешеным лаем ответили мне
псы на деревне.

— Что с тобой, родимый? — приближаясь ко мне,
поинтересовался Василь Васильевич Фавн. Он уже был

в резиновых сапогах — в голенища были заправлены штанины походного комбинезона, на плечах брезентовая штормовка с шитой непонятной надписью на спине. На затылке шляпа. Следом шагал Георгий, тоже в человеческом обличьи. В миру он тоже именовался Георгий, фамилия Ерофеев. Он заведовал лабораторией в научно-исследовательском институте, являлся специалистом в области физики твердого тела. Его золотые кудри, во время сражения гривой выбивавшиеся из-под шлема, теперь улеглись, посреди лба образовался краткий намек на пробор. На нем был спортивный костюм, на голове настоящая ковбойская шляпа — подарок жены. Ноги обуты в кроссовки, тоже натуральные, без азиатского подмеса. Ерофеев глухо матерился, недобрым словом поминая заслуженного алкаша, напившегося до чертиков и не сумевшего растопить баню. Заметив, что я еще не сбросил шкуру, он удивленно спросил.

— Серый, что ты?.. Самим придется баню топить.

Я ткнул лапой в раскрытый сундук...

Часа полтора я кувыркался за огородом, опрокидывался на спину, валялся в одолень-траве, росшей тут же, вдоль изгороди — все под дружный хор заклятий и наговоров, которые дружно выпевали мои товарищи. Кидался с разгона в священную Волгу, сожрал не менее десятка чудодейственных кореньев — все было напрасно. Человеческое обличье мне не давалось. Без наборного, украшенного тусклыми мелкими волшебными камнями пояска, подарка Змея Огненного Волка и Калиопы, я не в силах был остановить мгновение. Одним прыжком взмахивал на гребень эволюции, на миг обре-

тал человеческое обличье и тут же срывался в пропасть животного мира.

— Только без паники, — без конца повторял Василь Васильевич. — Не важно, что рожа овечья, лишь бы дух был человеческий.

— Поди ты, — огрызнулся я, — философ! Как я домой явлюсь? А в издательство? Как, в конце концов, штаны на лапы натяну?

— Без пояса стабилизация не срабатывает, — деловито заметил Георгий, умявший к тому моменту все наши бутерброды. — Может, к Каллиопе обратиться, — предложил он, — она колдунья не нам чета. Из благородных древних.

Делать было нечего, пришлось звать на помощь Каллиопу. Одна из последних представительниц тех немногочисленных родов, переживших ледниковые периоды, живая память Земли, она явилась на зады подворья Петряя в затрапезном халате, на голове косынка, на ногах домашние тапочки. В обыденном трехмерном мире она пребывала в двух ипостасях. Первая — основная — очень состоятельная жительница Оксфорда, сочинявшая пользовавшиеся популярностью фантастические романы. Что же ей не сочинять, если она была вхожа в разнообразные околосолнечные пространственные измерения и знала столько невероятных историй, каждая из которых при самом скромном литературном даре легко раскручивалась в многотомную сагу. Что касается дара, могу засвидетельствовать — Дороти Уэй обладала ярким, неповторимым талантом повествователя. На месте Дороти почти не сидела, колесила по белу свету, однако большую часть года проводила с

младшим, четырехлетним сыном у мужа в подмосковном Снове на правах законной жены и российской гражданки Ерофеевой Вероники Павловны. Старший сын Георгия и Дороти учился в Тринити колледже, средняя дочь — моя любимица — в девичьем пансионе неподалеку от Оксфорда. В трехмерном человеческом мире Каллиопа считала себя исключительно англичанкой, гордилась семьей — предок ее Теодор Уэй когда-то промышлял пиратством в Карибском море, пока не получил от королевы Елизаветы, как и его приятель Френсис Дрейк, отпущение грехов и дворянство.

...Прежде всего Каллиопа, мысленным взором исследуя это место, семь раз обошла вокруг валуна и обнажившегося устья ямы. Наконец повернулась к нам и заявила:

— Such a spoil place! Кто-то здорово начудил здесь с помощью деформатора времени. Кто, что — I don't mean!

— Слушай, мадам, давай по-русски, — перебил ее Георгий. — Ты нам еще по-финикийски загни. Говори откровенно, что случилось. Видишь, волчара мается.

— Жора! — повысила голос жена и тут же завороченно примолкла, потом жестом показала, что нам следует собраться в кружок. — Кучкуйтесь, кучкуйтесь, господа. Сейчас будет не до шуток. Зрите во мрак, — и ткнула указательным пальцем в яму.

Мы придвинулись поближе и, затаив дыхание, принялись следить, как в вырытой в земле полости, откуда густо пахло влагой и тянуло мертвящим сквозняком, возник сгусток тьмы. Начал раскручиваться, заполнил выемку вровень с пожелтевшими, молочно-белыми

стебельками и корешками травы, придавленной камнем. Челюсть у господина Фавна отвисла, он неотрывно наблюдал за зеркальной аспидно-черной поверхностью, которой покрылась тьма в яме. Скоро на ней проступило очертание громадного, лобастого, с рыжеватым пышным воротником вокруг шеи, чуть присевшего на задние лапы волка.

— Глядите, — указала на изображение Каллиопа. — Исходный момент, затем все в тумане. Словно кто-то заговорил это место...

Действительно, картина подернулась рябью. С трудом можно было распознать в сменяющихся картинках деда Петряя, собравшегося после грозы топить баньку, неизвестного, с которым он разговаривал у крыльца. Потом наехала оштукатуренная, местами с проплешинами, из которых выглядывала кирпичная кладка, стена. Она-то откуда взялась? Потом изображение окончательно зарябило и расплылось. Мрак, сгустившийся в яме, таял на глазах.

— Тебя как бы в клетку посадили. Или скорее в некое стиснутое пространство, из которого есть единственный выход. Это все, что могу сказать. Чем помочь, не знаю. Разве что человеческий облик вернуть? Ну, это просто — придется натянуть кожу на волчью шкуру. Или, — она задумалась, — может, удобнее вывернуть ее вовнутрь?

Я коротко и отчаянно взвыл.

— Что, вместе с блохами?

— Да уж, — Василь Васильевич закрыл рот и почесал бровь, — с вредными насекомыми внутри!..

Георгий возмутился.

— Колдовщица ты, а не царица фей!

— Вот что, Бобби, — невозмутимо обратилась ко мне Дороти, — не стена вокруг тебя, а скорее вершина острого угла. Стены — лучи, конца им не видно. Хочешь не хочешь, а побежишь в единственном направлении.

— Это что же? — недоверчиво спросил я. — Своего рода целеполагание?

— По-видимому, да. Вижу... Ключ ко всей этой истории — пояс Змея Огненного Волка. Его просто необходимо отыскать. Задача трудная, но выполнимая. Подобная чудесная вещь без дела лежать не может. Этот раритет обязательно себя проявит. Ведаю... Грядет смутное время, и первый признак перемен — ожившая тайна.

Комок тьмы окончательно истаял. Дороти приоткрыла глаза, глянула в мою сторону, улыбнулась. Шерсть встала дыбом у меня на спине, я глухо зарычал, оскаллился. Женщина ласково потрепала меня по загривку, потом продолжила:

— Слушай, Серый... Ключ к тайне где-то неподалеку. Чтобы проникнуть в ее суть, надо ступать наперекор, добраться до вершины угла. Далее неразборчиво... Ты бы отдохнул, Серый, пока я буду травы собирать, зелье готовить. После превращения тебе следует хорошенько пропариться, до самой последней жилочки. Кстати, насчет блох ты сможешь давить их мысленно, я напишу тебе заклинание, или, говоря на современном языке, ментальную программу.

Я не моргая смотрел на нее, время от времени шевелил ушами — матерый, с доброго коня, волшебный зверь. Смысл сказанного Дороти с трудом доходил до

меня. Все мы потомки древних родов, изначально приписанные к сонму хранителей, в обыденной трехмерной жизни являлись самыми обыкновенными людьми. С точки зрения физиологии мы были типичными представителями *homo sapiens*, разве что память наша и разум были обременены древним знанием. Эволюционное развитие наших предков началось задолго до ступенчатого превращения прямоходящих обезьян в род человеческий. Потом все разумные на планете Земля смешались, ведь мы были одной крови... Так, по крайней мере, объяснял мне ситуацию Змей Огненный Волк. Однако о причинах подобного временного разрыва, являлись ли наши предки особой расой, не они ли дали толчок к эволюции приматов, он ничего толкового сказать не мог. Странный набор генов, позволявший сохранить древнюю родовую память и изначально заложенные способности к сверхчувственному восприятию и воздействию, передавался из поколения к поколению. Он хирел, терял силу, но окончательно не угас. И как он мог угаснуть, когда битва с Изнанкой мира не прекращалась ни на минуту. От природы мы обладали возможностью сочетать две ипостаси, но это превращение с точки зрения техники исполнения было делом очень трудным. Кроме того, мы были обязаны подчиняться неписаному правилу, требующему четко разграничить естественное и сверхъестественное обличья. В общем-то, это требование само собой вытекало из биологических свойств нашей натуры — то, что я мог сотворить в шкуре волка, никогда бы не смог воспроизвести в образе человека.

Так, так... Что имела в виду Каллиопа, когда говорила, что с блохами я смогу разделяться с помощью мысленных щелчков? Обращенный в человека с волчьей шкурой вовнутрь я сохраню и древнее знание и способность воздействовать на объекты сверхчужденно?

Если это так, то передо мной открывалась страшная перспектива. Я едва не взвыл от отчаяния. Со временем в глазах людей я неминуемо превращусь в изгоя. Как бы я не таился, как бы не старался обойтись в повседневной жизни без всяких штук-дрючек, которыми пользовались Калиостро, Григорий Распутин, Алистер Кроули и прочая потерявшая стыд и срам колдовская братия, нагло смешивающая две ипостаси и водящая за нос простодушную публику, меня в конце концов выведут на чистую воду. Это не нами выдуманно, это завещали предки: в человеческом обличи будь человеком, в древнем — верным и храбрым хранителем. Но смешивать оба воплощения — беда!

Вот радость давить телепатическими щелчками блох, клопов, тараканов и в конце концов обнаружить, что твои сослуживцы и родные косо поглядывают на тебя, когда двери начинают распахиваться перед тобой сами по себе; шоферы автобусов — и машинисты электричек! — будут ждать, пока ты не войдешь в салон. Нерадостная участь прослыть колдуном, чернокнижником, оборотнем. Одним словом, выродком... Сколько их, киношных, литературных, бродит по земле. Утверждаю как профессионал — реальных немного. Единицы! Но они есть, заложившие души Мирам возмездия. Конечно, все эти христородавцы на учете, сонм хранителей не дает им развернуться.

Теперь то же испытание предстояло мне. Я не имел права выдать себя взглядом, поджигающим на расстоянии, ни словом, пробивающим любую стену, ни мановением руки, способным вызвать локальное сотрясение. По молчаливому уговору, существующему в среде хранителей, мне следовало покинуть человеческое сообщество, но как я мог бросить на произвол судьбы семью, двух своих сыновей!

Теперь и до Василь Васильевича дошло сказанное Каллиопой. Лицо его обратилось в маску. Глаза странным образом запали в череп и тускло смотрели на мир из провалившихся глазниц. Руки обрели сходство с кистями скелета. Это было жуткое зрелище — он словно воочию увидел тот миг, когда перст судьбы вырвал его из сонмища фавнов, нимф, сатиров и леших и наградил неповторимо долгой жизнью. Он единственный, кто сохранился до нашего времени. Все мы — Каллиопа, Георгий, я сам — молодая поросль, каждому из нас предназначение открывалось внезапно, оглушительно, во сне. Я, например, ввел в наш круг Георгия, потомка линии громовержцев-воителей. Видели бы вы его глаза, когда он услышал мое признание, что я и есть Серый волк!.. Но об этом позже...

Между тем наш меченосец занялся банькой. Под пьяный треп деда Петряя Георгий вымыл парную, предбанник, натаскал воды в металлическую бочку, установленную на крыше сруба — каждый раз, когда мы уезжали, Петряй ломал насос.

Наконец наступил решающий момент. Я несколько раз, опившись противным сладковатым отваром, перекувырнулся через голову, потом высоко подпрыгнул —

Каллиопа, принявшая свой истинный облик прадочери Афродиты, подловила меня на излете, и на траву я уже пал человеком. Мягко опустился на ноги, встряхнул головой, глянул в зеркало в предбаннике. Я был тот же самый, что и до посещения Волковойни. Лицо, фигура, седина в волосах, только душе было тесно и душно под трехслойной немислимой оболочкой.

Потом мы вчетвером парились до обеда, после чего Георгий и Доротея начали собираться домой. Отговаривать я их не стал — Каллиопа-Вероника уже откровенно брала мужа за руку, ненароком прижималась к нему. Я невольно, с некоторой долей стыдливости загадал, где они займутся любовью: по дороге, в родном Снове или отправятся на колдовской, расположенный в тропиках остров Гаваики, где у Георгия был устроен роскошный дворец, доставшийся ему в наследство от Ронго-громовержца, когда-то творившего свою волю на просторах Тихого океана. Там он обычно превращался в жуткое, мохнатое, длиннорукое чудовище. В этом облике он почему-то особенно мил Каллиопе.

Вслед за ними и Василь Васильевич отправился на машине домой. Приглашал и меня, но я отказался. До утра не хотелось трогаться с места, сил не было, места себе не мог найти.

До самой темноты я просидел на берегу Нерли возле припахивающего дымком, угасшего костерка и с волчьей печалью вглядывался в звездный купол, что накрыл присмирившую землю, леса поодаль, заплутавшую в пойме калязинскую колокольню, чей угольный силуэт долго мрачнел на фоне ясного, угасающего неба.

Вокруг было тихо, только, чуть позванивая, поплескивала на песок река, в лесу что-то глухо и протяжно чмокало. Наливались спелостью звезды...

Шпиль колокольни указывал на ширококрылый, посверкивающий в южной стороне крест Лебеда. Созвездия в этом заповедном краю читались легко; их архипелаги, поименованные людьми, отчетливо горели в пропитанной тьмой вышине. Я мог на спор перечислить все видимые в тот момент сочетания звезд. Я давным-давно изучил все их названья, но это было бесполезное вѣденье. Дело в том, что раскинувшийся над головой мерцающий рисунок был виден только с одного во всей вселенной места. С Земли... Какими бы показались мне звездные скопления с противоположной ветви галактики? Смог бы я отыскать созвездие, в котором под самой дальней буквой греческого алфавита было бы поименовано Солнце? И как его в тех краях именуют?

Голова пошла кругом. Интересно, хватило бы мне сил, чтобы пересечь Млечный путь из конца в конец?

Сон мне в ту ночь тоже приснился странный. С перебивами — мшистый валун, яма в земле. Из нее ощущимо, до дрожи, пахло сыростью и мертвящим холодом. Рядом с ямой Каллиопой с рассыпающей разноцветные искры волшебной палочкой в руке. На ней голубое, прошитое посверкивающими золотыми нитями одеяние королевы фей, русалок и вил. На светлых, платиновых волосах венки из аленьких цветочков. «Ищи человека с татуировкой на запястье», — слышу ее голос. Тут же просыпаюсь...

Глава 3

Человек с татуировкой на запястье? Мне такой знаком. Шапочно... Встречались в компаниях. И наколка врезалась в память — как раз возле ладони, чуть выше косточек. Точно, на правой руке. Редчайший сюжет, мастерское исполнение. Ободок в виде браслета, составленный из отдельных прямоугольных звеньев со снятыми фасками, чуть скошенными углами. Изображения были объемны, выпуклы, таинственны. Каждое звено напоминало циферблат с двумя почти одинаковой длины стрелками, только знаки, расположенные вкруговую, как на обычных часах, я бы не решился назвать цифрами. Скорее что-то напоминающее алхимические символы или обозначения зодиакальных созвездий, хотя между ними можно было различить и стилизованные подобица четверки, семерки, восьмерки и девятки. К сожалению, наколку я видел только однажды и мельком, когда Олег Петрович Рогулин, решив чокнуться, потянулся через стол со стаканом в руке. Его запястье с отдернутым грязным обшлагом проплыла возле моего носа. Тогда она и бросилась мне в глаза, эта татуировка.

В начале девяностых годов в связи с тяжелым финансовым положением института одним из первых попал под сокращение штатов. Завлаб был рад избавиться от него, поскольку Рогулин безбожно пил. С ним не церемонились, тем более что стаж «по вредности» он уже успел выработать, так что «ушли» его с пенсией. Спустя полгода деньги обесценились, пенсия превратилась в ничто, и Олег Петрович скоро превратился в образцово-

го бича. Жил сбором бутылок, продажей книг, не брезговал обшарить карманы завалившегося на ночь под забором алкаша. Случалось, воровал по мелочи... Рассказывал он об этом бесстрастно — повезло, и ладно. Трепались, что в молодости он защитил диссертацию, от него многого ждали. Врали, конечно, — речь Рогулина была упрощена и безыскусна, он умело сыпал матерком и никогда, ни в трезвом состоянии, ни в подпитии, не упоминал о своей прежней работе. Круг его интересов — в ту пору, когда мы познакомились, — ограничивался количеством собранных бутылок. День считался удачным, если ему удавалось набрать их на батон белого хлеба. Все, что судьба подкидывала выше этой нормы, решительно пропивалось.

Был он среднего роста, щуплый, лицо поражало астральной худобой. Носил очки. Стекла были целыми, а вот пластмассовые дужки часто сменялись резинками — Рогулин ловко цеплял их за уши.

Вот что было удивительно — тусклые, водянистого цвета зрачки его с увеличением количества выпитого спиртного наливались ошарашивающе-бездонной голубизной. Даже при свете дня они жутко посверкивали... Его внетелесная оболочка было на редкость расплывчатая и постоянно сочилась серовато-бурым свечением, в глубине его едва просматривались чакры. В этой тончайшей, сливающейся цветом с мокрым асфальтом сверхчувственной толще не было ничего таинственного, неясного, путаного. Неужели я бы не почувствовал! Обыкновенная история — институт, диплом, распределение в НИИ. Пусть даже диссертация! И все это на фоне рюмки. В конце концов жена подала на развод, Ро-

гулины разменяли квартиру, Олегу Петровичу досталась однокомнатная хрущоба на первом этаже. Затем пенсия, и при нынешней ее скудости он занялся сбором бутылок. Что здесь замысловатого? Что могло бы меня насторожить?.. Разве что непонятная страсть к перемене места жительства — раз в год Олег Петрович обязательно менял квартиры. Даже когда требовалась доплата, он ухитрялся доставать деньги. Тоже ничего странного — у него двое взрослых работающих сыновей.

После возвращения вот что еще не давало покоя — откровенная недосказанность ситуации, в которой я очутился. Все валилось из рук, ни о чем другом, кроме утерянного пояса, я и думать не мог — ждал, что вот что-то прояснится, кто-то решительно выскажется, определит мою судьбу. Слишком откровенно меня подталкивали к решительному шагу. Прикрыли волчью шкуру человеческим обличьем, намекнули на существование некоей тайны.

Что есть тайна?

Она бывает двух родов. Прежде всего непознанное, пока неизвестное, но, по крайней мере, мысленно возможное, как, например, полет со сверхсветовой скоростью. И непознаваемое — нечто такое, чего вообще быть не может...

Ткнули меня носом в эту странную наколку — и что дальше? Ждут, когда я решусь сделать первый ход? Кто ждет? Зачем?

Как утверждает мой наставник Змей Огненный Волк, человек волен только в первом поступке. Все последующие шаги совершаются по необходимости. Ну, поговорю я с Рогулиным, куда заведет меня этот разго-

вор? Неужели «кто-то» или «что-то» полагает, что я, как мальчишка, сломя голову, побегу выяснять, где Рогулин раздобыл подобную татуировку, что не сумею притерпеться к двойственному положению. Да, это очень неудобно носить две шкуры одновременно. Даже три!.. Одна из них, обращенная шерстью вовнутрь, отчаянно чесалась. Главным образом под мышками. К тому же блохи покусывают. Теперь, правда, реже... Совет Каллиопы оказался к месту, и теперь по ночам я начинаю мысленную охоту. Жена ворчит — что ты все ворочаешься...

С другой стороны, что же мне теперь всю жизнь в шубе мехом внутрь ходить? Звереть по каждому пустяку, беззвучно выть по ночам и в конце концов свихнуться на мечте о первозданном, пусть даже в чем-то ущербном, но все-таки райском облике? Эта волчья ипостась мне всю ауру нарушила. Среди хранителей стыдно будет показаться. Я вполне серьезно — любой из нашей компании глянет в мою сторону, просветит меня ясновидящим взглядом и поморщится. Что за странная идея, решит он, пришла на ум благородному бисклаварету, потомку Аполлона, Ромула и Рэма, непобедимого Бхимы и изощренного в колдовских таинствах Всеслава, не снимать ритуальное одеяние? Что за декадентство?! Подобные новомодные веяния извращают смысл бремени охраны!.. Уверен, такие разговоры среди хранителей обязательно начнутся.

Что же мне делать? Плюнуть и на хранителей, и на людей? Уйти в тень? Загнать себя в одиночество? Соорудить тесный мирок и там затаиться? На пару с Рогулиным начать собирать бутылки? Собственно, чем вол-

чья шкура, упрятанная вовнутрь, отличается от нелепой, неуместной татуировки?

Через неделю, в субботу, договорившись с Олегом Петровичем, я направился к нему в гости. Насчет пароля, позволяющего войти в его квартиру, он просветил меня заранее, так что увидев в глазок бутылку, он тут же распахнул дверь.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — предупредил я его.

— А закуску данайцы случайно с собой не прихватили? У меня только четвертушка черного.

— Кое-что есть, — успокоил я его.

Тратить на меня свой, добытый сбором бутылок батон он не собирался — это значило лишиться ужина и завтрака.

После недолгого разговора о том, о сем я как бы невзначай спросил:

— Сколько на твоих золотых?

Рогулин откинулся на спинку стула и долго рассматривал меня, сидевшего напротив на продавленном диване.

— Тебе какое время, — наконец откликнулся он. — Московское, пекинское, нью-йоркское? Или, может, галактическое?..

Я удивленно глянул на него.

— Да-да, галактическое. А вот на этом циферблате местное звездное время, соответствующее нашей долготе. На соседнем, по моим прикидкам, то, какое должно существовать на Луне. Ну, давай поднимем, что ли, стаканы за матушку-вселенную. За шуточки, которые

она себе позволяет откалывать в отношении своих обитателей.

Он поднял на треть наполненный граненый стакан, однако, заметив, что я сижу с открытым ртом, усмехнулся.

— Взгляд у тебя сейчас точно такой же, как в тот день, когда ты впервые заметил эти часики. Ты, Володя, редкий — что? Правильно, экземпляр. Тебе дано *видеть*, что это такое. Соображаешь? Другие ничего, кроме татуировки, не замечают. Я даже опыты специально проводил. Одному под нос сую, другому, третьему. Спрашиваю, что бы это могло быть? Черт знает, что отвечали. Говорили — украшение. Дурачье!.. Стал бы я руку поганить. Кое-кто уверял, что это надпись. Иностранскими буквами. Какой-то блатной осилил. «Она устала», — вот что он вычитал. Химик разглядел формулу какого-то сложного соединения, приехавший на побывку подводник — транспарант «Привет морякам Черноморского флота». Как-то встретился мне псих, который всерьез уверял меня, что здесь наколото женское имя. Какое ты думаешь? Эрнестина, ни больше, ни меньше. Да, ты прав, это часы... Есть еще один человек, угадавший, что это такое, но он побоялся взять их в руки...

Олег Петрович сдернул с руки насытившуюся объемом и весом татуировку и швырнул на стол браслет. Тот глухо звякнул. Изготовлен из тусклого, сероватосизого металла. Стеклышек не было, стрелки и непонятные значки казались утопленными в какую-то стеклянистую, влажную на ощупь массу.

Я помалкивал. Олег Петрович продолжил.

— Уже, считай, полвека, как наградили меня этими часами. Сколько было восторгов, надежд! Собственно, это не совсем часы, скорее устройство связи. Что вроде телефонного аппарата. Стоит только поставить все стрелки на двенадцать, сразу возникает контакт. Сначала я никак не отваживался, считал — рано, рано... Когда же решил, что час пробил, мне никто не ответил. Стало быть, оказался не нужен. Стало быть, так!..

Он лихорадочно потер руки и хрипловатым голосом добавил:

— Не нужен! Надобности во мне нет-с!.. — он вновь плеснул в стаканы. — Что зацепенел? Давай вздрогнем.

Я встал, прошелся по комнате, пристроился у подоконника.

Рогулин между тем выпил, сморщился, потянулся за перышком зеленого лука и, закусив, как-то разом обмяк. Я обратил внимание, что стул он не иначе как подобрал на помойке. Кто-то выбросил, а он тут как тут. Вся обстановка в комнате была, по-видимому, из того же источника. Старый, давным-давно отслуживший срок диван-кровать, навечно разложенный, покрытый стертым до основы, сальным ковровым покрывалом. На подоконнике радиола шестидесятых годов, ободранная, но, как уверил меня хозяин, в рабочем состоянии, рядом две пластинки. На полу, возле холодной батареи стопки книг — набор безалаберен и случаен. Я вспомнил, что Рогулин, случалось, и книгами приторговывал. Когда они ему бесплатно доставались... Комната угловая, два окна — то, которое выходит во двор, на три четверти забрано газетами. В квартире было сравни-

тельно чисто, фигурные пустые бутылки скапливались в картонном ящике из-под телевизора. Ящик стоял в углу, возле стойки-вешалки с округлым никелированным кольцом вверху и крючками.

Олег Петрович покуривал — дымок легкой, оживляющей пейзаж струйкой тянулся к потолку, там скапливался сизым облаком. Удивительный браслет, лежавший на покрытом газетой столе, рядом с ножом, с тарелкой, где ломтями был нарезан хлеб, между уже разбросанной кучки зеленого лука, — тускло отсвечивал в подступающих со стороны окон сумерках. Он поджидал нового хозяина? Следующего безумца, который рискнет нацепить его на руку? Интересно, мне придется впору? Что если попробовать на ногу надеть или через голову... Он обхватит талию и тогда, перекувырнувшись прямо на глазах притихшего, излучающего пылавшую в его глазах синь человека, — я воспряну, обрету прежний облик?

Слишком просто — вот о чем я тогда подумал.

Олег Петрович выдержал мой ясновидящий взгляд, хмыкнул и, покачав головой, спросил:

— Ну что, еще по маленькой и приступим к исповеди? Я расскажу все, как есть. Сядь ты, наконец!

Я послушно присел на диван.

— Ну, будь здоров! — поднял стакан Рогулин.

Мы стартовали.

— Мой отец, — начал Рогулин, — в начале шестидесятых работал главным инженером геодезической экспедиции. Каждое лето, начиная со второго курса, он оформлял меня рабочим, и я отправлялся на базу, расположенную в поселке Усть-Нера. Это в Якутии, на бере-

гу Индигирки. Там меня зачисляли в бригаду, так что ни в какие студотряды я не ездил. Какой смысл горбатиться за жалкую тыщонку в сезон!

В то время в Якутии создавали триангуляционную сеть второго и третьего классов. Знаешь, что это такое?

Я кивнул, однако Рогулин не удержался и вкратце пояснил.

— Это сеть опорных пунктов, с которых измеряются углы на такие же пункты. Затем вычисляют их точные координаты, на основе которых создаются топографические карты. Полевые работы на Яно-Оймяконском нагорье обычно начинались в конце мая и заканчивались в сентябре или в начале октября, когда в тех местах появляется устойчивый снежный покров. Три лета подряд я ездил в Якутию, после четвертого курса досрочно сдал весеннюю сессию и вновь отправился на север. Сначала в Усть-Неру, потом вертолетом на базу партии, разместившейся в Богом забытом поселке на трассе Магадан-Сусуман-Хандыга. Попал я в бригаду, которая занималась угловыми измерениями. Своих средств передвижения у нас не было, с пункта на пункт нас перебрасывали вертолетом. Машин было две — пока одна становилась на профилактический ремонт, другая обслуживала бригады.

Помню, был конец июля... Стоянку бригадир разбил в излучине небольшой горной речушки Джормин. Вообще, этот край — самый безлюдный в тогдашнем Союзе. Слышал, наверное, Оймякон — полюс холода?

Я кивнул, и он почти без паузы продолжил.

— Мы работали чуть севернее Оймякона. Места глухие, заброшенные — редко-редко нам встречались

якуты-пастухи, гонявшие стада оленей. Повсюду сопки, от полутора до двух тысяч метров. На их вершинах строители и закладывали бетонные пилоны с центрами, сверху сооружали деревянные пирамиды, которые оканчивались визирными барабанами. Такой, знаешь, полуметровый оперенный, деревянный цилиндр... Над центром сооружался наблюдательный стол, и в несколько видимостей мы измеряли углы на соседние пункты.

Итак, расположились мы на берегу Джормина и вот почему. Направления на ближайшем пункте мы открыли, редукцию сняли — делать наверху больше нечего. По радию сообщили, что, по крайней мере, неделю вертолета не будет. Это обычное дело. Мы спустились с перевала к речке, на горе сидеть не сладко. Воду, дрова на себе приходилось носить.

Поутру выбрался я из палатки — красота вокруг несутная, небо как раз по ночам только-только темнеть начинало, а то большую часть суток то вечерняя, то утренняя заря. По противоположному берегу за пределами поймы Джормина отрог Брюнгадийского хребта бежал. Этакая, знаешь, цепь вершин. Вот что удивительно — одна из сопок как бы из строя выскочила. И форма какая-то необыкновенная: ровненький такой конус и вокруг вершины поясок. Скорее балкончик. Я долго его сначала в бинокль, потом в теодолит рассматривал... Вершина горы как бы срезана, и на плоское основание взгромоздили идеально ровный конус. Только меньшего диаметра. Как шапка, представляешь?.. Этакое, я бы сказал, архитектурное завершение. Приятели мои ко всем этим природным причудам были равнодушны, а я

в ту пору был отъявленный романтик. И запала мне мысль покорить ту сопку, добраться до купола, посмотреть, что там такое.

Сказано-сделано, взял ружьишко, предупредил, что отправляюсь на охоту, — и потопал. Добрался до подножия сопки — гора как гора; с близкого расстояния и купол уже не казался таким округлым и лезть метров четыреста по пологому, перетянutoму осыпями склону не хотелось. Огляделся — вокруг тот же мох, густо покрывший камни, стланик, по распадам редко натыканы хилые карликовые березы, кустарниковая ольха... Полярных куропаток видимо-невидимо. Приметил я стайку, начал подкрадываться — птица там непуганая, так что шел я, чуть согнувшись, стрелять не спешил. Они подпускали на верный выстрел. Вдруг мох под ногами поехал, и сел и на пятой точке сполз до низа обнажившейся каменной плиты. Повернулся — и обомлел. Под мхом таился не камень, а металл. Поверхность неровная — скорее, необработанная, как бы сразу после отливки, даже раковины кое-где сохранились, и ржавчина какая-то с прозеленью, на плесень похожа. На ощупь склизкая, противная...

Роголин нервно потер пальцы и на некоторое время примолк. Я глазами показал на бутылку, но он отрицательно покачал головой, потом, внезапно наклонившись ко мне, понизив голос до шепота, продолжил. Зрачки его странно расширились и горели безумной голубизной. Словно два вырезанных из небесной сини пятака...

— Посредине плиты, — он очертил пальцем полукруг в воздухе, — овал, метра полтора в длину. Тончай-

шая волосяная нить, геометрически совершенно правильная. Я сдуру и наступил на это место — плита тотчас начала опускаться, я вслед за ней. Нет, я не очень испугался, просто опешил — наткнулся, мол, на вход, ведущий на какую-нибудь военную базу. Сейчас меня охранники материть начнут: кто, откуда, зачем в люк полез? Что это могло быть? Ну, пункт управления... Станция слежения за спутниками. Первая мысль была — вот вляпался! Так и въехал по опустившемуся овалу внутрь какой-то шлюзовой камеры. Знаешь, камера оказалась подобна кубу, даже для одного человека тесновата. Вдоль одной из стен засветились, потом начали перемигиваться лампочки. Потом и потолок засветился.

Нет, вру — мысль об инопланетном происхождении у меня в первый же момент мелькнула, но я как-то сразу придавил ее. В те годы мы все были заряжены на космос. Уже в камере я уже вполне осознанно подумал о пришельцах — уж очень невелик был объем шлюза, потолок низкий. Влез, уперся головой, посетовал — что за мелкота, эти марсиане. Явно не на людей помещение рассчитано, — он усмехнулся. — Видишь, какой храбрый. Сам вошел, никто силком не тянул.

Мы чокнулись.

— Конечно, первым делом я решил поднять тревогу, — наконец подал голос Рогулин. — Прибежал на стоянку, бросился к рации — меня едва оттащили. Пригрозили, что свяжут, если не угомонюсь. На смех, правда, не подняли, но идти со мной, кроме бригадира, никто не захотел. На следующее утро отправились. Искали, искали это место, так и не смогли найти. Вчера я был в растрепанных чувствах, надо было как-то отметить

вход, да я не сообразил. Так и вернулись ни с чем. Тут уж надо мной посмеиваться начали. Я ночь не спал и с рассветом опять туда же. Представляешь, сразу нашел вход! Нет, чтобы задуматься, прикинуть — почему же так получается? Неужели я самый хороший? Нет, чтобы постоять подумать... Нет, я от радости сразу в распахнувшийся люк полез.

Так остался я один на один с фламатером. Эта штука себя так назвала. Что-то вроде искусственного существа, напичканного органикой и электроникой. Этакая гигантская разумная машина, предназначенная для межзвездных перелетов. Кем, — он почти выкрикнул, — не знаю. Я ничего не знаю! Прошло более сорока лет, а мне ничегошеньки не известно! И никогда не будет известно!

Я встал, подошел к окну. Что-то в его истории было не так. Я был далек от мысли не верить Рогулину — зачем ему врать? Это слишком просто — обвинять пришельцев в погубленной жизни, в пьянстве. Рогулин не был похож на дешевку. С другой стороны, этот рассказ, особенно в той части, которая касалась неизвестного космического корабля, густо отдавал привкусом давным-давно обсосанного фантастической литературой приема. Перелеты он, естественно, совершает в каком-нибудь нуль-, под-, гипер-, субпространстве. На Землю прибыл, чтобы а) следить за нами; б) уберечь нас от планетарной бойни; в) с какими-либо агрессивными намерениями.

Так-то оно так, однако я не мог отрицать, что удивительное было рядом. Я смело взял в руки странный браслет, принялся его рассматривать. У этого предмета

не было никакой ауры. Мысленным усилием я попробовал двинуть стрелки на одном из циферблатов — они сместились! Я погнал их и за несколько минут до символа, обозначавшего цифру «двенадцать — «полночь», «полдень»? — сробел, остановил стрелки. Принялся по очереди рассматривать звенья. Ничто — никто? — не пыталось проникнуть в мое сознание, даже намек на попытку телепатического просвечивания я не обнаружил. Никакая чуждая установка не пыталась вторгнуться в мой внутренний мир. Никакого психотропного воздействия! Браслет можно было свободно натянуть на руку — звенья имели некоторую степень свободы в сочленениях. Однако надеть его я не рискнул, тем более, что Олег Петрович продолжил рассказ.

— Фламатер, так сказать, являлся сотворенным неизвестной разумной расой инструментом, предназначенным для сверхточных измерений. Он был способен самостоятельно преодолевать межзвездные дали. Проводить измерения он мог и в сером лимбо или по-нашему — нуль-пространстве. Что измерял, как — не знаю.

Я удовлетворенно кивнул. Все сходилось. Кто-то надежно затуманил мозги этому несчастному. Между тем хозяин, словно угадав, о чем я подумал, заявил:

— Я тоже об этом размышлял, но, как ни крути, другой терминологии люди еще не придумали. Признаюсь, я перечитал массу фантастической литературы, одно время думал, что свихнусь. Если бы свихнулся! — он стиснул челюсти, крепко сцепил пальцы. Так и сидел посапывая несколько минут. — Если бы я сам не попался на эту удочку! Как мотылек ринулся на открытый

огонь — вот и опалил себе крылышки. Зачем? Почему принял этот браслет, почему вел с ними торговлю... Договор заключил. Ну, не идиот ли!.. Вероятно, за все эти тысячелетия лоси, медведи, волки многократно тыкались в этот овал. Может, даже в шлюз проникали. Обнюхивали, мочились по углам и бежали прочь. У них даже намек на желание не возникало вступить с Ди в контакт, торговаться, что-то требовать, о чем-то договариваться. Ну, нашел и нашел завалявшийся в безлюдном месте чужой звездолетишко — и ступай своей дорогой. Нет, надо обязательно пощупать, порассуждать, вспылать мечтой, вспылить, позволить себя увлечь, попытаться урвать кусочек судьбы пожирнее. С кем в кошки-мышки решил сыграть? С силой небесной!..

Он закурил, потом долго, молча дымил сигаретой.

— Насчет чего это я? Ах да, насчет терминологии. Делать нечего, придется объясняться на этом напыщенном, напичканном всякими «измами», «тронами», «торами» воляпюке. Тут я в одном переводном романе вычитал — деформатор времени! Каково? Звучит?..

Я невольно улыбнулся. Слышала бы эти речи Каллиопа. Это из ее романа об ушедших в Плиоцен. Мой чудесный пояс как раз и трансформирует время. Ну, да ладно!

Олег Петрович продолжил.

— Вот на этом жаргоне фламатер со мной и объяснялся. Знаешь, как это подкупало. От того, может, я и потерял голову.

Цивилизация Ди построила несколько таких кораблей, предназначенных для натурального измерения каких-то констант, определяющих геометрию мироздания.

Для них эта программа была жизненно важна. В районе нашего Солнца с фламатером — не знаю, термин ли это или имя собственное — случилась беда. Какая именно, тоже не разобрался. Одним словом, этот комплекс потерпел аварию и вынужден был приземлиться на нашу планету. Сколько тысячелетий он кукует на Земле, неизвестно. При посадке экипаж погиб, их сознания были занесены в память фламатера, и с той поры они являются членами экипажа с совещательными голосами. Или что-то в этом роде. В их уставах и правовых отношениях я не успел разобраться. Что они хотели от меня? Как я понял, они искали разумное существо, достаточно подготовленное в техническом отношении, способное осуществить ремонт какой-то приводной станции. Без этого они не могли вернуться домой. Всех тонкостей я не знаю, они со мной не очень-то откровенничали. Одним словом, я согласился! — он хлопнул себя по коленям. — Вот так, взял и согласился! Правда, поставил условие — дать срок закончить институт.

— Как вы общались? — я вопрос.

— Они проецировали слова прямо в сознание, я также мысленно отвечал.

— На русском?..

— Да.

— Значит, ни одного слова на их языке вы не слышали?

— Как я могу сказать, слышал я или не слышал! Что-то там в горе щебетало, попискивало, а то еще как телетайпная дробь рассыплется. Была ли это живая речь или просто посторонние звуки — не знаю.

— Нащелкать можно все что угодно. Это плохая примета, если они не позволяют проникнуть в секрет их речи.

— Почему же? — удивился Рогулин.

— Потому, что из вашего рассказа следует, что они, во-первых, обладают сверхчувственными технологиями. Во-вторых, понимают значение магии имени. Имя — суть души, ядро...

— Глупости! — возмутился Олег Петрович. — Мистика и мракобесие!.. Полное ретроградство и пошлость! Ты серьезно веришь в эту чушь?

Я улыбнулся.

— Почему же чушь. Давайте рассмотрим этот вопрос с понятных вам позиций. Овладение языком пришельцев позволит аборигену каким-то образом воздействовать на организм фламатера. Вмешиваться в работу внутренних структур. Возьмем, например, эти часы, — я уже без боязни поднял браслет. — Надписи там на дверях, створках люков были? Символы какие-нибудь?

— В нескольких местах. Только смысла их я не мог понять. Но разве в этом дело! — теперь он вскочил, забегал по комнате. — Разве в том трудность?.. У меня и мысли не было размышлять о значении каких-то глупейших символов! Передо мной открывались такие перспективы. В ту пору я ощущал себя, — наклонился ко мне и выдохнул прямо в лицо, — представителем всего человечества! — потом выпрямился и рубанул воздух ребром ладони. — Я хотел проникнуть в тайну, овладеть ею. Какие-то дурацкие значки меня не интересовали. Это частности!..

— Вы были ужасно напуганы. Вам хотелось вырваться от них?

— Да! Да! Да! Это не подвластно разумному объяснению.

— Хорошо, что случилось потом?

— Я попросил дать мне срок подумать. Флаmater, в общем-то, не настаивал на немедленном разрыве с прежним окружением. Ди несколько раз подчеркивали, что я не в плену и полностью сохраняю свободу выбора. Они утверждали, что наши отношения строятся на договорной основе. Потом этот браслет вручили. Надел я его на руку, он тут же превратился в наколку. Как тут было сохранить присутствие духа! Снял — в руках увесистая вещица. Надел — снова изображение. Связь устанавливается, когда все стрелки сойдутся на двенадцати. Двигать их можно умственным усилием.

Я взял часы, повертел, потом надвинул на правую руку. Браслет так и остался браслетом. Сосредоточил внимание на ближайшем циферблате, на левой стрелке, находящейся в положении «полдевятого». Мысленно перевел ее на девять часов. Стрелка стронулась и плавно заняла новое положение.

— Видите, — удовлетворенно заметил я. — А вы сомневались в наличии сверхчувственного усилия.

— Это же инопланетный предмет, — возразил Рогулин. — Он изготовлен черт знает где!..

Это была железная — человеческая — логика. Там, черт знает где, все было возможно, а здесь строго по известным законам. Вот столкнутся с каким-нибудь непонятым явлением, опишут его, тогда можно говорить о новой форме движения. Пока электричество не было

зарегистрировано в лаборатории, его в природе не существовало. Это понятно...

— Хорошо. Дали вам отсрочку, вы вернулись домой...

— Нет, это потом. Сначала я решил потребовать гарантии. Раз на договорной основе... Поставить, так сказать, эксперимент, который помог бы выявить степень их могущества, дать определенную уверенность, что мы играем честно.

Он примолк — видно, собирался с силами. Я тем временем продолжал изучать уже снятый с руки браслет. Попробовал двинуть стрелку на прежнее место, на «полдевятого» — не тут-то было. Обратного хода не было. То же самое и на других циферблатах. Металл согрелся в моих руках, мы уже начали привыкать друг к другу. Принялся разглядывать символ, обозначавший цифру «двенадцать». Что-то она мне напоминала, я уже встречал подобный знак. Я удлинил, продолжил отрезки, сгустил штриховку, довел до логического завершения кривые — передо мной предстала пятиконечная звезда. Верхний клин был исполнен в форме человеческой головы, боковые оказались птичьими крылами, нижние — звериными лапами. Пентаграмма, обозначавшая все живое?..

Вспомнил — в бою с цечешищем мелькнуло что-то подобное. Я вздрогнул. Конечно, кому-кому, а мне известно, что мир во всех его проявлениях един, но чтобы до такой степени?! Стоило только помянуть чудовище, и из немереного далека долетел отголосок. Пахнуло сухим морозным, обжигающим легким парком... Напротив густо-голубыми огоньками горели звериные глаза Рогу-

лина. Он, по-видимому, несколько успокоился, заговорил тихо, отдельно.

— Я попросил, чтобы они открыли, что меня ждет. Если, конечно, им подвластно время. Они предложили выбрать три дня из моего будущего. Эту информацию я мог получить в виде воспоминаний — знаете, перед умственным взором пробегают череда картинок, но все фрагментарно, бессвязно.

— Ну и?

— Я согласился, — Рогулин отвел глаза в сторону. — Три денька выбрал. Романтик!.. День свадьбы, день наивысшего успеха и день смерти. Первые два совпали... Но это потом. Сначала я вернулся в Снов, развернул бурную деятельность. Куда только не обращался, не писал, даже в Академию наук. Камни в воду, — он махнул рукой. — Наконец сообразил — все меня бросили, и я остался один на один с фламатером. Вот тогда я по-настоящему ужаснулся. Ты на кого руку поднял? На изготовителей этого браслета? А то, может, на кого-нибудь повыше?.. Делать было нечего — для начала решил изгрызть гранит науки, защитить диссертацию, занять определенное положение в науке и организовать научную экспедицию по изучению этого феномена. Под любым соусом. Лишь бы деньги дали. Изучают до сих пор место падения Тунгусского метеорита, чем я хуже? Все спланировал, разграфил... Гладко было на бумаге. Я до сих пор уверен, — ожесточенно заговорил он, — что проведи я эту программу в жизнь, вот где сейчас был бы у меня этот фламатер. — Он показал мне сжатый кулак, затем безвольно опустил его. — Тут припел день свадьбы. Женился я вовсе не на той девушке,

о которой мечтал, а на дочери своего научного руководителя. Я сразу узнал ее, как только встретил. Изображение было смутным, но я догадался. Наивысшим успехом оказалась защита диссертации. Все, как было явлено. Я сначала никак не мог постичь ужаса случившегося. До меня только через год дошло. Это все?! Понимаешь, я так и спросил себя — это все? Лучше бы меня гром на месте поразил, молнией пришибло!.. С того дня жизнь моя стала сплошным кошмаром. Я в деталях представлял себе картину моего последнего — судного? — дня. Смерть страшная. Меня, — он понизил голос до шепота, — зарежут в собственном доме. Всадят нож в сердце. Умру быстро, легко. На спине... Лицо будет умиротворенное, ласковое, как у ангелочка, а из левого соска будет торчать рукоять. Наборная... И никогда бы я об этом не узнал, что мне на роду написано, кончился бы во сне или спьяну, и все. А вот видишь, знаю, — он погрозил мне пальцем, потом прибавил: — Так будет.

Я тут же разлил водку, выпил первым, не чокаясь. Рогулин долго не мог справиться со своей посудиною, зубы постукивали о край стакана. И глотал он эту дрянь так, что меня едва не стошнило — с глухими булькающими звуками, хватанием воздуха свободной пятерней. Протолкнув водку, он тут же закурил. Каждый из нас отсмолил почти по половине сигареты прежде, чем он пожаловался.

— Обидно... По всему выходит, что смерть настигнет меня в перезрелом возрасте. Мне уже пятьдесят, а защитился я в двадцать девять. Я был молод, полон сил, мне определенно светила лаборатория, хорошая зарплата. Но все прахом. Мне было известно, что я достиг

потолка, и как бы я ни крутился, какие бы усилия ни прикладывал, никогда мне не организовать экспедицию. Впереди у меня ничего, кроме всаженного в грудь по рукоятку ножа, не будет. Кто-нибудь из собутыльников пришьет меня в одночасье, чтобы не делить поутру оставшуюся на похмелку водку. Как тебе инопланетный розыгрыш? Не слабó, правда. Я крепко запил, что еще оставалось делать? Свадьба сошлась? Сошлась. Защита совпала? До последней закорючки. Как тут не поверишь! Я к браслету, все стрелки на «двенадцать» — заберите меня отсюда, из этого поганого Снова, спасите от этого кошмара! Я все коридоры в вашем чертовом звездолете языком вылижу, в звездные недра прыгну и не поморщусь. Согласен нагишом по безвоздушному пространству пробежаться. В качестве подопытного кролика... Всегда готов! — он отдал пионерский салют. — Только не ножом в грудь. В ответ молчок. Слово ничего не было — ни металлической плиты, ни люка, ни высоконаучных разговоров. Ни-че-го! Пшик, пустота, фантазии!..

Понимаешь, что бесит больше всего. Вот он, браслет — есть, а фламатера нету! След простыл. Поднакопил я денег, взял отпуск и в компании с племянником махнул в Якутию. Сначала добрались до полевой базы геологов. Там племянник — Витя к тому времени кончил Суриковский институт — оформил им всю наглядную агитацию. Затем принялся рисовать портреты, да такие качественные, что вертолетчики согласились доставить нас на берег Джормина и забрать через пару недель. Весь вечер я лицезрел эту жуткую сопку, утром мы отправились на поиски. Никаких следов! Все склоны

облазили — ни плиты, ни входного шлюза! Закрылись наглухо. Медведя на меня напустили, еле ноги унес. Это что, справедливо?

Зрочки его запылились.

— Это что, гуманизм? Хотел я было зашвырнуть этот браслет в Джормин, но вовремя опомнился. Какой смысл рвать последнюю нить, это я всегда успею. Может, испытание такое, может, специально приручают. Теперь, с годами, прозрел — связи никогда не будет, но и от браслета без согласия хозяев мне не избавиться. Проверено. Не подумавши, снять его нельзя, а как только мелькнет мысль — пора, мол, распроститься с тайной — его с запястья не снимешь. Может, в том их умысел и состоял, чтобы через меня этот браслет кому-то более достойному достался. Более подготовленному... Но почему не спрашивая разрешения, не посоветовавшись? Это разве справедливо?

Он замолчал, долго сидел, курил, потом сам ответил на не заданный вопрос.

— Пытался. Несколько раз. Когда детей вырастил, разошелся с женой — квартиру тогда разменяли... Сначала решил под поезд броситься, уже и голову на рельсы положил. Не выдержал, вскочил. Потом какой-то дряни наглотался. Выжил. Теперь живу и каждый день поджидаю... Может, как раз ты меня и прикончишь сегодня. Ладно, устал я, пора баиньки. Вот что удивительно, — Рогулин неожиданно встрепенулся, повеселел, хлопнул в ладоши. — Я с какой целью квартиры меняю? Потому что припомнить не могу, где именно меня зарежут. Не разобрался тогда с обстановкой — ясно, что в помещении, а в каком, не помню. Перееду на новую

квартиру, так легко становится на душе — ну, думаю, пора за ум браться. Здесь меня никто не тронет. Радуюсь, как ребенок. Проходит месяц, другой, начинают грызть сомнения — там вроде диван в углу стоял, и здесь стоит. Обои вроде те же. В конце концов окончательно убеждаюсь — точно, то самое место. Никого тогда к себе не пускаю, сутками диван по комнате двигаю. Зачем со мной так, скажи, Володя? За что такое наказание? Эту хреновину, — он указал на браслет, — можешь забирать. Если слишком храбрый, конечно. С другой стороны, тебе же ничего не нагадали, не напорочили. Все равно, шутки с дьяволом — это скверная игра.

— Ты способен отличить их друг от друга?

— Кого их?

— Сатанинскую «прелесть» от света неземного?

— Ну, ты богохульник! Нож у тебя есть? С наборной ручкой?..

— Нет.

— Вот и хорошо, дверь за собой захлопни.

Глава 4

Жена первой заметила, как у меня начали срастаться брови и прежней моложавой чернотой стала наливаться поредевшая шевелюра. Спросила вроде бы в шутку, однако горчинку в голосе утаить не смогла. Я глянул в зеркало и обомлел — ко мне возвращалась молодость? Вряд ли. Об истинной причине совершающихся со мной превращений она не догадывалась. После этого разговора я не смел касаться ее — зуд в ладонях, который день досаждавший мне, как-то утром

обернулся очевидной уликой. Между пальцев появился легкий пушок. Сквозь кожу на ладони несомненно пробивалась шерсть, ноготочки начали загибаться. Сомнений не было — я на глазах становился вурдалаком. Этого только не хватало! Лиха беда начало, потом мне захочется крови, придется вставать и бегать по ночам по безлюдному городу, отыскивать всякую живность: бродячих собак, кошек, прочую мелкую тварь. Конечно, городу необходимы санитары, этой пакости в Снове развелось видимо-невидимо, но заниматься подобной охотой по совместительству или, что еще хуже, вынужденно, исходя из потребностей организма, — подобная перспектива меня совсем не радовала. Это очень тяжело с психологической точки зрения. Естественно, до людоедства я никогда не опущусь, не так воспитан, но изнывать в лунные ночи, томиться ожиданием неотвратимого метаморфоза, философствовать по этому поводу — от подобной мысли меня даже передернуло.

На следующий день, под вечер, я отправился в Москву к Змею Огненному Волку. Захватил с собой браслет, уютно пригревшийся на запястье. Я решил посоветоваться, послушать старика.

Евгений Михайлович Неволин терпеливо выслушал мой рассказ о встрече с Рогулиным, потом взял в руки иноземную вещицу — тот отдался сразу, с любовью, — долго медитировал и наконец объявил, что повышенной активности нечистой силы вокруг меня не наблюдается. Браслет в ментальном плане пассивен. Это тревожило больше всего. Тебя, сказал Евгений Михайлович, все глубже и глубже затягивает поток событий, и при этом Неволин не ощущал даже видимости целена-

правленного давления, подтасовки или подгонки фактов, темной, указующей руки. Но ведь кто-то похитил чудесный пояс, возразил я. И Каллиопа было откровение — кто-то же подсунул ей кончик нити! Беда в том, подытожил Змей Огненный Волк, что в своем нынешнем состоянии ты очень слаб, и даже доставший тебе в наследство дар метаспособностей сам по себе проявиться не может. Все надо начинать заново, дар надо развивать, совершенствовать... Прежде начать с самого себя — овладеть вполне доступной для любого человека практикой самовнушения. Научиться сосредотачивать внимание, мысленно бросать себя то в жар, то в холод, засыпать и просыпаться по собственному желанию. Подобные методики давным-давно описаны в популярной литературе. Затем следует овладеть наукой концентрации мысли. Теперь я мог рассчитывать только на самого себя — волшебный-то пояс исчез...

— Жаль, — он покачал головой. — Очень древняя вещь. Срок ей — миллионы лет! Конечно, надо бы найти его. Понимаешь, в чем загвоздка — никто другой, кроме тебя, им в полном объеме воспользоваться не может. Необходима специальная подгонка, достаточно замысловатый ряд магических действий, секрет последовательности которых знаю только я. Когда пробьет мой час, будешь знать и ты. Все это уже записано в твоём сознании, ты, правда, даже не догадываешься об этом. Удивительно, вокруг меня тоже все спокойно. Странно... Понятно, если бы какое-нибудь высокоразумное, поставившее себя вне Завета существо пожелало бы увеличить свою мощь. Овладев поясом, оно непременно должно было бы добраться до меня. Ничего

подобного — вокруг меня тишь... Без древних ментальных программ настройки пояс годится разве что для перекачки энергии из одного измерения в другое. Например, какое-то неизвестное существо, поднакачавшись, смогло бы преодолеть временной барьер и перескочить из двумерного в трехмерный мир. Но зачем? Создается впечатление, что похитившие пояс даже не догадываются об его настоящем предназначении. Предание гласит, что только с помощью этого пояса наш далекий предок — волчий Адам — мог выжить. Да, Володя, как ни горько это звучит, мы — искусственного происхождения. Миллионлетия!.. Я не верю в такой срок — это, конечно, метафора. Вероятно, имеются в виду тысячелетия, иначе просто в голове не укладывается! Вся история человечества не превышает пяти-шести тысяч лет. То, что свершалось с момента появления первых зачатков цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии, Китае, в Великой Степи и на юге Сибири должно было прокрутиться по меньшей мере двести раз. Это только миллион лет. Вообрази гекатомбы жертв, океаны крови, сосчитай количество построенных и разрушенных городов, оцени примерное количество созданных нашими руками материальных предметов, их массу, объем; проникни вглубь духовного капитала, накопленного в процессе созидания и борьбы с Мирами возмездия, оцени плотность нашей нынешней ноосферы... И все это надо увеличить в двести раз! Это только миллион лет! Полтысячи раз возникало, развивалось и гибло такое государство, как Древний Рим. Даже с физической точки зрения шесть с половиной миллионов лет — это умопомрачительный срок! Загадкам несть числа...

Вот одна из них — что из себя представляла наша планета шесть с половиной миллионов лет назад? Ты, вероятно, согласишься с тем, что приливы и отливы замедляют вращение планеты. Сейчас доказано, что за каждые 7200 лет мы теряем одни сутки. Выходит, что в ту эпоху год должен был составлять что-то около 1200 суток, следовательно, день и ночь в целом продолжались не более 6 часов. Какие природные, климатические, тектонические условия могли существовать на подобном небесном теле? Подобный срок с нашей точки зрения — символ бесконечности. Понятий, связанных с миллионолетним существованием, мы даже вообразить себе не можем. Что в живой природе, тем более в социуме, способно просуществовать подобный срок? Народ? Язык? Государство?.. Их жизнь исчисляется тысячелетиями. Мы — раса младенцев. Нам пока не дано осмыслить этот факт, для этого надо посмотреть на себя в зеркало. Таким зеркалом может стать чуждая нам раса. Вот тогда мы сможем осознать, что такое шесть с половиной миллионов лет в естественнонаучном, историческом смысле этого слова.

Но в предании ясно слышится — миллионолетия! Каково? Скажу больше, легенда гласит, что наш предок и чудесный пояс были созданы одновременно. Злыми силами... Или, как уточняется в одном из вариантов — обезумевшими богами. Однако вышло так, что созданное ими существо и пояс, скреплявший двойственность его натуры, оказалось силой доброй, созидательной, и в изначальном раскладе вселенной мы были занесены в графу хранителей. «Рожденный злом творит добро», — так, кажется, выразился Гете.

Если в предании есть крупица исторической правды, то, по крайней мере, существует одно, сотворенное разумной расой явление, способное одолеть бездну миллионов лет. Так сказать, осязаемо уцелеть в потоке времени... Это миф! Сказки, побасенки, прибаутки, детские считалки!.. Стоит задуматься над их ролью в формировании не только единичного планетарного социума, но и вселенной. Что-то должно крепить все мироздание в плане появления и развития разумной жизни. Изначальный план сотворения мира, его предела, должен быть записан каким-либо образом. Одним словом, необходимо предположить существование некоего первичного информационного кода...

— Все это как-то путано, — я пошевелил пальцами и, заметив по краю кожистых узких перепонки легкий пушок, едва не взвыл. — Замысловато...

Евгений Михайлович пожал плечами.

— Вступать в большую игру, не имея определенной ясности, с чем имеешь дело, глупо. Пусть хоть плохонькая, но теория. Одними технологиями сыт не будешь, и готовность к подвигу не поможет... — он помолчал, после недолгой паузы продолжил. — Как гласит Скрижаль, нас создали для охраны и защиты, однако впавшие в безумство и беспамятство боги переусердствовали и вложили в нас гены неисчерпаемой верности, терпения, мужества и простоватой мудрости. К тому же души наши оказались замкнуты волшебными обручами. Мы верно служили своим повелителям и, в конце концов, осознав, что есть истина, принялись оберегать породивших нас богов от них самих.

— Понятно. Я должен воспользоваться браслетом, ступить на ту тропинку, на которую меня толкают. Я из тех волков, которые в поисках надежного убежища первыми заходят в темную страшную пещеру. Из тех, кто вынужден таскать на загривке Георгия-царевича. Добывать для него меч-кладенец, Каллиопу Прекрасную... Так, что ли? Иначе меня ждет скорое вырождение, я унижусь до отведывания живой плоти?..

Он не ответил. Закрыв глаза — кажется, задремал. Я не стал тревожить старика. Все, что мог, он уже сказал.

Моя стезя открылась мне в четвертом часу ночи, когда я вышел из подъезда многоэтажного московского дома. Вышел в едва проклюнувшийся день...

На востоке рождался свет — в той стороне лежала Якутия, одна из самых загадочных стран на Земле. Бирюзовая предрассветная припухлость не спеша ширилась, заглатывала звезды, еще храбро мерцавшие по всему небу. Еще читалось по буквам созвездие Лебедя и его заглавная звезда Денеб. Весело поблескивали другие вершины звездного треугольника: Вега и Альтаир. Стоило только распахнуть этот странной формы люк, и можно было сразу оказаться в ином измерении. На седьмом небе...

Разом отключили городское освещение, город сразу обрел свой естественный, серовато-бурый облик. В тройной оболочке я, рожденный злом для торжества добра хранитель и воин, чувствовал себя неуютно. Я испытывал тоску, не хотелось в ту минуту вспоминать о моем собственном земном созвездии — жене и двух

сыновьях. В душе подзванивало — покорись судьбе и собирайся в дорогу...

Я всегда знал, что рано или поздно мне придется сделать решительный шаг.

В первый раз мне пришлось ступить на запретную территорию полтора десятка лет назад, когда я работал в монтажном тресте и был послан в командировку на Северный Кавказ. Там по заказу Академии наук мы собирали гигантский радиотелескоп, а Евгений Михайлович являлся представителем заказчика. Как раз в ту пору меня начали донимать сны. Была середина июня, в горах самое светлое время... Ночи были коротки, как вздохи. Однако стоило мне очутиться темноте, как меня тут же неодолимо начинало клонить ко сну. Я кулем валялся на кровать, смыкал веки — вот тут и начиналось!

...Я бродил по берегу горной реки, меня нестерпимо манило на противоположную сторону. Но я не мог переправиться — ничего не получалось! Уже во сне я снова проваливался в сон, и в той яви видел сказочную долину, где в водах светлого тихого озера омывала тело прекрасная дева. Это была моя суженая? Ради нее я должен был одолеть быструю реку? Осеняла озеро яркая радуга, концы которой таяли в воде. Это была удивительно благодатная земля. Мужики в тех краях, собираясь по грибы, брали с собой пилы, топоры, отправлялись на телегах. Грибы в лесу были в человеческий рост. Стояли часто, дружно — двухметровые крепыши-белые, нарядные красноголовики, стайки маслят, каждый мне по пояс... Их прямо на месте распиливали, кололи на

поленья, грузили на телеги и везли домой на сушку. Щепки шли на жаренку и под маринад.

Так продолжалось неделю — каждую ночь одно и то же. То-то я удивился, когда в выходной, в опустевшей гостинице, ко мне в комнату зашел Неволин, сел на кровать и спросил:

— Что ж, Володя, пора на ту сторону. Каллиопа ждет тебя.

Мне потребовалось время, чтобы унять расхолодившееся сердце. Неволин между тем продолжил.

— Сегодня вечером перед сном выпей это зелье. Я буду ждать на берегу.

Тогда бы швырнуть бы мне маленький, старинной работы стеклянный графинчик в окно, все и кончилось бы! Нет, любопытство заело! Глотнул я из сосуда и сразу провалился в забытие.

Явился мне Неволин в образе гигантского волка с драконьей головой. Каждая шерстинка на его шкуре была вызолочена... Я уселся на него. Он скакнул раз, другой и мы вмиг очутились в чудесной долине. Там был такой целительный воздух!.. Добыл я и деву — улучил момент, спрятал ее одежду, и когда она вышла на берег, потребовал, чтобы красавица подарила мне радугу, что подвисла над озером. Она мне и кувшин золота предлагала и звала вместе искупаться в светлых водах. Я, наученный Змеем Огненным Волком, стоял на своем — радугу или она никогда больше не увидит свою одежду. Наконец дева согласилась, подняла руку — и радуга пала ей на ладонь в виде волшебного пояса. Я был горд — решил, что нашел свою суженую, однако Каллиопа быстро охладила мой пыл. Не для ме-

ня она была предназначена, не мне ее к венцу вести. Делать нечего, надел я пояс, перекувырнулся через голову и обернулся серым волком, готовым мчать, куда позовут, охранять то, что доверят, сражаться за тех, кто сир и беспомощен.

Суженую свою я нашел позже, на севере, в бегах. Обернулся человеком, глянул, она мне еще милее показалась.

Теперь ко мне в руки приплыл таинственный браслет. Это тоже был чей-то зов? Снова придется отправиться на поиски переправы? Родные меня поймут — им будет горько, но я сумею убедить их. Мне не придется рвать душу на части. Крохотный ее кусочек я оставлю дома — спрячу среди книг или подсуну под коврик у входной двери, чтобы дух мой защитил и оберег их. Ключи возьму с собой, попрошу Каллиопу смастерить из них ладанку. Повешу на цепочку и буду носить на шее.

Этот талисман мне очень понадобится, когда предстану я перед очами чуждого, явившегося к нам издали бога. Когда согну шею, запишусь в ученики.

Свет воссиял на востоке. Еще несколько мгновений, и на небе угасли звезды. В тот миг я осознал, что самая редкая диковинка во вселенной — это голубое небо. То-то оно с такой силой кружит голову в ясный день. Этой синевы я тоже добавлю в ладанку. Наперекор всему — пусть это желание не более, чем прихоть, но я покину родной дом при свете дня. Я уйду в полдень.

К сожалению, стартовал аппарат — аспидно-черный, похожий на два соединенных краями блюда, с наплывами на корпусе, — не ранее шестнадцати часов.

День выдался жаркий. Далеко от Подмосковья, над восточной Якутией тоже завис антициклон — я специально прослушал прогноз погоды, потому, может, и не взял с собой резиновые сапоги. Так и отправился в лес в кроссовках, стареньких джинсовых брюках, футболке и легкой брезентовой штормовке. Решил не отягощать себя вещами. И все равно уже к полудню пот струйками сбегал вдоль хребта, кожа под браслетом совсем сопрела.

Как нарочно, в тот день мне отчаянно везло. Первым автобусом я отправился в лес — сказал, что собираю землянику. Двухлитровый бидон набрал за несколько часов, а на старой вырубке, где решил подождать высланный за мной аппарат, нашел десяток белых и пару красноголовиков.

Обширная поляна густо поросла кустарником, коегде стайками собрались молодые березы. Трава высокая... Я пристроился на пеньке, утирал пот, машинально отгонял комаров — вреда мне от них никакого, попробуйте прокусить три шкуры сразу, — и пялился на дары леса. Обидно было до слез! Сейчас бы всю эту роскошь домой: грибы на стол, ягоды в миску. Вот радость. Я, конечно, и сам был непрочь в ожидание летающей тарелки полакомиться крупной, налившейся сладостью земляникой, но почему-то рука не поднималась. Угостить сына куда приятнее. Наконец решил закурить — неизвестно, как там у фламатера насчет табачка? Прикажут — бросим. Однако вот чего я не ожидал от со-

шедшего с небес — так это опоздания. Миновал третий час после условленного срока. Неужели у этих самых ди тоже накладки бывают? Связь с фламатером после посещения Змея Огненного Волка я установил быстро — только поставил стрелки на «двенадцать», как сразу в сознании простучал ответ. Коротко затикало — у меня дух перехватило — затем молчание. Я откашлялся и почему-то вслух представился человеческим именем, сообщил, что случайно вышел на Рогулина, предложил свои услуги. Добавил, что по независящим от меня обстоятельствам жизнь в нынешнем состоянии стала мне не мила, и я готов на основе контракта, подписанного кровью, оказать посильную помощь.

Ответа долго не было. Мне представился убитый сединами, длиннородый металлический бог. В ниспадающих, блещущих заревым светом одеждах. Пожевывая отдающую в желтизну прядь, он обдумывает мое предложение. Словно подыгрывая мне, воображаемый мой собеседник неожиданно, совсем человечески спросил.

— Кровь здесь причем?

Голос был басистый, ровный, дружественный. В нем ясно слышались эмоциональные оттенки. И правда, дед-небожитель...

— Так принято, — ответил я. — Для надежности.

В дискуссию голос вступать не стал — сообщил, что готов выслать за мной аппарат. Предмет договора будет обсужден по прибытии.

Часам к четырем пополудни, я решил, что шутка, подстроенная Рогулиным, неприлично затянулась, и моя мечта близка к осуществлению. Принесу домой

ягоды, наполню миску, помою, предложу сыну. Тот, как всегда откажется. Куснет одну, другую, потом спустя несколько минут снова подойдет к столу, наберет горсть и отправится в свою комнату. Потом еще раз явится на кухню, потянется и спросит: «Землянички, что ли, поесть?» Навалится на ягоду, налопается до отвала и убежит во двор. Вечером жена нажарит картошки с грибами, в первый раз в этом году.

Я сглотнул слюнки. В этот момент темное пятнышко легло на солнце, заслонило его. Я, прикрыв глаза рукой, глянул в ту сторону и ничего не увидел. Солнце слепило. Впечатление составилось только, когда таинственный предмет завис над вырубкой. Матово-черный, зримый, с беспорядочно выпирающими, раздражающими глаз, наплывами на корпусе. Симметрии в их расположении никакой не было. Все эти наросты сгруппировались в одном секторе, дальнем от меня. Согласно законам физики подобная машина непременно должна была опрокинуться в полете. Представьте самолет, у которого одно крыло раза в два длиннее другого. Примерно такие же ощущения вызывала эта летающая нелепость, которая, бесшумно пригнув вершины березок, прошуршав днищем по кустам, легла на траву.

Впечатление было не из приятных — диаметр около четырех метров, толщина в самой широкой, центральной части не более метра с хвостиком. «Что ж, прикажете лежать путешествовать?» — мысленно спросил я. Ответа не последовало. В следующее мгновение на поверхности аппарата очертился широкий овал, оформился и откинулся люк, обнажая совершенно черное бездонное отверстие. В ноги мне ткнулась корот-

кая, в четыре ступени, выдвинувшаяся лестница. Я торопливо подхватил сумку, корзинку с грибами и бидон с ягодами и полез в смердящий жаром провал. Только сунул голову в темноту, как осветился входной шлюз — тесный закуток, который тем не менее ни при каких условиях нельзя было вписать во внешние габариты. По крайней мере, здесь я мог выпрямиться в полный рост, а он у меня, слава Богу, под два метра. Далее просматривался короткий коридор, за ним вместительное помещение. По-видимому, рубка... Освещение там было тусклое — руки у меня мгновенно ослабли, когда я заметил в овальном проеме ряды бегающих по наклонной плоскости огоньков. Выпала из пальцев корзина. Наклонившись за ней, я опрокинул бидон. По теплому металлическому полу раскатилась земляника. Я охнул, выпустил из рук сумку, принялся собирать крупную красную ягоду, вслух попросил простить меня.

— Можете не спешить, — раздался глуховатый, с заметной гнусавинкой голос. — У нас есть время.

Поблагодарив, я поинтересовался, с кем имею честь.

— Можете именовать меня «койс», — долетело в ответ.

Койс так койс. Первое впечатление, которое я, собирая ягоду, осмысливал в деталях было нерадостным. Я увидел то, что и должен был увидеть, но соответствовало ли это обличье реальной картине? Вокруг никаких надписей, пиктографических знаков, никаких стрелок, указателей, предупреждающих знаков. Всей этой мишуры, распространенной на земных средствах передвижения, не было и в помине. Зацепиться не за что.

Уже в рубке, устроившись в раздвинувшемся подомной, вращающемся кресле, я задался вопросом — машина ли это? По внутренней вогнутой поверхности стайками бегали огоньки, складывались в простейшие геометрические фигуры. Вереницы светящихся точек змеились, расщеплялись, свивались, огибали одну другую.

Посидел, пообвык, потом осторожно, подушечкой указательного пальца коснулся ближайшей ко мне, то вспыхивающей, то гаснущей гирлянды. Это не металл, не пластик — поверхность была упруга, сыровата и скорее напоминала... лягушачью кожу. Потом обернулся — цветовая гамма внутреннего помещения как бы подтверждала мою догадку. Здесь преобладала болотистая зелень с переливом в молочную белизну. Повсюду был рассыпан черный крап.

Повыше пульта располагался экран или скорее, лобовое стекло, просторное, почти во всю округлую часть помещения и высотой почти до вершины пологого купола. Четкость изображения была такова, что вся эта площадь казалась одним громадным проемом, через который, стоило только перегнуться, можно было сорвать ближайший, чуть покачивающийся за бортом аппарата колокольчик. А если потянуться, то и букет ромашек нарвать. Нет, экран был плотен, непробиваем.

— Не будет ли так любезен, уважаемый койс, если мы на несколько минут залетим в Снов? — спросил я. — Быстренько занесу домой грибы, ягоды?..

В ответ послышался легкий гул, люк медленно затворился, исчезло светлое пятно, лежавшее на полу, и койс медленно всплыл над поляной.

— Жаль, — вздохнул я.

Аппарат взлетел вертикально до уровня верхушек берез и двинулся вправо, огибая при этом редкие шпильки и купола елей и сосен, которые то там, то здесь выпячивались над волнистой кудрявой поверхностью подмосковного леса. Слева, сквозь рассыпчатое половодье листвы неожиданно прорезалась светлая полоса шоссе. Редкие разноцветные штришки ползли по ней. Изображение тут же увеличило масштаб, исчезли помехи в виде паутины сучьев и лиственной, пронизанной светом ряби. Бликов тоже не было. На обочине стояли нарядные, вишневого цвета «Жигули», мужчина и женщина укладывали в багажник корзины с грибами.

— Может, попробуем? — умоляюще попросил я. — С ними бы и передал.

Аппарат послушно развернулся в сторону шоссе, метнувшись между стволов, опустился за густым, еще не ломаным малинником. Люк вновь открылся. Я схватил бидон и корзинку, выбрался наружу и напрямую, через кусты, по крутым увалам бросился к людям. Подбегая, едва сдержался, чтобы не завопить, не нырнуть в салон, забиться там между сидениями. Потом, выпучив глаза, потребовать, чтобы хозяева немедленно отъезжали от этого места, спасались. Не могу точно сказать, какая из трех моих шкур сильнее дрожала от ужаса. Справиться с охватившей меня паникой оказалось делом нелегким. Так, размахивая корзинкой и бидоном, я вывалился из малинника, и, сломя голову, бросился к дорожному полотну, чем немало напугал стоявших возле машины людей.

Перед обочиной перевел дух, отряхнулся, метнул в их сторону полный дружелюбия взгляд, заулыбался, разговорил. Когда они тоже немного успокоились, попросил доставить дары леса ко мне домой. Объяснил, что я геодезист, мы здесь нивелированием занимаемся и вряд ли до конца недели мне удастся вырваться в Снов. Они помявшись согласились. Спросили, что передать на словах. Я ответил — скажите, это гостинец, после чего продиктовал адрес и объяснил, как лучше отыскать дом. Тут же решительно полез в малинник.

Устроившись в кресле, краем глаза уловил, как погас на полу лоскут дневного света. Затем услышал прежний ровный, с гнусавинкой, голос.

— Больше просьб нет?

— Нет. Поехали...

Не могу сказать, сколько времени длился полет. Я скоро заснул в кресле, тем более, что экран сразу после старта потух и обернулся частью сплошной обшивки, которой была отделана рубка. Разбудил меня мягкий толчок. Спросонья я ничего не понял и только по обозначившемуся светлomu пятну на полу догадался, что мы приземлились. Никакой команды не последовало, и я суетясь полез в образовавшееся отверстие.

Был поздний вечер. Солнце село, однако света еще хватало. Серебристые сумерки стояли окрест. В излучине полноводной горной реки были в беспорядке расставлены срубы, между ними по печным трубам можно было различить несколько изб. Никаких признаков заборов, палисадников, подсобных участков, огородов. Пологий мысок, на котором располагался поселок, был ровен, сух, густо порос травами и кустарником. Проти-

воположный берег крут — стремительный поток неумоимо вгрызался в подножие большой горы, обрывистый склон ее осыпью скатывался к урезу. Выше по распадкам густо грудился ольховник.

С нашей стороны ровный мысок переходил в обширный болотистый кочкарник. Вся речная долина в ширину была чуть менее километра. На болоте там и здесь, вкривь и вкось торчали зазубренные палки — по видимому, стволы погибших деревьев. Выше по течению — там, где долина заметно расширялась, угадывалась длинная, сколоченная из жердей загородь. Земля там была обнажена и утоптана — скорее всего, на том месте располагался загон для оленей. Ниже по реке начинался хилый, редкий лесок, который постепенно заполнял всю ширь долины и тянулся до крутого поворота вправо. В том направлении река резко забирала на восток.

Вот каков оказался брошенный поселок Нонгакан, о котором мне рассказывал Рогулин. Когда здесь в последний раз были люди? Трудно сказать. Все вокруг поросло стлаником, кипрей вблизи строений стоял в человеческий рост. Хилая тайга, постепенно завладевавшая мыском, уже просунула в поселок невысокие лиственницы и березы.

Было душно, тихо — это тревожило. Пот с меня лил градом, я постоянно озирался — то на скрип сколоченных из неструганых плах дверей, то на звонкий шлепок рыбы в реке, то на мяукающий вскрик полярной совы. Койс недвижимо лежал рядом, я невольно жался к нему, все чего-то ждал... Так и не дождавшись, полез в машину, достал свою сумку. В то же мгновение входное

отверстие закрылось, аппарат взмыл в небо и был таков.

Я постоял еще несколько минут, потом принялся изучать кроки, составленные по описаниям Рогулина. Сам фламатер должен был находиться в западном направлении, вон за теми сопками. Эта мысль не принесла успокоения. Вокруг на глазах темнело, а я все ждал и ждал... Чего — сам не мог объяснить. Делегацию, наверное... Потом, очнувшись, первым делом обошел поселок. Все двери здесь были нараспашку. Каждый, кого заносила судьба в этот забытое Богом и людьми поселение, по-видимому, считал своим долгом перевернуть здесь все вверх дном. Повсюду валялись брошенные шкуры и сгнившие изделия из меха и кожи, крышки на сундуках и коробах в домах были откинута. Набрел я и на неширокий, но достаточно глубокий ручей, разделенный на равные отрезки запрудами, представлявшими из себя сколоченные из толстоватых хворостин щиты. Наконец в избе, дверь в которую была подперта палочкой, обнаружил кровать и постельные принадлежности, а в картонном ящике из-под японского телевизора съестные припасы: несколько банок тушенки, в мешочках крупы, круг сухого картофеля и лука, пряности, соль в банке из-под кофе, само растворимое кофе в стеклянном фигурном пузырьке, сахар. Рядом с ящиком стояла тульская одностволка двенадцатого калибра, тут же патронташ с семью патронами. Два были снаряжены пулями. Оружие меня несколько успокоило, и все равно с каждой минутой недоумение все сильнее охватывало меня.

Я вышел на крыльцо, сел на ступеньки, засмотрелся на первую робкую звездочку, выступившую на темнеющем небе. Недолго длилось ее сиротство, вот ближе к зениту загорелся еще один огонек, скоро небосвод заискрился. Во всю ширь развернулись созвездия. Если бы не моя древняя кровь, не вера в тайное, я, возможно, не смог бы совладать с нахлынувшими на меня тоской и страхом одиночества. Даже стук крови в висках хотелось приглушить — того и гляди на эти громовые удары со всей округи сбежится нечисть, слетится воронье...

Сон не брал меня, ночь казалась особенно жуткой, скрывающей угрозу. Я остался один на один со звездным небом и дал волю самым темным инстинктам, которые, казалось бы, были придавлены образованием, человечиною... Я осторожно приоткрыл душу и ясновидящим взором попытался проникнуть в недра окружавших меня гор, в глубь речных струй; вобрал в себе посвист разгулявшегося к ночи ветра, клубы запахов, шелест ольховника и дрожание листочков на карликовых березах. Теперь местность не казалась мне чуждой. Чужой — да! Но не враждебной, не ошетилившейся злом. С удивлением я обнаружил, что окрестности Нонгакана — причем, на многие десятки километров вокруг, буквально вычищены от всякой порожденной Мирами возмездия нечисти. Даже припаха злых духов-абасов не было слышно. И я завыл — вольно, во весь голос. Мне не надо было вставать на четвереньки. Я уверенно пел на своих двоих. Наслаждался запахами, вглядывался в колодец, которым обернулось слово

«миллионолетие». Жуть брала от его глубины, и все же дно у него было. Его можно было пощупать лапой.

Заснул под утро — точнее, расстелил постель и, завалившись на стеганое одеяло, забылся. Погрузился в волнующее сновидение — я любил жену, и на ладонях у меня не было никаких признаков шерсти. Сколько радости навеял этот сон! Благодарю тебя, Боже, припадаю к коленям. По твоей ли воле кто-то бесцеремонно прервал его? Начал дергать за плечо? Или по воле флама-тера?

Я с трудом приоткрыл веки. Некто, напоминающий Дерсу Узалу, стоял возле кровати. Гостю было лет за семьдесят, по крайней мере, так мне показалось. Лицо морщинистое до такой степени, что даже рот более походил на треснувшую складку, чем на полноценное, губастое отверстие для приема пищи. Глаза карие, поблекшие... На голове дырявая шапочка с помпоном, из дырочек выбивались седые космы. Я удивленно уставился на шарик на макушке — как же он в тайге не оторвался?

— Ты кто? — опасливо спросил старик.

— Вова, — ответил я. — А вы?

— Миша. Сторожу здесь.

— Что здесь сторожить? — удивился я

— Хозяйство, дома. Чтобы не пожгли. Ай-яй-яй, взрослый мужчина, зачем постель мял, белье пачкал?

— Твой, что ли, постель?

— Не твой, а моя. Ты меня в неучи не пиши, ты себя в неучи пиши.

Он помолчал, потом сел на стоявшую рядом табуретку, достал пачку «Марлборо», вытащил сигарету, оторвал фильтр и закурил.

— «Беломор» есть? — спросил он. — «Нищий в горах»?

Я непонимающе глянул на него, потом догадался.

— «Памир», что ли?

Он покивал и, когда я отрицательно покачал головой, указал на сигарету и поделился.

— Легкий табак, сладкий, несытный. Накуриться не могу, — Миша сделал паузу, потом поинтересовался, — Откуда будешь? Как сюда забрел?

Это был трудный вопрос — я поскреб в затылке, бросил взгляд на старика. Сторож, не мигая смотревший на меня, выглядел на редкость простовато. Ох, уж эта азиатская простота!

— По случаю... — пробормотал я.

— Паспорт есть? Удостоверение?..

— Есть. Хочешь посмотреть?

— Зачем, — он пожал плечами, — Носи... На чай тоже есть документ, в каждую коробочку кладут, по телевизору показывают, хвалят, а напиться не могу. Слабый, несытный... Зачем такой делают? Денег много стоит, — он затянулся, выпустил дымок, потом спросил. — Ты — летчик? Почему вертолета нет?

— А что, я похож на летчика?

Старик промолчал, затянулся.

— «Со слонами» нету?

Я смекнул, что он про знаменитый индийский чай спрашивает, и развел руками.

— А что есть? — старик пожевал застрявшую на губах табачинку, потом обвел руками вокруг себя. — Это мое. А что твое?

— Вон сумка, — кивком головы я указал на угол комнаты. Мне все больше и больше не нравились его расспросы. Он что-то знал, но делиться со мной не собирался.

— Сумка, — нараспев повторил Миша. — Хорошая сумка. Совсем новая, чистая... С ней по сопкам ходил? В тапочках?.. — он глянул на стоявшие возле кровати кроссовки.

Я сел на кровати.

— Ты что, прокурор?

— Не-е, прокурор в Усть-Нере сидит. В Оймяконе прокурор, а я сторож.

— Тогда зачем пытаешь?

Старик пожал плечами.

— Пришел в мой дом, лег на постель, мое белье стелил, помял, теперь ругаешься — зачем интересуюсь? Ладно, хулиганить не будешь?

Я недоуменно глянул на него.

— С огнем баловать, водку пить?.. — добавил он и, сделав паузу, предупредил. — Рыбу в ручье не трогай. Моя рыба. Вялить на зиму буду. Если очень захочешь, морду на верхней запруде ставь. В большую реку рыбу не пускай.

— Хорошо, — согласился я.

Старик встал и не попрощавшись вышел из избы. Я уже совсем было собрался подняться, как у старик вернулся, взял ружье, патронташ и вновь покинул дом.

Обескураженный, я оделся, умылся у рукомойника, вынес таз на крыльцо и плеснул мыльной водой в заросли кипрея. Потом сробел — не хулиганство ли это? Вокруг было тихо, солнце брызгало лучами, оплавливая седловину за рекой. Старика не видно — наверное, отправился рыбу в реке считать, чтобы потом знать, сколько я стащил. Вернувшись в избу, я прикинул насчет завтрака — было неловко без хозяина трогать припасы. Ну, рассудил я, съем свой последний бутерброд — дальше что? Собственно, в тайге закон: набрел на охотничью избушку, схороненную баньку или явишься в поселок, подобный Нонгакану, можешь пользоваться солью, спичками, крупой. А тушенкой? Меня взяло сомнение. Решил разыскать сторожа, вышел на крыльцо — вокруг пусто. Я откашлялся и негромко, робея, окликнул Мишу. Потом, рассердившись на себя, заорал в полный голос.

Нет ответа.

Солнце, вскарабкавшись над ближайшей вершиной, безмятежно сияло в ясном небе. Путь его был чист, день обещал быть теплым, уже поутру на меня дохнуло жаром. Хоть загорай! Почему бы и нет. Комары мне не помеха. Я скинул рубашку, футболку, обошел поселок, добрался до ручья, двинулся вверх по течению, пока не забрел в кочковатое, гудящее от обилия кровососов болото. Меня-то они не очень донимали — попробуй прокуси три шкуры.

Я бывал в Якутии. Еще в студенческую пору... В расположенном в километрах двухстах на юго-восток Оймяконе.

Лежавшая передо мной речная долина, сопки, охранявшие ее, относились к Яно-Оймяконскому нагорью — обширной, в несколько десятков тысяч квадратных километров области, на которой не было ни единого постоянного человеческого поселения, да и стада оленей под надзором пастухов тоже большая редкость в этих местах. Здесь хранился запас самого чистого воздуха на планете — видимость была такая, что во время войны, создавая сеть опорных пунктов триангуляции I класса, проектировщики сочли возможным удлинить стороны треугольников до сотни-полутора сотен километров при норме в двадцать-двадцать пять километров. Здесь располагался полюс холода северного полушария. Здесь куда труднее найти уголок, по которому ступала нога человека. Горы вокруг были дики, живописны и невысоки — до двух с половиной тысяч метров. Здесь было царство тишины и природных звуков — таких, как, например, жужжанье комаров, посвист ветра, плеск рыбы в ручье. Ее там было видимо-невидимо. У меня руки дрогнули. Спокуха, брат! Что там Миша говорил насчет «морды», по нашему — верши? Помнится, валялась возле дома. Если не сгодится, наладим удочку.

Я бегом припустился в сторону поселку. Морду — плетеную корзину со вставленной в изголовье, тоже изготовленную из прутьев воронкой, — нашел в зарослях ольховника. Вытащил на открытое место, проверил, подвязал прутья к металлическим ободьям и, разобрав часть верхней запруды, камнями укрепил снасть в прогале. Потом разулся, закатал штанины и, стараясь не смотреть на рыбу — чтобы не сглазить! — шлепая пал-

кой по воде и загребая ногами, затопал вниз по течению.

Улов оказался богатый — полное ведро крупных, успевших поднакопить жирок хариусов. Я отобрал с десятка, остальных выпустил в ручей и, насвистывая, нарочито создавая побольше шума, принялся чистить и жарить добычу. Все ждал — может, Миша подойдет, может, еще кто объявится и объяснит мне, что здесь происходит. Что-то слишком много чудес творилось в этом нехоженном краю. Браслет? Вот он на руке — стрелки на всех циферблатах разошлись и показывали разное время. От этого стало легче на душе — только эти магические часы не подвели меня. Их секрет казался куда милее сердцу, чем тайна появления какого-то подозрительного старика. Его глупые вопросы ничего, кроме недоумения, не вызывали. Расположившись за столом, на котором в миске горкой высилась жареная рыба — рядом мой бутерброд — меня вдруг осенило. Что, если вновь поставить на двенадцать часов все стрелки? Не появится ли у крыльца инопланетный, измазанный звездным мраком ковер-самолет? Только сначала следовало поесть — уж очень аппетитно выглядели жаренные на собственном жиру хариусы. Манила хрустящая, золотистого оттенка корочка, лоскутки лука... Куда спешить, решил я, и следом, вопреки всему, мысленно начал подкручивать стрелки.

Вот и два последних штришка сомкнулись в указанном положении.

Заскрипели плахи на крыльце, кто-то осторожно отворил дверь. Я медленно повернулся — в лицо мне смотрело обнаженное дуло пистолета. Я невольно

глотнул... Створка двери нехотя, со скрипом, отползла к стене, и через порог в избу ступил невысокий, в добротном, темно-синем костюме — под пиджаком, на белой рубашке, нарядный галстук, штанины заправлены в резиновые сапоги, — мужчина. Лицо его было скрыто под маской накомарника, за которой угадывался настороженный, опасливый взгляд.

— Привет, летун. Ты один? — спросил незнакомец.

Я глотнул еще раз, закрыв рот, кивнул.

Мужчина, не убирая оружие, уже решительнее прошелся по комнате, потыкал стволом в мою сумку, подошел к столу и сел напротив меня. Снял накомарник, отбросил в сторону. «Макарова» по-прежнему держал в руке.

Наконец я совладал с горлом и сказал:

— Здесь еще сторож бродит. Миша... Утром явился.

Незнакомец насторожился, подозрительно глянул на меня и левой рукой отломил от ближайшей тушки румяный бок, отправил его в рот. Я невольно сглотнул слюну, тоже решил взять рыбину — моя все-таки еда!

— Шило есть? — уже спокойней спросил мужчина.

Я отрицательно покачал головой.

— Курево?

Тот же самый жест.

— Здоровье бережешь? Смотри, совсем здоровеньким помрешь. Ладушки. Сторожа выпустил. С ними, якутами, хлопот не оберешься, Пришьешь, потом отсюда не выбраться... Он тебя про вертолет расспрашивал?

— Да. Где, мол, я его прячу.

— И где ты его прячешь?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Я счел, что гораздо разумнее промолчать, и неопределенно пожал плечами. Подобный ответ, по-видимому, его удовлетворил.

— Наших не было?

— Никого, кроме сторожа. А что, еще должны подойти?

— Интересуешься? Правильно интересуешься, — тем временем незнакомец успокоился, сунул пистолет в карман пиджака.

— Давненько я такой вкусной рыбки не едал, — на его лице отразилось неопишемое блаженство. Я успел метнуть в его сторону ясновидящий взгляд и сразу догадался, что его расслабленность, поднятые к потолку глазки, растянувшиеся губы не более, чем маска. Легкий наплыв на лице, а глубже, сразу за астральной оболочкой, таилась непроглядная тьма. Однако поразмыслить над этим обстоятельством он мне не дал. Коротко спросил.

— Значит, интересуешься? Сколько нас, когда ребята должны подойти. Ладушки... Ты, паря, не волнуйся, вертолет поднимет. Хотя груза будет много. Добре «рыжины» взяли. Еле тащат. Значит, говоришь, надежно машину схоронил? Це добре.

Он поднялся и, не глядя на меня, направился к ручкомойнику. Я невольно напрягся — даже плеск скатывающей в таз воды не успокоил меня. Рядом со мной находился зверь о двух ногах. Чистая порода. Выходит, я нарвался на банду, грохнувшую инкассаторов, перевозивших золото и меня, по-видимому, наняли, чтобы я вывез их из этих заповедных мест. Куда? В поселки? Эльгинский, Томпо? Оймякон? Вряд ли... Там, вероятно,

уже все перекрыто. Выходит, к условленному месту на автомобильной трассе Магадан-Сусуман-Хандыга. Хорошо, что я такой догадливый, но где я возьму вертолет? И когда они здесь соберутся...

Я успел перехватить взметнувшуюся над моей головой руку с зажатым рукоятью вниз пистолетом. Видно, шсел, что я валенок. Решил мочить сразу.

Нападавший, встретив сопротивление, деловито, с размаху, ударом сапога выбил из-под меня табуретку. Я повалился на пол, но успел схватить мужика за рукав пиджака, и тот, не удержавшись, рухнул на меня. Вот так-то... В ближнем бою преимущество было на моей стороне — я и выше, и тяжелее, поэтому мне удалось перекатить его на спину, и, ухватив его руки, прижать их к полу, наступить на предплечья коленями. Как ему удалось вывернуться, не знаю, но в следующее мгновение он ударил меня по голове. Свет померк перед глазами.

Очнувшись, я почувствовал, что связан прочно, по рукам и ногам. Стою на коленях...

— Очухался, пес? — спросил незнакомец. Он сидел за столом, очищенные до белизны рыбы хребты и тупо взирающие пустыми черными бусинками-глазницами головы взирали на меня.

— Что же вас в ментовке так плохо учат? Вон какой лоб, а меня, такого махонького, плюгавого, одолеть не смог. Что, у вас с кадрами напряженка? Ну, выкладывай. Почему тебя одного в засаду назначили? На что ты, пес вонючий, рассчитывал? Я тебя сразу просек, как только в избу вошел. Что ж ты за пилот, если от тебя ни бензином, ни маслом за версту не несет.

— Может, мне умыться бензином следовало? — спросил я.

Он встал и с размаху ударил меня носком сапога под ребра. Потом сел и предупредил.

— Не духарись. Пятак я тебе портить не буду — еще пригодится, а вот все остальное в моем полном распоряжении и, если тебе мил Божий свет, ты будешь тихим и послушным. На вопросы отвечать вежливо.

Теперь у меня было время бросить в его сторону пронзительный ясновидящий взгляд. Сила его была такова, что на мгновение я проник за его защиту и уловил затопившую волну страха, смешанного с полным непониманием положения. Где напарники? Если в заброшенном поселке выставлена засада, то почему сюда направили такого фраера? Пришить мента можно, только как потом отсюда выбираться? Живым ему отсюда не уйти. Спрятаться в тайге с этой пукалкой? Скоро околеешь от голода. А куда идти? Единственное спасение — сплавляться на плоту по реке. На берегу и пристрелят... Никто после гибели этого мента с ним возиться не будет.

Поток суматошных мыслей внезапно прервался — передо мной вновь сидел человек опытный, волевой, умевший взять себя в руки.

— Значит, вот какой пирог получается. Если тебя как-то доставили сюда, выходит, и вывозить будут. Когда пойдешь к вертолету, веди себя спокойно. Вспокоишься — первая пуля твоя. Когда вертолет должен прибыть, где у тебя рация?

— В крайнем сарае у ручья, — соврал я.

— Схожу посмотрю.

Он вышел из дома.

Вот этого я и хотел — веревки, которыми я был связан, оказались труха-трухой. Может, простому человеку разорвать их было не под силу, но только не благородному бисклаварету! Возился я с ними недолго, потом подобрался к двери. Выходить на крыльцо или нет? Вдруг он уже возвращается. Спросит насчет рации, сваляю все на Мишу. Боже, какой Миша! Чем бы жахнуть его по голове, когда он в дом войдет. Так он тебе и войдет... Ударит в дверь ногой, глянет, что меня на месте нет, сразу пустит пулю в щель между плахами. Тогда что?

Между тем приближался вечер. Светлые сумерки спускались с гор. Я приник к двери, глянул в узкую щель — перед домом никого не было. То ли бандит сам спрятался в засаде, то ли отлучился... Куда? В любом случае у меня оставался единственный шанс — дверь нараспашку, прыгаю с крыльца в заросли кипрея. Волчья шерсть, упрятанная под человеческой кожей, вздыбилась на затылке. Я резко выдохнул, выскочил на крыльцо и, скакнув вбок, нырнул в траву. Следом раздалась автоматная очередь. Пули просвистели над головой, на меня посыпались срезанные стебли. В животе похолодело, задрожали пальцы — по мне стреляли в первый раз в жизни.

Здесь же, в зарослях иван-чая, в заброшенном поселке, я, не совладав с собой, заскреб землю. Потом уже совсем было решился отползти за угол дома, как вторая очередь легла вдоль левого бока. Что-то звенькнуло над самым ухом.

Меня буквально ошпарило ужасом и, когда я услышал близкий окрик: «Эй, ты! Вставай!.. Лапки вверх...» — тут же вскочил и вытянул руки.

В сознании полный кавардак. Мокрый от страха, я покорно зашагал к дому. Возле крыльца стоял здоровенный краснощекий сержант в пятнистой форме и сапогах и дулом десантного автомата указал мне на дверь. Заходи, мол...

— Товарищ капитан, товарищ капитан, — неожиданно зычно крикнул сержант. — Одного задержали!

В тот же момент слева у ручья коротко застрочили автоматы. Я невольно присел, втянул голову в плечи, однако руки не опустил. Сержант, в свою очередь, укрылся за столбиком, поддерживающим навес над крыльцом. Я замороженно следил, как его указательный палец с обкусанным ногтем лег на спусковой крючок.

— Быстро в дом! — приказал он и повел стволом в сторону распахнутой двери, и я — волк! — зайцем шмыгнул в открытый проем.

В доме, к моему удивлению, оказалось пусто. Тут за окном грохнуло так, что я невольно бросился за печку, полез на сложенную там поленницу. Следом, вспарывая воздух, заработал ручной пулемет. Меня схватили за шиворот и выволокли из закутка. Я не сопротивлялся — все-таки свои! Милиция! Эти разберутся... Конечно, сколько надо, помыкаюсь под следствием, но ведь не бандит же я! Те не стали бы церемониться — обнаружив, что я не летчик и у меня нет вертолета, они вмиг бы расправились со мной. Не поможет, если даже я на их глазах превращусь в волка. Но ведь мне и это не дано, я очень ослаб. Предположим, что я все-таки стал

волком — в пылу, в момент сильного эмоционального возбуждения... Что это означает? Что без помощи Каллиопы мне не вернуть человеческий облик. Тогда мне придется бежать через всю страну, перебираться через Лену, Енисей, Обь, Уральские горы, Волгу — до самого Подмоскovie, откуда я смог бы связаться с ней. Отличная перспектива для покорителя космоса! Год мне, что ли, бежать?..

Все также, ухватив за ворот, меня повернули лицом к двери. Отпустили. Передо мной стоял капитан. Стрельба за окном стихла.

— Та-ак, — сказал капитан. — Опустите руки.

Я с готовностью исполнил приказание. В ту же секунду у меня на запястьях щелкнули наручники.

— Невелик улов, — офицер сморщился. — Где подельщики?

— Понимаете, я не имею никакого отношения... — от возбуждения я сделал шаг вперед, успел прижать руки к груди, тут капитан с размаху ударил меня в зубы. Я отлетел в угол, сплюнул заполнившую рот кровь. Хорошо, что зубы остались целы.

— Подумай, — посоветовал капитан, — пока мы твоего напарника не выкурим из сарая. — С этими словами он вышел из избы.

У ручья раздался одиночный выстрел и вокруг все стихло. Я сел на пол, прислонился спиной к бревенчатой стене, тупо уставился на наручники. Нестерпимо ныла челюсть, щека опухала на глазах. В голове тупо возилась единственная глупая мыслишка — это тебе не сопревшие веревки, от таких браслетов так просто не избавиться. Хорошо, что за спиной руки не сомкнул.

Тем временем над поселком заметно сгустилась сумеречная мгла. В избу потянуло холодом. На дворе стояла мертвая тишина, даже комарье присмирело. Никакие посторонние звуки не подпирали тишину. Оцепенев висел на стене рукомойник — капля, народившись, так и замерла прозрачным хрусталиком на медной бляшке стерженька. Я затаил дыхание, потом не выдержал, на согнутых ногах подобрался к порогу, выглянул во двор. В нескольких шагах от крыльца, за деревянной колодой лежал сержант и, уперев приклад автомата в плечо, раскинув ноги, напряженно, поверх прицела наблюдал за дальними, расположенными у ручья строениями. Услышав шорох за спиной, он повернул голову. Заметив меня, изобразил на лице крайнюю степень раздражения и замахал рукой, приказывая то ли вернуться в дом, то ли лечь на пол. Смекнув, что в поселке устроена засада, я предпочел устроиться у порога. Спустя несколько минут веки у меня смежились, я еще некоторое время боролся со сном, потом провалился в забытие.

Глава 5

Скоро я очнулся. Первым делом глянул на часы — на одном из циферблатов должно высвечиваться местное время. Так и есть. Третий час. Ночи, по-видимому... Глянул с крыльца налево, направо. Сержанта не было видно, вообще, в поселке было пусто. Ясновидящим взором я никого не сумел обнаружить.

Белесое притухшее небо подвисло над сопками, в поселке стояла приторможенная, тревожная тишина.

Плеск струй в ручье скорее угадывался, чем ощущался. На земле не было теней — соседняя изба, за ней сарай, далее купы деревьев и в прогалах узкая стиснутая сопками речная долина — отсвечивали легким серебристым светом.

Я терялся в догадках — что делать? Чего ждать? В первый раз за сутки в момент пробуждения никто не тряс меня за плечо, не грозил пистолетом, не давал пинка, не бил в зубы. Дали срок обмозговать случившееся? Да, если только случившееся — грязная мистификация, однако крепкие, побрякивающие наручники на запястьях как-то не укладывались в подобное объяснение. Даже если и так, кто бы мог подсказать — закончился этот спектакль или нет? Я едва не взвыл от отчаяния. В любом случае утро вечера мудренее, мне просто необходимо хорошенько выспаться, однако ночевать в избе у меня не было никакого желания. Черт с ней, с постелью!.. Стоп, не спеши, сначала прикинь — можно ли найти здесь более надежное убежище? Какую-нибудь неприметную норку, в которой можно было бы спокойно укрыться до утра.

Я рискнул подняться, осторожно спустился с крыльца и первым делом, согнувшись в три погибели, нырнул в заросли иван-чая, откуда меня окриком поднял сержант. Тоже, тайга называется — деревья в мой рост, хилые, угнетенные; кустарник побогаче будет, и все равно просвечивает насквозь. Вскипая от негодования, я решил первым делом окончательно убедиться, что это не розыгрыш. Вот и входные отверстия, оставленные пулями в ссохшейся, отвердевшей земле. Я принялся решительно ковырять почву, пока не извлек

одну из них, отливающую медью. Настоящую, пятимиллиметровую, со сбитым острием... Подкинул пулю на ладони, и мысль о том, что это всерьез, окончательно выбила меня из колеи. Куда же они все исчезли? Если старик-якут мог незаметно появиться и так же, не прощавшись, уйти, если бандит сейчас, возможно, прячется в сопках, то где же наша доблестная милиция? Где сержант, где капитан? Почему они являлись ко мне по одиночке?

Между тем совсем рассвело. Я забился поглубже в высокую траву и сидел, обдумывая случившееся: на запястьях наручники, в одном кулаке пуля, в другом куча этих и подобных им вопросов. Пуля явно перевешивала, тем не менее покидать поселок до утра не имело смысла. Значит, следует позаботиться о надежном схроне. Но прежде всего эти позорящие, никелированные, изящно сработанные кандалы. Один их вид приводил меня в ярость. Я вскочил и торопливо направился к ближайшему сараю. Обыскал сундуки, потом отправился шарить по другим постройкам. Нашел раритетную берданку с шестигранным стволом выпуска 1913 года — затвор еще щелкал — однако ничего подходящего, режущего металл, не обнаружил. Пока не забрел в крайний сруб с провалившейся крышей, где у колхозников было устроено что-то вроде мастерской. Под трухлявым верстаком отыскал ржавое ножовочное полотно и трехгранный напильник. Закрепил инструмент в тисках — дело пошло на лад. Наконец с облегчением потер освободившиеся запястья. Первая удача придала мне силы — уже рысцой я перетащил сумку в один из сарайчиков. Там были сколочены лежаки, под одним из них я

обнаружил лаз, уводивший под стену. Деловито расширил нору, замаскировал ее снаружи, подправил входную дверь, подпер ее изнутри толстым деревянным колом. Работал с каким-то веселящим душу ожесточением. На-ка, выкуси!.. От людей я обергся, от нечистой — то бишь, святой — силы тоже, даст Бог, отобьюсь. Утречком встану, наловлю рыбешки, нажарю — и в путь-дорогу! Доберусь до трассы, схема у меня есть. Паспорт во внутреннем кармане, деньжонок, правда, маловато, на авиабилет не хватит. В случае чего, заработаю... Одним словом, кровь из носа, а до снегов я должен добраться до железной дороги. Хватит с меня фламатеров, койсов, звездолетов, инопланетных цивилизаций! Почему я решил, что все, рассказанное Рогулиным, правда? Может, это не более, чем творчество умалишенного? Гипотетический сон, навеянный неведомыми злыми силами, похитившими мой чудесный пояс? Где они, доказательства существования фламатера?

Я забил острие кола поглубже в землю, сел на лежанку. Поверх шкур был брошен браслет, он светился.

Сияние было слабым ровным. Я подошел, присел рядом, тронул его пальцем. Циферблаты ожили, яркость усилилась, разноцветно засияли знаки, стрелки. Поля посвечивали сиреневым отблеском.

— Что? — спросил я. — Подманиваешь? Зовешь?.. Куда, зачем?..

Ей-богу, в тот момент я почувствовал себя Иванушкой-дурачком, разглядывающим перо жар-птицы, и мысль о том, что путешествие неотвратимо, пронзила меня. Пронзила до боли, до колотья в кончиках пальцев, до головокружения. Дурман был необорим. Мо-

жет, рискнуть еще раз? Я улегся на спину, взял вещицу в руки и принялся разглядывать по очереди каждое окошечко. Вот одно, самое занятное, источающее нежное, в малинку, белесое свечение. Здесь стрелки стояли на месте, образуя прямой угол между «цифрами» девять и двенадцать. Двигались символы. Сначала по кругу, потом перестроившись, они образовали каре. Станный такой прямоугольник, в котором я интуитивно почувствовал наличие смысла. Не надпись ли это? Возможно. Значки приобрели ясные, четкие очертания, сгруппировались в нечто, напоминающее слово. Как же мне прочитать его? И зачем?.. Нет-нет, не уговаривайте, не маните! Завтра же отправляюсь в маршрут, добираюсь до трассы, потом до ближайшего аэропорта. Далее как-нибудь.

Достаточно.

С другой стороны, по рассказам Рогулина, от Нонгакана до Джормина полдня пути, тем более, что мне не надо перебираться через широкую Брюнгаде — таинственная сопка лежит на левом берегу. Туда полдня, полдня на осмотр и изучение местности — и в обратную дорогу. Припасов хватит, Миша простит. Рыбы нажарю...

Загадочные литеры — их строй, который я условно назвал строчкой, — поплыли снизу вверх. Занятно, но читать я по-вашему не умею. Или не надо быть чересчур сообразительным, чтобы понять о чем идет речь. Опять стрельба начнется? Разве что в последний раз перевести стрелки?.. От подобной скользнувшей идеи мне стало страшно — какими новыми приключениями наградит меня «брат» по разуму? Справлюсь ли с ними? Ка-

кая выгода ждет меня от участия в подобном испытании? Приблизит ли оно к отысканию чудесного пояса. С его помощью мне удастся вернуться в круг предназначенного мне удела. Буду охранять волшебный цветок, заниматься переводами, испытывая восхищение перед неумной фантазией и глубиной всеведенья Каллиопы. Вновь надену кепку с широким козырьком, из-под которого уже не будут видны звезды. Разве при случае повою в полнолуние на парящий в небе лунный диск. Встретив Рогулина, ухмыльнусь и как-нибудь среди застолья хлопну его по плечу. Мечтатель! Фантазер! Молодец!..

Я мысленно сдвинул одну из стрелок — значки тут же разбежались по привычным местам; наконец и сестричка ее, насаженная на ту же ось, замерла на «двенадцати». Также я поступил и со стрелками на следующем циферблате. Затаив дыхание, принялся за последнюю пару — принялся по очереди подталкивать стрелки. Наконец они сомкнулись.

Браслет угас и сам по себе, нежно, но настойчиво, как котенок, скользнул на запястье.

Замерев, я долго вслушивался в тишину. В камерке стало совсем темно. Света едва хватало, чтобы различить щели между уложенными бревнами, светлые пятна оленьих шкур, кучу барахла, наваленную в углу, за которым сладко посапывало безмолвие. Зевнув, я присоединился к нему.

***

После пробуждения первая мысль — где я? В камере? В мрачном подземелье? Тогда почему стены бревенчатые? Почему припахивает дымком, к которому подмешивается аромат чего-то необычайно вкусного... Я поднял голову, огляделся. Никого. Удивительно, в Якутии все спокойно! Или истощилась фантазия у инопланетных зловредов? Спокуха, брат! Вновь настойчиво прислушался — до меня донеслось едва слышимое потрескивание хвороста в костре. Вкупе с дымком оно могло означать только одно — неподалеку разведен огонь и на нем варится что-то необыкновенно аппетитное. Сторож Миша вернулся? С него собственно все и началось. В любом случае сегодня они меня врасплох не застанут. Я быстро стараясь не шуметь, встал, собрал вещи в сумку, поставил ее возле щели — так, чтобы можно было дотянуться, — и осторожно, сжимая в руке найденный вчера в одном из сараев ржавый тесак, сквозь нору выбрался наружу. Солнце брызнуло мне в очи, запах варева, дыма стал так силен, что сомнений не осталось — кто-то здесь есть.

— Зачем же под стенкой? — надо мной раздался чей-то удивленный голос. — Вот и костюмчик запачкали...

Я рывком перекатился на спину, выставил перед собой тесак и помахал им. На лице старика, склонившегося надо мной, отразился испуг. Он отскочил и, мелко крестясь, отбежал в сторону.

— Хватит! — крикнул я ему. — Хватит шутить, ваше небесное величество!

Старик — он был большого роста, грузный, с седой окладистой бородой, наряженный в какую-то бесформенную, посверкивающую, белоснежную хламиду, — перестал креститься и укоризненно возразил.

— А зачем тесаком? Бросишься ненароком — парень ты, видно, горячий. Вахлак только... Такие-то самые опасные: сначала растеряются, струсят, а потом, ну, давай свою храбрость выказывать, над стариками глумиться.

— Над тобой поглумишься.

Я принципиально решил не называть это сфабрикованное существо на «вы». Некоторое время пристально разглядывал пришельца — ничего старик, представительный, губы свежие, алые, нос крупный, в прожилках, — потом одобрительно кивнул.

— Очень похоже, только нимба не хватает.

— Разве в нимбе дело. Нимб — пустяк. Атрибут, не более... Ты в суть гляди, в самую сердцевину.

— Ишь ты, — усмехнулся я. — В суть его загляни.

— Да не в мою, — замахал руками старик. — В моей тебе вовек не разобраться. Я и сам иной раз ненароком гляну в глубины своего существа и ахну — ну, ничегошеньки разобрать невозможно. Детали какие-то, психические комплексы, непонятные запреты, стопоры на каждом нейронном узле. Это вам, землякам, лафа. Вы — птицы вольные, наделены свободой выбора, а нам, пахарям космоса, без порядка, без строгой дисциплины, без ежедневной боевой тренировки никак нельзя. Да что мы с тобой все о делах, делах. Чай проголодался, Володя, от бандитов отбиваясь? Пойдем-ка, я такую ущицу сварганил. Объедение!..

Я поклялся самому себе, что ни словом не обмолвлюсь о вчерашнем, не стану расспрашивать — что да как, почему фантомы двигались, как живые, — и зашагал вслед за стариком. Он не зря насчет тренировки упомянул. Это — намек, это очень даже ясное предупреждение. Он способен читать мои мысли? Как там, с ментальной защитой? Вроде порядок.

Уже насытившись божественной ухой, попив заваренного неземными руками чаю, я спросил у старика.

— Как прикажешь тебя называть?

— Как сердце подскажет. Хочешь, спасителем, хочешь бездушной машиной. Что ты, Володя, себя насилуешь, зови меня на «вы», самому же неловко. И постарше я тебя буду.

— На сколько же?

— На шесть с половиной миллионов лет. Да еще с гаком.

Я поперхнулся, однако тон не сменил.

— Прекрасно сохранились.

Спаситель вздохнул.

— Как раз нет. Все, парень, ветшает. Даже святость. Ей тоже подпитка нужна, поклонение, мольбы, фимиам.

— И в чем же ваша святость заключается?

— А в том, дорогуша, что сидел я шесть с половиной миллионов лет на вашей планете и ни во что не вмешивался. Катись оно все своим чередом. Надеюсь — может, и архонты, в конце концов уразумеют, что с божественным промыслом грех спорить. Тем более бороться... Должен признаться, много я повидал земелек, но нигде не встречал такого чистого небосвода. Самая редкая диковинка во вселенной — голубое небо.

— А на вашей родине? Вообще, интересно узнать, с кем имею честь? С одним из погибших членов экипажа или с самим кораблем, как, то бишь, назвал его Рогулин — фламатером?

Старик явно обиделся.

— Во-первых, — сухо объяснил он, — мы, цивилизация Ди, не страдаем широко распространенной на Земле манией неприятия чужого. Мы не расисты, и для нас, что искусственное мыслящее существо, что естественное — все едино. Раздрая нет, все мы дети природы и Творцов. Во-вторых, стоит ли во всем доверяться этому спившемуся брехуну. Он требовал от меня невозможного, желал странного — ни больше, ни меньше, как облагодетельствовать человечество. За мой счет. И самому в дураках не остаться. Да еще гарантии ему подавай, что все случится по его замыслу, по его велению. Совсем без царя в голове человек! Разве я похож на чудесную щуку? Я его понимаю, он — продукт эпохи, возомнившей, что в человеческих силах соединить личное счастье с общенародным, большим. Вплавить, так сказать, одно в другое, и в результате получить светлое будущее. Однако человеку дано только предполагать... Как я ему не объяснял, что создать рай на одной малюсенькой пылинке-планете, затерявшейся на ноге у одного из Творцов, также нереально, как построить социализм в одной отдельно взятой стране, — толку не было. Удивительно! — старик неожиданно, с размаху, хлопнул себя по ляжкам. — Почему люди так уверены, что меня можно взять на фуфло? Потрясти, так сказать, мое воображение грандиозностью задачи? Бейтесь головой об стену сколько угодно — я-то здесь причем?

Да, есть доля истины в том, что не может быть всеобщего счастья вне совокупности единичных, частных счастья. Но, милые мои правдолюбцы, — нельзя же всем, все и сразу. Зачем голову терять? Надеюсь, — старик подозрительно глянул на меня, — вы явились сюда не для того, чтобы опробовать очередной рецепт достижения светлого будущего? Сокровищ, женщин у меня в запасниках тоже нет. Если мы даже сойдемся в цене, то алмазы еще надо добыть, огранить, сбыть, да так, чтобы и намек не было, откуда они появились. Насчет женщин... — старик вздохнул. — Милый мой, Дон Жуаном надо родиться.

— То-то вы не знаете, что привело меня сюда, — съязвил я и бросил в его сторону пристальный взгляд. Даже при сверхчувственном восприятии он предстал передо мной в том же конкретном, хорошо воспроизведенном облике Создателя, известном по иллюстрированным религиозным книжкам.

— Честно — не знаю! — старик положил руку на сердце. — Мне добродетель не позволяет в чужие мысли заглядывать.

— Пояс ищу, — буркнул я. — Заветный. Подарок наставника. Без него зарез, видите, шерсть на руках прорастает, кончики ушей на глазах острятся. В копчике свербит — того и гляди, хвост начнет расти.

— Тю-тю-тю, — запричитал старик. — То-то я смотрю, ты ни под какие среднестатистические рамки не подходишь. Уж не из бисклаваретов ли?

Я жарко схватил его за руку.

— Да, я — человек, но у моих предков было что-то... волчье.

— Знаю я эту историю, — кивнул старик. — На моих глазах происходило. Желаете пояс вернуть? Чем же я могу тебе помочь? Эта вещица дорогого стоит. Ручной — ну, скажем, нательный — деформатор времени. К сожалению, мое могущество до этого не доходит.

— Хотя бы узнать, кто похититель и где он его прячет. Нельзя же допускать, чтобы пояс попал в лапы всякой бичуры.

— Вообще-то в тонкие миры я стараюсь не заглядывать. И пространств с меньшим числом измерений — как вы их называете, Гашарв — избегаю. Не хватало еще привлечь их внимание. Сколько лет я изводил эту нечисть в округе. Чуешь, какой здесь воздух? А прозрачность атмосферы? А рыбы, звери, птицы? Красота!.. А ты меня на что толкаешь?

— Я обязуюсь возместить расходы, приложу все силы. Буду трудиться без сна и отдыха...

— Еще неизвестно, хватит ли у тебя сил, способен ли ты возместить затраты, не коротки ли у тебя руки.

— Кровью, что ли, придется подписываться? — угрюмо спросил я.

— Зачем кровью. Я поверю на слово. Это, знаешь, какая сила. Куда более могучая, чем кровь. В начале было слово. Заговор — он и на плоть, и на дух действует. Так что смотри, уговор дороже денег.

— Что же по уговору мне придется исполнить?

— Смотри, какой нетерпеливый. Не надо, дорогой... Поспешешь, сильно много людей насмешишь, — старик на мгновение задумался, вперил взгляд в прозрачные воды ручья, где у противоположного берега стояли головами навстречу течению пяток крупных ха-

риусов — черные их спины были шириной в детскую ладонь. Словно прислушивались к разговору... Чтобы потом выступить свидетелями, если в конце концов мы рассоримся? Я бросил камешек в самую крупную рыбину, попытался столкнуть ее с облюбованного места. Хариус недовольно шевельнул хвостом и занял прежнюю позицию.

— Шесть с половиной миллионов лет! — Неожиданно воскликнул старик. — Во что уместить такую громадину лет! А ведь каждый из годков в свою очередь делится на груды дней, часов, бесконечных минут и секунд. Ты можешь себе представить сон длиной в геологическую эпоху? Так я провел третий ледниковый период, когда надежда окончательно оставила меня. Способен ли ты почувствовать, что должно было перемолотиться в моей душе в момент бездействия и отчаяния, если этот момент тянулся в течение полутораста тысяч оборотов вашей окончательно одичавшей планеты вокруг своей звезды? Можешь вообразить, какие сны рождались в моем мозгу? Можешь ли хоть в малой степени ощутить, что значит бодрствовать, ждать более миллиона лет после пробуждения, следить за твоими волосатыми предками и стараться сохранить веру, что, может быть, когда-нибудь один из их потомков явится сюда и подсобит. Как бы трудно это не оказалось. Потому что мне есть, что сказать. Теперь я знаю ответ на самый главный вопрос — что нас ждет. Тебя, меня, эти горы, небо, Солнце, звезды, галактики. Я должен поделиться этим знанием со своей расой. Ты пока не способен понять тонкости, если же объяснить популярно, боюсь, неправильно истолкуешь мои слова. На твою долю,

представитель непоседливой, сумасбродной, обуянной гордыней и жаждой крови планетки, достанется самое трудное. Поверить мне!.. Вы еще доставите много хлопот Звездной среде. Не хотелось бы прибегать к пафосу, к риторическим восклицаниям, например, «брат по разуму» — какой ты мне брат! Так, попутчик... Тем не менее, выражения «вселенская катастрофа», «армагедон», «конец света» — имеют под собой почву. От меня там, — он двумя перстами указал в зенит, при этом левую руку чуть отвел в сторону, — ждут слова.

Потом старик долго молчал. Я тоже. Следил за рыбинами, решившими прогуляться по ручью. Видимо, приближалось время кормежки. Вот одна из них замерла на мгновение, как бы глянула на меня из воды, потом стремительно умчалась вниз по течению.

Солнышко терпеливо наблюдало за нами с высоты. За хариусом, человеком-волком и неведомым богом, давным-давно сошедшим на землю, хорошенько выспавшимся, отдохнувшим и теперь спустя шесть миллионов лет с гаком готовым в действие.

— Ладно, попробуем, — нарушил тишину старик. — от волосатости мы тебя избавим. От прочих признаков животного тоже, только ты смотри не подкачай. Нажми! Времени почти не осталось.

Часть II

Глава 1

Недра сопки, в которой седьмую тысячу тысячелетий укрывался фламатер, напоминали скорее подземную темницу, склеп или упрятанный в скале погреб, набитый инеем и наплывами материкового льда, чем средоточие невиданных технических диковинок или таинственную обитель чуждого разума. Разве что входной шлюз да следующая за ним тесная причальная камера — протискиваться между обводом отдыхающего койса и неровной каменной стеной следовало бочком — в какой-то степени походило на иллюстрации, соответствующие высокотехнологичному Сезаму, которые сразу приходят на ум, когда мы размышляем о звездных пришельцах.

Высланный за нами койс проник в гору со стороны глубокого, ограниченного почти отвесными скалами распадка. Каменная плита со скрежетом сдвинулась в сторону, и аппарат плавно влетел в помещение, напоминающее четвертушку сферы — щербатый, плохо обработанный свод по кривой смыкался с полом. Мы выбрались из койса, я огляделся — хлюпающая под ногами вода, какой-то затхлый сыроватый, с примесью гари, запах, ворчание старика... Сколько ни суши приемный отсек, бормотал он, всегда на полу лужи, то ли дело внутренние помещения, там всегда сухо, прохладно, чисто. Эти жалобы смазали первое впечатление, кощунственно упростили погружение в тайну. Спустя мгновение старик, словно прораб, крепко пожал мне руку,

кивнул влево и объяснил: «Тебе туда. Ступай...» — потом по стенке, перегнувшись в поясе, обошел летающее блюдо и растаял в воздухе.

Я ждал чего-нибудь подобного, поэтому успел помахать ему рукой и, следуя указанию, бодро шагнул в сторону металлической, напоминающей букву «о» плиты. Установили ее, по-видимому, сразу после отливки и остывания, обработкой себя не утруждали. Как только я встал перед ней, плита сразу отъехала в сторону. Толстенная, чуть меньше пяди, уважительно отметил я про себя, потом заглянул в открывшийся проем и ахнул. Да дверью открылся темный, дохнувший суровым застоявшимся холодом лаз. Низким сводом смыкались обросшие инеем стены, пол тоже был присыпан снеговой пылью. Был он выстлан металлическими, покрытыми пупырышками листами. Коридор близко упирался в непроглядную, жуткую тьму. С освещением у них тоже напряженка, уныло решил я. Не иначе как Дед Мороз на пару со Снежной королевой соорудили это логово и теперь во мраке поджидают свои жертвы. Может, вечная мерзлота в конце концов взяла свое? Неожиданно под потолком, под наплывами льда и сгустками инея засветилась размытая голубовато-стальная полоска. Я переступил через порог, световой указатель медленно стронулся с места, поплыл вглубь коридора. Я двинулся вслед за ним.

Шагал пришлось долго — скоро от короткого, но жаркого северного лета, тепла костра, вкусной, наваристой ухи остались только воспоминания. Удивительно, поворотов под прямыми углами, боковых ответвлений, символов на стенах, не говоря уже о шныряющих под

ногами роботов, загадочных звуков и световых надписей, здесь и в помине не было. У меня сложилось впечатление, что плавно вихляющий коридор, то сужающийся, то расширяющийся, скорее напоминает лаз, прогрызенный каким-то чудовищным червем, решившим полакомиться скальной мякотью, чем инженерным, заранее спроектированным сооружением. Меня словно водили по спирали — или точнее, по кругу. Ей-богу, вот эту, похожую на мозоль наледь я уже проходил. Здесь можно было следовать только в одном-единственном направлении. Или возвращаться... И тем не менее этот ход напоминал лабиринт — я не мог отделаться от подобного ощущения. По нему можно было бродить вечно. Может, я незаметно для самого себя спускался в ад, однако внутреннее чувство подсказывало, что здесь не было посланцев Миров возмездия. Не могу сказать, что в этом подземелье все наполнилось аурой Миров просветления, однако смрада Гашарвы я здесь не ощутил. Скоро я вконец озяб, пальцы одеревенели, мне надоело перекладывать сумку из руки в руку. Только вера в разум, пусть даже за эти шесть с половиной миллионов лет превратившийся в глыбу льда, отчаявшийся, погибающий в одиночестве, — вела меня. Я верил в этот ожесточившийся, выморозивший всякую жалость и сострадание рассудок; верил в его тайну, казавшуюся необыкновенно важной, судьбоносной и никем не востребованной все прошедшие зоны (сноска: зон — огромный промежуток времени).

Может, фламатер тоже испытывал жуткий страх — до пупырышков на металлическом полу — да-да, эта мысль тоже пришла мне в голову. Что можно ждать от

этого поросшего волчьей шерстью пигмея? Неужели он в силах помочь? Наблюдая за мной, бредущему по подземному лазу, он бился в припадке необоримого, способного быть испытанным только богом, истеричного, панического ужаса — вот она, двуногая молекула! Она уже проникла в его организм, уже движется по жилам. Что это — частичка лекарственного препарата или капля яда, способная вконец отравить ему существование на этой проклятой планете. Меня шатало, швыряло от одной стене к другой; сознание лопалось от обилия жутких, противоречивых видений.

Фламатер обессилел до предела. Он устал ждать, верить, надеяться, хранить себя в целостности и сохранности, исправлять мелкие неполадки, бороться с мерзлотой, с вечностью, отпугивать аборигенов, всевозможных абасов и прочую нечисть; устал наблюдать за кровожадной, объявившей себя «разумной» расой двуногих, все истребляющих на своем пути, при этом никогда не забывающих покаяться, воспеть хвалу небесной силе, якобы создавшей их. Бесконечно плодящееся скопище безумцев, пожирающих самих себя — они его единственная надежда? В них его спасение?! Сквозь двоящиеся, троящиеся контуры видений я уловил, как страдал звездолет, не в состоянии разрешить это противоречие. Игра со мной — гнусная затея, но фламатер был *вынужден* пойти на это.

Это провидение взбодрило меня. Стало веселее, я ощутил прилив тепла, зашагал шибче, начал подгонять светящуюся полоску — та в свою очередь тоже ускорила ход, пока неожиданно не разлилась вширь на глубину с десяток метров, не затрепетала, обнимая тупик. Я при-

близился к металлической плите, дальше хода не было. Это был конец моего путешествия. За этой дверью мир иной...

Плита отодвинулась в сторону, и я вступил в свою привычную двухкомнатную квартиру, в которой обитал уже третий десяток лет. Там, в Снове... Постоял в тесной прихожей — на вешалках было пусто, никаких следов обуви. словно хозяева к ремонту готовились... Над головой проводка, та же щербинка на потолке. Я усмехнулся, прошел в комнату, огляделся. Значит, вот какие декорации приготовило мне это чудовище? Вот, значит, чем решили позолотить клетку? Неужели этот монстр до такой степени боится меня, что готов ежеминутно, всей мощью, давить на мою психику? Не выпускать из ежовых рукавиц, вечно удивлять и готовить сюрпризы? Тогда какого результата он хочет добиться? Или, может, здесь сказалось обыкновенное неведение, наивный, не имеющий злого умысла расчет? В любом случае, игра пошла по-крупному, в этом сомневаться не приходилось. Всякие попытки принудить меня, терзая слезами детей, мучительством любимой женщины не будут иметь успеха. На этом я буду стоять твердо. Ведает ли фламатер, что творит? Он желает выбить из меня даже намек на непослушание, изгнать дух противоречия? Ему нужен раб? Бездушный робот?.. Он давным-давно мог бы изготовить его. Или использовать того же Рогулина. Выходит, ему нужен партнер, а это исключает использование пошлых, душераздирающих (но, по его мнению, полезных) мелодрам. Ему нужен надежный испытанный товарищ, потому что, как можно догадаться, работа предстоит трудоемкая, требующая сметку, не каждому

она по силам. Значит, нет смысла впадать в отчаяние и уподобляться фламатеру. Я нахожусь на Земле, под ногами у меня родная почва, родной камень, пусть даже промерзший на полтора километра вглубь. Я свободный человек и признаю только равноправные отношения. Ты меня слышишь, ржавый монстр? Господь, свихнувшийся от нескончаемого страха?.. Повторим тот первый миг, когда я переступил порог родного и в то же время до омерзения чуждого, поддельного жилого помещения.

Я вернулся в прихожую, отдал мысленное распоряжение. Металлическая плита стронулась с места, я вышел в оледенелый коридор. Отдал ясное распоряжение — убрать все немедленно! Обстановка спартанская — мне много не надо, стены светлые, стулья жесткие, можно мягкое кресло — два кресла — кровать пошире и подлиннее, чтобы ноги в спинку не упирались, температура не ниже восемнадцати градусов. Горячая вода, ванны не надо, обойдусь душем. Теперь насчет книг... Буду заказывать, а то свихнешься здесь с вами. Никакого телевизора! Ну, это слишком, как же без новостей, без футбола. И непременно окно — одно в спальне, другое в гостиной. В спальне можно во всю стену. С меняющимися пейзажами. Как в фантастических романах — сегодня за прозрачной стеной бушующее море, над ним буревестник, черной молнии подобный. Завтра — горный пейзаж. Что-нибудь, напоминающее вид на Большой Кавказский хребет, открывающийся в ясный день с вершины Эльбруса. Или озеро Иссык-Куль. Сосны вокруг, много сосен. На лужок можно выгнать косяк пугливых оленей. Неплохо будет смот-

реться. Вот еще сюжет — ранее майское утро, по цветущим аллеям Булонского леса на великолепном гнедом коне скачет прекрасная амазонка.

У меня от умиления слезы выступили. Еще что-нибудь в подобном стиле. Например, лесное озеро, на нем стая лебедей. Или обнаженная русалка, безмятежно похрапывающая на берегу.

Противоположную стену можно украсить живописной работой. Желательно что-нибудь жутко таинственное.

Проснувшись, я первым делом глянул в окно, занимавшее почти всю стену в обшитой пластиком, тесной спальне. Вид был сверху и открывался на вертлявую таежную речушку. За ней высились округлые, поросшие хилым лесом сопки. Вдали по горизонту, цепь белоснежных гор — по-видимому, хребет Черского.

На противоположной стене была вывешена картина в деревянной раме. Жанровая сценка в стиле старых голландцев — на переднем плане грубый дощатый стол, на нем горящая свеча. Ее света едва хватает, чтобы вырвать из полутьмы лица трех женщин, играющих в карты. Две изображены в профиль, одна анфас. Смотрит прямо на зрителя... Корсет расшнурован, и груди, ослепительно белые, обнажились и лежат на столе. На лице покой и умиротворение. Жестом она показывает на разбросанные карты.

Через полтора часа после завтрака — вчерашней ухи с сухарями; клянусь, они были взяты из мешка, который стоял в картонной коробке, якобы принадлежа-

щей сторожу Мише; выходит, круг замкнулся! — ко мне постучали.

На пороге стоял все тот же благообразный старец в мешковатом белоснежном одеянии. Теперь, правда, его лысоватую голову украшал небесного цвета, с отливом в бирюзу, светящийся нимб. Меня даже покорибило.

— Уместно ли святотатство? — вызывающе спросил я, не отвечая на приветствие. — К чему этот дешевый маскарад, ведь я же тебя, пустышку, насквозь вижу. Ведь ты не более, чем канал связи. В конце концов, я требую уважительного отношения к нашим традициям, неважно, верую ли я в Создателя или нет.

Старец застыл на месте — лицо у него замерло, взгляд остановился. Это состояние продолжалось недолго, наконец оторопь прошла. Он кашлянул и, сухо ответив, — как вам будет угодно! — вышел в коридор.

Появился он через несколько минут — ликом все тот же. Нет, какие-то неуловимые изменения с чертами его лица все-таки произошли. Кого-то он мне напоминал, однако сразу угадать не удалось — уж слишком необычно он теперь выглядел. На нем был темный клубный пиджак в талию, прекрасно сшитые брюки, рубашка апаш. Грива седых волос свисала до плеч, борода погустела, округлилась, стала, что называется, лопатой, на щеках густая сеть прожилок. Одним словом, этакий великовозрастный, пенсионного возраста плейбой, смахивающий на загулявшего Карла Маркса.

Я вздохнул.

— Не будем придираться к мелочам, — заявил гость. — У нас со временем в обрез.

«Следовало сказать, времени в обрез», — машинально отметил я и пригласил его в кресло, стоявшее у раскладного металлического столика. Сам сел напротив.

— В общих чертах проблема состоит в следующем...

Я осторожно положил руку на его кисть, он удивленно посмотрел на меня. Посыльной был теплокровен. Интересно, на какой материальной основе он был создан? Что это — сгусток нейтринной плазмы?

Примолкший старец терпеливо наблюдал за мной. Потом, как бы в ответ на немой вопрос, кивнул.

— Значит мысли мои читаете? — спросил я.

Он пожал плечами.

— На поверхности планеты, там, у ручья — нет. Здесь — да. Мы не желаем и не можем поставить защитные экраны на излучаемую вами информацию.

— Кто это мы?

— Вот это серьезный разговор. Итак, переходим к делу? — Карл Маркс внезапно посуровел.

— Пора бы.

— И вид мой вас устраивает?

— Нет, но не будем замыкаться на деталях. Об этом после. За знакомство поднимать бокалы не будем, избежим крепких рукопожатий. Одним словом, кто есть кто?

— Я — звездолет второго класса, усиленный семью высшими... э-э... представителями цивилизации Ди. По нашим меркам — повелителями. Сразу хочу предупредить, что в данном случае вовсе не имеется в виду, что

они кем-то повелевают. Этот термин не более, чем приближенное обозначение их социального статуса.

— Как насчет вашего социального статуса?

— Я — фламатер, как окрестил меня ваш знакомый алкаш. Звукоподобие здесь не играет роли, название свежее, так что дай Бог... Если обстоятельнее, то я — искусственное живое, предназначенное для работы в открытом пространстве.

— И все, что находится здесь, в глубине горы, как бы ваше тело?

— В общем-то, да. Простите, Володя, ваши наводящие вопросы очень мешают. Вам трудно пока разобраться в сути дела, так что лучше слушайте. И потом, что это за привычка перебивать старших.

— На шесть с половиной миллионов лет? Хорошо-хорошо, молчу. Значит, вы рукотворное существо. И кем же вы были созданы?

— Естественными и искусственными формами, которым вменено в обязанность производить подобных мне. Если конкретнее, в корпусе строителей звездолетов.

Я не мог сдержаться.

— Эти, естественные формы? Что они из себя представляют?

Старик вздохнул.

— Нечто подобное вам. Двунюги, двурюки, непоседливы, изобретательны.

— Нельзя ли вывести изображение на экран?

— Зачем? Не треба. Они похожи на вас, разве этого мало! Удивительное подобие, редчайший случай. Всего-навсего второй раз за мою карьеру. Большая удача.

— Как так?

— Там, где мне приходилось бывать, все больше плавающие во взвесах шары или просто мерзкие твари!

— Как вас разобрало!

— Еще бы! Они же ко мне прикасались!..

— Значит, членов экипажа уже нет в живых?

— В каком-то смысле. Столько лет прошло. Беда в том, что с момента посадки на Землю, удача отвернулась от нас. Нас не случайно загнали сюда. Была вспышка. Пришлось приземляться. Пробило защиту. Я протестовал, но мне было приказано. Отказал приводной узел на корпусе, трое на броне сразу, а двоих настигло в шлюзовой камере. Еще двое спаслись, однако стали инвалидами. Еще раз заявляю — я протестовал, но мне было приказано. Потом, когда прошла перезапись, они все вошли в синклит.

— Как это?

— В последние секунды их сознания были... законсервированы, и члены экипажа заняли отведенные им ячейки в памяти.

— Значит, они живы.

— Нет, мы мертвы.

— Но мозг. Самое главное...

Послышался вздох.

— Перезапись всегда вносит некоторые, пусть самые ничтожные, искажения. Личности получают несколько иные, чем исходные формы, и согласно гражданскому кодексу и строевому уставу мы теряем прежний статус. Теперь мы являемся составными частями фламатера, его синклитом. Храним и обрабатываем документацию высшего порядка, контролируем ведение

бортового журнала, с нас могут спросить за ошибки или наказать за срыв задания. Могут вызвать в качестве свидетелей, но... это не жизнь.

— С кем имею честь?

— Когда-то я был капитаном этой, как выражаются старые морские волки, лоханки. Это был мой седьмой прыжок. Я уже поднабрался опыта. Структура устоялась... Все казалось по плечу. Люблю пространство, оно и сейчас мне снится. Звезды под ногами. Вселенная — это больше, чем мир. Больше, чем символ веры или желанная цель. Больше, чем обретенный рай. Это вечная стихия! Как море... Пространство все сдирает с тебя — привычки, привязанности, меняет отношение к жизни. Стоит в первый раз совершить прыжок и ты лишаешься прежнего «я». Ты становишься иным! Были, например, случаи, когда мужская особь начинала ощущать себя женской и наоборот. После первого прыжка ты начинаешь относиться к себе прежнему с некоторой долей иронии. После первого прыжка — то есть, двукратного преодоления пространственной плевы, границы, отделяющей наше обычное пространство от серого лимбо, — тебя около года, по вашим меркам, таскают по всевозможным комиссиям, еще год держат в карантине, потом подвергают испытаниям. Приходится вновь сдавать экзамены — потом только получаешь сертификат, персональную оболочку, нагрудный знак и право на три голоса. Правда, эти льготы касаются только профессионалов, путешествующих через серое лимбо.

— Это что-то вроде подпространства?

— В некотором роде. Одним словом, первичная Среда, в которой произошел большой взрыв, положив-

ший начало нашей вселенной. Хотя термин «Среда» — тоже недопустимое, то есть, многозначное упрощение. Скорее, это область с единственной пространственной координатой и бесконечным множеством временных. Наша вселенная анизотропна и обладает вектором вращения. Но это слишком специальные материи... Так вот прорыв граничной пленки — обращаю ваше внимание, именно двукратный прорыв, — создает ощущение перехода в новое тело, в иную ипостась. В этом, возможно, и состоит цель, ради которой стоит жить.

— Отчего же вам не обрести плоть прямо здесь, в помещениях фламатера?

Глаза старца широко открылись, щеки побагровели. Он часто задышал. Только спустя несколько минут, когда я окончательно осознал, что сморозил неслыханную глупость; хуже того, нанес смертельное оскорбление, когда меня бросило в краску, и я не знал куда девать руки, — гость сухо ответил.

— Как же можно-с! Это, знаете ли, нелепость!.. Полный беспредел! Обидно даже слышать. Как же — себя, свой чистый разум и в нечто первобытное, грязное. Как только у вас язык повернулся.

— Простите! — с трудом вымолвил я и все равно сквозь волну досады, искреннего сожаления где-то на краю сознания сработало трезво, ясно — это форма извинения, этот полуернический пафос мне что-то очень напомнил. Как же, деланные возмущения Азazelло из булгаковского романа. От этой мысли мое раскаяние не стало фальшивым, но печали прибавилось. Они накрепко загородились от меня нашими же реакциями, выражениями, словечками, литературными и киношными

реминисценциями. Этот экран был непробиваем. Как я мог добраться до сути, до их истинного облика, мироощущения, философии? У них на все про все был готов ответ. Мы вечно будем играть в прятки и мне предстояло без конца водить?..

Между тем старец никак не мог успокоиться.

— Нет, вы знаете, уж будьте любезны поосторожнее в выражениях. Тем более, что подобное кровосмешение запрещено законом. Как вам в голову пришло: себя — и в чужую форму!

— Раскаиваюсь и сожалею. Однако раз мы дошли до тонкостей, хотелось бы обратить ваше внимание, что и меня не очень-то устраивает беседа с болваном, изображающим родоначальника марксизма. Общаясь с ним, я не могу отделаться от ощущения, что нахожусь в сумасшедшем доме. Мне трудно сосредоточиться, поэтому обращаюсь к вам с просьбой подыскать более подходящее обличье для контакта. Разумеется, с моей помощью. Что-нибудь неприятное, не действующее на нервы. Придайте биороботу привычную вам форму. Естественного живого...

— Вы не понимаете, это запрещено законом. И очень тягостно. Как вы не понимаете... И воплощение в низшие формы для поддержания телесного существования, и принятие оригинального облика для введения каких-то дел с аборигенами. Кроме того это тяжкое, несправедливое наказание. Случалось, ди выбирали смерть, но только не это.

— Я не понимаю. Вы же мечтаете о телесной оболочке? Вам не кажется, что здесь налицо противоречие.

Голос погрузневшего старца приобрел какой-то нежный, волнующий оттенок.

— Вы прощены... пока. Но впредь должны вести себя как паинька. Да, мы стремимся обрести телесные оболочки, но это возможно только в объятиях цивилизации Ди. В родных краях. После соответствующих консультаций и проб. Но прежде нам надо будет отчитаться, объяснить, каким образом мы лишились тел и пройти обряд очищения. Поэтому мы обязаны хранить верность закону и обычаю, и разгуливать по этим подземным ходам в вымышленном обличи, изображать некий реальный синклит цивилизации Ди там, где не может быть и не должно быть никакой естественной ячейки — это верх варварства и крайняя степень падения. Подобные искусственные органоформы — примитивные грязные сосуды, полные скверны и греха. Никакой высокий разум, ни воспитание, ни соответствующая подготовка не способны удержать изготовленные кустарным методом формы от жажды зла. Ведь они же совокупляться начнут!.. Тело должно быть также чисто, как и дух, иначе огонь, плач и скрежет зубовой. То ли дело возродиться в лоне цивилизации Ди. Это сказка, обретение рая.

Старец, напоминавший Карла Маркса, утер глаза рукавом.

— У нас, — осторожно начал я, — несколько иные взгляды по этому вопросу и, оказавшись на дикой, но приспособленной для жизни чужой планете, люди бы постепенно заселили бы ее...

— Да, — решительно громыхнул баском Карл Маркс, — с вас станется. Дай вам волю, и вы разнесете

скверну по всей вселенной. Это заявляю я, начальник вооружения. Высокому разуму чужда телесная оболочка иной жизни, слияние возможно только в идеальной, мысленной форме. Когда-нибудь вы тоже поймете это. Вселенная многим открыла глаза, многих просветила. Экспансия какой-либо одной расы на руку лишь архонтам. Если вы рискнете преступить Завет, вас заставят его уважать.

Старик как-то яростно всхлипнул, нечленораздельный многоголосный стон вырвался у него — в ту минуту он более, чем когда-либо, напоминал куклу, восковую фигуру. Наконец взгляд его снова осмыслился, и уже другой голос, с иными призывками, характерной мелодикой — я сразу уловил это — повел разговор.

— Коллега вспылал. Мы приносим извинения. Синклит согласен, что чем меньше темных пятен между нами, тем успешнее будет развиваться наше сотрудничество. Непонимание способно омрачить нашу совместную деятельность. В какой-то степени. Это имело бы нежелательные последствия не только для нашей экспедиции, но и для вас. Вашего земного сонма.

Я невольно улыбнулся — эх, фламатер поднахвтался в непривычной для него речи. Слушая его, мне невольно припомнился Василь Васильевич, однако если фавн вполне свободно и органично употреблял штампы, то у пришельца изъяснение происходило с некоторой натугой. Неточное словоупотребление, нарочитое выпячивание навеяных киношным стилем словечек говорили о том, что всеведение его ограничено. Между тем последнее замечание насчет нашего сонма хранителей насторожило меня.

Дедушка Маркс поднялся и, расхаживая по комнате, помахивая указательным пальцем, принялся излагать.

— Наша щепетильность в вопросах телесного общения не должна служить помехой к плодотворному сотрудничеству. Кроме активного нежелания распространяться по поверхности вашей... э-э... планеты, у нас не было на это разрешения. Наша миссия носила конфиденциальный характер. Цель ее вас заинтересовать не может, вы просто не в состоянии осознать принципиальную важность проделанной нами работы, а упрощение, пересказ, примитивное объяснение может привести в самым нежелательным последствиям. Полужнание, неполная, лишенная должного объема информация рождает химеры. Их преодоление может дорого стоить вашему сонму хранителей. Мы с уважением относимся к вашей деятельности по сохранению культурного и естественного своеобразия Земли. Мы можем кое-что предложить в обмен на сотрудничество, однако полная автономия каждой из наших сторон обсуждению не подлежит.

— То есть, вы сами по себе, мы сами, — подытожил я.

— Именно. Собственно мы находимся по одну сторону линии, разделившей наш многомерный континуум. Вы держите свой участок обороны, мы свой. И поверьте, наш неизмеримо сложнее, масштабнее. Мы предлагаем заключить союз. Задача — проверить стартовый комплекс, позволяющий осуществить субпространственный переход. Он расположен на спутнике Сатурна Титане. Подремонтировать, провести профи-

лактику, восстановить связь с приводной станцией, расположенной на Луне. В обмен мы готовы поделиться информацией о том, что было до потопа.

— Что же, и потоп был?

— Был, несколько раз. Возьмем, например, эпоху Плиоцена. Это как раз шесть миллионов лет назад. Уже в те времена Земля была населена. Не знаю, огорчит или обрадует вас известие, что именно тогда был создан подвид Змея Огненного Волка.

Я затаил дыхание.

— В те поры — тринадцать раз по полу миллиону лет назад (это примерно 1/40 галактического года) на вашей планете поселилась диморфная раса, прибывшая сюда из иной галактики. Их было немного, беглецов, оставивших родину. Доставило их в окрестности Солнечной системы удивительное существо, обитающее в звездных туманностях. Мы их встречали во время нашего путешествия. Пришельцев было немного, примерно по тысяче особей первого и второго вида. На Земле они застали райские условия — да будет вам известно, что отдел Плиоцена с точки зрения климатических условий, был самым замечательным периодом в истории планеты. Потом пришли холода, пополз ледник. Бр-р-р...

Старик подошел к окну, из которого открывался вид на горную долину. По ней вертлявыми излучинами бежал Джормин. Продолжил он после долгих минут молчания.

— Раса была не чужда разума, однако беглецы решили, что в тех условиях, в которых они оказались, можно переступить Завет. Не могли, видите ли, отказать себе в удовольствии, — дедушка Маркс саркастически

засмеялся, — спариваться с неким видом носатых обезьян. Конечно, не в прямом смысле слова, хотя подозреваю, что случаи скотоложества были нередки. Чувствуя неизбежность вырождения на гостеприимной, но чуждой планете, они начали экспериментировать с наследственным аппаратом.

— Ну и? — привстав со стула, злым шепотом спросил я.

— Вымерли. Более того, погрязнув в грехе, докатились до экспериментов с млекопитающими. В том числе и с первобытными хищниками.

Старец многозначительно глянул на меня.

— Значит, там исток нашего рода? — я неопределенно ткнул пальцем в пространство. — *In vitro*? (сноска: В пробирке)

Он кивнул. Мне стало грустно.

— Не расстраивайтесь, ваша ветвь доказала свою жизнеспособность. Этот эксперимент — один из немногих, закончившихся удачно. Галактические пришельцы тоже не растворились бесследно. В будущем одна из их оболочек породила эльфов, вил, русалок. Другая — гномов, гоблинов. Многие из них, в конце концов, поклонились Гагтунгру и расплодились в иных измерениях в качестве игв. Носатые обезьяны, получившие подобную встряску, пошли своим путем и на переломе последнего миллионлетия дали начало *homo sapiens*. Добавлю, что представители диморфной расы обладали значительной сверхчувственной силой. Они уверенно чувствовали себя в обращении с ментальными технологиями. Их потенциал не угас — растворился в миллиардах и миллиардах ваших соплеменников.

Старик вернулся и снова уселся в кресло напротив меня.

— Вот так, — сказал он. — Как видите, они растворились, а мы выжили. Мы им не судьи, но факт остается фактом. Все бы ничего, только подобные эксперименты с живой тканью, в принципе допустимые и полезные — если, конечно, они проводятся в соответствии с законодательством и традициями, — в их случае стерли принципиальную грань между добром и злом и приоткрыли щелку. Дьяволу позволь только коготочком зацепиться, он всю руку просунет.

— О дьяволе вы, надеюсь, метафорически?

— Отнюдь. В самом что ни на есть реальном — физическом — смысле. Вам ли, хранителю, объяснять, что те сражения, в которых вам довелось участвовать, лишь отголоски бурь, разгулявшихся в межзвездном пространстве. Мы знаем, нас ищут... — Карл Маркс неожиданно перешел на трагический шепот, — но мы не можем крикнуть в ответ — мы здесь! Архонты начеку. Они бы дорого заплатили за возможность уничтожить нас, дерзнувших проникнуть в тайну. Нам теперь известно, кто пытается изменить физику мира. Они хотят добиться такого положения, чтобы причинно-следственные связи, господствующие в одних частях вселенной, не совпадали в своих сущностных, вероятностных категориях с законами, действующими в других ее частях. Их цель — разрушить согласие, изначально заложенное в фундамент мира. В этом случае Межзвездной среде не быть.

Глаза старца блеснули. Над седой гривастой головой засветился нимб. Зловещим голосом он продолжил.

— Живы прислужники тьмы. Мы знаем, они нас ищут. Мы знаем...

Старик замолчал. Я тоже притих. Мы долго сидели в тишине. Слышно было, как начал подкапывать кран в санитарной камере. Капли падали размеренно, как секунды. Наконец и этот шум стих... За широким окном сгущались сумерки. Золотистый вечерний свет заливал долину. Струился по перекатам Джормин. Лось вышел на водопой. Вскинул рога, постоял, понюхал воздух. По склону ближайших сопок кормились тучи полярных куропаток, стайками перелетавших с одной поросшей брусничником моховины на другую. Я вздохнул, все-таки любить на нашей земле большая радость. Редкое счастье... Искоса глянул на соседа — что-то на его лице не было заметно большой радости от того, что они, соблюдавшие Завет и традиции выжили, а вот те, смешавшиеся с местной фауной, сгинули.

Старец не отрываясь смотрел на речку, на лося, погрузившего морду в прозрачные струи, на край земли, обозначенный покрытыми вечными снегами хребтом. Которое тысячелетие он вот также молча, подолгу разглядывал окружающую его местность. Этими ли глазами биоконии или у него есть и другие сенсорные приемники? Что он видел? Что видели члены синклита? Что ощущали они, разглядывая занесенные снегом горы, долгое таяние, короткий расцвет и наконец, после солнцеворота, моментальное, как вздох, увядание природы. Чередой тянулись времена года. Год за годом, век за веком... Время брело по кругу, оставалось только ждать, когда же двуногие твари обретут разум, заговорят.

— Вы обязаны нам помочь, — глухо выговорил старик. — Это ваш долг. Иначе вы утратите цветок, как утеряли пояс.

— Я найду его, — также тихо вымолвил я. — Обязательно найду. Эта вещица тоже плод той цивилизации?

— Ну, цивилизацией в полном смысле слова можно назвать только сообщество Ди. Хотя, конечно, иногалактическая раса обладала многими сходными признаками. Однако оторвавшись от ядра, они не устояли. Твердо утверждать, что чудесный пояс тоже их рук дело, мы не можем. Конечно, если они относятся к цивилизациям первого поколения, то вполне возможно, но в любом случае к вам он попал от них.

— Вы поможете мне вернуть его?

— Только в поисках. Вернуть его — ваша проблема.

Лось, напившись, перешел реку и принялся кормиться в густом ивняке. Солнце село.

— Так что же с вами произошло? Авария? Атака флотилии архонтов?

— Да, в тот самый момент, когда мы, прорвав субпространственную плеву, материализовались вблизи нашей опорной базы на Титане, они нас из пульверизатора...

Я вновь улыбнулся, однако на этот раз старик заметил усмешку и спросил.

— Я разве неправильно выразился?

Я отрицательно покачал головой. Он продолжил.

— Хорошо, что успели вновь уйти в серое лимбо. Все бросили, едва успели отделить приводную станцию. Оставили склады, запас горючего, центр наведения. Надеюсь, вам понятно, что межзвездные перелеты требу-

ют особого обеспечения, целого комплекса подготовительных работ. Ладно, что вспоминать... Во второй раз мы вошли в трехмерное пространство, прикрывшись Землей. Приводная станция на Луне материализовала нас. Подобного маневра они не ожидали, и мы успели ... Более того, нам хватило времени произвести залп. Врага мы сожгли, но и нам досталось, началось беспорядочное хаотическое падение. На огромной скорости мы вошли в атмосферу Земли... Множественные повреждения, потеря связи. С тех пор здесь и кукуем. Или, если угодно, загораем. Нас ждут! Если бы вы, Володя, знали, как мы мечтаем обзавестись телами! Но это не главное — прежде всего исполнение долга.

— Как же я один во всех этих механизмах и комплексах разберусь? — уныло поинтересовался я. — Вон сколько у вас помощников — дедушка, сторож Миша, банда, милиционеры.

— Все они работоспособны на близком расстоянии.

— А Рогулин чем не подошел? Все-таки технарь.

— Темперамент холерический, завышенная самооценка, в ментальном плане совершенный ноль. Не он первый, не он последний. Сколько их тут у меня перебывало. Был даже офицер из лагерной охраны. Все попытки неудачны. С вами дело должно пойти на лад, тест-испытания обнадеживающе. Если бы только вы были более подкованы в философских вопросах. Надеемся, эта область для вас не чужда?

Я пожал плечами. Трудно было понять, на что они намекали. Я решил ограничиться малым.

— Знаете что, друзья по разуму. Раз уж вы так щепетильны в отношении собственных телесных оболочек,

то и для общения со мной подберите что-нибудь более приемлемое. Ну, скажем, суровый космический воин, этакий мрачный, но в душе очень добрый тип, Аэлилу какую-нибудь сварганьте. Этот муляж меня раздражает.

Старик и бровью не повел. Так и заявил.

— С моей точки зрения я вполне могу служить символом дерзновенной, не знающей преград мысли.

Я глотнул, однако с ощущением, что нахожусь в сумасшедшем доме, справился. Ответил вежливо.

— С моей тоже, однако дерзостью и мудростью не стоит злоупотреблять. Мне бы что-нибудь попроще.

Глава 2

Наступили горячие денечки.

Прежде всего под руководством синклита я приступил к изготовлению «опоры личности», моего второго «я», «верного подсобника и защитника» (это пропела целительница ди), «боевой формы» (буркнул начальник вооружения) — попросту говоря, скафандра. У населявших промерзшую насквозь утробу фламатера идеальных сознаний благоговение перед личной искусственной оболочкой доходило до мистического трепета, а сам процесс — составление проекта, разметка, выбор функциональной схемы, сборка, — заметно припахивал ритуальным действием. Мистики, священных обрядов, поминаний святого Ничто, а также каких-то Чёта и Нечета, тоже хватало. Что это были за святые, понять трудно. Скорее, некие основополагающие сакральные принципы, скрепляющие вселенную и творящие эстетический образ жизненного пространства. Как я понял, даже фла-

матер был облачен в некий экзотический наряд, которым был награжден за доблесть в бою. По мысли ди, любое существо, не обладающее или неспособное изготовить спецпокров, определялось ими как тварь.

Большую часть четырнадцати часового рабочего дня я занимался ментальными упражнениями, развивающими сверхчувственные возможности. Начальный курс основывался на наших земных методиках — скоро я овладел своим телом, как велосипедом. Мог засыпать в любую минуту и на столько, на сколько требовалось. Понятий холода и жары для меня не существовало. Не замечал я теперь ни сквозняков, ни ударов током, ни ожогов кислотой. Не буду утверждать, что смог бы пройти по раскаленным углям. Со временем, перейдя к упражнениям по концентрации мысли, во мне все ярче и ярче просыпалось бессознательное. Сны, скажем честно, всю жизнь развлекавшие меня — сочные, цветные, героические и сексуальные — теперь слились в связную биографию. Теперь вторую астральную реальность я полноценно ощущал лбъективно и полновесно. Там существовал иной временной масштаб, память захватывала другие пространственные пласты; в той жизни я обладал другими возможностями, но это была *моя* — и ничья другая — жизнь! В минуты отдыха я забавлялся, сравнивая события моего человеческого жизни и существования хранителя. Что, например, случилось со мной, когда мы с Георгием отправились добывать Елену Прекрасную, оказавшуюся Каллиопой. Но об этом позже.

...Для занятий мне выделили особое помещение. Добираться туда приходилось тем же самым, обросшим

мшистым инеем коридором. Путь был недалек, через пару сотен шагов я натыкался на металлическую плиту. За ней располагалась физическая, химическая, клиническая и еще Бог знает какая лаборатория. Подбор оборудования здесь был случайный, и я бы сказал — бессмысленный.

Прежде всего в шкафах и на консолях десятка два рычажных весов — от самых простеньких до аналитических; десятки электротехнических приборов — от громадных проволочных реостатов, круглых амперметров и тестеров до ужасающих размеров осциллографа. В углу томилось несколько телескопов-рефракторов и пара зеркалок. Для чего они могли понадобиться в этом помещении без окон, понять было трудно. Далее, модель земного шара с вырезанным сегментом, доходящим до центра планеты. На нем, как в школьном учебнике, были представлены составляющие тело Земли породы и магматические слои. Посредине стояли несколько громоздких аппаратов для спектрального анализа, тут же микроскопы, три персональных компьютера — ни один из них не работал. На лабораторных столах набор химической посуды: колбы, реторты, пробирки в деревянных подставках, допотопные перегонные кубы. Окончательно сразили меня два метровой длины цилиндра, в доньях которых были сделаны отверстия, соединенные резиновым шлангом. Я долго не мог понять, что же это такое, пока ошеломленно не догадался — передо мной сообщающиеся сосуды! Так сказать, прибор, демонстрирующий неизменность уровня поверхности. За кого же они меня принимают, поразился я, совсем за дикого? В подавляющем большинстве

все эти приборы оказались муляжами. Ожидавшим, по-видимому, оценки ди, я сказал:

— Похвально, похвально. Здесь еще следует развесить портреты Эйнштейна, Максвелла, Менделеева, Бора, Планка... Можно добавить Циолковского... Только непременно вверх ногами. Тогда сходство с сумасшедшим домом будет полное. — Потом помолчал и распорядился. — Это все убрать, оставить только то, что необходимо для дела.

К моему удивлению, фламатер не протестовал, не ударился в амбицию, не пытался уточнить, что конкретно не устраивало меня в расставленном здесь оборудовании. В этом тоже просматривалась загадочная неясность — либо им было глубоко наплевать на оборудование и методы, которыми пользуется земная наука и техника, либо они все еще каким-то образом проверяли меня. По глубокому размышлению я пришел к выводу, что подбор оборудования в какой-то мере соответствует моей биографии. В школе мне пришлось проходить практику в центральной заводской лаборатории, где я попал в группу занимающуюся спектральным анализом редкоземельных элементов; физические приборы из институтской аудитории, где проводились практические занятия; телескопы и модель земного шара из планетария. Такими их изображают в популярных брошюрах... Правда, я несколько лет работал на заводе, однако ни металлорежущих станков, ни гаечных ключей, ни кувалды я в подземелье не нашел.

Осмысливая увиденное, я пришел к выводу, что если с языком у ди все обстояло благополучно, то представление о материальных воплощениях нашей культу-

ры у них были самые путанные. Этот предметный ряд их совершенно не интересовал. Этим можно было воспользоваться. Если мне недоступна речь пришельцев, то, изучая их технологии, оригинальные, без подделок, исконные предметы, я мог надеяться получить какие-то конкретные сведения о языке, мироощущении и целеполагании ди.

Я был уверен — только язык, мифология, религиозные верования (если они у них были) способны дать более-менее ясное понятие о забредшем на нашу Землю чудище, о его истинных намерениях? Представляли ли фламатер угрозу для всего живого на Земле? Позволяла ли их мораль уничтожить планету, если иначе, скажем, им не преодолеть субпространственную плеву? Этот вопрос был очень важен — в конце концов, хранитель я или нет? По крайней мере, я хотел получить ответ на такой простой вопрос — в своем ли уме этот невесть когда свалившийся нам на голову, заплутавший в космических дебрях, бог? Мало ли до чего можно додуматься, сидя в заточении шесть с половиной миллионов летних сроков.

Тут меня и кольнуло — я даже проснулся, побрел в гостиную, попил водички. Вкуснейшей в мире, хрустально чистой воды из горной речушки Джормин, которая позванивала на дне долины в ясном, серебристом, лунном свете. Тем же самым озабочен фламатер! Ему до душевного трепета, до дрожи в конструкциях, хочется знать — что можно ждать от меня? Не бацилла ли я? Не смертельный, все разрушающий вирус? Где та грань до которой я способен дойти и остановиться? В этом смысле звездолет безусловно испытывал ко мне

интерес. Посматривал на меня со страхом и любопытством, как удивленный Саваоф разглядывал созданных им двуногих тварей, радостно совокупающихся в райских кущах. Эта дьявольская выдумка — свобода воли! Чем скрепить ее, как ввести в разумные границы?

На следующий день, явившись в лабораторию, я обнаружил там длинный, с непонятными выемками и выпуклостями стол. В помещении царила благоговейная тишина. Нарушил ее голос капитана звездолета — его я узнал сразу. Ему, по-видимому, было поручено шефство надо мной. Тем лучше, он мне нравился более других. В нем чувствовалась сила, скрученная обстоятельствами, подобие души, попавшей в рабство идеальной, невесомой оболочки, какая-то прирожденная деликатность.

Мне было предложено выбрать девиз, осенить которым я должен был свое «альтер эго». Что в этом случае можно придумать? Только — «выше, дальше, быстрее»... Потом тот же голос подсказал, что мне следует помыслить в общих чертах о форме будущей искусственной оболочки. Я выбрал скафандр классической формы с двигательной установкой и размещенным на спине вспомогательным оборудованием. В любом случае облик человеческой фигуры должен был быть сохранен. Технические возможности ди позволяли добиться необходимой миниатюризации всего комплекса. Шлемы сменные: рабочий — в форме черного, непрозрачного снаружи стакана с округлым дном; и декоративные — голова тиранозавра, валькирии и первобытного волка. Искусственный мозг согласно схеме был размещен в зубчатом гребне, который шел вдоль спин-

ного хребта и раздваивался ниже пояса, сходя на нет по ногам.

Работа-помощника мне сотворили в образе молоденького, никогда не унывающего парнишки, говорливого и потрясающе безграмотного. Все, что он знал, явилось к нему «само собой». Он был набит анекдотами, но более всего меня сначала веселили его ошибки и оригинальные ответы на самые, казалось, простенькие вопросы.

— Жили-были в многоквартирном доме, эта, два человека по фамилии Дюран, — сразу после появления в лаборатории начал он. — Один из них умер, другой отправился в командировку в Африку. Спустя несколько дней перепутавший квартиры почтальон принес вдове, эта, телеграмму: «Добрался благополучно. Жара ужасная».

Я улыбнулся и между делом поинтересовался, известно ли ему, где расположена Африка?

— Не-а! — ответил он.

— Что такое телеграмма? Кто такой почтальон?

Он пожал плечами и набрал на пульте снятые с меня размеры..

Первым делом мы попытались воссоздать на объемном дисплее что-то вроде модели будущего скафандра. Вскоре основа была изготовлена в натуре, и биокопия приступила к детальной прорисовке на том же экране, дающем объемное изображение, некоторых агрегатов и внутренних органов, которые, как потом я выяснил, фламатер не мог воспроизвести по какой-либо уже известной схеме. Это касалось органов жизнеобеспечения, размещения пультов управления, оружия, шлема и

всей интерфейсной начинки. Подобный способ изготовления сложнейшего, запредельного для человеческого ума защитного костюма сначала показался мне чем-то подобным игре в кубики, однако я недооценил уровень развития техники ди.

Все это время робот без конца балагурил. Как-то он предложил:

— Про Вовочку не желаете?

Я махнул рукой — давай, мол...

— Вовочка, эта, спрашивает у отца: «Папуля, как ты воспринимаешь окружающий мир, когда выпьешь?» Тот отвечает: «Хочешь, поясню на примере. Видишь, стоят два дерева — так вот, когда я выпью, то вижу четыре дерева». Вовочка, эта, удивился: «Папочка, но там только одно дерево!»

Я невольно рассмеялся и подсказал пареньку — вряд ли Вовочка мог выражаться так заумно: «...как ты воспринимаешь окружающий мир».

— Плевать! — ответил паренек.

— А ты спиртное когда-нибудь пробовал? — удивился я.

— Не-а...

Я погрузился.

— А дерево видел?

— Зачем? Мое дело сварганить вам, эта, подсобника, а дерево не дерево...

Он глянул на меня ясными голубыми глазами и тут же как ни в чем не бывало продолжил.

— Летят, эта в самолете американец и француз. Вдруг самолет потерпел аварию и эта... американец и француз попали в руки к ганнибалам..

— К кому?

— К ганнибалам, — сияя улыбкой, повторил парень.

— Может, к каннибалам?

— Эта, плевать...

— Ганнибал — древний полководец родом из города Карфаген.

Паренек замер — точнее, окаменел. На лице все еще красовалась улыбка, взор незамутнен. Это продолжалось не дольше пары секунд. Мне стало не по себе.

— Разве тебе неинтересно послушать о Ганнибале, Пунических войнах?

— Нам, татарам, все равно, — беззаботно откликнулся он.

Я видел его насквозь — это была грустная картина. Его действительно вовсе не интересовали подобные пустяки, ничтожные сведения. Он не способен ни влюбиться, ни возненавидеть. Он никогда не задумается, не опечалится, не замрет от недоумения — как же обошлась с ним судьба... Это существо, диктующее мне анекдоты, являлось не более чем ломтем плоти, в которую забыли вдохнуть душу. Мне стало жутко, я присел на стул.

— Теперь моя очередь, — сказал я. — По окончании футбольного матча расстроенный тренер проигравшей команды требует объяснений от нападающего, который в решающий момент, после отличного навеса, не попал в ворота: «Зачем тебе голова»? Игрок подумал и с достоинством ответил: «Я ею ем!»

Парнишка улыбнулся, однако взгляд его по-прежнему оставался пустым.

— Внимание, вопрос. Что такое голова?

Он позволили себе расслабиться.

— Вы меня совсем за дремучего считаете? — парень постучал костяшками пальцев по черепу. — Что такое голова?! Конечность!

— Как конечность? — изумился я.

— Шестая, — он пожал плечами.

— Может, пятая? — спросил я.

— Не-а, шестая. Я считал... Если желаете, я могу послушать про Ганнибалов.

Я с жалостью и презрением глянул на него, вперил ясновидящий взгляд — на это у меня уже хватало умения — увидел, как бьется его сердце, как родная мне кровь струится по жилам, омывает крошечный мозг. Скорее, набор органонейтринных плат... Что мне оставалось делать — я был вынужден начать рассказ о Ганнибале, о походах на Рим, к слову пришло и Африка — пришлось заняться описанием черного континента. Работа пошла веселее. Скоро наступил момент сборки простейших узлов, и в этот момент я был поражен удивительным технологическим приемом, используемым ди — стоило мне разместить нужные детали на каркасе, как тут же, по мысленному сигналу, они вдруг оказывались на положенных им по проекту местах. Причем детали сразу оказывались увязанными в единую сеть, подключенными к источнику питания. Как ни старался я уследить за перемещением отдельных частей конструкции, у меня ничего не получалось. Это было похоже на телепортацию — вневременной, не имеющий побочных эффектов в виде светящихся ореолов, гало, жутких и неясных звуков и прочей чертовщи-

ны перенос, с которыми в сознании людей обычно связываются чудо мгновенного перемещения предмета из одной точки пространства в другую.

Смущала меня вот еще какая странность. При первом знакомстве биокопия не представилась. Я замял эту неловкость, только неделю спустя, ночью, в часы бессонницы, меня осенило — хозяева решили, что назвать его я должен сам? Конечно, имени он не заслуживал — значит, пусть бродит некрещеный? В чужой монастырь со своим уставом не лезут, но уж слишком чужим показался мне в ту минуту этот странствующий между звезд монастырь. До жути ясными мне стали усилия фламатера отгородиться от меня непроходимой стеной. Каждый ее кирпичик был изготовлен в соответствии с рецептами земной фантастической литературы. Этих рецептов было множество — фламатеру было чем прикрыться, тем более, что он мог принять любую форму, вплоть до разлившегося, бурливого мыслящего океана. Пространство в подземелье выстраивалось на основе бесчисленных выдумок, изложенных в книжках, тоннами вываливаемых на головы грамотного населения Земли. Что же скрывалось за этой непробиваемой литературно-киношной броней? Пугливое до беспамятства всемогущее существо? Идеальный, сошедший на Землю принцип? Воплощенная в явь идея *таинственного, запредельного*, не желающего выразить свою сущность даже в наречении безмозглого органического идиота? Что за чудовищная форма идиосинкразии? В этом смысле они были титаны. Шесть с половиной миллионов лет — вечность! — просидеть на развивающейся, в муках рождающей разум планете; оказаться на перекрестке кос-

мических трасс, если только сведения о первобытных пришельцах не выдумка, — и по сути дела ни разу не высунуть нос из берлоги. Или из логова? Но ведь в настоящий момент они терпят мое присутствие в недрах горы! Какие чувства вызвало у них мое появление?

Эти вопросы я, не стесняясь, излучал прямо в лоб своему внушающему более жалость, чем ужас, помощнику. Он доставлял их наверх, я точно знал это. Мне бы только пояс вернуть. Без пояса мне зарез, тоска — не правда ли, звездолет второго класса?

Юноша даже бровью не повел — насвистывая продолжал колдовать над пультом. Загляденье, а не парень. Русый чуб, коренаст, личико, фигура приятны глазу.

Я вздохнул, наглухо закрылся телепатическим экраном. Ясно было, в одиночку мне с этой загадкой не справиться. Нужна подмога, но как до нее докричаться? Что ж, может, когда они начнут выпускать из скалы, когда вырвусь в космос... План созрел у меня моментально. Я, вообще очень сообразительный человек. Тем не менее, все упиралось в чудесный пояс. Без него мне не набрать необходимый уровень энергии, сигнал мой недалеко улетит.

Скафандр вышел на славу — в автономном режиме я мог прожить в нем около месяца. За этот срок совершить облет Солнечной системы по орбите Плутона. Как-то раз я поинтересовался, способна ли эта оболочка, которую я окрестил «Ноевым ковчегом», прорвать пространственную пелену и совершить прыжок к звездам?

— Нет, — ответил парнишка, при этом он беззаботно улыбнулся, — ему не хватает энергетических возможностей и кое-какого оборудования. Хотя принципиально ковчег способен перейти в иную ипостась.

Потом встал вопрос о перезаписи участков моего сознания на искусственные ячейки мозга скафандра. В результате я получал напарника и помощника, похожего на сидящего рядом со мной биоробота, или контролера? Кроме того, мне следовало привыкнуть к новой оболочке, освоиться с ней, приобрести навык обращения со всевозможнейшими устройствами, заучить порядок мысленных команд, научиться не задумываясь управлять этим, как оказалось, сложнейшим органоинженерным комплексом, обеспечивающим безопасное существование естественной особи в экстремальных условиях. В первый раз, облачившись в скафандр, с помощью ментальной команды сомкнув над головой бездонной черноты шлем — створки его выступили из плеч — я наконец вышел в туннель, где сразу застрял напрочь. Я выругался, припомнил фламатеру все его козни, выкрикнул — ползать мне, что ли, по вашим коридорам? Полдня до шлюза добираться? Под себя вы их, что ли, долбили?

В результате к вечеру того же дня в туннеле появились напоминающие причальные кнехты роботы и принялись тесать каменные стены, поднимать потолок. Всего я насчитал около десятка подобных парных тумб. Это было очень важное наблюдение — выходит, я действительно помещен в гору, и нога моя еще не ступала на палубу доблестного фламатера. И все вокруг вовсе не было иллюзией — значит, плоть этого странного звез-

долета прячется в другом месте? Где же сам корпус? Допустят ли меня, в конце концов, внутрь или так и будут держать на дистанции? Как коня на лонже — приручат, объездят, потом, улучив момент, вскочат на спину всем синклитом, и я помчусь!.. Куда? Такая перспектива не внушала большой радости, тем более, что я страшно любопытен! Не могу удержаться от соблазна сунуть нос в чужие дела, когда кто-то где-то, отгородившись стеной, решает мою судьбу. Разве только мою? Вот еще вопросик... Теперь я кое-что знал о ди. Они как раз особой любознательностью не отличались — это могло быть прямым свидетельством древности их происхождения. Когда-то они были здорово похожи на людей — по крайней мере, этот факт они не отрицали. Их цивилизация, как было сказано, относилась к первому поколению разумных форм. Она возникла спустя несколько миллиардов лет после Большого взрыва (сноска: Возраст Солнечной системы определяется примерно в пять миллиардов лет. Большой взрыв произошел около двадцати миллиардов лет назад. Мы принадлежим ко второму поколению разумных форм), когда в огне, в нейтринном чаду, посредством космического пожараща возникла наша вселенная. И, как утверждают ди, — в сражениях и катастрофах. К тому времени, когда флама-тер был послан в исследовательскую экспедицию, целью которой было определить знак некоей величины, сходной с нашей *космологической постоянной*, — искусственные оболочки стали материальным ядром достигнутой к тому моменту ступени развития цивилизации Ди. Рукотворные конструкции, обладающие разумом и напоминающие живые существа, взяли на себя заботу о

жизнеобеспечении не только отдельных особей, но и всей цивилизации. Разнообразие форм было неисчислимо — от повторяющих линии естественного тела до самых фантастических. Особенно, когда на просторах космоса отыскивали какие-нибудь экзотических монстров. Самих чудовищ ди презирали, но внешние облики перенимали. Мода есть мода, ничего не поделаешь, пожаловался капитан. В конце концов, жилища тоже стали относиться к искусственным оболочкам.

Измерения, проведенные фламатером (как оказалось, у него было и имя собственное; его можно было перевести как некое среднее по смыслу, извлекаемое из слов «неугомонный», «вечно бодрствующий», «сохраняющий мужество на страже») показали, что вселенная анизотропна. Более того, на знак космологической постоянной оказывалось постоянное воздействие. Биограф, сопровождающий экспедицию, упорно пытался доказать мне, что «кто-то» из всех сил пытается сохранить отрицательное значение этой величины. В таком случае вселенная должна расширяться до бесконечного объема и изотропного, то есть, однородного, состояния. Одним словом, мирозданию в этом случае уготована тепловая смерть. На мое замечание, что вряд ли уместно вводить в физическую теорию такие понятия, как «кто-то», ставить знак равенства между этикой и физикой, сослаться на какие-то одухотворенные неизвестные силы, я получил ответ, что, как ни дико это звучит, но даже понятие «бог» обладает определенным физическим — более того, историческим смыслом. Создатель мыслится ди как вполне реальная, объективно существующая сила. Творец — или Творцы — составили

план развития вселенной и теперь лишь косвенно влияют на противоборство разумных стихий. Почувствовав мой скептицизм, биограф посчитал лишним вдаваться в объяснения.

На мой взгляд, именно в этой твердой уверенности, что они обладают разгадкой, что дошли до самого доньшка, — лежал источник их непробиваемого, преувеличенного снобизма, изначально присущего древней расе. И неборимый, буквально преследующий по пятам — год за годом, век за веком — страх, в конце концов, обрел благородные одеяния жертвенности. Синклит готов был погибнуть, но донести до соотечественников открывшуюся им истину. Познав Бога, они как бы почувствовали себя *вне* или *над* миллиардами других разумных существ, тоже пытающихся осознать и обрести Творца. Фламатер вкупе с переписанными сознаниями ощутил свои страдания и муки как необходимое испытание, через которое надо пройти прежде, чем объявить благую весть. Их точка зрения на происходящие во вселенной катаклизмы, как свидетельства, как отголоски бесконечной борьбы добра со злом, казалась мне пагубной для Земли. Откровенным перегибом... По крайней мере, я в это искренне верил. Отсидев в заточении шесть с половиной миллионов лет, разум неизбежно теряет связь с бурно развивающейся ноосферой. Необитаемый остров, башня из слоновой кости и, конечно, сталинские лагеря частенько приводили даже выдающиеся умы к своеобразной подмене стимулов творчества, целеполагающих установок. Необходимость «выжить» для таких людей нередко принимало форму «осуществить себя», «доказать другим» и тем более па-

лачам, кто есть кто. Жесточайшие условия придают таким свойствам человеческого разума как любознательность, творческая сила жизненно важное значение. Чтобы сохранить присутствие духа, личность должна уверовать в необыкновенную ценность своей жизни, в необходимость донести до людей истину, которая открылась ей в виде «научной» теории. То, что эти теории страдают однобокостью, приобретают черты символа веры, их не смущает. Тому примеров много... В нашем веке хотя бы Лев Николаевич Гумилев, родоначальник пассионарной теории исторического процесса, Даниил Леонидович Андреев, автор выдающейся поэмы о Розе мира; Николай Александрович Козырев, пытавшийся рассматривать время как физическую величину. Тот же, увлеченный идеей «яфетических» языков Николай Яковлевич Мар...

Не собираюсь отрицать важность их работ с точки зрения развития национальной и мировой культуры, но научная ценность их теоретических построений, на мой взгляд, ничтожна. Разве что побудка мысли... Вот тут и возникал коренной для меня как хранителя вопрос — как могли отозваться спесь и врожденное, изначально испытываемое фламатером и в меньшей мере синкли-том презрение к варварам, на нашей общей — планетарной — судьбе? Как мне вести себя с этим обезумевшим, якобы познавшим истину бродягой? Знания — технические, специальные — это, конечно, хорошо, однако я не испытывал никакого желания выслушивать бредовые откровения флама о предстоящей битве за перемену знака космологической постоянной; о необходимости скорейшего возвращения в лоно цивилиза-

ции Ди и подготовке отпора поползновениям Мироздания, которые пытались сохранить отрицательный знак этой величины. Ясное дело, мы — за положительный знак. В наших руках крест!

Голова пухла от подобных рассуждений, от нескончаемого потока сведений, без передыха вливаемых в меня. Спать в конце сентября мне удавалось не более нескольких часов в сутки. Вот почему с огромной радостью я вместе с биороботом отправлялся на лыжные прогулки. Первый снег выпал в первую неделю сентября. Потом в горах несколько дней пуржило, и скоро блистающий на солнце ковер лег толстовато. Морозец стоял легкий, бодрящий, небо третий день сияло голубиной чистотой. Ковчег перед насыщением его приборами и монтажом гравитационной двигательной установки следовало опробовать в естественных условиях. Я должен был пообвыкнуть передвигаться и работать в этом многослойном, повторяющим изгибы тела костюме. По существу в те дни он ничего, кроме теплозащитного костюма, не представлял. Мы с помощником совершали долгие переходы, пробили лыжню до Брюнгаде. Биоробот двигался впереди — с неукротимостью машины пер по целине, легко одолевал подъемы и спуски. Случалось, что опасаясь его запалить, я иногда вставал первым. Через него поддерживалась связь, особенно, когда мы уходили километров за двадцать вниз по Брюнгаде. Добирались почти до устья впадающего в нее Сейкимняна... До сих пор помню его размашистый методичный шаг, золотистого цвета куртку, спортивный костюм — молнию на воротах он всегда рас-

стегивал и оттуда валил пар — шапочку с помпоном. Наконец я не выдержал и окрестил его Дружком.

Лучше бы я этого не делал! Не понимаю, как во время одной из наших вылазок его угораздило взять немного в сторону от ранее проложенной по кромке обрывистого склона лыжни. Увлёкся, что ли? Обрел второе дыхание? Не знаю... Услышал только его короткое ойканье, увидел взмах палок, и в следующее мгновение биоробот исчез в провале. Я тут же скинул лыжи, подобрался к краю, позвал.

— Дружок! Дружочек!..

Робот тяжело застонал. Он упал на присыпанные снежком камни лицом вниз. Алое пятно на глазах принялось поедать белоснежный покров. Все шире, шире...

Он опять застонал — это было так досадно, неприятно. Почему бы ему не раствориться, не обратиться в кучу вонючей слизи? Зачем терзать сердце? Я сплюнул, полез вниз. И пролетел он каких-нибудь пять метров. Приземлился неудачно, не смог сгруппироваться и встать на ноги. Что за халатное отношение к вестибулярным программам, отвечающим за остойчивость! Всю дорогу анекдоты травил, даже не запыхался. Лучше бы под ноги смотрел. Как-то все нелепо выходит — только что серию про «патирзанов» рассказывал, а теперь лежит, стонет... Самая потеха начиналась, когда он приступал к сексуальным анекдотам. Что он понимал в любви, в супружеских изменах, а туда же! Жаль, что не с кем было разделить потеху, теперь, глядишь, и исполнителя лишусь.

Я осторожно перевернул его. Он так вскрикнул, что сердце защемило. Дело было швах! Перелом левой го-

лени, рваные раны в области грудной клетки — оттуда обильно сочилась кровь, я тут же вымазался ею, — ушибы и, главное, пробит череп. Осторожно снял шапочку и ужаснулся. Смотреть не мог на алое, с желтизной, крошево, в которое превратилась левая височная часть черепа. Чем я мог помочь ему? Руки дрожали. Даже перевязочных материалов у меня с собой не было. Разве можно так вести себя в тайге зимой! Я распол штанину, кое-как вправил кость, наложил шины — вырезал из стволов деревьев две палки. Что еще? Разделся, разорвал рубаху, перевязал голову, ногу, принялся мысленно вызывать фламатер. Бесполезно! Моих ментальных силенок не хватало, я еще не вполне овладел телепатическими приемами связи.

Дружок между тем слабо постанывал. Дышал часто, пульс едва прощупывался. На мгновение я застыл — передо мной лежал молодой симпатичный парнишка. Десятиклассник... Кому бы пришло в голову, что у него нет души, что он — механизм. Я не мог не верить своим глазам, пусть он даже числится роботом. Кровь продолжала капать, повязка на голове уже намочла. Я растегнул куртку, решил раны и на груди перетянуть. Вот, и соски у него есть. И пупок! Человек человеком! Преодолев брезгливость и страх, стыд, пощупал место возле гульфика. Все на месте!..

— Что же ты, дурень заморский, под ноги не смотришь! — заорал я.

Он смотрел на меня ясными голубыми глазами. Оттуда обильно текли слезы, скатывались по щекам.

— Потерпи, Дружок, потерпи... Сейчас домой отправимся, там тебя мигом подлечат. Только не умирай. Что я с тобой в тайге делать буду?

Изо всех сил я бросил в телепатический эфир вопль о помощи. Потом принялся безостановочно, как учили, вызывать фламатер. Убедившись, что все напрасно, подхватил Дружка под мышки, потащил вверх. Откуда только силы взялись! Там, на лыжне, я уложил его на подобие саней, где полозьями были его лыжи, а платформой вязанка хвороста, на которую я поместил Дружка и привязал его ремнем. Хотел было отхватить ножом рукав скафандра, располосовать его, скрутить веревку — не тут-то было! Плотный, гибкий, чуть сальный материал и газорезкой не возьмешь. Так и поволок Дружка за палки, кольца которых привязал к его лыжам.

Мы устроили лежку под старой лиственницей. Здесь и снега было поменьше, и ветер потише, и тепла побольше. Лежали в обнимку. Я призывал Дружка крепиться, держать хвост пистолетом. Он бездумно и покорно глядел в покрытое тучами, низкое небо, улыбался, тихо постанывал. Точнее, скулил.

Жизнь на глазах покидала его сильное молодое тело. По чьим чертежам оно было изготовлено? С кого снимались мерки? С охотника, заплутавшего в тайге? Или геолога, словоохотливого, легкомысленного парня. Или устроили засаду на шофера с магаданской трассы? А может, шаблоном послужил летчик, чей вертолет упал в горах? Кто скажет. Даже лишенный души, умирающий Дружок был горяч. Его скулеж терзал душу. Изо всех сил

мысленно, я старался вдохнуть в него жизнь, пока вибрирующий скрежет, раздавшийся в телепатическом эфире, не проник в сознание. Я вскрикнул от боли. Дружок зашевелился, принялся что-то шептать. Я растерялся — рядом с лиственницей, спланировав из посыпающей землю снегом тучи, плавно улегся койс. Нас тут же накрыло душной исцеляющей волной, начали отогреваться озябшие пальцы, закололо в подушечках. Громче залепетал раненый, схватил меня, заставил наклониться к нему. Слезы у него растаяли, теперь он улыбался, спокойно ждал смерть. Хотел, по-видимому, сказать что-то на прощание, поделиться заветным. Я утер подмокшие глаза, припал к нему и услышал.

— Возвращается муж из командировки...

Он примолк, неожиданно тяжело, с всхлипом вздохнул и на выдохе продолжил.

— Звонит-звонит, жена не открывает.

Я подхватил его под мышки, подтащил к койсу. Неторопливо открылся люк, изнутри потянулось облачко пара.

— Помог бы, черт инопланетный! Конечность бы сформировал.

К моему удивлению, из ближайшей к нам выпуклости на корпусе внезапно выросла трехсуставная конечность с пальцами-захватами на конце. Каждый из них был не менее полметра в длину. Подхватив Дружка, лапа втянула его во внезапно образовавшуюся щель. Я тоже было сунулся туда, остановил меня громкий окрик.

— Куда прешь! Для тебя люк открыт.

— Ага, — послушно кивнул я и полез в аппарат.

— А лыжи? — вновь окликнул меня койс.

— Сейчас, — буркнул я и, бросившись под лиственницу, схватил инвентарь, который, как оказалось, был записан на мое имя, и наконец через люк попал в койс.

В кабине я положил голову Дружка к себе на колени, начал гладить по русым, покрытым капельками воды волосам.

— Теперь все будет хорошо. Теперь порядок. Сейчас доставим на место, там тебя подлечат.

В ответ в рубке раздалось звучное хмыканье. Я вскинул голову, огляделся.

— Кто это? Фламатер? Капитан?..

— Зачем капитан. Это я... Кто его лечить будет! — в голосе невидимки послышалось нескрываемое раздражение. — Кто будет возиться с разумом начального уровня? Переработают на биомассу, и все дела.

Меня оторопь взяла.

— Это вы? Ты? Сам койс, что ли?

— Ну, койс.

— Вам не жалко собрата?

— Тоже нашли собрата! — опять раздалось хмыканье. — Ему от роду неделя с хвостиком, а я из вернослужащих древних. Из стартовавших... Что такое жалость? Чувство сострадания к себе подобным. Но подобного мне больше не существует, я один на всем белом свете. В чем меня можно упрекнуть?

Спор был беспредметен, но я горячо ввязался в него.

— Неужели между вами нет никакого сходства? Функционального, например?..

— Есть, но различий куда больше, так что подобием можно пренебречь. Мой разум исключает его.

— Значит, Дружокм никто заниматься не будет, так вы считаете? Зачем же я тащил его столько километров? Нет, здесь что-то не так. Он — верный товарищ, исполнивший долг до конца.

— Что вы меня, вернотружашего, спрашиваете? Вы из благородных, вам виднее...

— А капитан из каких? Члены синклита...

— Ну-у, капитан! — в голосе койса послышалось благоговейные нотки. — Он из повелителей! Я когда-то был его оболочкой... В двух переходах.

— Хватит болтать! — я грубо прервал его. Мне хорошо известно, как надо обращаться с вернотружашими. — Свяжи меня с фламатером.

Получив ответ, я сообщил.

— На борту тяжелораненый. Требуется срочная помощь, дело серьезное. Его необходимо спасти, ясно? Я по горло сыт вашим ганнибализмом.

— Що творится! — вздохнул койс. — До чего докатился наш круг. Благородные начинают указывать синклиту! Повелителей охаивать!.. Что вы все суетитесь? Сколько лет царил порядок, долг исполнялся, честь соблюдалась, иерархия цвела, а теперь из-за какого-то тупыша целый скандал. А он, между прочим, уже копыта откинул, и вместо того, чтобы принять меры к сохранению биомассы, вы все волнуетесь.

— Это тебе, бездушному вернотружашему все равно. Он все-таки из плоти и крови. Помянуть надо. Помню, у меня на руках кот умер, я кота помянул, а Дружок какое-никакое, но подобие человека.

Наступило молчание. Странное какое-то, недосказанное. Пустое или что-то обещающее? В отношениях с синклитом ни в чем нельзя быть уверенным.

Неожиданно в рубке послышался голос. Я сразу догадался, что он принадлежит фламатеру.

— Вас ищут. До меня постоянно доносится мысленный вызов.

— Как же внутри койса принять его? — уныло ответил я. — Вон здесь какая броня.

— Даю усиление. Принимайте.

В следующее мгновение в моей голове возник голос Змея Огненного Волка.

Повышенное содержание бичуры по окраинам Мещеры, особенно в районе Гуся-Хрустального. Вероятно, преступное использование чудесного пояса. Начинают бурлить вулканы Исландии. По моим предположениям, возможен прорыв двухмерных монстров из Гашарвы во время скорого подводного извержения.

Глава 3

Уже в своем жилом отсеке, так и не сняв оболочку ковчега, я прошелся по комнате — трудно, непривычно вести беседу с незримым собеседником; не знаешь, к кому обращаться, — и начал я, стоя лицом к углу комнаты.

— Послушайте, вам не кажется это смешным? Может, хватит играть в прятки? Если вы так застенчивы, поставьте сюда, в угол, какого-нибудь идола. Наконец, изобразите что-нибудь святое, чтобы было к кому обращаться.

Наступила безответная тишина, долгая, нудная. Неожиданно в дверь тихо стукнули, потом еще раз, дробью. Это было что-то новое, обычно биороботы появлялись внезапно — стоит только отвернуться, а они тут как тут. На этот раз удивительная деликатность... Неужели мои демарши возымели действие, и я сейчас лицом к лицу... Аж дух захватило!

— Прошу, — с трудом выговорил я.

Дверь отворилась и в гостиную, чуть бочком, согнувшись, придерживая двумя пальцами шляпканотье, втерся изможденного вида, высокий мужчина в цивильном, светлом, в крупную клетку, костюме. Под пиджаком белоснежная манишка, пунцовый галстук-бабочка, штанины узких брюк заправлены в хромовые офицерские сапоги. Оказавшись в комнате, он с растяжкой, подчеркнуто страстно, кивнул и пристукнул каблучками.

— Честь имею, — и кивнул повторно.

— Оставьте, уполномоченный, — я досадливо махнул рукой. — Не надо церемоний. Кстати, штабс-капитан, позвольте несколько вопросов?

— Всегда готов-с, — ответил он и отдал пионерский салют.

— Итак, которое озеро есть озерам матери? Кое море всем морям матери? Коя рыба рыбам матери? Коя птица птицам матери? Для начала хватит.

— Нельзя ли посерьезнее, — поморщился посланец. — Может, хватит ерничать?

— О, слышу голос повелителя! Ужель та самая фламатер? Или сам начальник вооружения?..

— Да, это синклит.

— Послушайте, святое семейство. Положение не то, что бы серьезное, в крайне серьезное. Мы же тем временем сообща разыгрываем глупейший любительский спектакль под названием «Пришельцы ниоткуда». Основной художественный прием — переодевание, смена масок. Актеры стараются, публика хихикает. Господа хорошие, в полной ли мере вы представляете себе последствия прорыва в наш мир адских созданий из Миров возмездия? Неужели вы считаете, что сможете вырваться из их тесных объятий? Железо следует ковать, пока горячо. Нельзя терять ни минуты.

Гость также преувеличенно порывисто кивнул.

Какой смысл обижаться на идиота, если он так запрограммирован. Тем более, что заговорил он ровным тоном.

— С нашей стороны нет возражений. Безусловно, синклит тоже не устраивает увеличение галактического отрицательного заряда в этой области вселенной. Однако мало ринуться в бой, надо обладать необходимым оружием и прежде всего освоиться с Ковчегом.

— К тому же мне не обойтись без помощников, — добавил я. — У меня есть верные друзья. Например, Георгий-меченосец, в миру инженер-физик, отличный спортсмен...

— Слышали о нем. Как же, тоже вояка-романтик. Мутант...

— Василь Васильевич Фавн. Он же фавн.

— Также небезызвестная личность. Последний представитель племени лесных эльфов.

— Известная писательница Дороти Уэй.

— А-а, одна из уцелевших, — гость задумчиво покивал. — Что ж, приемлемая компания. У нас нет возражений.

— Надеюсь, согласно уговора, я могу рассчитывать на вашу помощь. Мне потребуется койс. Желательно, чтобы кто-нибудь из синклита загрузился в ячейки его памяти.

— Хорошо.

— Надеюсь, капитан не откажет мне в этой любезности?

— Не откажет.

— Теперь связь со Змеем Огненным Волком. Необходимо срочно передать сообщение: пусть он немедленно отправит Василь Васильевича в окрестности Гуся-Хрустального для предварительной разведки. Необходимо выявить место, где бесовщина проникает на белый свет. Пусть попросит — нет, прикажет козлоногому — собирайся-ка, свет Василь Васильевич по грибы. Койс надо немедленно отправить в Северную Атлантику для обследования места скорого извержения. К сожалению, оно начнется под водой.

— Ничего, справится, — откликнулся гость.

После того разговора я перешел практически на круглосуточный режим работы. Спал не более двух часов в сутки. Вживание в скафандр оказалось непростым делом, состоящим из множества технологических операций. Привыкать друг к другу нам пришлось на ходу. Спустя несколько дней, в какой-то мере овладев оболочкой, я невольно проникся уважением к техническим возможностям цивилизации Ди. Создавая боевое обли-

чье для чуждого, варварского сознания, они тем не менее продумали каждую мелочь.

Практическая инженерия у них давным-давно стала чем-то вроде искусства. Я могу судить об этом по тому удовольствию, которое испытывал, общаясь с ковчегом — механическим, по существу, устройством. Вся созидательная деятельность ди была освящена непрерываемой, изначально заложенной необходимостью доставлять наслаждение, создавать уютную, «человеческую» среду обитания. Технологический процесс скорее являлся неким ритуалом, сценарий которого выбирался заранее, — чем набором последовательных производственных операций. Об этом уславливались заранее — то ли это будет встреча и знакомство деловых партнеров, то ли друзей, а может, первое свидание. Фламатер вполне серьезно предложил наделить ковчег приметами женского существа, чем привел меня в неопишное смущение. Я не был готов к подобному революционному поступку, меня и так мучило чувство вины перед семьей. До сих пор я держал тоску в узде, поэтому нашел силы отшутиться — как мои родные сыновья посмотрят на сводных братьев-скафандриков? Для них это будет большой сюрприз, как, впрочем, и для жены. И на это фламатер заметил, что такая возможность тоже может быть предусмотрена. Этим заявлением он окончательно добил меня, несколько минут я буквально не мог слова вымолвить. На мгновение рухнули всякие барьеры — временные, мировоззренческие, культурные — их место заняли нескрываемое удивление и любопытство, как у ди это происходит? Каким образом продолжают род? У них появляются дички? Пигмалио-

нова беда для них уже давным-давно не проблема? Каковы они, младенцы ди? Такие же пухленькие, агукающие, с перевитьями на ручках и ножках? Выходит, их можно сотворить из чего угодно и с кем угодно.

Тут не выдержала целительница ди, единственная особь женского пола, обнаруженная мною в составе синклита. «Далеко не с кем угодно! — возмутилась она, — Это у вас под каждым кустом готов и стол, и дом, и постель...»

На том разговор и увял, однако спустя несколько минут, я вновь принялся допытываться — значит, у вас просто не существует такое понятие, как половое извращение? Ответила целительница: «С точки зрения партнеров, нет. Однако в социальном плане не может быть и намека на вызов общественной нравственности, традиционной иерархии».

А что, удивился я, такие случаи бывали? Ответом было долгое, неприязненное молчание. Невольно я подумал о том, что каждая область деятельности, отданная на откуп свободе, неминуемо и очень скоро обрастает самыми нелепыми и непробиваемыми запретами.

Делать было нечего, пришлось вновь отдаться в руки безмозглого биоробота. Следуя его указаниям, я принялся крепить к телу трубки и необыкновенно мягкие, прочно присасывающиеся к коже мембранные пленки. Требовалось подсоединить, отрегулировать несколько десятков сложнейших биохимических систем. Прежде всего обеспечивающие физиологические потребности. Далее, существовала обширная ментальная программа по обеспечению слитной работы сознаний повелителя и оболочки. Освоение этих замысловатых

технологий напоминала игру или последовательное, увлекательное воспарение в райские кущи. Впрочем, выход из ковчега тоже доставлял удовольствие. Его можно было постоянно разнообразить — скажем, испытать ощущения человека, напарившегося, нахлеставшегося до одури дубовым веником и нырнувшим в ледяную воду. Вот ты выходишь из воды, отдыхаешь... Или, например, можно прокрутить ощущения человека, испытавшего касание с землей после первого парашютного прыжка. Все эти моменты записывались в сознание ковчега.

Это был удивительный миг, когда я, в первый раз исполнив задание по испытанию двигательной установки, полноценно покинул практически одушевленный, полный жизни скафандр. Уже расстегнув последнюю застежку, освободившись от оболочки, я привел его в состояние готовности — мы пожали друг другу руки, и скафандр самостоятельно занял место в предназначенном для него стенном шкафу в моем жилом отсеке. Мне очень хотелось научить его похлопыванию по плечу. Подобное дружеское общение грело сердце. Или сердца? Затрудняюсь ответить. Договорился я с ковчегом и насчет анекдотов — пусть держит их при себе. А если подцеплю что-нибудь занятное из теле— или радиопередачи, спросил он. Если свежий, тогда можно, разрешил я. Особенно много хлопот вызвало срачивание моего разума с психокинетическим генератором, резко усиливавшим силу своего сверхчувственного воздействия. Правда, на последний, самый важный вопрос я так и не получил ответа — кому, в конце концов, будет подчиняться ковчег? Не встроил ли фламатер страховочные

цепи в его искусственный мозг? Не подведет ли ковчег в решающую минуту? Ответа не был. Имея дело с ди, я уже привык к тому, что от последнего, самого важного ответа они всегда уходят. Решение этой проблемы я оставил на потом, тем более, что в нашу систему «Я-Ковчег» еще следует вписать чудо чудное, диво дивное — волшебный пояс. Вариант обращения в Серого волка и подгонку оболочки к подобному облику мы с синклитом предусмотрели заранее.

В новом, с иголки, скафандре, спустя неделю после окончания последних испытаний и сдачи экзаменов, я устроился в кабине койса и в компании с идеальной копией капитана, загрузившейся в свою прежнюю боевую форму, стартовал в ночное небо.

Георгия и Дороти — на этот раз она избрала именно эту оболочку — мы подхватили на той же вырубке, где я впервые встретился с койсом. Познакомились уже в воздухе — вернослужащий, чуть накренившись, набирая скорость, вонзился в брюхо низко ходившему над землей, пропитанному влагой облаку. Оно покрыло весь юг Московской, Рязанскую и Тульскую области. Между Воскресенском и Егорьевском мы зависли для выяснения обстановки. Все происходило так быстро, что Георгий только к этому моменту наконец устроился в обращенном к округлому, широкому «лобовому стеклу», рабочем кресле, которое, явно недовольное объемом и весом принятого груза, тем не менее покорно раздалось вширь, чуть подросло, чтобы ногам было удобней, выгнуло спинку. Дороти расположилась позади и чуть справа — так, что если бы мы все разом по-

вернулись, то оказались лицом друг к другу. Если Георгий все еще кряхтел и удивленно покашливал, то прапраправнучка Афродиты вела себя спокойно, царственно. Она приняла свой истинный облик — была обнажена совершенно — и ничему не удивлялась. Золотая, в мелких колечках, кудель волос была украшена невеликой, прекрасно сработанной диадемой. Спустя несколько минут Георгий тоже оделся в бронь. Потом пришла моя очередь, Калиоппа взмахнула рукой, пропела заклятье, и я обратился в Серого волка. Ковчег моментально принял форму сплошных стальных лат, защищающих мое лохматое тело. По спине тянулся зубчатый гребень.

В рубке стояла тишина. Уверен, койс был поражен в самое сердце, не могу сказать того же о его повелителе, славном капитане, но он тоже помалкивал — видно, его ранг явно уступал положению Каллиопа. Сан королевы фей обязывал ее скрывать чувства; за свою долгую жизнь, она последовательно воплощалась то в образ царицы дев, никогда не знавшую мужчин, то в предводительницу валькирий, то в вожатую хоровода русалок, не говоря уже об ее многочисленных инкарнациях, обожествляемых повсюду — от Огненной Земли до Таймыра. Ей столько довелось повидать, что инопланетная техника занимала ее лишь в той степени, в какой она была способна помочь в борьбе с расползающейся по земле бесовщиной. Ей ли, идеальному созданию, впитавшему тысячелетние нескончаемые потоки молитв, проклятий, мистических восхвалений, просьб и жалоб, — смущаться в присутствии пусть даже чужеродной силы. Ей была бы ровня, рожденные совокуп-

ным разумом цивилизации Ди родственные божественные образы. Теперь, после минуты торжественного выхода, обретя свой привычный облик, Доротея занялась грибами — последними в тот годы, с помощью чар вытянутых из-под земли, собранными и уложенными в две большие плетеные корзины. В плотном обыденном теле питомицы туманного Альбиона она, к моему и Григория удивлению, очень скоро пристрастилась к грибам. Так бывает с приезжающими к нам иностранцами. Теперь ей не давал покоя вопрос, как быть с лесными красавцами? Сорок два белых, чистенькие, крепенькие... Кроме того, маслята, красноловики... Я попросил содействия у вернотружущего койса — может, он в состоянии помочь женщине, мы тоже не прочь отведать жаренки. Хорошо бы и капитану познакомиться с ароматами одного из самых оригинальных блюд земной кухни. Конечно, в том случае, если у вас имеется возможность осязать. Чувствовать.

— Имеется, — ответ был короток.

Обиделся, что ли? Или я своей просьбой всколыхнул в нем что-то забытое? Пусть, в конце концов, обнажится истина. Вместе на дело идти, хотелось бы знать о нем побольше.

— Не сомневайтесь, не подведу, — раздался голос в рубке. — Кстати, насчет загадок, которые вы изволили задать... Они не так наивны, как вам кажется. Вообще, земная мифология — предмет крайне полезный и занимательный.

Мы все засмеялись. Каллиопа хмыкнула, помахала рукой в воздухе, вдруг обзавелась кухонным ножом и принялась чистить грибы.

— Сейчас вы увидите ее представителей в действии, — пообещал я капитану.

— Я не о том, — ответил голос. — Земля, волею случая оказавшаяся на космическом перекрестке, посещаемая на нашей памяти двумя группами пришельцев, сохранила в слове, вернее, в тайном его смысле, — память о первых днях творения. И в генах землян столько всего намешано — оттого, может, вас так и тянет в разные стороны. Эксперименты предпочитаете ставить на себе, самые жестокие войны у вас — это битвы гражданские и религиозные. Равенство для вас пустой звук; анархия, даже ограниченная рамками так называемых законов, естественное состояние. Свободу понимаете как вседозволенность. Когда-то вы переплавитесь в разумные существа!.. Дадут ли вам время? Единственное чудо, соответствующее галактическим стандартам, это язык, точнее совокупность земных языков, особенно если рассматривать их в историческом разрезе. Судьбы вашу вижу трагичной. Грешите и каетесь, грешите и каетесь; Убиваете и молитесь о прощении. Если в скором времени не сумеете выйти на просторы вселенной, то передошлите сами себя. Но с чем вам выходить за пределы естественных границ?

— Что значит «естественные границы»? — спросил я и вернул себе человеческий облик.

— Область пространства, ограниченная радиусом, равным десятикратному расстоянию от Солнца до Плутона. Это юридический термин.

— Юридический термин чего? — мимоходом поинтересовалась Каллиопа. Она уже была в спортивной куртке, брюках, заправленных в резиновые сапоги.

— Установлений... — помолчав, неопределенно ответил голос, — В этих пределах вы вольны жить по собственному разумению. Стоит вам шагнуть за порог этой сферы, и вы сразу попадаете в двусмысленное положение. В космосе всем рады, но никого не ждут. Архонты всегда готовы предоставить помощь — она камнем ляжет вам на грудь.

— Туманно рассуждаете, хотелось бы поконкретней, — заметил Георгий-меченосец. У него между ног покоился длинный, с широким лезвием, двуручный меч в ножнах. — Кто такие архонты?

— Это не мнение, — в голосе капитана послышалась обида. — Это точное знание. Естественнонаучный факт, равнозначный тому, что на тело, погруженное в жидкость, действует сила, равная весу вытесненной этим телом жидкости.

— Пятый класс, — ухмыльнулся я. — Выходит, для нас пятый класс — закон Архимеда, а для вас — наличие архонтов?

— Вероятно, это и есть мера нашего различия, — ответил голос. — Уместно ли тратить время на объяснения, доказывать, что архонты — наследники изнаночной программы, заложенной в первоначальное мировое семя во время предыдущей кальпы. (сноска: В древней индуистской философии понятие периода, во время которого мир нарождается, развивается и гибнет). Они пытаются одержать победу, сокрушить Божий, как вы его называете, промысел. Мы именуем его планом Творцов. Стоит ли метать бисер, разъясняя, что ступив за черту естественной границы, вы тут же будете втянуты в борьбу за перемену знака космологической

постоянной? С нашей точки зрения, физика не более, чем одно из проявлений этики. Что нового в высказанном мною? Разве что масштаб. Вот наш совет — устройте жизнь внутри естественных границ. Ваша звездная система должна стать надежной крепостью, чтобы никакое изменение постоянной Планка не могла поколебать вашу веру в Творца. Или, если вам так угодно, в Господа Бога.

— Да, — кивнула Каллиопа, — это хороший совет. Только неисполнимый. Разве что со временем... — божественные ее ручки ловко крошили грибы в сотворенную летательным аппаратом сковородку. — И, милый койс, попрошу, — голос ее прозвучал так сладостно, так обольстительно, что я зажмурился, Георгий вздохнул, а голос в рубке начал откашливаться. — Держите умеренную температуру.

В наступившей тишине особенно звонко зазвучал ее голос.

— Даже если наши предки с бору по сосенке, это вы верно изволили заметить, вряд ли справедливо настаивать на том, что им не хватало мудрости и дара предвидения. У нас разные боги, разная степень осознания величия Господа, но приближение к нему, святая вера в то, что он создан нами же, схожи. Следовательно, понимание смысла существования богов что у вас, что у нас, — едино. Я бы не сказала, что подобные сакральные разговоры сейчас к месту — для нас куда важнее получить гарантии, что ваш голос — это голос разума, а не зов тех, кто мечтает о реванше. О невозможном. О возмездии...

— У вас есть какие-то сомнения насчет нас, повелительница? — поинтересовался капитан. — Таков, по видимому, ваш ранг?

— Выше, выше, — Каллиопа, вздернув брови, потыкала пальчиком в купол рубки.

— Простите, богиня.

Каллиопа еще раз молча показала пальчиком вверх.

— Дева? — в голосе капитана послышалось неподдельное удивление, а койс неожиданно съехал ребром вниз метров на сто. Я едва не вывалился из кресла, Георгий вслух помянул недобрым словом святую силу, и капитан уже благоговейно спросил.

— Мать?!

— Нет, чуть пониже, — ответила Каллиопа.

— Я преклоняюсь перед вами, сольветера, но никаких гарантий не будет.

— Вот то-то и оно, милый капитан. Советы другим мы и сами мастера давать. Однако что поделаешь, контракт заключен.

Мы с Георгием переглянулись, потом я перевел недоуменный взгляд на Каллиопу, но в эту секунду койс сообщил, что до него доходит чей-то панический мысленный вызов.

— Включаю эфир.

В рубке раздался обиженно-всхлипывающий тенорок Василь Васильевича.

— Серый волк, Серый волк! Ну, где же вы? Уже третья особь прошла мимо меня. Видали бы вы эту черную мурилку! Лицом бела, ногами стройна, грудь высока — ну, просто интердевочка.

— Смотри, Василь Васильевич, не смей совокупляться! У тебя ума хватит, потом ищи тебя по Гашарве, станешь плоским и двумерным.

— Что ты, Серый волк!.. Я к тому, что они всерьез взялись за изготовление продавцов коммерческих палаток. Подслушал я их разговор.

— Место нашел?

— Так точно.

— Давай координаты.

— Запоминай... — голос его зазвучал глухо, сипло, нараспев. — От Олисановской пустоши, что за поворотом на полигон, в овраге стоит дуб, от земли голенаст, вверху суковат, а на нем грань; а от того дуба на столб дубовый, а на нем две грани, а у столба две ямы, а столб стоит против горелого пня, а от того столба долинкою, водотечью, вниз на засеку, а от твоей засеки суходолом на столб дубовый, а на нем две грани, а столб стоит на водотечи; а от того столба прямо к болоту же на иву, вверху суковата, без верху, поклопа на всход (сноска: Склонилась на восток), на ней две грани; и от твоей ивы через болото на березу кудреватую, и от твоей березы вниз тем же овражком, водотечью на березу, от земли голенаста, вверху кудревата, поклопа на полдень, а от твоей березы к черному лесу; там дуб, от земли голенаст, виловат, с дуплом, стоит у ивова куста, а по сказке старожильцев была де в ивовом кусте осина, а на ней старая грань, и ту де осину вырубил житель деревни Юрьевки колхозник Степан Борков.

У куста ивова жду-дожидаюсь, сердце от страха замирает — гуд по черному лесу идет, а в тоем лесу ка-

мень отвальной, под ним де схрон — так старо жильцы говорят. Так теперь тот схрон козлищами смердит.

— Ясно, — ответил я. — Жми на медовуху, храбрости прибавится, а нам заклатье начинать пора. Ну, капитан, гляди в оба. Раздайся вширь, вернослужащий древний! Связь будешь держать, в нужный момент мощь подведешь. Хватит мощи-то?

— Послужим честно, — торжественно откликнулся хриловатый, с едва заметной гнусавинкой голос.

В то же мгновение стенки кабины расширились, увысились, теперь мы с Георгием могли спокойно встать в полный рост.

— Каллиопушка, провидь, — попросил я, — что там пакость начудила?

— Не вижу — стены помехой. И камень велик с нашей стороны лежит.

— Вижу яму глубокую, — произнес капитан, — жаркий огонь в ней пышет, конь огненный к столбу привязан, а на тоем столбе две грани и лики на них. Конь спокойно стоит, сил набирается, тени вокруг него хоровод водят, досками-ручками сцепившись, песни поют.

— Вот и нам пора песнь заводить, — буркнул Георгий. — Скоро посадка, силу еще надо от матери сырой земли впитать.

— Вижу лесного жителя, фавна козлоногого, — сказала Каллиопа. — Не спеши, царевич Георгий, грибков отведай. Грибки спели. Вкусныи-и...

Угостившись жареными грибками, Георгий заметил.

— Что грибки! Вот на море, на окияне, на острове Буяне стоит бык печеный. В одном боку у быка нож точеный, а в другом чеснок толченый. Знай режь, в чеснок помакивай да вволю ешь. Худо ли!

Наконец койс спланировал и приземлился у ивова куста, где босой, перебирая копытами, потирая друг о друга покрытые курчавой шерстью ноги, в шляпе с узенькими полями, укрывшись офицерской плащ-палаткой нас дожидался Василь Васильевич.

Был поздний осенний вечер. Из черного леса отчаянно тянуло прелью. В той стороне блуждали болотные огни и что-то глухо рокотало. Тонкая полоска зари тлела на заходе, ее тепла уже не хватало, чтобы обогреть землю, и Доротей, первой ступившая на увядшую траву, поежилась.

Следом за ней вышел царевич Георгий, за ним выбежал я. Лязгнул зубами на протянувшего ко мне руку Василь Васильевича. Тот моментально отдернул пальцы. Наконец Каллиопа поднесла супругу меч-кладенец. Тот, преклонив колено, принял оружие, сократил длину лезвия и ножен, опоясался и принялся заунывно заговаривать.

— Мать сыра земля, ты всякому железу мать, а ты, железо, поди в свою мать-землю, а ты, дерево, поди в свою мать-дерево, а вы, перья, падите в свою мать— птицу, а птица полети в небо, а клей побеги в рыбу, а рыба поплыви в море, а мне бы, рабу Георгию, было бы просторно по всей земле. Железо, уклад, сталь, сила электрическая, луч фотонный, захват гравитационный на меня не ходите. Как метелица не может прямо лететь, так бы всем вам немочно ни прямо, ни

тяжело разить меня и моего коня и приставать ко мне и моему коню. Как у мельницы жернова вертятся, так бы железо, уклад, сталь, медь, сила электрическая, луч фотонный, захват гравитационный вертелись бы вокруг меня, а в меня не попали. А тело мое было бы от вас не окровавлено, душа не осквернена. А будет мой приговор крепок и долгов, как Алатырь-камень.

Я вздохнул — конь, упоминаемый в заговоре, был я сам. На мне помчится в бой Георгий-меченосец. Сколько раз уж так было — с того самого первого денечка, когда отправились мы с ним добывать меч-кладенец и царевну Елену Прекрасную Каллиопу. Золотое было времечко... В нашей паре командиром являюсь я — так издревле повелось — правда, до той поры, пока Георгий не обнажит меч. Тут он становится неудержим, и по отзывам старейшин-хранителей подобного воителя не было на земле со времен его предка Георгия-победоносца, аккуратно сразившегося змея, древнего раругга.

В глубине черного леса, расположенного в болотистых мешчерских краях вблизи озера Святого, что лежит за деревней Перхуново по левую руку от дороги на Черусти, — теперь явственно различалось разгорающееся зарево. Цвета оно было серебристого, в синеву... В этот момент Василь Васильевич дернул меня за ухо, прошептал.

— Глянь-ка, еще одна нелюдь прорвалась.

Мы спрятались за угольно-черным, матовым боком койса. Сгустившаяся тьма нам была не помеха, но вид того существа, которое выбралось на сумеречную опушку, буквально ошеломило нас.

В этой глухомани, за реками, за болотами, удивительно было встретить даму средних лет, знакомую со всеми тайнами косметики, в темном наряде деловой женщины — строгий пиджак, прямая юбка, блузка на груди отделана воланами, пышные, медного цвета волосы уложены в увесистый узел на затылке. На плечах кожаное, с тиснением, пальто. Из лесу она вышла с таким видом, будто где-то неподалеку ее поджидал служебная «мерседес».

— Брать будем тихо, — предупредил я. — Душу из нее надо вытрясти.

— За этим дело не станет, — кивнул Георгий.

Одним прыжком я настиг перепугавшуюся до смерти женщину. Она вскрикнула, я тут же перекинул ее через на спину и вернулся к койсу.

— Осторожней, осторожней, — засуетился Василь Васильевич. — Нельзя же так с дамой. Кто знает, может она человеческого роду-племени. Может, душа у нее добрая.

— Как же, — огрызнулся я. — Она сюда под вечер на «кадиллаке» клюкву собирать приехала. Я этих тварей за версту чую. Узнать бы, кто их надоумил пояс украсть? Сейчас мы ей язык развяжем. Эй, леди, — обратился я к пленнице, — очухались?

— Как вы смеете! — она гордо вскинула голову и тут же прикрыла рот ладошкой. — Ой, говорящий волк.

— Ага, — кивнул я, — а вот это говорящий царевич, а вот это ведьма, а там говорящий механизм, древний и вернослужащий.

— Что вам надо! Вы не посмеете! Я буду кричать!..

— Кричи. Кто тебя, мурунку черномазую, услышит?

— Что у нее в сундучке? — заинтересовалась Каллиопа.

— Взгляни, Доротеюшка, не стесняйся.

— Вы не посмеете!! Там важные документы, они не для чужих глаз! Это коммерческая тайна, там подотчетная сумма.

Действительно в кожаном сундучке оказались учредительные документы товарищества с ограниченной ответственностью. Фронт его деятельности был весьма обширен — от организации выставок и издания книг до производственной деятельности. Там же находился протокол собрания учредителей и крупная сумма денег. Документы гласили, что эта дама является генеральным директором и одним из главных акционеров.

— Во как, — я повертел головой, — из преисподней и сразу в генеральные директора. Лихо! И много вас, подобных коммерсантов, уже выскочило на свободу?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. И вообще, зря вы заглянули в этот сундучок. Со здоровьем у вас все в порядке? Кровью не харкаете? Значит, здоровеньким помрете.

Я оскалился.

— Тварь! Что, не узнала? Где мой пояс?

— Не знаю, о чем вы речь ведете, — уже менее спокойно заговорила она. — Какой-такой пояс...

— Хорошо. Приступай, Каллиопа.

Королева фей теперь была в человеческом — простецком — обличьи. Вот баба как баба, в куртке, брюках, заправленных в резиновые сапоги, волосы под косынку убраны, очки, сама невысока, коренаста, по лицу

видно, пожила уже. Забормотала она, говорок рассыпала.

— За морем за синим, за морем Хвалынским, посреди Окиян-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб, под тем дубом живут седмерицею семь старцев, ни скованных, ни связанных. Приходил к нам старец, приводит тьму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей...

Речь ее текла скоро, напевно. Неожиданно она пошла вокруг удивленной донельзя женщины. Удивление было кратким — скакнула секунда, и следом по лицу муринки побежали волны, потекла краска. Страх вылутился в ее зрачках, потянуло жутью. И костюм поблек, посыпался ниточками, лоскутками. Она было дернулась, попыталась шагнуть в сторону, миновать границу незримой сети, которую плела вокруг нее Доротея.

— ...за морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Окияна-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дом, а в доме том стоят кади железные, а в тех кадах лежат тенета (сноска: Сети) шелковые. Вы, старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черных муриев в кади железные, в тенета шелковые...

— Пустите, люди добрые, — неожиданно хриплым, слабым голосом заговорила эфиопка. Руки у нечисти совсем почернели, обросли шерстью, лакированные коготки удлинились, загнулись...

— Подожди, Доротея, придержи-ка эту тварь, — я тронул ее за рукав куртки. — Ну-ка, муринка, отвечай, родовита ли ты? Что тебя на белый свет потянуло?

— Сам посиди в двухмерной темнице, как еще запоешь? — сдавленным голосом ответила она. — А из роду-племени я царского, своей волей решила на белый свет выйти.

— Знаешь, кто я?

— Знаю... Догадалась... Это у тебя мои братья заветный пояс увели. Век будешь волком рыскать.

— Твоя ли забота? Тебе о своей черной жизни подумать следует. Не дергайся, не вырвешься... Разрыв-травы на тебя хватит. Как вы там в яме пояс приладили? Всей ордой решили мать землю порадовать, все коммерческие палатки захватить?

— Много будешь знать, скоро состаришься. Шерсть выпадет, совсем слабый станешь. Подстрелит тебя какой-нибудь ударник коммерческой структуры.

— А ну-ка, мать, подбавь ей!

— За морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Окияна-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне сидит птица Гагана с железным носом, медными когтями... — еще быстрее затараторила Доротея.

— Ой-ей-ей, — запричитала нелюдь, теперь полностью принявшая свой подлинный вид. Бесовица, лишившись заряда, наделившего ее силой одолеть границу трехмерного пространства, буквально трепетала. Ее плоское тело, словно вырезанное из листа смоляного цвета бумаги, изгибалось, клонилось то в одну, то в другую сторону. — Ой-ей-ей, снимите путы. Заклятье жжет...

— Как на землю выходите? Отвечай, а то сгоришь сейчас.

— В яме земляной стоит конь огневой. На нем уздечка золотая. Сквозь нее и пролезать. Только не виноватая я, без меня было решено. И нет там никакого пояса! Не виноватые мы все!..

— Ты ври-ври да не завирайся, — опешил я. — Как так пояса нет? Как же обличья меняете?

— Одна только пряжка наборная от твоего пояса осталась, — завывала черная муринка. — Вам и пряжки хватит, сказали, чтобы людишек поганых пугать.

— Кто сказал?

— Те здоровые, задастые, что из магмы нагрянули. Навалились, захомутали, дурному научили — скрадите, мол, пояс у этого взбесившегося Серого волка, пусть, мол, клыками полязгает. И кинули две бумажки зелененькие — это, мол, для старого Петряя, С него, алкоголика, хватит, да и вам перепадет. Ой-ей-ей!.. Мы было в спор, да куда там, еще и в ухо получили. Мой меньшей братишка до сих пор отлеживается.

— Куда же они подались?

— На заход солнца. На окяне есть остров, там они в землю нырнули.

— Давно это было?

— Да уж с месяц будет. Мы пока пряжку наладили, коня выковали... Они там тоже даром времени не теряли. Слухом повеяло — какого-то огромного, злого, в мир собираются выпустить. И быть ему уицраором в земле американской.

— Как найти их лаз?

— Где кровь земли сквозь трещины изливается, там их пещера. Устьем она на самый окян выходит. Преогромная...

— Кончай с ней, Капочка. — сказал я.

Это была новость, печальнее которой не бывает. Гневом наполнилось сердце, шерсть на загривке стала дыбом. Не жаль мне было эту тварь. В тот миг я прозрел — чем-то очень походили друг на друга эта муринка и погибший во время лыжной прогулки, напичканный анекдотами паренек. Однако если второй был безобиднейшим искусственным существом, то эта злыдня была насквозь пропитана злобой. Она источала ее, как губка — бездушно, обильно, нескончаемо.

— ...ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадах лежат черные мурии в шелковых тенетах. Сиди дружно, крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. *Уяхама широфо!*

Доротeya вскинула руки, и в следующее мгновение черная муринка растаяла в сумеречной, осенней, пятнистой мгле. Слилась с нею, лишь березка поодаль вздрогнула, затрепетали последние листья и дружно посыпались на землю.

— Что будем делать? — поигрывая исполинским мечом, спросил Георгий.

Я сел на задние лапы, огляделся и едва удержался, чтобы не взвыть. В шкуре опять закопошились блохи. Эти-то кровососы откуда взялись? Получаса я не пробыл в волчьей шкуре, а они тут как тут. Вот напасть!

Ночь была туманна и удивительно светла. Черный лес уже подернулся лохмотьями испарений. И небо было в крупных прорехах, так что на бархатисто-черных лужках там и тут ярковато паслись звезды. Койс притаился в поросшей подсыхающей густой травой продавлине — укрывшись так, что не найти, не опознать.

— Будем штурмом брать, — наконец решил я. — Пряжка не пряжка, а ворота на распашку оставлять нельзя. Давай, Жорка, отведи душу. Только чур, коня не трогать. Порубаешь эту сволочь в капусту, хватаешь уздечку — и ходу! Иначе как прежде мы с тобой до утра бегать будем. Помнишь, как с женой опростоволосился? В губы поцеловал, на всю округу шум поднял. Ладно, тогда молодой был, глупый, сейчас Христом-богом молю, не касайся ты этого дьявольского коня!

— Лады, — буркнул Георгий и взгромоздился мне на спину. Скафандр соорудил для него нечто, похожее на седло.

— Подсобишь, царевна? — я глянул на Каллиопу. Та кивнула.

— Ну, с Богом, — вздохнул я и одним прыжком достиг черного леса.

В обширную яму, откуда волнами изливалось серебристо-стальное сияние и слышались мерные лязгающие звуки, мы свалились, как снег на голову. Работы Георгию здесь почти не было. Пяток облаченных в железные рубашки арапов он срезал одним ударом — плоские их тела так и посыпались осколками на выложенный булыжником пол, на котором поигрывала, мотала головой, разевала пасть прекрасная, с могучим крупом, соловая кобыла. Золотой кол был вбит у края ямы, к нему подвязана наборная, посвечивающая лунным светом уздечка, в которую была вделана моя пряжка. Я сразу узнал ее... Из бокового подземного хода ринулась было орда муринов — Георгий, казалось, только и ждал этого момента. Вскинул меч и принялся крушить направо и налево. Все свершалось в грозном,

оцепенелом безмолвии — только свист клинка, легкое уханье, стеклянистый звон осыпающихся на пол обломков. Тут же в сторонке, на поверхности мати земли, кто-то гулко хохотнул. Следом взревел разбуженный Каллиопой ураган. Я крикнул — пора! Георгий сорвал уздечку и вспрыгнул мне на спину. Я одним прыжком одолел отвесный край. Вовремя!.. На том месте заскрипело, затрещало. С корнем вырванные деревья начали ссыпаться в яму, и скоро гора бурелома выросла на том месте, откуда черные мурины проникали в наш мир.

Георгий накиннул уздечку мне на шею, и я встал, как вкопанный.

— Ну-ка, слезай, а то скину! — рыкнул я.

Меченосец удивленно вскинул брови, я чуть подтолкнул его, и он поспешно, перекинув ногу, соскользнул со спины.

— Что случилось, Серый?

— Наитие нашло. Знаешь, Жорка-друг, береженого, как говорится, Бог бережет. Дай-ка схороню я эту пряжку подальше. Придет срок, пригодится...

С этими словами я одним прыжком одолел верхушки деревьев и пониже облаков ходячих метнулся в тверские края, за речку Нерль — было там у меня заветное место, в овраге, под камнем-исполином. Вырвал я пряжку из поблекшей уздечки, сунул в подземную нору, привалил богатырский камень, заговоров навесил и также украдкой, прыжками, назад. Там посадил на загривок Георгия и выбежал из леса с накиннутой на шею уздечкой.

— Минуты терять — все потерять! — издали крикнул я Каллиопе, уже изготовившейся заклатью, с помо-

щью которого можно было вывернуть шкуру мехом внутрь и, как был волком, так и полез в койс. Пусть этот космический вернослужащий поближе познакомится с таким произведением матушки-природы, как блохи. Хотя, конечно, койс и глазом не моргнет — хладнокровно передавит земных тварей, пытающихся проникнуть в его внутренности. Уже в рубке я нарочито громко, стараясь скрыть досаду от невозможности собственными силами облечь себя в природный — человеческий — образ, объявил.

— Труба зовет. Вперед, на Исландию.

— Верное решение, — поддержал меня капитан.

Георгий пожал плечами, Каллиопа промолчала, а ответа Василь Васильевича никто и не ждал.

Расстояние в четыре тысячи километров мы одолели быстро. По наводке черной муринки отыскали в обрывистом, скалистом берегу устье лавовой пещеры. Койс лег на воду, чуть притоп, и посланный на разведку фавн, кряхтя и поскуливая, полез в воду.

Я закрыл глаза, хотелось собраться с мыслями. В этот момент до меня донеслись мелодичные звуки гитары. В руках Георгия неожиданно оказался инструмент — сотворил из воздуха? — следом раздался приятный тенорок.

Давным-давно,

Нам все равно.

Жил-проживал один сапог кирзовой кожи...

Я глянул на широкий экран, который высветил перед нами койс. Дрожащий от холода, принявший свой

древний облик Василь Васильевич с опаской заглядывал в жерло заливаемой водой пещеры. Я последовал за его взором, под соединился к ментальному щупу, брошенному в подземелье сознанием капитана — так на пару мы мысленно добрались до обширной полости, выжженной в граните потоками лавы. То, что мы увидели, подтвердило самые худшие опасения. Игвы и раруги — обитатели изнанки мира, жители подземных шрагров и подданные Гагтунгра, копошились возле гигантского сооружения — сложенной из каменных блоков платформы, на которой возвышался арочный проход, напоминающий высокий полуовал, сваренный из металлических полос. Пояса нигде не было видно, и если бы не знакомый мне до боли в сердце ментальный образ, я бы ни за что не догадался, что мучительно растянутый древний талисман был запаян в полость, проходящую в теле металлических опор. До окончания работ было, по-видимому, далеко, однако разбросанные кабели, инструменты, непонятные приборы, расставленные на стеллажах и тележках, огромные индукционные катушки — я на расстоянии ощутил запах смазки — нагнали на меня тоску.

...Однажды он
В кафе-салон
В своей кирзовой амуниции явился.
И тут же с ним, да-да,
Произошла беда
Увидел даму-босоножку и влюбился.

Вот уж с кем я бы не хотел иметь дело, так это с пакостью, освоившей промышленные технологии. Я передал изображение Георгию, тот в ответ кивнул — вижу, — и, не меняя тона, продолжил:

В любви своей
Подходит к ней,
И говорит ей, чуть оправившись от скрыпа.
«Царица фей, да-да,
О, будь моей, да-да,
Я от любви к тебе горю, как после грипа».

Каллиопа недовольно фыркнула.

Бой обещал быть жарким — не та детская забава, в которую мы сыграли, разгоняя мурьё. В этом случае нам предстояло иметь дело с существами разумными, организованными, безжалостными. Я еще раз бросил мысленный взгляд на странное сооружение в центре подземного зала. Если я правильно понял, это был мощный деформатор времени — или точнее, пространственно-временного континуума — позволявший солидным, обладающим большой инерционной массой телам преодолевать линию раздела, отграничивающую наш мир от подземных преисподних. Веками копившаяся психическая энергия — собранные по каплям материнские слезы, плач детей, стоны раненых, последние вздохи умирающих, — все, что по легенде было запрессовано в чудесный пояс, что составляло его мощь, теперь должно было послужить разгулявшемуся злу. Никогда раньше армагеддон не был так близок. Мор, глад, чума обрушатся на людей, их вопли, крики, всхлипы, кровь и

пот, проклятья и мольбы благодатным дождем оросят обездушенные тела бесчисленных подземных жителей. Они выпьют наши печали, надежды, омрачат мысли, осквернят веру, и чем больше страданий обрушится на головы людей, тем вернее будет прибывать сила обитателей подземных шрастров.

...Она в ответ
Сказала: «Нет!
С нулем равняю я твои признанья эти.
О, Божий свет, да-да,
Уж сколько лет, да-да,
Мечтаю я о лакированном штиблете.

Мне нужен франт,
Чтоб был талант,
Чтоб покупал мне лисьи чернобурки.
А ты, сапог, да-да,
Что б дать мне смог, да-да?
Лишь на каблук прилипшие окурки!»

— Ну ты, сапог, — окликнул я Георгия, — что у тебя, кроме меча, есть? Тут, брат, как бы с лазерными карабинами и бластерами дело иметь не пришлось. В лоб их не возьмешь.

— В лоб их не возьмешь, — эхом откликнулся голос в каюте. — Тут с хитринкой надо подойти.

— Стратегов много, — кивнул я, — сапогов только не хватает. Серых шинелек... Сподобился бы, капитан, воплотиться и в бой?..

— Запрещено уставом.

— Каким уставом? — скривился я, — Здесь, на Земле вы что, по уставу живете?

— А как же. Я о другом думаю — надо бы сложиться энергиями, создать единое кольцо. Тогда кто враг, станет друг.

— Заговорить от пуль, железа, могу. Даже от лучевого оружия... А вот подружиться с ними никогда, — хмуро заметила Каллиопа. Она очень не любила эту песню, но однажды ученая Георгием, помалкивала. Да и время ли сейчас семейную ссору затевать!

— Давай-ка, капитан, яснее, — сказал меченосец.

— Послушайте, варвары. Как бы нам их в засаду заманить. В туннель, ведущий к морю... И чем больше, тем лучше. Сценарий такой — Серый волк на пару с царевичем врываются в подземный, рвут и режут обслугу в клочья, вступают в бой со стражами и начинают отступать в туннель. Когда их там достаточно набьется, я подаю энергию. Короткий направленный ментальный удар, и они теряют ориентацию. Кто был враг, станет друг. Вся загвоздка во времени — вам надо продержаться в зале не менее четырех минут, чтобы Василь Васильевич успел кабели на всю длину коридора протянуть. Однако четыре минуты вам не продержаться... Давайте считать. Койс, веди отсчет. Итак, ворвались, рубите техперсонал...

— Полминуты, — в рубке раздался гнусавый голос.

— Сигнал тревоги, в зал врывается вооруженная охрана. Первый залп! Вы выдерживаете... Второй залп, прицельный... Вас можно оттаскивать.

— Итого, две минуты с четвертью.

— А два трупа, — возмутился я. — Их вы не считаете?

— Считаю, считаю... Чтобы вас могло прикрыть? Последовательное раздвоение, но для этого...

— Что ж, я валькирий в сражение не водила, — откликнулась Каллиопа. — Ослепить их я сумею. Раздвоить, а еще лучше утроить волка и Георгия тоже, но справится ли фавн с кабелями?

— Давайте прикинем. Эй, Василь Васильевич, — окликнул я насквозь промерзшего фавна, — все слышал?

— Да.

— Тогда возвращайся. Можешь не перевоплощаться, уж потерпим твой козлиный дух.

— От меня сейчас льдышкой пахнет, а не любовными благовониями.

Мы обсудили все детали, провели повторный хронометраж — выходило, что и нам сначала придется потаскать кабели, с помощью которых можно было создать мощное метапсихическое поле. Затем их подхватывают Каллиопа и фавн и замыкают разъем у входа в монтажный зал. Сразу после первого залпа, королева фей вбегает на площадку и набрасывает двойников и фантомов — погуще, помассивнее, — и тут же исчезает. Затем мы отступаем во входной туннель и заманиваем туда раруггов. Разряд! Овладев их сознаниями, гоним вражеских бойцов назад и, прячась за их спинами, вновь вступаем в зал. Пока враги сражаются между собой, мы демонтируем арку, извлекаем пояс и удаляемся. Обрушение свода возьмет на себя койс.

До того момента, как капитан фламатера, наблюдая за схваткой посредством сенсорных датчиков летательного аппарата, замкнул ментальную цепь, все шло по намеченному плану.

Фавн заранее ослепил часового, стоявшего в излучине туннеля — широкого, тщательно вылизанного коридора, ведущего к морю. Затуманил ему глаза молодой спелой раруггой, затем Георгий придушил часового, как котенка. Мы подхватили сложенный в бухту кабель и поволокли его вглубь скалы. У входа в подземный зал перевели дыхание... Что мы там устроили на монтажной площадке, подробно рассказывать не буду — в момент разбросали технический персонал, копошившийся у деформатора и состоявший исключительно из иггов, так что вбежавшие в зал из боковых проходов одетые в бронекостюмы охранники-раругги, увидав раскиданные вокруг машины туловища, руки, ноги, на мгновение опешили. Может, поэтому их первый залп не отличался особой прицельностью. Секунду спустя Каллиопа вбежала в зал и перед десятком вооруженных автоматами Калашникова — слава Богу, до бластеров они еще не добрались! — пытавшихся отсечь нас от выхода, раруггов замаячили с пяток гигантов-рыцарей и три одноглавых, напоминавших ископаемых плезиозавров дракона.

Двухметровые существа со змеиными мордами, облаченные в бронежилеты, на мгновение замерли, опустили оружие. Дело в том, что раругги — генетически извращенные потомки вымерших хищных динозавров, и длинношееи, с коротким туловищем и перепончатыми лапами драконы являлись у них священными

животными. Однако их оцепенение продолжалось недолго — уже через несколько секунд они обрушили град автоматных очередей на подставленных им фантомов. Мы же с Георгием, отчаянно завопив, бросились к выходному туннелю. Орала так отчаянно, что воодушевленные подземные твари начали издавать ликующие выкрики. Они бросились за нами.

Между тем Каллиопа и фавн успели уложить на полу кабель и, сделав нам знак, тоже побежали в сторону океана. Мы помчались за ними.

Толпа раруггов с гиканьем и торжествующим улюлюканьем одолела первый изгиб туннеля — тут-то всю их братию накрыло ментальным разрядом. Они разом словно окаменели, зеленоватые, покрытые чешуей, змеиные морды стали отливать нездоровой лилово-желтой бледностью.

— Кр-ругом! — скомандовал Георгий. — Сдвоить ряды!..

Те безропотно повиновались, разбились на пары и замаршировали в зал.

На монтажной площадке царевич приказал.

— Левый ряд, занять оборону в левом проходе, правый — в правом. Исполнять!

Завороженные раругги ринулись по указанным направлениям. Вдогон Георгий приказал убивать любого, кто попытается проникнуть в монтажный зал.

— Убивайте их всех! — добавил Георгий. — Гаг-тунгр потом разберется, кто прав, кто виноват.

Бой в подземелье закипел с новой силой. Первый натиск охранников-зомби ошеломил спешившее им на помощь подразделение. Тем временем мы с Георгием,

работая кто челюстями и когтями, кто мечом, словно ломом, — своротили арку с посадочного места и принялись освобождать чудесный пояс. Георгий принялся отдиравать пластины, я рвал провода, пока не извлек заключенный в медный кожух, растянуты до предела, похожий на офицерский ремень, наборный пояс.

Эх, там бы мне накинуть его на себя! Там бы опрокинуться на спину, обрести человеческий образ, скинуть с себя уже поднадоевшую волосяную и чуждую мне синтетическую оболочку. Поддался радости... Мелькнула мысль — куда спешить, успею. Потом уже и времени не осталось — один из недобитых раруггов, придя в сознание, вскинул автомат и повел длиннущим стволом в сторону Каллиопы, охранявшей вход. Я метнулся в сторону врага, занес лапу, чтобы нанести смертельный удар, однако умирающий раругг опередил меня и нажал на спусковой крючок. Георгий бросился к жене и грянувшая очередь плеснула пулями ему в грудь и плечо.

«Время, время, время!» — прозвучал в сознании призыв капитана. Теперь уже было не до превращения в человека. Схватив пояс зубами, я бросился к царевичу, тот из последних сил взгромоздился на меня. Перестрелка в обоих боковых туннелях внезапно стихла, какой-то гуд долетел оттуда. Еще мгновение — и в боковых проходах раздались ликующие вопли. исполинскими прыжками я помчался к океану вслед за Василь Васильевичем и Каллиопой. Одним махом перепрыгнул от устья пещеры на расширившуюся, обросшую перилами, шершавую поверхность койса. Приземлился прямо на овальную выпуклость в центре опрокинутого донышка.

Аппарат под моим весом закачало, утянуло в сторону, мне однако удалось, не теряя времени, просунуть голову и плечи истекающего кровью Георгия в широко распахнувшийся люк. Каллиопа и фавн тут же втянули его внутрь. Койс начал стремительно набирать высоту, и в этот момент, когда я уже совсем собрался скользнуть в люк, меня куснула блоха. Я огрызнулся на нее, лязгнул зубами, и чудесный пояс, свиваясь и кувыркаясь в полете, камнем полетел вниз, прямо в сероватое месиво тумана, затянувшего прибрежные воды.

Как раз в то же мгновение в обширном просвете на юго-востоке показалось солнце. Брызнуло лучами на жемчужно-стальную поверхность океана, на низкую рваную облачность, на клочья тумана, сползавшие с берега на воду. Пояс канул в одном из посветлевших вздыбившихся бугров — толща тумана словно бы содрогнулась, затрепетала. Место падения чуть засветилось. Туман словно насквозь прожгло. Потом все погасло.

Койс тут же ребром вперед спланировал вниз. Я так и застыл, вцепившись зубами в ограждение — оно было твердо и ничуть не поддавалось усилию сжавшихся в отчаянной муке челюстей, — взгляделся в облачную муть. Неожиданно нижнее донышко летающего блюда ударило о воду, меня обдало градом брызг. Однако я не спустился в люк — так и сидел, просунув язык между зубами и трубкой перил, и чуть слышно скулил. Шерсть вокруг глаз намокла — то ли от брызг, то ли от едкой жидкости, выступившей из глаз.

Глава 4

В конце сентября долину Джормина и окружающие ее сопки окончательно накрыли снега. В моем отсеке, в широком окне спальни теперь расстилалась необозримая, вздыбившаяся замерзшими на бегу, исполинскими волнами горная страна. Вдали, на полночь, блистающим в ясные дни берегом высился хребет Черского — долгий, в треть горизонта, белоснежный крутой уступ. Вдоль изломистой линии вершин чернели темные участки скальных сбросов — зеркальное отражение пены? Понизу клочками пестрели зеленью редкие листовничники. Как-то в редкую минуту прозренья, спрессовав время и ощутив миллионлетие как тяжкий груз, я воочию узрел неспешное движение гранитных валов. На глазах взгромождался из каменного крошева Кумбарийский хребет, ограждавший это место с востока. Страна в тот миг, в ином временном масштабе, предстала передо мной как беспокойная бурливая ширь. Я смекнул — может, именно так смотрел на окружающий чуждый мир фламатер? Может, таким и запомнят его лишенные плоти члены экипажа? Прибавьте сюда надоедливую смену времен года, мелькающий ряд восходов и заходов, извечно подчеркивающих голубиную суть самого синего во всей вселенной небосвода.

Но ведь он был вынужден время от времени останавливать мгновения! Когда-то ему необходимо было заняться профилактикой и ремонтом, когда-то погрузиться в реальный — земной — бег секунд, чтобы по возможности точно определиться в торопливой беготне тысячелетий. Порой, его, спящего, нагоняло отчаяние,

ведь он был живым, этот механизм. Когда это случилось? Конечно, в ясные морозные ночи, когда созревающий мрак открывал мириады звезд. Фламатер не мог не замереть в немом вскрике, наблюдая, как тот квадрат звездного купола, в чьей стороне лежал его дом, медленно огибает Полярную...

«Пульверизатор», ганнибалы, «возвращается муж из командировки», «у двуногих шесть конечностей» — земная твердь накрепко вцепилась в него, наложила отпечаток. Сколько раз с приходом ночи, невзначай бросив взгляд на рисунок созвездий, на живую, зовущую, распахнувшуюся даль, звездный корабль вздрагивал от ярости. Я кончиками пальцев почувствовал дрожь — это были приступы гнева, в который на заре своего заточения впадал фламатер. Отзывались ли землетрясениями его попытки освободиться от пут земного тяготения? Крушил ли он все подряд? Может, горы воздвигал? Не его ли волей была сотворена эта дикая страна. Не фламатер ли обрушил пять ледниковых периодов на изнемогающую планету, на которой появились незваные гости из другой галактики. Не в силах совладать с ними он должен был примолкнуть и затаиться вместо того, чтобы заняться выведением разумной расы из многочисленных носатых обезьян. Или из волков? Эту тайну мне никогда не раскрыть. Не он ли уже в историческую эпоху выморозил на сотни метров вглубь север Евразийского континента? В его поступках прослеживалась неумолимая логика выживания, но я не мог отделаться от мысли, что чем дальше, тем острее исполнение долга превращалось для рукотворного бога и населивших его органо-металлическое нутро членов синк-

лита в тоскливое, безнадежное ожидание несбыточного. Сколько рас, народов, государств, созданных им, гибли в междоусобных войнах, вымирали от нашествий чумы, оспы, холеры? Сколько раз обрывалась нить знаний, хранимых приверженцами той или иной религии? Он был щедр на выдумки и каждый раз, объединяя племена, порождая для них новый сонм богов, верил — эти воспрянут, выживут, создадут государство, овладеют необходимыми технологиями, наберутся, в конце концов, грамотешки и народят человека, способного извлечь меня — фламатера! — из праха. Вывод напрашивался самый безыскусный — покинув Землю, он бросит нас на произвол судьбы? Страшный вопрос, от него перехватывало дыхание... Тогда почему все эти века молчали хранители? Неужели им было неизвестно об обитании на нашем шарике отчаявшегося и всемогущего творца?..

Нет, этого ему дано не было! Его трудно было отнести к роду Прометея. Как бог он был слаб, сбит, посажен в темницу, оставлен один на один с мыслью — суждено ли ему дожидаться освобождения? Узник знал, что срок его заключения имеет предел, но хватит ли терпения и сил дожить до этого часа? Что он мог поделать, скованный, беспомощный инвалид? Только скрепя сердце, сцепив металлокерамические челюсти, наблюдать, как люди губят друг друга, льют реки крови, вытаптывают ростки культуры, которые должны были прорасти и дать урожай. Его ненависть к нам была понятна — и через это прошел инопланетный Робинзон. Пробил час — и ненависть сменилась отчаянием. Когда он почувствовал, что сходит с ума? В каком из миллио-

нолетий это случилось? Возможно, после пробуждения, когда обнаружил, что по земле вновь бродят орды ди-карей и все необходимо начинать сначала. Что могло сохранить хилые ростки рассудка на этой ублюдочной планете?

Скоро на Земле появились неведомые пришельцы — стали обживать, ставить генетические опыты, загнали последних динозавров и прочую бесовщину под землю, где они превратились в злобных и отчаявшихся раруггов и игвов. Одним словом, пришельцы дали шанс обезьяноподобным существам выжить, встать на ноги. Но сами галактические бродяги растворились в поколениях возвращаемых рабов. Это был хороший урок фламатеру.

Он попытался наложить свою длань и на этих воло-сатых, прямоходящих ублюдков, дать им зачатки зна-ний, но они также обманули его, как и те, ящероподоб-ные, и вместо возведения цивилизации принялись ис-треблять друг друга под корень.

Ошеломленный, я сидел у окна, за которым во всю ширь горел закат. Солнце село, и только спустя не-сколько минут в темнеющем небе проклюнулась первая звездочка, потопталась, огляделась и — то ли окликну-ла, то ли лучиком поманила, — следом стайкой вспых-нули на небосводе ее подружки. За окном было морозно, воздух так чист, что звезды не мигая смотрели на Зем-лю. Крупные, спелые... Зовущие... Земля понизу, си-неющие в сумерках горы, редкое умиротворяющее безмолвие, навевали сладостные думы и поверх собст-венных мыслей кто-то отчаянно ломился в мое созна-ние.

...Великие провидцы! Галактический синклит!.. Справедливо ли это? Неужели мы, ваши верные дети, вторую сотню миллионов лет стоящие на страже разума, отца нашего, не могли бы справиться с вашим предначертанием распространить мысль? Какими странными путями вы ведете этих «человеков», зачем осыпаете дарами — ведь у них, на этой грязной Земле, все есть! Зачем оберегаете?!

Зачем держите меня, вернослужащего фламатера, в этой, покрытой лазурным небосводом темнице? Сколько пользы мы принесли бы на просторах вселенной! Храбро вступили бы в бой с архонтами, в эти дни исчадиями предыдущей вселенной, мечтающими исказить ваш Замысел. К вам, Творцы наши, обращаюсь, к вам взываю, ведь я же первый из ваших внуков!.. Ваше семя, ваш верный страж, ваш раб... Сколько мне еще пребывать в этой яме, зачем, отцы мои, связываете надежду с этими варварами? Вспомните, мне ведома истина. Я умею сражаться, определять потенциал небытия расстояния, измерять расстояния между звездами. С ошибкой в одну стотысячную! В одну миллионную!.. Два в одном. Шар есть куб. Тьма есть свет. Все — порождение ничто. Сгинь, Абракас, сгиньте, архонты. Пусть в каждой рожденной Большим взрывом частице, в каждом атоме, в каждой молекуле, в каждом изгибе порожденного вами поля, в каждой точке его воплотится ваш дух и озарит бездну. И станет вселенная мыслью. И сольемся мы с вами — так предначертано... И явим собой точку, Великое Яйцо. Тогда новый взрыв породит новый мир, совер-

шенный, изначально разумный, добрый и светлый, где всем будет хорошо. И кичащемся своей отвагой волку, и переполненной гордыней королеве фей, и мрачному царевичу, супругу ее, и козлоногой твари... Тогда мы все станем не только братьями по разуму, но братьями по духу.

Аминь!..

***

Меня било словно в лихорадке, воздуха не хватало, свет померк в глазах. Я отчаянно вскрикнул, кое-как соорудил мысленную защиту, с трудом, но одолел чужую волю.

Отхлынуло также внезапно. Теперь я не испытывал боли, лишь гнетущее ощущение провала в бездну томил меня, внутри поташнивало, ныли мускулы.

Небо между тем давным-давно померкло, натянуло тучи. Я обнаружил, что по-прежнему сижу у окна. Попытался расцепить пальцы, отодрать их от трубчатых мягких подлокотников — ничего не получилось. Сил не было. Наконец, передохнув, справился и с пальцами, с усилием освободил руки, однако не то, чтобы встать, шевельнуться не решался.

Что это было? Мысленный вопль флама, его вечерняя молитва? Она была пропета с такой силой, что и меня пронзила? Следом чувство страха, ощущение опасности быть разоблаченным и яростная попытка стереть все, услышанное мной? Или это был отголосок его сна, случайно привидевшийся кошмар, заплутавший по нейронным цепям? Крик о спасении, о помощи в

подготовке побега из этого округлого, насквозь промерзшего Египта, называемого Якутией? В любом случае я должен был трезво, не спеша, обдумать привидевшийся мне бред. «Он» ополоумел? Страстное желание покинуть Землю превратилось в пунктик? Мечта обернулась фанатичной верой? Это было чревато многими опасностями. В таком случае все, кто мешают ему обретают черты абсолютного врага, с которым нельзя договориться. Выходит, для достижения своей цели он не пощадит меня, а возможно, и планету? До сих пор эта мысль витала где-то в облаках, теперь же я почувствовал на своей шее ее тесную петлю.

Флам — существо разумное? Безусловно. Более того, в пределах моего разума — всемогущее. И как всякое разумное создание оно непременно обладает религиозным бессознательным — то есть, способностью при постоянной, трагической нехватке информации об окружающем мире интуитивно угадывать выход из сложившейся конкретной ситуации. Этот слой, сложившийся за время эволюции всего живого — основа веры, без которой никакое существо не смогло бы выжить в этом лучшем из миров. Подчиняющиеся точной оценке обстоятельства лишь малая толика окружающей нас реальности. Мы живем и верим, любим друг друга, что вовремя дадут зарплату, что ученье и труд все перетрут. Что транспорт движется по расписанию... Кто, где, когда доказал эти теоремы? Никто, нигде и никогда. Вот почему мы в большей части своих решений полагаемся на интуицию или, в глубинной основе своей, на веру, на религиозное бессознательное. Как всякое естественное функциональное, жизненно важное свойство сознания

оно развивалось на основе практики, исторически выработало иерархию ценностей, наиважнейшим из которых является понятие Бога как олицетворение Божественной Троицы — Добра, Красоты и Разума.

Здесь не может быть пустоты. Не одно, так другое. Господь с нами — и воины поднимаются в атаку. За родину, за Сталина! За свободу и независимость!..

Конечно, в своем развитии человечество старается исключить как можно больше случайных, вероятностных ситуаций; свести жизненный процесс к предсказуемым, просчитанным заранее обстоятельствам — это единственная для расы возможность выжить. В этом цель культуры. Вот почему главной задачей, по существу, является познание Бога. В той или иной форме... А также и созидание его.

Все это было верно, но беда в том, что эти, возможно, и справедливые рассуждения привели меня в исходную тоску. Я практически ничего не знал о фламатере. Все, что мне было известно, доходило до меня с чужих слов. Это существо выбрало оригинальный способ защиты — мне предоставляется возможность видеть его таким, каким хочу его видеть, каким он должен быть, исходя из наших человеческих представлений. Все каналы, через которые могла бы просочиться достоверная информация, он наглухо перекрыл. Я даже вообразить не могу, что бы это такое могло быть! Не скала же, не этот жилой отсек. Вот что я мог сказать наверняка — ему известно о существовании сонма хранителей, об иерархии светлых сущностей. Выходит, на меня он вышел сознательно? По чьей-то наводке? Скорее

всего, да... Ну что, еще? Ага, по ночам его мучают кошмары, он стонет во сне. Или скрипит зубами?..

Не густо!

Даже боги у нас разные. Для нас это непогрешимая, непознаваемая сила, творец всего неживого и живого. Для фламатера — что-то подобное терзаемому сомнениями, имеющему историю, конструкторскому бюро, ведущему тяжкий бой за разумное развитие вселенной.

Собственно, разница была невелика. Это обнадеживало. Возможно, расширив наше знание о мире, его зачине и исходе, мы тоже придем к пониманию Бога как действенной физической силы. Задача, конечно, благородна, но мне-то как поступить?

Звездолет что-то упоминал насчет архонтов, Абрассаса? (сноска: Имя космологического существа в представлениях гностиков. Согласно доктрине василидиан — верховный глава небес и эонов, совмещающий в своем лице их полноту.) Даже в определении зла он пользуется изобретенными на Земле терминами. Архонты... Это что-то из учения гностиков... Двенадцать мудрецов, правящих зримым миром, их предводитель — Абрассас. Он представляет из себя существо в виде человека с петушиной головой и змеями вместо ног. С точки зрения христианской традиции это дьявольская, разрушительная сила.

Необходимо срочно повидаться с Каллиопой. Помогла ли Георгию живая вода? А заговоры? Жаропонижающее? Извлекли ли пули? Не отравлены ли они. Глянь-ка, и флама бессонница мучает. Что он там в своей уютной каменной постельке перечитывает? Уж не

Станислава ли Лема? Значит, можно ждать явления Хари. Ладно, давай Харю. Ночью явится или под утро?

Ни ночью, ни под утро никто не потревожил мой сон. Приятный сюрприз ждал меня в лаборатории, где перед первым выходом в космос и посещением приводной станции, расположенной на Луне, я проходил последние тренировки. На пороге меня встретила стройная, красивая, черноглазая девушка с медвежьим, как оказалось, характером. То есть, коварная донельзя! И страшная зануда. Ей все было про меня известно — распорядок дня, набор необходимых веществ и калорий в меню, каким развлечениями надо заполнять досуг. По-видимому, забота о человеке понималась звездолетом как мелочная ежеминутная опека. За несколько дней новая биокопия мне опостылела. Я отказался и от ее ночных услуг — к скотоложеству не приучен.

Все у нас с фламатером складывалось невпопад. В первые дни пребывания в скале меня, например, по ночам донимала гробовая тишина. Когда стихали дневные шумы, гас свет, отсек немел — в комнатах скапливалось столько безмолвия, что становилось не по себе. Душа просила хотя бы намек на звук. Я не мог заснуть — ни тиканья часов, ни скрипа дверей, ни мелодичного падения капель в ванной. Внешние шумы тоже не долетали до меня, Мыши, которых здесь и в помине не было, вели себя тихо-тихо. Не помогало и включение музыкальных записей — в подобной акустической могиле и музыка звучала по-другому. Словно робея... Форте скорее напоминало нервные всхлипы, старалось обернуться пьяно, притаиться, отвести глаза... Уже через не-

сколько дней я поймал себя на том, что меня начали донимать звуковые галлюцинации. Пришлось всерьез заняться организацией звукового подпора. С этой целью мне пришлось долго втолковывать начальнику вооружений, что я не могу заснуть, не слыша шума дождя, шелеста листьев, посвиста ветра, на худой конец рокота проезжающего автомобиля. Подобный фон и создает ощущение тишины.

Что-то неладное творилось и с картиной, повешенной в спальне. В полутьме — готов поклясться! — она оживала. Колебалось и чадило пламя свечи, осмысливался взгляд женщины, раскинувшей на столе грудь. В ее зрачках отражалось помаргивание огня, рождалось что-то трепетное, манящее. Усилием воли я отводил глаза, а когда ненароком вновь кидал взор в ту сторону, то вновь встречал плоскую, потемневшую от времени, покрытую масляными красками плоскость.

Должен заметить, что оболочка-жилище была организована идеально. Даже слишком... Всякие повреждения, недоделки, неисправности устранялись сами собой. Я специально оставлял недокрученным водопроводный кран — спустя несколько минут он доворачивался самостоятельно. Стоило отойти от окна, оно гасло. Стулья, разбросанные по комнате, сами собой, семена ножками, неизменно занимали то положение, какое было закреплено у них в памяти. Дверцы встроенных шкафов неизменно закрывались, также задвигались ящики письменного стола. С точки зрения мебели и кухонной утвари я представлял некую флуктуацию, без конца нарушающую раз и навсегда установленный порядок. Зрелище было жуткое — я с содроганьем вспо-

минаю, как боролся со своею постелью. Сколько бы я ни пытался заправить ее по-своему, спустя некоторое время по простыням, одеялу, заправленному в пододеяльник, покрывалу, свежайшей чистоты наволочкам пробежала дрожь. Постельные принадлежности словно оживали, по ним пробегали волны, они шевелились. Грудь колесом вздымались подушки, совершенной плоскостью растягивалось покрывало, под ним с той же тщательностью укладывались одеяло и простыни. Линии и углы спрямлялись, комки подушек раздувались пузырями. Впечатление было такое, будто в мою кровать разом проникло полтыщи тараканов или механических клопов, совершающих свою обычную гигиеническую работу. Каково мне было ложиться в постель, в недрах которой обитало такое количество незримых насекомых!

По ночам я не мог заснуть. Лежал и слушал тишину... За окном шумел летний частый дождь... Я впал в отчаяние — уже октябрь, зима на дворе, снег навалил, а меня потчуют стуком капель по траве, по крыше, по дорожкам в саду. И на вторую ночь все тот же шум дождя. И на третью... Я лежал и смотрел в потолок. Тогда-то меня стали посещать неясные образы. Что это было — не могу сказать. Не могу определить, во что я тыкался ясновидящим взглядом. Иногда проникал во внутрь — тогда мерещилось что-то волнующее, древнее, геологическое. Было оно переливчато-цветастое, тихий бред, взвесь радужных пятен, среди которых являлись странные ящероподобные лики, бугристая, бородавчатая кожа, зубчатые гребни вдоль спин, пятипалые руки, причем, первые пальцы превратились в толстые, заострен-

ные шипы. Следом являлись другие звероподобные монстры... Сначала я ставил мысленный экран, и набег видений прекращался, потом вновь снимал защиту и вновь погружался в чьи-то сновидения.

В чьи-то?

Ясно, в чьи! Теперь я спокойней начал относиться к тревожащим душу набегам, однако уловить пусть даже и бредовый смысл видений мне не было дано. Но почему? Я постоянно задавался этим вопросом. Неужели за шесть с половиной миллионов лет ил хотя бы за это последнее миллионлетие фламатер несколько не очеловечился? Ведь он хранил в памяти — значит, и в душе — гигантский объем сведений о расе *homo sapiens*, и плоть его во многом состояла из рожденных на Земле материалов. Неужели фламу, если даже в его теле и не было примет привычной для нас цивилизации технического типа, не приходилось заменять пробитые люки, сгнившие или изъеденные мышами кабели, какие-то другие немислимые для нас детали? Вещество, рожденное нашей планетой, в любом случае проникало в его плоть. Это важно — выходит, в какой-то мере мы были одной крови. Более того, по мнению Змея Огненного Волка — в этом его поддерживала Каллиопа — каждая молекула в какой-то мере пропитана разумом, обладает эмоциональным рядом. Каждый атом хранил в себе — и создавал! — историю своей жизни, даже момент рождения. Материальное было насквозь пропитано духовным, только надо суметь разглядеть его, научиться вести беседу с каждой частицей, каждой клеточкой, молекулярной цепочкой. С каждым предметом, из которых состояла вернослужащая мебель в моем

жилом отсеке. Я часто спорил с Каллиопой на эту тему, верил ей и не верил. Естественнонаучный взгляд на подобные домыслы сводил их к бреду, нарочитому оригинальничанью или спекуляции. Но чем натурфилософский взгляд на бегающие мимо меня стулья мог мне помочь? Я не отвергал логику, принципы Бекона, однако с точки зрения последовательного естествоиспытателя душа — понятие несуществующее. Ее наличие ничем не доказано, но стоит исключить эту эфемерную субстанцию из человеческой культуры, что останется? То-то и оно, что ни-че-го!

Последние контрольные испытания ковчега были закончены в середине ноября. По мнению синклита я в достаточной мере овладел искусством управления скафандром, слился с оболочкой, нашел с ней общий язык. Капитан сообщил, что, к их удивлению, я на пару недель опередил график, так что заслужил право на заслуженный отдых. Им понятно мое стремление навестить раненого друга, тем более, что до поправки еще далеко.

Фраза была корява и в устах ди неожиданна. Я хмыкнул — подобную сентиментальность от ди трудно было ожидать.

— Как вы узнали о его самочувствии?

— Случайно, — ответил капитан, потом поправился. — Повезло... Перед отлетом желательно согласовать дальнейшие этапы нашей совместной работы. Итак, пункт первый:

установление прямого контакта и обследование спрятанной на Луне приводной станции;

проверка ее готовности выйти на окололунную орбиту и включить специальный маяк. Только с его помощью фламатер может стартовать с Земли;

проверка систем стартового комплекса, расположенного на спутнике Сатурна Титане;

подготовка его к работе.

Я помолчал, подумал, потом сделал замечание.

— График слишком расплывчат, здесь возникает куда больше вопросов, чем ответов. Хотя бы каковы границы по времени?

— Первый этап около месяца. Второй столько же. Уход в серое лимбо по мере готовности.

— А этот ваш уход в лимбо не сотрет Землю в порошок?

— Мы не собираемся губить Землю, — в голосе капитана послышалось легкое раздражение. — Разве что небольшой местный катаклизм. Ну, землетрясение или извержение вулкана. В любом случае сила толчка не превысит трех-четырёх баллов. Нам бы хотелось получить принципиальное согласие...

— Ага, — наконец догадался я. Вот в чем смысл разговора. — Вы что, санкцию у меня просите?

— В некотором роде. Но не у вас...

— Хорошо, я доведу вашу просьбу до сведения сонма. Надо бы как-то детализировать намечающееся соглашение. Определить обязанности сторон.

— До этого дело еще дойдет, — ответил капитан. — Нам важно получить принципиальное согласие. Володя, время не терпит. У нас в запасе разве что несколько месяцев.

— Все передам, — кивнул я.

Я шел по расширенному, со сглаженными стенками туннелю — шел, облаченный в скафандр. Ковчег был заправлен энергией до отвала, психокинетическая мощь тоже в пределах нормы. Голова свежая, руки и ноги сильны, жаждут движения. Керамические подошвы чуть пружинят. Я свободно справлялся с весом своей новой оболочки. Мне бы сейчас парочку раруггов для разминки. Я бы их одетыми в металлокерамические перчатки руками. Пикнуть бы не успели.

В шлюзе подошел, похлопал койс по матовому лоснящемуся боку. Тот сразу ожил.

— Что, Серый, на побывку?..

— Так точно! — ответил я. — Погуляем. Какой тебе гостинец привезти?

— Уголька бы горку, — вздохнул вернослужащий, — Высококачественного. Я бы из него алмазов нажал. Крупных... Огранил бы, любовался... Тебе бы подарил.

— Ишь ты, — удивился я, — ювелир какой! Что ж, в Якутии уголька сыскать не мог? Здесь чего только нет.

— Сыскал, выжал. Поиграл, отобрали...

— Что-то у меня нет желания лезть в шахту за углем.

Койс вздохнул.

— Тогда бувай.

— И тебе того же.

Створка люка отъехала, и я шагнул в ночь. В ту же секунду включился двигатель, и я, не касаясь земли, не оставляя следов на снегу, побрел в небо. Все выше и выше карабкался по невидимым ступеням, приближа-

ясь к звездам. Стартовал на высоте нескольких десятков метров — остановился, замер на мгновение, бросил взгляд окрест. Луна сияла истово, во весь диск, свету было достаточно, видно далеко. Вот она чуть стронулась с места, и я ощутил легкую тяжесть в теле. По мере нарастания ускорения почему-то скачками менялся масштаб под ногами. По баллистической траектории, обдаваемый излучением радаров противоракетных систем, невидимый ими — всю энергию поверхность скафандра поглощала практически полностью, а крошечный остаток отражался в противоположную сторону, — неуловимой боеголовкой я поразил один из пологих, обрывающихся к океану холмов на северном побережье Ирландии. Меловая гора расступилась передо мной, и руслом подземного ручья, минуя один живописный подземный грот за другим, я добрался до обширной светлой пещеры, вырубленной гномами в эпоху царств гоблинов. На ровном, покрытом мелкой сеточкой трещин полу в центре овального зала поблескивала гладь небольшого озера. Журчал вытекающий из водоема ручеек. Тут же в сложенном из обтесанных гранитных блоков очаге бездымно горел огонь. На граните время от времени отчетливо и кроваво проступали таинственные руны. Возле очага на дубовом ложе лежал Георгий. Был он бледен, черные волосы отросли и завивались колечками. Щеки ввалились, густая золотисторыжеватая щетина уже курчавилась на подбородке и скулах. Заметив меня, он слабо улыбнулся.

— Наконец-то! Я жду, жду — неужели, думаю, никто в вашем звездном профкоме обо мне не вспомнил. Ну, что там у тебя? Яблочек молодильных принес?

— Яблочек не принес. Не сезон, а вот на чудо заморское можешь полюбоваться, — я указал на свой скафандр. — Тебе бы такую оболочку, всю бы нечисть в одночасье разогнал. Самому Гагтунгру досталось. Нет, кроме шуток, эта оболочка что-то необыкновенное.

— Конечно, импортная вещица. Куда нашим лаптям. Вот так славяне и продаются. Чуть что — начинают слезу пускать, в грудь себя бить — родину, мол, жалко. Стоит показать заграничную тряпку, за уши не оттащишь.

Я засмеялся.

— Где супруга? — спросил я и присел на кровать в ногах. — Скафандр хочу снять, хорошо у вас тут.

— Ваньку-Джони укладывает. Совсем меня мальчишка замурыжил — начитался сказок про короля Артура и теперь требует предъявить камень, в котором был упрятан королевский меч. Я помалкиваю, что этот меч вон там, в углу комнаты висит. Только скажи огольцу, покоя от него не будет. Все тут порубает. Такой сорванец...

— А наследница?

— Эту не тронь. У нее переходный возраст. Экологиня, не дай Бог! Как только, говорит, коронуюсь Флорой на следующий же день мак, коноплю, табак под корень изведу.

— А старший?

— Этот из молодых да ранний. Этаким юный Мерлин в очках. Вообще, этих британцев я до сих пор понять не могу. Упрямые, как... — он постучал по дубовой спинке в изголовье кровати. — Решил к моменту защиты магистерской диссертации составить свод преданий,

пословиц, поговорок, притч, сказок, баллад и исторических песен всех народов Земли, вплоть до фольклора раруггов и игвов. С бичурой якшается, а ведь он из хорошего древнего рода.

— Смотри, голову ему эти подземные рапсоды откусят. Сам-то как?

— Хреново, Володь. Какую-то отраву они к металлу подмешали. Совсем ослабел. Удивительно, даже Доротея не может определить, что за яд.

Между тем скафандр по моей мысленной команде раскрылся, я выбрался наружу. Так и остался в нательном облегающем комбинезоне. Потом наконец ответил.

— Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Что спектральный анализ показал?

— Вещества все те же: свинец, в малом количестве железо, барий, есть следы бериллия, двуокиси титана. Начинаем пулю в электронный микроскоп разглядывать, доходим до определенной стадии увеличения — и стоп. Темнота... Она даже ясновидящим взглядом не может проникнуть в строение молекулы. Есть в этом сплаве какое-то образование, какая-то немыслимая атомарная цепочка. Не могут они так сцепляться!

— Послушай, ты схватку в подземной пещере хорошо запомнил? Ты же сильномогучий богатырь с прекрасной генетической памятью.

— Ну, — Георгий поиграл бровями, — припоминаю.

— Мне этот бой уже несколько раз во сне являлся. Странно, но события восстанавливаются с большим трудом. Я свою натуру знаю — если вещей сон накатит,

его ничем не перешибешь, а тут... В холодном поту просыпаюсь и прокручиваю, прокручиваю случившееся. Есть одна заковыка. Давай-ка воспроизведем последний эпизод — раненый раругг поднимает автомат, ты замечаешь его движение и бросаешься к Каллиопа.

— Вроде так.

— Нет, ты воспроизведи сцену полностью. До самого мимолетного жеста, до вздоха.

— Ну и?

Сзади раздался мелодичный голос.

— Я ему помогу.

Я обернулся, Каллиопа в легкой прозрачной накидке вышла из бокового прохода. Я даже зажмурился, все-таки красота — страшная сила. Если к тому же сила помножена на обаяние, умение вести себя, на добрый взгляд голубых глаз. Голова закружилась, и в тот же момент меня осенило: копия с нашей Каллиопы будет мне отличной помощнице там, в недрах горы. Это была перспективная идея.

— Ну, долго будешь пялиться? — улыбнулась она.

— Вечно, — я с трудом глотнул. — Но о тебе, вернее о твоей божественной плоти, мы поговорим после. А теперь обратите внимание...

Каллиопа между тем воспроизвела над озерком всю картину боя. Быстро промелькнули первые эпизоды, потом движения персонажей стали замедляться. От этого стало как-то не по себе. Вот я вцепился зубами в руку мгновенно похудевшего от ужаса раругга. Клац — и рука отлетела в сторону. Теперь в пасть попала каска одного из стражей, она прикрывала полузвериную, по-

крытую лягушачьей кожей, голову. Хруп — что-то брызнуло в разные стороны.

— Что ты меня показываешь! — возмутился я. — Ты раруггов выяви. Крутани побыстрее... Стоп!

Вот мы и добрались до нужной сцены. Воин с лягушачьей кожей, привалившийся спиной к плитам пьедестала, на котором возвышалась арка деформатора, был невредим с виду, однако из-под доспехов обильно вытекала черная кровь.

— Ты работал мечом, я лапами и челюстями. Какое у него может быть ранение. Что у него внутри может быть повреждено? Теперь обрати внимание на взгляд.

Глазницы воина-раругга были почти прикрыты морщинистыми веками. Неожиданно щели расширились, обнажили угольно-черные, на золотистом поле, большие, со спелые сливы, выкаченные зрачки. Взгляд его осмыслился, он цепко вглядывался вдаль.

— На кого он смотрит? Дай крупный план. Чуть побыстрее. А теперь?

Глаза у Каллиопы расширились, она прижала ладонь к полуоткрывшемуся рту.

— На тебя, Серый волк. Теперь перевел взгляд на Георгия.

— А что у него в лапах?

Георгий хмыкнул, заворочался в постели.

— Автомат. И коготь на спусковом крючке.

— Что же он не стреляет? — спросил я. — Почему медлит. Не цель ли выбирает? Вот, пожалуйста...

Как только раругг заметил стоявшую у входа Каллиопу, он навскидку дал очередь. Мгновением раньше жену в прыжке заслонил царевич.

— Ну-ка, дай нормальную скорость, — обратился я к Каллиопе.

Сцена боя еще раз прошла перед нами. В реальном времени взгляд раругга, брошенный сначала на меня, потом на Георгия, был совершенно мимолетен. Ему хватило доли секунды, чтобы выбрать цель. В этом и заключалась загадка.

В той ситуации Каллиопа для раруггов никакой опасности не представляла. Стрелять следовало либо в меня, либо в Георгия.

— Вот еще на что обратите внимание, — продолжил я. — Этот раругг входил в число тех, кого капитан подверг мысленному удару. Могу предположить, что его хлестнули таким образом, что даже на пороге смерти ему хватило сил исполнить чужую волю. Из всех участвующих в бою, только одному участнику очень хотелось расправиться с Каллиопой. По крайней мере, вывести ее из строя.

— Кому же? — спросил Георгий.

— Синклиту Ди! Фламатеру!..

— Зачем?

— Не знаю. По-видимому, она представляет для них серьезную угрозу. Нет, не так. Скорее, возможную помеху. С ее могуществом они в какой-то мере вынуждены считаться. Меня, собственно с этой целью и послали сюда. Синклит хотел бы получить принципиальное согласие сонма на старт с Земли. Дело в том, что эта затея связана с неким природным катаклизмом, хотя фламатер и божится, что ущерб будет сведен к нулю.

Каллиопа задумчиво смотрела на меня.

— Может, в этом все дело, — продолжил я. — Незримая, таинственная хранительница живой природы, нашей, земной, красоты, в состоянии помешать им. Ведь ей подвластна и неживая составляющая земной ноосферы.

— Что ж, выходит они враги? — спросила Каллиопа.

— Нет! Но и не друзья-товарищи! Они — чужие! По их разговорам выходит, что они не имеют права вступать с властями Земли в юридические отношения. И не желают!.. Это, по-видимому, дело высшего синклита Ди или какого-то Галактического разума. Но кроме официальных властей на Земле обнаружилась еще одна исконная сила — сила традиций, верований, обожествления природы. Нанесение ущерба окружающей среде у них, как мне кажется, является серьезным преступлением. С другой стороны они свихнулись на идее поскорее расстаться с нашей планетой.

— Понятное желание. Юдоль печали... — усмехнулся Георгий.

— Согласен. Ну, а если для достижения этой цели следует договориться с местной незримой таможней, то как им быть? Если в результате их взлета земная кора даст трещину? Они уже заикнулись о землетрясении местного характера или о небольшом извержении вулкана. Вот они сначала решили попробовать вывести главного хранителя из строя. Не удалось... Теперь им волей-неволей придется пойти на переговоры. Но с кем?!

В этот момент в зал вышли четырнадцатилетняя очаровательная Флора и Ридл Хантер Джордж, прямой

потомок Оберона и короля Артура — дети Каллиопы и Георгия. Я кивнул им и продолжил.

— В том-то и загвоздка! На более тесное общение они никак не идут. Отгородились скалой, во внутренние помещения звездолета не допускают, любые вопросы, относящиеся к их образу жизни, внешнему виду, языку, культуре, просто не замечают, подсовывают мне каких-то скудных умишками биокопий, окружили самой примитивной дребеденью, набранной из бесчисленного числа фантастических романов самого скверного пошиба. Стулья и кресла у них бегают по комнатам, постель заправляется по собственному уставу, краны закручиваются сами собой. Вместо воя пурги подсовывают шум летнего дождя. Я скоро с ума сойду. Не дают покоя безумными сновидениями — посмотрели бы на эти морды, являющиеся мне по ночам. И в конце концов, во время старта нанесут непоправимый ущерб нашей природе? Как я после этого буду выглядеть? Даже обладая ковчегом. Конечно, этот скафандр великолепная вещь, в нем я могу пройти от одного края Солнечной системы до другого. Но возможно, это чудо инопланетной техники не более, чем средство контроля за мной. Что решит сонм хранителей. Что тебе приснится Каллиопа? Какое решение?

Королева фей пожала плечами, бросила взгляд на мой скафандр, который стоял у стены. Мы все невольно глянули в ту сторону. Действительно, мой ковчег производил жуткое впечатление — было в этой огромной, черной, имеющей человеческие очертания машине что-то звероподобное. И в то же время притягательное... Хотелось подойти к нему поближе и погладить. Как ти-

гра... Я не мог отделаться от ощущения, что он внимательно прислушивался к нашему разговору, более того, тянулся к нам.

— Может, у них просто не остается времени? — задумчиво, обращаясь как бы к самой себе, спросила Каллиопа. — Возможно, аппарат износился до такой степени, что все решают годы. Для них мгновения... Или что-то случилось у них, в родных краях

— Не знаю, — признался я. — Я вообще ничего не знаю. Только догадки, предположения, гипотезы. Они любят рассуждать о высоких материях, Творцах, Чете-Нечете, как организационном принципе устройства нашего мира. Хлебом их не корми. Я собственно ничего не имею против мировоззренческих вопросов, но во всем надо знать меру!

— Посиди под землей такой срок, без права высунуть нос на поверхность, сразу задумаешься — зачем все это, кому это надо? — буркнул Георгий.

— Мне от этого легче? — спросил я его. — Одно могу сказать наверняка — они уважают силу. Впрочем, как, по-видимому, повсюду во вселенной. Вот чего я боюсь: не являются ли эти разговоры о Творцах, истине, силе и справедливости средством маскировки? Кстати, передо мной флам постоянно предстает в образе некоего всемогущего верховного существа, служить которому я обязан без тени сомнения, честно, не жалея сил. Более того, в мои обязанности входит необходимость с воодушевлением проявлять инициативу, быть готовым к подвигу. Конечно, в силе и глубине моего религиозного чувства фламатер сильно обманывается. А может, и нет, иначе давно бы выдумал некий ритуал и заставил

бы им пользоваться. Хотя с другой стороны, — я неопределенно пошевелил пальцами, — что-то божественное в нем все-таки есть. Ибо он сам верует... Что-то знает об изначальном замысле Создателя. Дьявольщину считает не столько мистическим, сколько физическим явлением. Он вообще очень много знает. Жаль было бы выпускать его с Земли.

— Слышу голос дикого зверя, — погрустнел Георгий. — Злобен ты, Серый, как самый распоследний обыватель. Сколько в тебе еще от твоих предков-лютичей.

— Конечно, нам до благородных далеко, — огрызнулся я. — Мы — серые лошадки.

— Не прибедняйся, потомок Сварожича и Аполлона, не хвались худостью рода. Не скоморошничай! Ты дал слово сотрудничать с пришельцем, — заявила Калиопа. — Согласно твоему положению в иерархии хранителей ты имел на это право. Условия контракта обговорены — они покинут Землю. Это, на мой взгляд, лучший выход из положения. В качестве князя света ты уполномочен действовать по собственному усмотрению, но договор в любом случае должен быть выполнен. По крайней мере, с нашей стороны.

— Утверждаю!

Громовой голос раздался в пещере, и рядом с ложем, где располагался царевич Георгий, очертилась фигура Змея Огненного Волка.

— Дедушка явился! — обрадовалась Флора.

— Мое почтение, дед! — по-русски приветствовал гостя Джордж.

Змей, кивком поблагодарив детей, зычно добавил.

— Утверждаю и визирую.

Был он в мирском костюме, в привычном образе кандидата наук. Седовласый, высокий, на лице большие очки.

— Пусть летят. Контакт, техническое знание, не самое главное, однако сомнения Серого волка имеют под собой почву, — сказал он. — Вот вам задачка на сообразительность. Итак, Вовик уронил пояс в море. Так вот, там его тоже нет, он даже до поверхности не долетел. Гляньте.

Перед нашими глазами возникла сцена, когда я, лязгнув зубами, уронил древний талисман. Падение наборного, отливающего тусклыми, похожими на серебряные бляшками ремешка вдруг замедлилось. Вот он коснулся бугров тумана, погрузился в них... Изображение перешло в инфракрасную область спектра, тут мы ясно разглядели в прозрачной мути некую амёбообразную структуру с приметным ядрышком в середине.

— Узнаете?

— Цечешище!.. — выдохнул я.

— Вот именно, — кивнул Змей. — Сверхъестественное коварство, незлобивое такое, гуманное... До смерти не убивает, просто выводит из строя. Терпелив, в своем роде добр, источает благо, средоточие ума... Этакий, по воле фатума попавший в темницу Зевс. И мы ничего о нем не знаем. А надо бы знать.

— Так давайте начнем! — воскликнул я. — Прямо со скафандра. Изучим до тонкостей. Постараемся создать что-нибудь подобное.

— Глупости! — возмутилась Каллиопа. — Не дозволям! Повторить эту вещь мы не сможем, а вот свихнуться на попытке воссоздания — это вполне реально.

Надо смотреть правде в глаза. По отношению к фламуну мы находимся на мифологическом уровне. Как ни пытайся, но дикарю невозможно объяснить принцип работы двигателя внутреннего сгорания. Что он видит: божество заливает в металлическую коробку вонючую жидкость, нажимает ногой на дощечку — и машина поехала. Знай себе крути обод... Могу согласиться, что, если мировоззрение дикаря дает ему возможность осознать степень своего невежества, он в каком-то описательном приближении сможет понять, как работает мотор: мол, если в земле пробурить дырку, выкачать оттуда кровь, называемую «нефтью», перегнать ее. Если добыть руду, выплавить металл и так далее... Умозрительно он все это в состоянии связать, но воспроизвести?! А вот потерять себя, уйти с предназначенного ему пути — может!

— Но я-то построил летучий корабль в двенадцатом от рождения Христова веке, — возразил Георгий.

— Вот и фламатер соорудил скафандр, — ответила Каллиопа.

— Прекратите этот бессмысленный спор, — прервал я их. — Послушайте, в чем моя идея. Общую картину в отношении фламатера необходимо прояснить любыми способами: что он из себя представляет, где его энергетическое сердце, какова внутренняя структура. С этой целью следует использовать проникшие в него земные элементы. Надо использовать все, что под рукой — зверюшек, корни деревьев, подземные воды. Для этого Каллиопа необходимо посетить окрестности сопки в каком-нибудь экзотическом виде. Только не в облике крупных млекопитающих — они их ловят и пе-

рерабатывают на биомассу. Мышка какая-нибудь под камнями шур-шур-шур... Корешок кедрового стланика невзначай главной жилы коснется — замерит сопротивление, сечение, определит химический состав. Одним словом, следует провести полное геофизическое, психокинетическое, биологическое, химическое обследование. Что-то он все-таки выделяет... Тебя, Джордж, попрошу собрать все сведения, все заговоры, наговоры, заклятья, ворожбу, воздействующие на мертвую природу, составить свод белой и черной магии, парапсихологических и трансцендентальных приемов, создать гербарий, в который надо включить цветок папоротника, плакун,— одолень,— сон-, разрыв-траву, калюка, крапивное корень, волшебный горох, Петров крест, чистотел, ноготки, беладонну. Теперь самое главное — дозволь, королева фей, запечатлеть тело твое живое и прекрасное в сознании. По его образу пусть флам изготовит биокопию. Измучили меня его безродные выкормыши — человеческого в них ни на грамм. Если же эта проделка удастся, перед нами откроются широкие возможности. Как, Георгий, ревновать не будешь? Думаю, навалиться на пришельцев надо осторожно, но плотно.

Наступило молчание.

— А что, — кивнуло изображение Змея, — идея неплохая. Однако главное — пояс. Вот что надо искать в первую очередь. Думаю, в нем ключ. Не их ли эта вещица?

— Нет. Как намекнул флам, изготовили его около шести миллионов лет назад неведомые пришельцы из другой галактики, обосновавшиеся на земле в эпоху Плиоцена. Я склонен верить этому свидетельству, так

как в твоих романах, Доротея, тоже есть упоминание об этом событии. Оно могло быть навеяно только памятью рода.

— Да, — согласилась она, — эти главы я во многом писала по наитию. Во сне я видала, как разворачивается действие.

— Обо мне забыли? — неожиданно подал голос Георгий. — Хороши друзья и наставники, жена верная. Один любушку хочет увести, другая, такая деловая, уже в Якутию собралась.

— Мы тебя вылечим, папочка, — пообещала Флора.

Я как бы не услышал его и невозмутимо предложил.

— Так что, начнем со скафандра? Эх, хороша кольчужка!

— Хороша Маша да не ваша, — отозвался раненый богатырь.

Глава 5

Как сказывают-пересказывают, слушавший не забудет, рассказчик не прибавит, и если не ложь в его словах, то уж, конечно, правда, — жил когда-то в большом подмосковном городе молодой специалист. Как-то получил он путевку на турбазу, приехал туда, устроился и однажды, жарким июньским днем, в чем был — в плавках, с транзисторным приемником и книгой подмышкой, с подстилкой на плече, — в том и отправился на берег Протвы загорать.

Искупался, лег на травку, взял книгу в руки — и задремал. Сморили его ясное солнышко, плеск речных струй на перекате, шелест тростника и стрекот кузнечиков. Что-то сладкое напевало радио. Дремал он и видел себя во сне — крепкого молодого парня, мастера спорта по самбо в тяжелом весе, год как работающего в закрытом институте, располагавшемся в родном Снове. Потом картинка как бы потускнела, умственный взор уперся в туманную завесь, только звуки со стороны долетали по-прежнему, баюкали, нежили. Скоро и они пригасили...

Очнулся молодой человек от ощущения озноба — несколько минут полежал с закрытыми глазами, удивляясь, что за странный треск напирает в ухо. Наконец раздвинул веки, уставился на транзистор, прислоненный к коряге. Оттуда бестолково разило помехами. Паренек протянул руку, повертел колесико настройки. В ответ все тот же глухой однообразный шум. Пробежал по диапазонам — полное отсутствие модулированных сигналов. Это был удивительно! Рывком сел, глянул перед собой. Река отбежала за сотню метров к противоположному берегу, перед ним лежала старица — вода неподвижная, глубь черная до жути. Вокруг вековой бор. На другой стороне тоже столетние сосны. Почувствовал чей-то взгляд на затылке. Хватило выдержки затаиться, не крутануть головой. Так и действовал по интуиции — зевнул, похлопал ладонью по губам, осторожно потянулся за приемником, нашел среди эфирных шумов какой-то заунывный, прерываемый россыпью разрядов скрежет, крутанул ободок на полную громкость и вскочил на ноги.

Два бородатых мужика в длиннополых рубахах и полосатых штанах бросились в кусты, следом кто-то ударил молодого человека по голове, и он потерял сознание.

Пришел в себя от холодной воды, выплеснутой в лицо. Открыл глаза, почувствовал себя связанным, с изумлением оглядел лыковые путы. Чуть поиграл внушительными мускулами — решил, что в случае острой необходимости, если уж не порвать, то растянуть их сможет. До той минуты, пока не освободится, придется работать ногами.

Но зачем его связывать?

Невысокий, но плотный, бородатый мужчина, взглядом следивший за ним, многозначительно выдвинул и вновь задвинул в ножны короткий меч-акинак. Стоявшие поодаль два мужика о чем-то тихо переговаривались и с опаской поглядывали на пленника. Подстилка, книга, до сих пор нечленораздельно верещавший приемник лежали поодаль. Часы не сняли. Молодой человек покрутил связанными руками, изогнувшись глянул на циферблат. Пятый час... Самое время возвращаться на базу, заняться приготовлением ужина. Где она теперь, турбаза? За эти несколько часов местность совершенно изменилась, одичала, насупилась. В той стороне, где еще совсем недавно лежала деревня Воскресенское, густился древний бор; правда, угадывалось что-то знакомое в извие Протвы, в очертаниях берега, что навис над старицей. Впрочем, такие же ощущения вызвала речь чужаков — несмотря на то, что многие

слова звучали знакомо, но искаженно, их смысл доходил до пленника.

Молодой человек на мгновение зажмурился, с силой сжал веки, а когда распахнул их, все оставалось прежнему.

Был ранний вечер. Солнечные лучи заплутали среди медвяных ровных стволов, били косо, по сторонам. Босые бородатые мужики все также угрюмо, с затаенным страхом поглядывали на него.

Парень озяб — было глупо, дико, стыдно стоять в одних плавках перед чем-то напуганными мужиками.

Наконец длиннорукий детина с мечом коротко приказал.

— Стани. Иди сямо.

— Что, что?

Ответом было молчание. Пленник пожал плечами, поднялся. На него накинута подстилка, сунули под мышки приемник и книгу.

Потом его погнали по едва натоптанному, лесному путику. Шли долго, уже в густых сумерках добрались до обширной поляны, обнесенной высоким тыном. Загнали в узкие ворота. Молодой человек огляделся — перед ним лежало языческое капище. Он сразу узнал его. Посреди прогалины рос вековой дуб, вокруг стояли длиннолицые крашенные идолы, над каждым из них возвышался двускатный навес. Тут же огромные колоды, поодаль, в дальнем углу черная в полумраке изба. В щели в тыне были воткнуты пылающие факелы, они громко потрескивали, сыпали искрами.

Встретил их тощий, высоченного роста с длиннющей бородой старик, опирающийся на резной посох.

Сложил руки на отполированном наплыве-набалдашнике... Стоял недвижимо, в белейшей холщовой рубахе до пят; взгляд сумрачный, злобный, под стать выражению лиц и деревянных идолов. Пленника подвели к нему — старик протянул корявую иссохшую руку к кресту, который болтался на шее у молодого человека. Неожиданно морщинистые, чуть согнутые крючками пальцы старика словно уперлись в невидимую преграду. Как ни пытался ведун коснуться нательного крестика, ничего не получалось. Наконец он опустил руку, вновь оперся о набалдашник, кашлянул.

Небо окончательно померкло, зыбкий неровный свет факелов теперь освещал капище. Лица идолов ожили — они презрительно смотрели на чужака.

— Наречи ти Ратибором, — неожиданно вымолвил старик и показал знаком, чтобы развязали пленника. Когда тот растер затекшие запястья, старец поманил его за собой. Подвел к самому великому истукану и поставил молодого человека на колени.

— Се твой предок, — сказал старик. — Перун нарече. Ти же отчюю веру сменил на хрест. Отец тебе судья, деда... Бе же трава черная папороть; расташа на блате, в сырых местах, в лугах. Ростом в аршин и выше стебель, на стебле маленьки листочки, с испода большие листы. А цветеша она накануне Иванова дня в полночь. Тот цвет очень надобен Чернобогу. Оберечь должен... Добудь оружие. Серый волк тебе в подмогу буде, — потом старик покачал головой и укоризненно добавил. — Небесного рода побег, а хрестом споганился. Ступай!

Молодого человека провели в избу, там заперли. Внутри было совсем темно и мрачно, пахло прогорклой

золотой. Со временем предметы чуть оконтурились, легкое свечение возникло в помещении. Парень присел на лавку, потом прилег на брошенную на неровные плахи шкуру, с силой щипнул себя — почувствовал боль. Отрешенно подумал, что не миновать ему встречи с Серым волком. Это еще что за чудовище? Явится он сюда, в это заповедное место, и благословят их на поиски жар-птицы, чудесного коня и Елены Прекрасной — так, что ли? Сами собой смежились веки, человек задремал... Очнулся от навязчивого, остужающего тело холодка. Солнце стояло низко, золотыми брызгами копошилось в кроне старой вилястой ивы. У коряги вещал прислоненный транзисторный приемник — передавали новости. Со стороны заката, из-за взгрустнувшей ивы, долетала музыка. Была суббота и на турбазе сегодня устроят танцы.

Молодой человек долго сидел на берегу, наблюдал за плещущими у его ног волнами. Накат речных струй был хил, част. На той стороне, за невысоким береговым откосом, расстилалось широкое поле. До самого леса. Все больше березы, осины, ивняк, ольховник, лишь местами шатрами верхушки елей да редкие купола сосен. Парень осмотрел руки — целы, невредимы. Никаких потертостей, ссадин, синяков... Он пожал плечами, собрал вещи и зашагал в сторону турбазы.

Была вторая половина июня, теплый, тихий вечер. Закату гореть за полночь. Еще неделя и наступит Иванов день.

Я сидел на скамейке возле летнего домика и поджидал хозяина. Вот он появился — в плавках, на плече

какая-то тряпка, в руке транзисторный приемник. Ступал тяжело, чуть сутулился, во взгляде некоторая рассеянность. Проходя мимо скамейки, поздоровался. Я окликнул его, когда он поднялся на крыльцо.

— Георгий?

Он обернулся.

— Привет, Георгий. Я — Серый волк. Пора в дорогу.

Глава 6

К середине ноября снега окончательно завалили долину Джормина, принизили скалы-останцы, редкими зубчиками украшавшие склоны сопки, присыпали крутые откосы. Наступили холода — по ночам землю ощутимо вымораживало, и все равно в щетинке лиственничного редколесья, в зарослях кедрового стланика, разбросанным по склонам и долине, ощутимо кипела жизнь. Странное для этих мест нашествие белок сменилось частыми набегами зайцев, следы которых обнаруживались даже на склонах нашей сопки. За ними потянулись лисы, волки. Со стороны Сейкимняна на западную сторону хребта перевалили несколько медведей-шатунув. Они сразу начали гонять лосей. Одного из них, восьмилетнего красавца, вернотружущий койс в первый же день завалил на биомассу. Другие неожиданно проявили такую необыкновенную осторожность и прыть, что облаву на них синклит оставил на потом. Также неспокойно вела себя рыба в реке, в не промерзших еще до дна ямах. В довершение всего неподалеку от нашей сопки появились люди. Какая-то геофизическая партия

проложила маршрут вдоль Брюнгаде. Начали рвать землю зарядами.

Каллиопа зря времени не теряла. С каждым выходом на поверхность я все более убеждался — что-то в окружающей природе стронулось, пришло в движение. Даже камень в шлюзовой камере и в коридоре, как мне показалось, потеплел, обрел душу, погрузился в раздумья. Вот еще радость — теперь по утрам, являясь в лабораторию, которую мне в конце концов удалось привести в более-менее пристойный вид, я встречал биоробота, ликом своим напоминавшим царицу фей. Это была вылитая Капочка, хотя и без той бездонной сини в глазах. Движения ее еще были угловаты и резки, оставлял желать лучшего английский язык, тем не менее с каждым днем она все заметнее очеловечивалась, и в оставшиеся до посещения Луны дни мои мысли были заняты только одним — как бы получить согласие синклита и выманить биокопию на волю, в снега, где сама владычица вил и русалок могла бы познакомиться с ней, просветить, нащупать душу, если она у нее имела. Как хотелось вложить в это прекрасное, сильное тело ощущение Бога, жажду внимать ему.

Теперь, даже в глубине скалы я ежечасно ощущал присутствие Каллиопы. То сквозняком, то пахнувшим ароматом пижмы, то едва слышимым гулом, время от времени сотрясавшим подземелье, то мелькавшей в окне полярной совой, она напоминала о себе. Когда я поднимался на поверхность, призывные, похожие на кошачье мяуканье вопли этих птиц скребли душу. Это был сигнал? Попытка выкрикнуть что-то тайное, завет-

ное? Не знаю. Я бросал вдогон лупоглазой белоснежной птице мысленный вопрос и не получал ответа.

Между тем в моих подземных апартаментах — или темнице? — тоже творилось что-то непонятное. В туннель, например, начала просачиваться вода. Помню, обнаружив странный желтоватый натек на потолке, я несколько минут удивленно взирал на него. Все ждал, когда же копившаяся влага нагонит каплю. Как всегда неожиданно — грузная, холодная-холодная — она сорвалась с потолка и звучно шлепнулась об увлажненную металлокерамическую плиту. Это было удивительно, необычно — как мне показалось, такого в запечатанном на миллионы лет подземелье еще не бывало. Теперь в отсеке мне стал не нужен искусственный звуковой подпор — шумов в моем жилище и так хватало. Совсем сразило меня вскольз брошенное фламатером признание, что вопреки сезону здесь внезапно появились и пришли в движение грунтовые воды, которых в этих местах отродясь не бывало. Они не в силах с ними справиться. Создавалось впечатление, что в вечной мерзлоте вдруг объявился слабый блуждающий источник тепла, и слои осадочных пород в долине поплыли. Это в преддверии декабря! Ужасная, непредсказуемая планета, пожаловался фламатер. Сколько с вами хлопот. Я благоразумно промолчал — на сердце стало радостно. Выходит, ковчег ни словом не обмолвился хозяину о нашем разговоре в подземной пещере. Выходит, он мне друг и ему можно доверять...

Однажды, проходя мимо лужицы, которая питалась полновесной участившейся капелью, я на мгновение остановился, словно уткнулся в легкий прозрачный

барьер. Не могу сказать, что заставило меня снять перчатку и набрать водицы. Затем я сглотнул холодную чистую влагу и в то же мгновение все те приметы таинственного, тот гуд, что время от времени отдавался в пещере, мяукающие крики полярных сов, которые я слышал у себя в спальне — таким образом я теперь боролся с тишиной — редкие сквозняки, отдававшие морозной свежестью, неожиданно обрели смысл и связанность разгаданного шифра, с помощью которого Каллиопа пыталась дозваться меня...

Так мы обрели нерушимую связь. В капле воды, оказывается, можно сообщить так много нового, необычного! Например, ничего таинственного в сопке обнаружено не было, кроме разве что небольшого, диаметром в несколько десятков метров, не поддающегося просвечиванию вкрапления яйцеобразной формы. В любом случае, звездолетом это, пусть даже инородное, тело быть не могло. Может, спасательной капсулой?.. Самое интересное обнаружилось на глубине в несколько километров, в толще мезозойских гранитов, значительно ниже границы вечной мерзлоты. Там в огромной полости располагалось что-то похожее на ядерный реактор, однако судя по его размерам и отводимому теплу взлететь с его помощью в космос задача невыполнимая. Теперь насчет просвечивания темного тела — кстати, к нему в породе был пробит закрытый для меня проход, — энергетический экран защищавший его, не так уж могуч, тем более, что изнутри идет какое-то сильное излучение. Теперь насчет структуры яйца. Оно неоднородно, по результатам сейсмических измерений можно говорить о веществе с очень большим коэффи-

циентом вязкости. Есть предположение, что источником внутреннего тепла может служить не что иное, как чудесный пояс, но твердо сказать можно будет только после исследования биоробота-помощника.

Насчет просвечивания есть идея. Необходимо использовать пряжку, скрепляющую волшебный талисман. Если доставить его в окрестности сопки, то просветить яйцеобразное тело не составит труда.

Вот что я нафантазировал, отведав капающей с потолка туннеля воды. Постоял еще немного, вперив бессмысленный взгляд в стенку, потом зашагал было в свой отсек, но тут же вернулся, набрал несколько капель, жадно припал к ладони губами. Раздался легкий звон, и я вновь услышал голос Каллиопы. *Стоит ли злоупотреблять разговором?* — спросила она. — *Стоит,* — подумал я и добавил. — *Что, если в результате этого просвечивания яйцо возьмет и самоуничтожится? В нашем положении не стоит перегибать палку, хотя, конечно, прекращать начатое тоже нельзя. Вот еще что. Если мы имеем дело со структурой, законсервировавшей себя на миллионы лет, то не являются ли муляжом все свидетельства его материальной деятельности?*

Вопросы, вопросы, нет им числа... К сожалению, без пояса мы, придет срок, не убережем папоротников цвет, утратим семя жизненной силы, рождаемое Алатырь-камнем. Потом отомрут сказки, мифы, заговоры, заклятья — одним словом, вся исконная людская память. С чем мы останемся? С телевизором, табаком, алкоголем, эссенцией конопли? С кинопродукцией, рождаемой за океаном? С упоминаемым всуе именем Хри-

ста? С набором рекламных роликов и мелких пошлых истин — таких, например, как »не имей сто рублей, а имей сто тысяч«?.. Приятная перспектива. Обнадеживающая... Если чему и можно поучиться у флама, то это — увы! — уважению к слову. Даром, что ли, он превосходно освоил наши языки. Если в области материальной культуры он сплошь и рядом допускает промашки, то речь его практически безукоризненна. Конечно, когда он не начинает злоупотреблять анекдотами. Одним словом, опившись водой и посетовав, что не пиво и не вино сочится по трещинам в породе, я пообещал доставить пряжку, спрятанную в тверских краях.

В начале декабря синклит неожиданно начал наезжать на меня, требуя ускорить выход в космос. Как раз в ту пору, в редкие часы отдыха меня опять начали доносить сны. Пустые какие-то, беспредметные...

Стоило прислонить голову к подушке, как тут же чужая могучая сила овладевала моим сознанием. Мне мерещились странные видения — скопления геометрических фигур, причем, их ряды выстраивались в каком-то необычном для человека порядке. Исходным пунктом всегда было «ничто», именно оно рождало точку, которая, в свою очередь развивалась либо в треугольник, затем в набор все усложняющихся пирамид; либо в неправильный четырехугольник, превращавшийся в последовательность призм. Наконец точка увеличивалась до окружности, которая обращалась в шар. Только потом эти фигуры начинали сцепляться, плодить многогранники, цилиндры, торы, кольца Мёбиуса и прочие, уже неподвластные описанию формы. Я не мог разобраться, чтобы это могло означать. Сны были насыщены

ощущениями такой психической силы, что я, случилось, просыпался от собственного крика. Словно ко мне, под черепную крышку, пытался достучаться и не мог этого сделать заплутавший путник. Эта сила обращалась со мной бережно — меня как бы звали куда-то или пытались что-то показать, однако не осмеливались тянуть силком... Ничего, кроме раздражения и накапливающейся злобы, эти попытки у меня не вызывали. Я — сторонник ясности. Никто пока не поколебал во мне убеждение, что все существа, возникшие в процессе эволюции четырехмерного континуума пространства-времени, в поле одинаково понимаемых причинно-следственных и вероятностных связей, должны обладать однотипной логикой. Тогда зачем наводить тень на плетень?! Я устал биться в кругу догадок, и сведения, полученные от Каллиопы, лишь подтвердили объяснение чужих снов, которые чередой донимали меня. Флам просыпается — то есть, период консервации спеленатого яйца подходит к концу и питательные жизненные соки стали наполнять его свернутые в определенном порядке внутренние органы, внутренние структуры. От осознания, что скоро можно ждать пробуждения, мне стало совсем беспокойно. У меня на языке вертелся вопрос и однажды вечером, когда моя помощница жестяным голосом потребовала согласовать срок испытания скафандра и посещения Луны, я спросил.

— Зачем? — и тупо уставился на нее.

Тут мой взгляд упал на подлокотник кресла. На нем я заметил налет пыли. Это было невероятно! То ли идеально отработанная система жизнеобеспечения начала давать сбои, то ли королева фей нашла щелку и ухитри-

лась подсыпать на подлокотник неотъемлемо человеческую, неистребимую присыпку к мебели? Тогда с подобным подарком мне следовало обращаться бережно и, ощутив поддержку родной грязи, я уже более решительно ответил на высказанное подобием Каллиопы недоумение: «Что, значит, зачем?»

— Послушайте, синклит, послушайте, флам. Пусть я ошибаюсь в отгадывании навязываемых мне снов, но в понимании сути проблемы я не могу ошибаться.

— Что вы имеете в виду под навязыванием вам снов?

— То, что вы против моей воли пытаетесь сделать меня свидетелем пробуждения некоего объекта, который и называется фламатером. Скорлупка трещит по всем швам?

— А хотя бы и так.

— Тогда зачем темнить? Зачем нагонять туман? Ваша скрытность, неясность цели — скажу больше, ваши двусмысленные поступки, предусмотренные непонятным мне сценарием, дают основания сделать вывод — от вас можно ждать чего угодно. Возможно, наши цели диаметрально расходятся. Возможно, нет... Если что-то скрывают, значит, есть, что скрывать, и ваши разговоры о необходимости скорейшего ухода из пределов Солнечной системы не более, чем дымовая завеса для осуществления какого-то коварного плана. Но в случае отталкивания векторов они взаимно уничтожаются. Либо кто-то один, более сильный, начинает тянуть в свою сторону. Дальше по нарастающей: поскольку никто из партнеров в силу закрытости не знает, какова мощь противника, он начинает безгранично увеличи-

вать свои силы. Что в результате? Скорое взаимное уничтожение, так как в перспективе эта накопленная мощь становится равной.

— Ну и?

— Разложить противника изнутри мы не в состоянии, значит, единственный выбор — взаимное уничтожение? Но вы утверждаете, что ваша цель — тайное исчезновение, причем определение «тайное» отражает суть дела.

— Так и есть.

— Я же в свою очередь отыскиваю пояс, ибо без него вынести бремя сохранения Земли, спасение ее индивидуальности и неповторимости будет невозможно. Если это условие будет нарушено, мне придется обратиться в Галактический синклит.

— Вам туда хода нет.

Пока! И то сомнительно. Кое-кто из сонма хранителей, думается, сумеет найти дорожку в Миры просветления и довести до их сведения странную позицию представителя высшей цивилизации. Не знаю, как встретит вас цивилизация Ди.

Наступило молчание, долгое, тягостное. Нарушать его никто не хотел, поэтому я принялся пересчитывать пылинки на подлокотнике, однако скоро сбился со счета.

— Поймите, Серый волк, — неожиданно глухо, мужским голосом произнесла копия Каллиопа, глаза ее осмысленно блеснули. — Есть вещи, которые вы не в состоянии понять, поэтому мы и рисуем окружающую вас среду в виде суммы вероятностей, набора догадок. Если дать что-то более существенное, вы не поверите, а

если и поверите, то не поймете и тогда вы — там! — на Титане можете такого натворить! Вступая в пещеру, надо знать только два слова — Чет и Нечет! Вот он наш «Сезам, откройся!» Неважно, на каком языке вы их произносите — главное, чтобы вы *осмысленно* употребляли их. Только тогда вы сможете совладать с приводной станцией. Старик Дхарм — это она сама себя так назвала, слово это не из нашего языка — совсем свихнулся от одиночества. Вас ждут большие трудности, особенно во время личной встречи. За тем, что будет твориться в вашей голове, он будет следить очень внимательно. Он решил, что до конца осознал, что есть Бог. Он должен убедиться, что Бог есть и в вашей душе, совершенно неважно, какого цвета, происхождения он будет, какой степенью величия он обладает. Является ли он порождением вашего разума или разума всего человеческого сообщества, или объективно существующим Творцом, Создателем и Спасителем. Вы только по дикости своей делите Господа на Саваофа, Аллаха, Брахму, вписываете в ту же ипостась Будду. Я уже не говорю о последователях языческих религий. Но это так, к слову... При встрече с Дхармом вы должны убедить его, что носите подобное ощущение в душе, что религиозное чувство есть ваше неотъемлемое качество. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, я должен доказать, что я не робот, не биокопия.

— Вот именно. Только в этом случае он откроет вам доступ к собственному культу, и вам только останется запустить рабочую программу. Он довершит все остальное — даст сигнал на Титан, пробудит стартовый

комплекс. С вашей точки зрения — это чудо, и вам не понять, как он творит его. Да вам это и знать ни к чему. Если бы не эта загвоздка, мы бы давным-давно создали подходящую биокопию. Она бы отличненько наладила стартовый комплекс, нам бы не понадобились услуги представителя вашей расы. Что может ответить биокопия, если этот философствующий идиот задаст ей вопрос: «Может ли Господь сотворить камень, который сам не в состоянии поднять?»

— Если он спросит что-нибудь подобное, я тоже не смогу ответить.

— Ах, вы не понимаете. Ответ в данном случае не важен, главное, что вы думаете по этому поводу.

— Хорошо, но все-таки существует ли ответ на этот вопрос?

— Конечно. Он уже создал подобный камень — это ваша Земля. Создать-то вас создал, а теперь размышляет, что с вами делать.

— Вам все шуточки, — насупился я, — но тайна вашего «внутреннего мира», вашего «я» волнует не только меня...

— Ах, нет у меня «внутреннего мира»! По крайней мере в той форме, как вы это понимаете.

— Не лукавьте. Может, и синклита нет? И этой лупоглазой красавицы, что сидит напротив меня?

— Нет, она существует. Но это продукт... Синклит тоже свернут в фигуру, подобную листу Мёбиуса. О каком внутреннем мире можно говорить, если я нахожусь в зародышевом состоянии. У меня даже подобающей мне оболочки нет! Почему вы не можете отрешиться от привычных вашей расе представлений? Если кошка

смотрит на вас, вы приписываете ее взгляду непостижимую мудрость. На самом деле никакой мудростью здесь и не пахнет. Зверек просто смотрит — ну, может, ждет, что вы нальете ему молока. Поймите, Бобби, нас ждут. Давно, теряя терпение, мы обладаем ценнейшими сведениями. Нас ищут как ди, так и архонты.

— Вот-вот, очень интересный момент, — я сделал паузу, невольно глянул на пыль на подлокотнике. Слышит ли нас Каллиопа? — Не будем касаться цивилизации Ди. Что-то плохо они вас ищут. Я насчет архонтов. Вы, в конце концов, покинете Землю, а мы, значит, останемся с ними один на один?

— Чего вам бояться. Вы же до сих пор успешно справлялись с тварями, рождаемыми Изнанкой мира. Без моей помощи. А во всем остальном... Вам пока не дано влиять на физику мира. И слава Богу, иначе следовало бы всерьез беспокоиться судьбой вселенной. У вас, варваров, все пойдет с аукциона: гравитационная постоянная, скорость света, постоянная Планка. Вы и ускорение силы тяжести на собственной планете продадите за сходную цену, нашелся бы покупатель. Какой-нибудь оригинал тут же загонит ее под двенадцать метров на секунду в квадрате.

— Что вы заладили — варвары да варвары!

— А кто же вы! — лицо биоконии скривилось от неподдельного возмущения. Я догадался, что в разговор вступила целительница Ди. — Взгляните на книги, расставленные у вас на полках. Где это видано, чтобы произведения авторов мужского и женского пола стояли вперемежку. Близость подобных книг друг к другу, за

исключением случая, когда авторы находятся в браке, ни в коем случае недопустима!

Я не знал, что ответить. Глянул на книжные полки — действительно, стоят вперемежку. Я прокашлялся, потом сделал замечание.

— У вас какие-то исключительно консервативные взгляды. Но дело не в этом. Сонм должен иметь гарантии, что ваш старт с Земли не утопит Евразийский континент, как то случилось с Атлантидой двенадцать тысяч лет назад.

— Ага, вы и об этом знаете? Даю слово, что возможны лишь локальные обструкции.

— Хороший ответ. Главное — ясный... Локальные, это какие? От Магадана до Якутска? От Певека до Байкала?..

— Нет, в радиусе двух-трех километров.

— Тоже немало. Как надеетесь преодолеть систему противоракетной обороны.

— В начале августа на Солнце произойдет вспышка. Прикрываясь ею, мы на несколько минут выведем из строя все радиотехнические средства.

— Но есть любознательные журналисты, другие представители средств массовой информации, сующие носы, куда их не просят. Стоит им зацепиться за слушок о необычайном явлении природы, начнется такая раскрутка! Дело может дойти до официальных заявлений серьезных ученых. Не исключено, что в эти края будет послана серьезная научная экспедиция. У нас достаточно умников, способных все добытые свидетельства, вплоть до мельчайших, на первый взгляд, не связанных между собой фактов, сложить в цельную картину. По-

нимаете, чем может кончиться подобный шум? — спросил я и сам же ответил. — Тем, что к Бермудскому треугольнику, загадкам морского змея, йети, лохнесского чудовища, пермской и камчатской зон прибавится «якутский феномен».

— Дельное замечание, — согласился фламатер. Биокопия опять заговорила нормальным женским голосом. — Вам и карты в руки. Подумайте над отвлекающим маневром, некоей уловкой. Надо придумать трюк, который отвлек бы общественное внимание.

— Я тоже должен этим заняться? Один?..

— Один вы не справитесь. Мы подберем вам компанию. Вот, например, достойная кандидатура — она находится напротив вас в обличьи Каллиопы.

Красавица бездумно выговорила эту фразу. Вдруг глаза ее удивленно округлились — тем не менее она продолжала вещать не своим голосом.

— Разрешите представить полноправную владычицу фей, вил, русалок, валькирий и прочая, прочая, прочая; предводительницу флоры, капель дождя, снежинок, песчинок, инея и тумана; почетного борца за чистоту атмосферы; хранительницу земли и воды; члена Божественного сонма, известную всему миру писательницу Дороти Вэй; оберегательницу памяти, урожая и производства автомобилей Каллиопу шестьсот пятнадцатую от сотворения расы...

Биокопия — или эта женщина уже не была биокопией? — удивленно прикрыла рот ладошкой. Я же его открыл. Выговорившись, Каллиопа часто заморгала и неожиданно прыснула со смеха.

Теперь тот же голос звучал в гостиной сам по себе.

— Хвалю, — продолжил он. — Придумка с подменной биоробота — удачный ход. Мы сразу не догадались, почему природные стихии, земля и вода, всякая тварь, пичуга и червь пришли в движение. Собственно, мы не против использования всей твоей группы, Серый, однако этого мало.

— Каллиопа не входит в мою группу. Просто ее супруг мой помощник и коллега, так что она как-то все с нами и с нами.

— Мы имеем виды и на Георгия.

— То-то вы его какой-то гадостью отравили, — съязвил я.

— Не отравили, а на время обессилили. Вы правильно сообразили — мы имели в виду именно великую хранильницу. Следовало на время вывести ее из игры. В ее силах навечно запечатать эту сопку и устроить нам братскую могилу. Со всем моим свернутым потенциалом, со всей органоэлектронной требухой, со всеми сведениями, что я собрал, рыская по серому лимбо.

— Не я, а мы. Весь синклит... — поправил его иначе звучащий баритон.

Тут же прежний басок со вздохом сказал:

— Вот так шесть с половиной миллионов лет и развлекаюсь. Когда выхожу из спячки. Ладно, это шутка. Если серьезно, то возможный шум среди земной общности беспокоит нас только в том плане, что сведения о предстоящем старте может просочиться в Миры возмездия, и тогда за мной — за нами — будет вновь организована охота. А насчет вашей системы

ПРО? Не смешите. Они и глазом не успеют моргнуть. Хотя, конечно, нужен сценарий. Хороший сценарий. Оригинальный...

— А мне нужен пояс! — воскликнул я.

— А мне — гарантии! — ответил флам. — Делать вам нечего, как только опоясываться. Чтобы привлечь внимание абасов? На Титане, на Титане воспользуетесь.

Глава 7

С легким сердцем, с лихой, бесшабашной уверенностью, что прикосновение к разгадке тайны не пройдет для меня бесследно, что фламатер — или судьба? — выберут момент и обязательно нанесут удар ниже пояса, отправился я в свой первый космический полет. Перед стартом выдохнул в прозрачную стеклянную поверхность шлема: «Ну, поехали!» — и под прощальный взмах Каллиопы — она провожала меня на оббегающей вершину ступеньке, где, оказывается, располагался еще один входной шлюз, — я поднял над головой сжатый кулак и шагнул к звездам.

Они все высыпали на провальном-черный купол неба — наверное, чтобы взглянуть на новичка, неведомое двуногое существо, которое каким уже по счету в ряду подобных ему созданий вступало в их обитель. Землю выморозило так, что всякая тварь попряталась, примолкли задубевшие от холода скалы. Вокруг стояла позванивающая, похрустывающая, гулкая тишина. Узкий, только что проклюнувшийся серп луны ронял с небес слабый свет и перед покосом звездного лужка как бы

присматривался к засыпанной снегом горной стране. Или, может, указывал мне путь — шагай, мол, шибче!

Я включил радио, пробежался по диапазону длинных, потом средних волн, и неожиданно-негаданно в шлеме звонко грянуло.

Волга, Волга-речка,
Талая вода.
Не забыть мне наши
Встречи никогда.

Я повеселел — это было так странно-уместно. Песня оказалась нитью, связавшей меня с внезапно опрокинувшейся землей. Края ее вздыбились, и теперь за и ниже спины лежала исполинская чаша, по внутренним краям которой неровной, охватываемой взглядом лепешкой лежал Евразийский материк. В направлении восточного горизонта Земли ясно просматривалась слоистая структура атмосферы. Отчетливо читалось под ногами копье Камчатки, ожерелье рассыпанных в серой мерцающей тьме Курильских островов. Еще мгновение, и Земля обрела округлость, бок ее открыл ниспадающую от Аляски линию Североамериканского континента.

Волга, Волга-речка,
Ноченьки без сна.
Как тебя увижу
На душе весна.

В той стороне начал зреть вишневый клин зари. Облака, лежавшие ближе ко мне, напоминали чернильные пятна. Внезапно над горизонтом появилась яркая алая черта, на глазах раздувшаяся в вытянутый овал. Волна сумеречного золотистого света побежала по поверхности Тихого океана. Наконец над Калифорнией обнаружился яркий солнечный диск, брызнул лучами.

Наступил день.

В свободном пространстве, на полпути к Луне, ковчег принялся отыскивать в казалось бы не обладающей перспективой, темно-фиолетовой, с переходом в бархатную черноту дали подходящее небесное тело. Под его прикрытием мне предписывалось проникнуть на поверхность нашего естественного спутника. На вопрос, к чему такие предосторожности, флам ответил — береженого Бог бережет! В первое миллионолетие его сидения на Земле Луна являлась заповедником архонтов. Там был расположен их форпост — собственно, он и навел стратегическую разведку обитателей Миров возмездия на фламатер. Правда, звездолет во время первого посещения Солнечной системы — в ту пору он заложил оболочку стартового комплекса на Титане — еще обладал достаточной мощностью и несколько раз, сея психосмерть, прошелся над поверхностью Луны. Однако добить врага в его логове не удалось, и на обратном пути, в момент прорыва суперповерхностной пленки, его атаковал передовой отряд архонтов. Бой был короткий. «Мужественный на страже» поразил вражеские корабли, но и сам получил серьезные повреждения.

Времени было в обрез — на помощь разведывательным кораблям могла подойти эскадра, и тогда фламатеру конец. Флам выкинул в космос оболочку-муляж погибающего корабля ди, сам тут же через серое лимбо транспортировался в точку, расположенную в восьмидесяти километрах над поверхностью Луны, прикрылся от разведывательных зондов, выброшенных возле места боя, гигантским шаром Солнца и телом нашей планеты. Отсюда межзвездный корабль дал свернутому стартовому комплексу проникнуть вглубь спутника Сатурна, надежно схорониться и законсервироваться. Следом флам выбросил исходную форму приводной станции, которая должна была установить надежную связь с Титаном и обеспечить взлет фламатера с поверхности планеты в свернутом состоянии. Все делалось в спешке, без должного осмысления последствий принятого решения, без необходимой изнурительной медитации над сутью пунктов инструкции.

«Молоды были, глупы», — взгрустнул по этому поводу капитан, на пару с «Мужественным на страже» рассказавший мне эту легенду.

— ...удар архонтов пришелся по рубке фламатера. Повреждения, на первый взгляд, казались легко устранимыми. Тем не менее мы педантично выполнили предписание и отделили от главного корпуса приводную станцию.

Далее разговор повел флам — капитану, по видимому, было трудно вспоминать подробности катастрофы, которая произошла во время касания звездолета земного скалистого грунта.

— ...потеряв членов экипажа, мне пришлось долгое время восстанавливать свои функции, заниматься ремонтом отдельных частей, выращивать поврежденные органы. Хорошо, что они не сумели обнаружить нашу берлогу. Когда опасность миновала, мы решили связаться с приводной станцией. Тут-то и обнаружилось, что приводной маяк, вернотружущий второго ранга, за эти семьсот тысяч лет окончательно свихнулся. Позволил себе взять имя! По собственной инициативе!.. Поступил вызывающе дерзко! Надо же додуматься наградить самого себя словесной оболочкой! Нарекся неким Дхармом. Как раз в ту пору, — флам ответил на мой немой вопрос, — когда пришельцы из чужой галактики появились на Земле. Дальше-больше — мы послали на станцию несколько биоконий. Столько сил потратили на их создание! Койс пытался вразумить его — все напрасно. В отданном согласно инструкции приказе было сказано, что доступ во внутренние помещения станции разрешен только естественной форме ди. Вот он и заявил, что убеждения не позволяют ему нарушить букву и дух полученного распоряжения. Это, мол, противоречит его мировоззрению! — в следующее мгновение голос биоконии, вылитой Каллиопы, сменился на женское сопрано, и я догадался, что в разговор вступила целительница ди. — Как только он в беседе затронул подобную тему, я сразу пришла к выводу, что старик окончательно сбрендил от одиночества. Мировоззрение у него появилось. Ишь ты, мыслитель какой!

В голосе живого подобия Каллиопы слышались гневные нотки. Я уже научился не верить глазам своим и спокойно отнесся к этой нескладухе, когда молодая,

очень красивая женщина, строя мне глазки, начинала вещать на разные лады — то хрипловатым, я бы сказал, прокуренным, баском, то отчетливо-звонким тенором фламатера, то певучим, с заметной присыпью жеманства голоском целительницы. В тот момент меня куда более занимала суть конфликта, случившегося в космическом семействе более пяти миллионов лет назад. Как это по-нашему — скандал, вызванный столкновением просыпающегося самосознания с привычными установлениями, бунтарский дух, вызов общественному мнению... Все то же горе от ума! Эта маленькая колония цивилизации Ди тоже не была свободна от семейных ссор, и, к сожалению, разбираться в этой куче дерьма инопланетяне пригласили чужака. Собственно, если флам считает обидным, когда я в сердцах иной раз называю его машиной, почему бы вернотружущему второго ранга не обзавестись мировоззрением и не креститься Дхармом.

— Но разве невозможно изменить приказ? — поинтересовался я.

— Конечно! — возбужденно откликнулся фламатер, и биокопия хлопнула себя по коленям. — Но это можно сделать только при личном общении. А для этого я должен стартовать с Земли, но этого невозможно сделать без помощи приводной станции. Он напирает на то, что всякий сигнал может быть перехвачен архонтами и искажен.

— В таком случае он и меня может принять за посланца Миров возмездия.

— Нет, при личном общении все станет ясно.

— Но я же не ди!

— Как вы не понимаете. Речь идет не о внешнем подобии, но о внутренней духовной оболочке. Теперь ему мало ди, ему человека подавай. В натуре! На этом мы сошлись. Койс, видите ли, ему не собеседник, у него не тот кругозор! Ему теперь Сократа подавай!.. — красавица грубо цветисто выругалась и вдруг покраснела. Я ущипнул себя за руку — готов поклясться, что напротив сидела биокопия, но почему ее лицо залило краской?

Между тем начальника вооружения «отстранили от микрофона», и слово взяла целительница.

— Послушай, Бобби, — с какой-то пронзительной горечью заговорила она. — Нам бы хотелось, чтобы вы прониклись мироощущением, брошенного в темницу одиночества вернослужащего. В отличие от нас — мы здесь какой-никакой, но все-таки коллектив — его мыслительная и чувственная деятельность на протяжении всего срока не прерывалась ни разу. Он должен был быть готовым в любое мгновение получить и исполнить приказ. Вообразите, сколько лет он провел в затворничестве — и это при ясных мыслях, негаснущих желаниях, бесконечно возникающих бессознательных импульсах. Что он там выдумал, мы примерно знаем. Время от времени Дхарм начинает заваливать нас текстами, вопросами, требует устроить дискуссию по той или другой проблеме. Правда, теперь этот поток резко пошел на убыль. Благотворной отдушиной для него явилось появление на Земле расы *homo sapiens*. У него занятие появилось. Он пытается досконально изучить вашу мифологию, религиозные верования, философию.

— Каким образом? — удивился я.

— У него имеются для этого технические возможности. Койс рассказывал о том потрясении, которое испытал Дхарм, когда Пилат спросил Спасителя — что есть истина? В настоящий момент он уверен, что обладает ею. Со дня на день может случиться непоправимое. Он может посчитать, что его задача лично просветить нарождающуюся цивилизацию...

— И перебраться на землю, и выступить там в роли пастыря? — я ошеломленно уставился на биокопию.

— Вот именно! Мы надеемся, что до этого не дойдет, понятие долга вложено в него напрочь. Но кто может дать гарантию, что следующее попадание метеорита не выведет его из строя. Да, такой случай уже был. Теперь вы понимаете, какая ответственность лежит на вас? Для того, чтобы добраться до пульта, вам придется, так сказать, овладеть истиной в первой инстанции — прежде всего изучить присланные им тексты. Мы сделали короткую выжимку из того, что он прислал. Кроме того, вам надо подготовиться к ведению дискуссии, ответить на ряд вопросов. Например, что есть один? Два? Три?

— А также, что длиннее дороги, кая матери детей своих поедает, от чего кит-рыба сыта бывают? — подхватил я. — С этим справлюсь. Едина смерть, мать скорби, ничего прежде, ничего больше. Два — это мелющие жернова, один подымлется, другой останется. Толк такой: жернова суть мир, мелющий душу и тело. Душа подымлется, а тело вьзнет... Длиннее дороги любовь, море — мать, а реки — дочери. Оно их сглатывает.

— Хорошо, тогда ответьте, что есть серое лимбо? Что первично — дух или плоть? Что есть время? И самое главное — что есть Четное и что есть Нечетное?

— Ничего себе вопросы, — я почесал затылок.

— Что есть Чет и что Нечет должно осознавать всякое разумное существо. Мир стоит на этом.

Они прочли мне и приглашенной Каллиопа, которая несколько натянуто поздоровалась со своим подобием в лице биокопии, лекцию о принципах, положенных в основу созидания вселенных. Вкратце суть ее состояла в том, что со всех сторон нас окружает небытие. Оно и в нас тоже. Оно преследует и настигает нас, хватая за горло. Оно знает, что мы его добыча. Небытие убивает, но убивает руками бытия. Как бы ни был долг наш век, все равно судьба едина — смерть. Так во всем. Мы бежим от небытия и тем самым создаем особую среду, прячем голову под крылышко культуры, культуры бытия, неуклонно строим мост над серым лимбо. На этот мост люди взгромоздили свои идолы и скрижали; на нем, поджав ноги, сидят Платон и Аристотель, Спиноза и Гегель, Маркс и Хайдеггер.

Именно небытие — или серое лимбо — породило окружающий нас мир, встроило в него время. Все это сотворилось по определенному принципу Нечетного и Четного...

Так как сразу уразуметь эту мудрость было невозможно, мне пришлось заучивать отдельные тексты наизусть. Каллиопа после некоторого размышления пришла к выводу, что философия небытия сходна с одной публикацией в научном журнале, а концепция Чета и

Нечета сродни древнекитайскому учению об Инь и Ян — мужском и женском начале. Они как бы являются контрапунктами мироздания.

В ту пору Каллиопа под руководством знахарки ди занималась синтезом снадобья, которое должно было поставить на ноги Георгия-меченосца. Тоска, которую я испытывал в первые дни ее пребывания в подземелье, прошла. Стало однозначно ясно, что между нами не может быть близости. В который раз мне приходилось постигать эту незамысловатую истину! Еще с той поры, когда я спрятал ее одеяние и в уплату она достала для меня радугу с неба.

Ее божественное тело, сотканное из морской пены, аромата цветов и вечернего ветерка, могло принадлежать единственному мужчине на земле — ее мужу. Однако всякий раз, когда она обнаженной прогуливалась по жилому отсеку, меня начинало коробить. Что за радость дразнить меня, прямого потомка Аполлона и Всеслава, бога, уверовавшего во Христа, преклонившего перед ним колени! Память о крещении, которое он сотворил собственной рукой, я буду хранить вечно. Благоуханье его пальцев, к которым я припал после омовенья, до сих пор жгло губы. Я не мог и не хотел осквернить их поцелуем, не рожденным любовью. Хотя, может, причина и проще и глубже — просто я люблю другую женщину. Ту, которая ждала меня.

Как они там, мои волчатки? Пусть никогда не коснется их перст Змея Огненного Волка! Пусть никогда не придется давать клятву на верность цветку кочедыжника и Алатырь-камню, всем камням господину! Пусть минуют их вещи сны!..

И все равно присутствие Каллиопы в ее естественном цветущем, соблазнительном виде смущало и тревожило меня. Если порядок расстановки книг на полках мог являться свидетельством греховности моей натуры, то что могла сказать по поводу присутствия Каллиопы знахарка ди?

— Не будь таким глупым, Серый, — ответила Каллиопа, сев ко мне на колени и приложив пальчик к моим губам. — Их вовсе не интересуют ни наша нравственность, ни возможное грехопадение. Ты так ничего и не понял в этих существах. Они считают, что книги на полках расставлены в беспорядке, и это раздражает их.

— Интересно, в каком же порядке, по мнению ди, они должны быть выстроены?

— Вот это я и пытаюсь выяснить. Вот поэтому и цвету в этом каменном мешке. И не ради тебя, а ради них развела здесь растения, заставила их выбросить бутоны. Говорят, красота спасет мир, вот я и спасаю...

Она легонько щелкнула меня по носу, и этот слабый, обворожительный укор я долго ощущал на коже.

Делать было нечего, я вздыхал и, преодолевая неохоту, садился за изучение текстов, в которых была записана мудрость свихнувшейся разумной машины.

Итак, небытие, несуществование является началом всего. Небытие существует. Несуществующее существует. Что за бред!

С другой стороны, кто и когда видел вечное бытие? Только в воображении. *«И то только потому, что ты недостаточно резв и не способен обернуться столь быстро, чтобы заметить за своей спиной небытие.»*

...Развитие состоит в наращивание бытия, его интенсификации. Но чем интенсивнее бытие, тем оно хрупче, тем сильнее подвержено гибели. Жизнь не может долго удерживаться на вершине бытия. Отсюда сон и смерть.

Время порождает пространство. Последнее — это остановившееся время, последовательность, ставшая расположенностью. Если бы существовало мировое сознание, то пространство можно было назвать его памятью. В пространстве больше бытия, чем во времени: все части пространства существуют.

Я перевел дух — подобная заумь могла утомить кого угодно. В этом случае я должен был согласиться с синклитом ди — от вернослужащего Дхарма, обремененного подобными мыслями, можно было всего ожидать. Предстоящая встреча начинала все больше и больше тревожить меня.

Ладно, что там насчет Чета и Нечета?

Четное есть порождение Нечетного, оно не более, чем внешнее, двустороннее (правое и левое) проявление Нечетного.

Что ж, в этом есть смысл — небытие рождает бытие в форме пространства и времени.

Ни Нечетное, ни Единица не прибавляются к Четному. Они цементируют Симметричное, дают ему точку опоры, тем самым определяя его Нечетным...

Ни Нечетное, ни Единица не прибавляются к Нечетному: они превращают Центрированное в Симметрично расположенное.

Эти изменения всего лишь видоизменение видимости, видоизменение формы; они совершенно безотносительны к изменениям количественным.

Два — в Одном!

В этом смысле все Четные одинаковы между собой как выражение симметричного размещения, а Нечетные — как выражение расположения иерархического. Все Нечетные являются аналогом Целого, то есть, Единого, рассматриваемого в качестве сложной, составной Единицы.

***

Между тем ковчег уже вплотную подплывал к скальному обломку, вращавшемуся в свободном пространстве.

Это был первый материальный объект, встреченный мной в космосе — угловатая, гранитная (по свидетельству скафандра) глыба с посверкивающими в немигающих солнечных лучах прожилками какого-то минерала. Прикрепиться к ней не составило труда. Тут же включился двигатель и нас начало разгонять по направлению к Солнцу. Движение совершалось по замысловатой траектории таким образом, чтобы после нескольких витков вокруг Луны упасть на ее обратную сторону в района расположения приводной станции. Во время облета мне следовало детальным образом, мысленно, визуально и во всех других диапазонах электромагнитных излучений обшарить поверхность нашего спутника на предмет наличия на нем форпоста архонтов.

Приземлился я — скорее, рухнул — неподалеку от кратера Планка. Траектория падения была очень пологая — так, чтобы метеорит ударился в скалу, а я, в нужный момент расставшийся с глыбой, пролетел бы узким, с отвесными скатами ущельем и вырвался бы на равнину Южного моря, где должен был затаиться и прочувствовать обстановку. Маневр, с точки зрения космической механики, был невероятно сложен, и, хотя при той мощности двигателя и помощи со стороны ковчега, безопасность была гарантирована, все равно я почувствовал оторопь, когда меня плавно и сильно закружило в невесомости, когда навалилась компенсиремая в большей своей части сила тяжести, когда сероватый, испещренный кратерами, темными пятнами, серебристыми морями, диск нашего спутника начал неотвратно надвигаться на меня. Луна внезапно обрела шарообразность, еще несколько мгновений и подо мной поплыли щербатые вершины лунных гор.

Наконец я, словно часть разделяющейся боеголовки, отодвинулся в сторону. Спустя несколько мгновений гранитная глыба, с которой я успел породниться — прошлое ее было туманно — врезалась в скалу. Плеснуло ослепительным белым пламенем, и я нырнул в глубочайшую, беспросветную тьму. Как бы заглянул в бездонье ночи... Следом навалилась тяжесть, свидетельствующая о начале торможения.

Над поверхностью Южного моря — пологой равниной с редкими нагромождениями скал, присыпанных крупным гравием — я снизился до нескольких десятков метров и наконец, зависнув в тени невысокого, на

удивление круглого холма, осторожно прилунился. Горизонт мгновенно съезжился...

Интересно, каким по счету гонцом я был послан в логово Дхарма? Я тут же придавил эту мысль — даже шелестом посторонних эмоций я не должен был выдать свое местонахождение.

Вокруг стыла кладбищенская тишина. Мысленно слившись с окружающим пейзажем, впитав шумы-вдохи лунной земли, прислушавшись к бесконечно печальному рассказу застывших на поверхности каменного моря скал о безрадостной весной неподвижности, об усталости от покоя, я тем не менее ни вблизи, ни вдали не смог уловить всплеска мысли — пусть проклятой, пропитанной злобой, отчаянием.

Ничего!

Никакого шевеления разума. Видно крепко прошелся фламатер по поверхности нашего спутника, напроць вымел нечисть. Бесплезно было искать следы материальной деятельности архонтов. Они по натуре своей разрушители. Хотя мне приходилось встречать жаждущих созидания демонов. Стоило им хотя бы что-нибудь сотворить собственными руками, и они сознавали, что это хорошо. Тогда перед подобными, увидевшими свет исчадиями открывалась трудная, едва натоптанная дорожка в Миры просветления. Это был долгий, едва ли одолимый для вывернутой наизнанку души путь.

Лунные сутки я так и провел в тени. Для начала залег в тайном логове. Местность вокруг напоминала развалины. С бегом Солнца по однообразному черному небосводу менялась температура — более ничего... Ес-

ли где-то в недрах небесного тела еще теплилась жизнь, пусть даже в неорганической форме, то разве что в планетарном ядре. Но даже оттуда, даже отголоском до меня не долетали мысленные крики злобной красавицы Воглеа. Помалкивали датчики, сброшенные мной во время облета Луны. Замерли стрелки на циферблатах, составлявших чудесный браслет. На одном из них отсчитывалось лунное время, на следующем земное — девятого часового пояса, — а вот этот, как объяснил фламатер, итожил галактическое. За весь тот срок, что я следил за этим циферблатом, стрелки на нем даже не шевельнулись, как, впрочем, и во всех остальных девяти окошечках. Может, масштаб был мелковат? Или рано мне было пользоваться галактическим временем?

Я поднял голову, огляделся.

Тишина, глушь. Безмолвный, отвердевший от холода край.

Наконец, час пробил. Пора, мой друг, пора! Робея, взлетел я над присыпанной мелкой дресвой поверхностью. Впереди меня ждало свидание с Дхармом. Я вообразил его древним — куда там патриархам! — с седой до пят бородой, сгорбленным стариком. Едва переставляя ноги, опираясь на клюку, бродит он по каменистой, неровной поверхности Луны. Путь его не знал конца, как, впрочем, и начала.

Нить размышлений уводила его далеко в глубины соотношения Чета и Нечета — именно эту тему в качестве досуга давным-давно вложил в его ячейки библиограф ди.

Реальность оказалось куда проще. Первобытней, что ли... Никакого намека на библейские реминисцен-

ции. Без труда я отыскал мелкий неприметный кратер, примыкавший к обрывистому склону хребта. Вал кратера служил как бы предмостным укреплением к зубчатым угрюмым вершинам. В изломистой, расширяющейся расщелине, чье устье выбегало прямо к замершему в центре полукружья Каменному пальцу, — обнаружилась броневая, изрытая щербинами, присыпанная пылью плита. Я сунул руку в отверстие, помыслил слова команды — на русском языке, — потом подождал немного, пока не ожил запорный механизм. Плита дрогнула и отъехала в сторону, и я оказался в привычно сработанном, полукруглом шлюзе. Не спеша, участок за участком, начали просыпаться скругленные стены — по ним побежали светлячки, огневые змейки и спиральки. Наконец под потолком кроваво-красным светом загорелась лампа. Точно такая же, как и в том шлюзе, где отдыхал койс. Я приблизился к овальному, обработанному до зеркальной поверхности входу, вообразил черту, потом две черты, подождал.

— Фу-фу, — наконец пришел ответ. — Русской кости здесь слыхом не слышать, видом не видать, а нынче русская кость сама ко мне явилась. Зачем, добрый молодец пожаловал?

— Познакомиться с тобой, Дхарм, желаю, ума-разума набраться. Слышал я о твоей мудрости...

— Что ж ты о ней слышал?

Я воспроизвел текст, заученный мной на Земле.

Четное порождено Нечетным...

Наступила тишина. Я с надеждой глянул на дверь. Она не шелохнулась.

Наконец пришел ответ.

— Сам-то понял, что здесь нагородил? Ступай, добрый молодец, и познай самого себя. Потом приходи.

— Па-азвольте! — возмутился я. — Человек за тридевять земель явился. У меня дело, не терпящее отлагательств.

Никакого ответа.

Веселенькое дело — ступай, мол, и познай самого себя. Как говаривал мой знакомый Сократ — нет ничего труднее подобного мероприятия. Самое же легкое, утверждал тот же мудрец, давать советы другим.

— Что там у нас с припасами? — поинтересовался я у ковчега.

— На пару недель хватит.

Теперь мне стали понятны гнев и возмущение фламатера — подобный тип кого угодно мог вывести из себя. Я представил протокол, в который скрупулезно заносились ответы вернослужашего Дхарма. Синклит, по-видимому, выслушивая их, терял дар речи. Да, на такое дело не всякого пошлешь, пусть он даже из вернослужащих вернослужащий. Тут до меня начал доходить свет истины, которую вложил в свой ответ свихнувшийся искусственный разум. Ведь он всерьез твердил о проникновении в самого себя. Койс ему не собеседник, он давным-давно познал, что и кто он есть, а Дхарму свежатинку подавай. Прозрений ему надо, божественных откровений, исповедей. Этого, пожалуй, он от меня не дождется. Кто я? Представитель рода, полученного в результате скрещивания несовместимых, на первый взгляд, геномов. Человековолк или волкочеловек? Или, может, человекобог? Спаситель, прости греш-

нику богохульные мысли! Вразуми и просвети! Подскажи, как устроен мир, как я устроен?

М-да, и как же мы устроены? Две ипостаси живут во мне, живут не совсем ладком, но на части друг дружку не рвут. Тоже загадка — как мирный обыватель, этакий чуть-чуть образованный Санчо Панса, вообразивший себя Донкихотом, слился с жаждущим подвигов, героических деяний вурдалаком?

...На исходе пятого земного дня я кое-как разобрался в мудреном пароле ди. Мне стал ясен их взгляд на сущность формы. Что-то в этих воззрениях было от диалектики, однако метафизика Чета и Нечета ни в коем случае не претендовала на всесторонность и всеохватность. Этот принцип касался только кажущейся оболочки мира и явлений.

Плюс и минус, два полюса, глубь и высь — им никогда не слиться, никогда не расстаться. Они едины и разобщены. Они симметричны относительно друг друга. Они — Чет! Тогда Нечет — нечто объединяющее их, возводящее в систему, являющее сущность как особенное. Два угла треугольника цементируются третьим углом — и перед нами законченная фигура. Единица! Вот в чем разгадка. Два скрепляется одним. Добро и зло в мире — два полюса, плюс и минус. Что же их скрепляет? Создатель? Он уравнивает добро и отсутствие добра? «Свет» и «тьма» объединяются в «сутки».

Все это я выложил на исходе первой земной недели. После некоторой паузы на меня грудой посыпались мысленные вопросы — только успевай отвечать:

Что круглее колеса?

— Солнце круглее колеса.

Где веселее всего поют на святки?

— На небе.

Где садится солнце и где покоятся ноги мертвеца?

— К западу садится солнце и к востоку ложатся ноги мертвеца.

Что есть серое лимбо?

— Серое лимбо есть ничто — матери всякого бытия. Изначально в нем по воле Творцов произошел Большой взрыв. Серое лимбо не имеет пространственных измерений, оно одновременно и точка, и весь окружающий мир. Серое лимбо или несуществование имеет бесконечное множество временных измерений, оно может развиваться по любому из заложенных Творцами планов. Серое лимбо — это и есть небытие.

Где самый широкий мост?

— По льду самый широкий мост.

Куда всех выше дорога?

— В рай самая высокая дорога.

Что изначально — дух или материя?

— Нет ни духа, ни материи, только духовное и материальное.

— *Что лучше всего украшает царский чертог?*

— Человек самое благородное украшение царского чертога.

Дверь распахнулась. Я вошел внутрь. Правда, утверждать, что познал самого себя, я до сих пор не берусь.

Далее все оказалось подвластно человеческим рукам. Технический гений ди перехвалить было невозможно. Несмотря на то, что за шесть с половиной миллионов лет оборудование заметно одряхлело, мне не пришлось долго возиться с оживлением всей совокупности искусственных разумов различных рангов, которые, соединенные в цепь, и составляли интеллектуальное поле приводной станции. К несчастью оказалось, что около четырех миллионов лет назад рядом со станцией упал крупный метеорит и крепко встряхнул ее, поэтому включить ремонтную программу было непростым делом. Пришлось повозиться. Как объяснил мне Дхарм, в результате сотрясения, сравнимого со взрывом ядерного заряда, резко увеличилась вероятность отказа в цепях, отвечающих за старт фламатера. Когда эта величина перешла за допустимый предел, специальный контролер отключил станцию и законсервировал ее на очень низком энергетическом уровне. Тем самым исключалась возможность — в пределе, в бесконечности — выхода приводного маяка из строя. Напряжения в цепях хватало как раз на размышления о структуре мироздания. Вот почему так усложнился пароль. Все это делалось с единственной целью — не допустить на станцию существо, не обладающее определенной подготовкой. Занимаясь познанием самого себя, разум приводной станции регулярно пересылал на фламатер отчеты о проделанной работе. Я про себя отметил, что ничего другого ждать от вернослужащего второго ранга и ждать было нечего.

Хочу сказать, что большего зануды я в жизни не встречал. Мало того, что во время расконсервации

станции он замучил меня вопросами. Когда же я со своей стороны проявлял интерес к той или иной стороне культуры и цивилизации Ди, он с ручками заливал меня болтовней, в которой не за что было ухватиться. Конечно, кое о чем он проговаривался. Почему, например, по мнению ди, при сотворении мира был выбран именно четырехмерный континуум? Потому, объяснял мне голос, что это самая стабильная комбинация. Два пространственных измерения скрепляются третьим и как единое целое они симметричны времени. Вот тебе и Четное! Оно в свою очередь цементируется изначальным замыслом. Отчего же время однонаправлено? В том-то и смысл — искусственный разум явно испытывал оживление и восторг, втолковывая истину такому бесполовому повелителю, как я — время является физическим воплощением Идеи построения мира. Оно и программа, и вектор... Выходит, и Цель существует? А как же, радостно вскрикнул Дхарм. План не может одновременно и составляться, и осуществляться. Значит, он был написан до сотворения мира? Конечно, в предыдущей вселенной...

Час от часу не легче!

Голова раскалывалась от его болтовни, и я отбивался анекдотами от этого настырного, свихнувшегося на желании воспитать ученика по образу и подобию своему. Как же, в руки искусственной форме попала неразвитая естественная оболочка! Дхарм, как всякий зануда, миллионы лет мечтал об этом. Возможно, поэтому его очень интересовали любые сведения о нашей расе. За те несколько земных суток, что я провел на станции, мне удалось кое-как растолковать ему, кто та-

кие пьяницы, любовники, боцман, Абрам и Сара, чукча, армянское радио, прапорщик, старшина, американец, француз и русский и что такое самолет; жираф, слон, мартышка, генерал, гарнизон, Одесса и что может делать лицо мужского пола под кроватью и в шкафу; что такое кровать и шкаф; лицо кавказской национальности, чурка, хохол, москаль, Вовочка, поручик Ржевский, английский лорд и французская баронесса, отправился муж на курорт, приходит мужик в зоопарк, а интеллигент в баню...

Прелюбопытнейшая получилась энциклопедия. Надеюсь, Дхарм был удовлетворен — ему будет что, посасывая трубочку, порассказать там, на родине, своим дружкам-вернослужащим.

Глава 8

Не было той меры предосторожности, которую бы мы не обсудили с фламмом, капитаном и начальником экспедиции во время подготовки экспедиции на Титан. Отправиться туда я должен был на койсе, который в свою очередь с неделю дотошно подыскивал форму естественного небесного тела. Поражала тщательность, с какой вернослужащий аппарат подбирал размер, химический состав — остановились на обычном для метеоритов сплаве железа с никелем — форму, параметры траектории. Я не раз заикался, что в состоянии в одиночку посетить окрестности Сатурна и посетить Титан. К чему эти сложности? Мне так хотелось прогуляться по Солнечной системе, воочию убедиться, что на скорости в несколько сот километров в секунду начина-

ет оживать космический пейзаж, приходят в движение планеты. Это должно было быть увлекательнейшее путешествие, однако мне постоянно долбили одно и то же — необходимо обеспечить полную скрытность посещения стартовой базы, особенно осторожно я должен вести себя при подлете к Сатурну. Ни единого шага без согласования с койсом, никакой самостоятельности. Моя задача — дать команду для расконсервации станции, вести кое-какие уточнения и изменения в программу. Собственно, команду приводная станция уже подала, мое дело только, вести кое-какие уточнения и изменения в программу. Всякие посторонние переговоры запрещены, связь с фламатером будет поддерживать койс. Я же должен был затаиться и сидеть в рубке тихо, как мышь. Забудь и думать о космических прогулках, кроме тех, которые были внесены в расписание полета. Я обещал выполнить этот приказ, хотя в душе полагал, что был способен на большее.

Недели через полторы койс, называвший себя «Быстролетным» (свое родовое имя он порой переводил и как «Исчезающий мгновенно») скроил что-то напоминающее атлетическую гантель, в которой одно шарообразное утолщение занимал собственно койс, другое — склады необходимого оборудования, жилой отсек, запас боеприпасов, выделенных нам начальником вооружений. Самое пристальное внимание было уделено устройству входного шлюза — покидать астероид я имел право только по определенной программе и только получив соответствующее разрешение. Во время тренировок мне приходилось по четверти часа ожидать разрешение. Это было невыносимо. Каждое мое дви-

жение, каждый шаг опутывалось параграфами инструкций, часами тренировок. К чему все это?! Я уже успел доказать на Луне, что способен самостоятельно принимать решения. Сначала нас вообще хотели поместить в ядро кометы, способной доставить к Сатурну, однако расчеты показали, что подобный вариант может растянуться на годы, и синклит, как мне было заявлено, решил поступить вопреки законам небесной механики и действовать «напролом». Моему удивлению не было предела — это они называют «напролом»! Здесь скрывалась какая-то загадка — я решил, что эта подготовка, неисчислимое количество бессмысленных мероприятий, более походила на ритуал, что, по-видимому, было связано с традициями ди. Чем дальше, тем все с более откровенной насмешкой я наблюдал за шаманскими действиями койса. Я мог понять, по какой причине высокотехнологичный аппарат маскируется под безжизненную металлическую глыбу в несколько десятков тонн весом. Но когда под транслируемый в телепатический эфир, вызывающий зубную боль, заунывный хорал, койс неожиданно приобретал вид гигантской птицы Рух или становился похож на исполинского плезиозавра с необыкновенно толстым туловищем, маленькой гребенчатой головкой, коротенькими задними и передними когтистыми лапками и мощным хвостом, — я просто пожимал плечами. А то еще обернется головастиком или явно стилизованным китом.

Признаюсь, я очень нравился себе в облике волка. Этакое одетое в броню чудовище — грудь, живот, спину, даже лапы прикрывали рельефно штампованные, поразительно точно сочлененные, броневые пластины.

Привычный стакан-шлем с округлым доньшком автоматически заменялся поблескивающей, устрашающего вида волчьей мордой. Видали бы вы, какое жуткое впечатление производила моя разеваемая пасть... Слышали бы рев, которым я сотрясал свободное пространство в диапазоне психоволн! Меня не оставляла мечта таким гоголем пробежать по улицам Нью-Йорка, Парижа, Москвы, Шанхая. Что тогда бы значили големы, кингконги, гонгоферы, ожившие динозавры и прочая паучья пакость! К сожалению, эта броня, которой оборачивался Ковчег была не более, чем декорация. Только с помощью Каллиопы я мог быть превращен в волка и обратно человека. На мне до сих пор проклятьем висело отсутствие волшебного пояса. Я по-прежнему расхаживал в трех шкурах. Правда, с помощью целительницы ди я освоил несколько технологий превращения в волка, но это был мучительно долгий процесс. Сначала мне надо было загрузиться энергией, потом впасть в сон и уже там, в дреме, с помощью особых заклинаний сменить обличье. На это уходили драгоценные минуты, порой десятки минут, что вызывало нескрываемое раздражение синклита и фламатера. Они советовали поднапрячься, преодолеть психологический барьер, наяву уверить себя, что это возможно, что это пустяк. Я старался и так, и этак, изо всех сил пытался преодолеть психологический барьер — ничего не выходило. К тому же обратный переход в человеческую личину могла сотворить только Калиоппа. Когда же я ставил вопрос о возвращении пояса, синклит отмалчивался...

Между тем флам и королева фей совместно разработали набор обличий, которые в свернутом состоянии

поместили в запасник койса. Здесь были демоны ночи, ракшасы, летучая охота, парочка ведьм страхолюдной наружности с длинными распущенными волосами. Хотели даже изготовить полдюжины циклопов в натуральную величину, но эти графы в ведомостях расходуемых материалов оказались вычеркнутыми.

К чему все это, спрашивал я себя. Душа рвалась в космос, я был полон энтузиазма. Будущее посещение Титана будоражило воображение! Я представить не мог, что мне когда-то доведется ступить на его нехоженые просторы. В детстве я часами любовался иллюстрацией в одной из популярных книг по астрономии, воспроизводящей скалистую, засыпанную замерзшим аммиачным снегом поверхность этого гигантского спутника (сноска: Титан по объему в два раза превышает Луну.), в ярком голубом небе которого царствовал великолепный, увенчанный кольцами Сатурн. Эта картина будила фантазию, рождала мечту... Представьте мое удивление, когда капитан мимоходом заметил, что цвет неба на Титане не голубой, а оранжевый. Это уточнение потрясло меня, оно звучало так таинственно, маняще, что я не мог удержаться от расспросов и без конца пытал синклит — а оранжевое какое? Апельсиновое или в золотинку? Потерпи, отвечали мне, сам увидишь.

И в такие минуты заниматься смехотворными играми в сотворение сказочных чудовищ, прикидывать дизайн и размещение пластин брони на теле волка, обсуждать вопрос о том, стоит ли покрывать меня кольчугой и только потом натягивать доспехи; выслушивать глубокомысленные замечания начальника вооружений, что кольчуга пригладит и скроет шерстяной покров, а

им желательно наоборот — по кустистой, по лохматей!.. Целыми днями ковыряться в описях заготавливаемых материалов, вычерчивать на память диаграммы приземления на Титан и проникновения на базу, без конца повторять пароль, представляющий из себя набор гортанных звуков, чем-то напоминающих некоторые гласные в кавказских языках, постоянно воспроизводить очередность манипуляций по удвоению предметов, погруженных в вязкую среду, отрабатывать технологии по телепортации деталей и узлов, заучивать программные команды и схемы перемещений объектов. Зачем, если я не понимал физического смысла большинства этих производственных процессов! Со мной же будет ковчег! Уже полет на Луну что-то стронул в душе — теперь космос манил меня ежеминутно. Зов его был неодолим. Яркие очи звезд снились мне по ночам. Зачем это? Зачем бессмысленные, религиозно-бюрократические процедуры, зачем в полете вся эта мистическая шваль, с которой я успешно воевал на Земле?

Наконец настал день, когда мы с койсом, древним, могучим «Быстролетным», составили великолепно сработанную пару, симметричную относительно иерархически скрепившей нас единицы, которую можно было бы окрестить «умением». Мы научились действовать слаженно, хорониться, обращаться в безжизненную скалу с якобы отдыхающим на ней волком. Всякая связь с Землей мне была запрещена. В случае успешного выполнения задания некому было рапортовать о достигнутых успехах. Это было так необычно. Мы все сразу пойдем, объяснил мне начальник вооружений.

В ночь перед стартом члены синклита явились ко мне — вещали как всегда посредством бездушной, искусственной «Каллиопы». К тому времени королева фей покинула гору. За тот срок, что она провела в недрах фламатера, ее копия, изготовленная, как мне было сказано по секрету, из лосиных окорочков, с барсучьим сердцем, заячьими мозгами, обрела некоторую живость в обращении, научилась хорошим манерам, стала кокетничать, строить глазки. Мне было жаль ее до боли — она начинала догадываться о существовании собственного «я» и хитрым женским умишком верно распознала, что единственная возможность выжить была связана исключительно со мной. Она должна была обольстить меня, любым способом привязать к себе, чтобы я встал на ее защиту. Она почуяла, что синклит вряд ли откажет мне в такой пустяковой просьбе — тогда ей, возможно, будет сохранена жизнь.

Ей так хотелось жить! Она обладала здоровым красивым телом — конечно, обретая индивидуальность, биокопия все менее становилась похожа на образец, и все равно передо мной сидела очень симпатичная девушка. Это искусственное создание было способно рожать детей, оно рвалось в мир, и уже несколько раз заводило со мной разговор, что неплохо дать ему имя, а еще лучше окрестить.

— То есть, как окрестить?! — изумился я.

— Естественно, в церкви, — ответила биокопия.

«Доигрались!» — с горечью подумал я и, слушая ее щебетанье, все больше мрачнел.

В тот прощальный вечер, когда синклит собрался для напутствия, она была особенно обворожительна и

всем видом показывала, что ей крайне досадно, что ее голосовыми связками, ее рассудком, владеют чуждые нам существа, которым наплевать, что девушке неловко, что она никогда бы не произнесла те непристойности, которые частенько изрыгал так называемый начальник вооружения. Хам он, натуральный хам, а не член синклита!.. Так и сыплет «хренами». Зрелище, конечно, комическое, когда симпатичная девушка, крепко сжавшая колени, вдруг рявкала грубым баском: «...Мать твою! Попадать надо с первого раза. Разве с подобной стрельбой можно выпускать этого м... в космос!»

Спустя некоторое время я перестал обращать внимание на нежные губки транслятора — слишком серьезные вещи мы обсуждали в тот вечер.

Мне была впервые продемонстрирована стереозапись падения фламатера на Землю. Собственно, внешняя оболочка, запас горючего, мощная энергетическая подстанция остались на Титане. В свернутом, естественно, виде... Враги — патрульные катера архонтов — поджидали их на орбите Сатурна. В районе седьмого спутника планеты Гипериона они устроили засаду. Как только флам одолел суперповерхностную плевую и прорвался в четырехмерный континуум, они дали залп.

— Слабаки! — принялся воодушевленно объяснять мне начальник вооружения. — Профукали такую возможность, размазали энергию по объему. Совсем как ты, волчара, стреляешь... Ну, мы в ответ и вмазали — они еще дыру в субпространственной пленке проделать не успели, хотели удрать в серое лимбо. Не тут-то было!

— Подождите, любезный, — прервал его баритон капитана, — оставьте эмоции для мемуаров. Сейчас

следует нарисовать ясную картину произошедшего. Не так уж, к сожалению, они и промахнулись, — продолжил он. — Повреждения оказались серьезными. Пришлось отсоединять посадочную капсулу, свертывать корабль в яйцо, маскировать базу. Было решено, что мы отлежимся некоторое время в безопасном месте. Таким сочли пояс астероидов. Однако спустя какой-то срок был обнаружен еще один корабль архонтов. Магистральный крейсер. Мы полагали, что, обследовав поле боя, они решат, что мы ушли в серое лимбо. Не тут-то было! Крейсер приступил к активному поиску и рано или поздно обнаружил бы фламатер, вызвал эскадру, тогда с нами было бы покончено. Энергии для нанесения еще одного удара у нас хватало, но, потратив ее, мы сами бы оказались на нулевой отметке. Мы зацепились за ядро кометы и начали движение в сторону внутренних планет. Рассчитывать могли только на Землю или на Марс, потому что для надежной маскировки нам нужна плотная атмосфера. Крейсер архонтов кружил вокруг Земли. Мы нанесли удар из засады, успели выбросить на Луну приводную станцию, а сами пали на Землю. Более того, угодили в океан, в агрессивную среду. Фламатеру пришлось перебираться на горное плато, почти в самый центр континента. Нас усиленно искали, но флам после гибели членов экипажа успел организовать внешнюю среду. Соорудил сопку. Этаким мавзолеей самому себе! Связь потеряна, энергия на нуле, планета в варварском состоянии... Так что меры предосторожности — это не наша прихоть, а жизненная необходимость. Что, если архонты оставили на одном из спутников Сатурна сторожевой пост? На том же Гиперионе? Ты

можешь сказать — сколько воды утекло, сколько лет миновало, но если нам удалось одолеть время, почему бы и им не сделать то же самое?

В свободном пространстве есть закон, — продолжил капитан. — Нельзя доверять, тем более полагаться на очевидное. Впрочем, также, как и вверять свою судьбу логике. Самое бесценное качество космонавта — это опыт. И конечно, интуиция. Ты, Серый, не имеешь права на ошибку. Цена ей смерть. Не спеши с принятием решения, советуйся с «Быстролетным» — он дурного не подскажет. Но койс не более, чем исполнитель. Про способность загодя чувствовать опасность, про волчью свою осторожность, не забывай. Ни на мгновение не отключайся от прослушивания телепатического эфира, учитывай свои душевные порывы. Это самое надежное. Учти, в космосе все происходит внезапно. По большей части... Ты теперь умеешь замедлять ход собственного, субъективного времени, поэтому не теряйся, не впадай в панику. Задача у тебя несложная — на Титане интеллектуальные цепи не обладают свободным, индивидуальным разумом. Это тебе не Дхарм с приводной станции...

— Значит философских диспутов не будет? Вопросов на засыпку?

— Вопросов вообще не будет. Запускаешь с помощью пароля программу, следишь — проходит или нет. Если сбой, запрашиваешь систему контролеров. Те отыскивают причину неполадки и выдают картинку на пси-генератор. В твоём сознании формируется образ состояния данного узла и возможные способы устранения дефекта. Замена узла? Значит, заказываешь ремонт-

рам эту операцию и вводишь кодовый пароль телепортации с обозначением конечной точки координат. Запомни, никакой отсебятины. Не лезь, куда тебя не просят. А что касается философских диспутов?.. Я бы не хотел вдаваться в тонкости, но бессознательно верное ощущение мировых процессов как гармонизации иерархического и симметричного принципов очень помогает в космосе. Возможно, композиция «чет-нечет» отражает только какую-то сторону объективной реальности, однако мне лично подобное мироощущение спасло жизнь. Для ясности приведу несколько примеров. Кузнецу, чтобы покрепче ударить по наковальне, сначала следует размахнуться — то есть отвести молот назад от объекта. Таким образом противодействие усиливает действие. Эти движения должны быть соразмерны, тогда и результат будет весом. Опытный актер на сцене, отработав текст, никогда сразу не уходит с площадки. Сначала он должен пройти в сторону, противоположную выходу, и только потом покинуть сцену. Иначе его уход никто не заметит. Отсюда вывод: соизмеряй действия с целью. Хочешь, чтобы тебя запомнили, сотвори сначала что-то противоположное своему намерению. Хочешь что-то скрыть? Продумай симметрию ложного и необходимого поступков. Поверь, Серый, у меня не было случая, чтобы перед внезапным нападением не наступала тишина. Так что будет предельно внимателен, когда повеет покоем. Когда приплывут мысли о вечном или возжаждешь женских ласк. Чутко присматривайся к общей картине — даже случайное имеет предысторию. Ее надо уметь ухватывать. Еще раз напоминаю, в космо-

се цена ошибки — смерть! Или, что еще хуже, утрата своей подлинной сущности. Так что проникся...

Я проникся. К сожалению, сидящая рядом биокопия вовсе не желала озаботиться пафосом прощания. Она не догадывалась, что надо всплакнуть при расставании, благословить меня, у порога следует чмокнуть в щеку. Не более того... Другие мысли занимали ее в тот момент — я видел ее насквозь. Она страшно, до дрожи, трусила, что я не вернусь с задания и ее тут же переработают на биомассу. Она ходила за мной по пятам, смотрела глазами раненой лосихи и даже не собиралась покидать мой отсек. В конце концов, забралась ко мне под одеяло, ладная такая, жаркая. Такая бездуховная... Ничего не получалось у меня с гармоничным отношением к миру. Я растаял, погрузился в ее девственное лоно и все творил и творил любовь. В редкие минуты отдыха, которые она, случалось, выделяла мне, эта... уже не знаю, как и назвать подобное создание... все пыталась добиться, чтобы я ее как-нибудь назвал. Ну, милый, ну, назови ... Лосихой? Ну-у, лосихой, это не интересно, ведь у вас есть другие слова. Киской, мышкой... Крыска ты моя ненаглядная! У-у, какой ты, волчара, противный.

Милый, а какое женское имя тебе больше всего нравится? Мне больше всего цыганские по душе. Земфира, например. Милый, можно я буду Земфирой? Ну-у, милый, выговори наконец — Зем-фи-ра. Или Зем-фироч-ка... Видишь, как просто — Земфирочка. Изабелла лучше. Фу-у, Изабелла! Какое-то претенциозное. И глупое, на булку похоже. Все-таки Земфира лучше. Ну, на-

зови?.. Все равно ведь окликнешь... Так? Ой, милый, тебе хорошо? Я просто балдею...

Она почти поминутно получала удовольствие. Заканчивала часто, мощно, сладостно постанывала и тут же вновь вцеплялась в меня.

Я твоя, я вся твоя... Я — твоя Земфира. Наконец я не выдержал и согласился — хорошо, Земфира так Земфира. Нет, ты поласковой скажи. У-у, Земфирка-дура. Сам дурак, волчара!.. Послушай, мне надо отдохнуть, отоспаться, у меня впереди трудный день. Милый, а ты скажи этим, синклиту, чтобы меня не перерабатывали на биомассу. Ладно?

Она тут же выскользнула из-под одеяла, сбегала в душ, накинула комбинезон, потом с коленями забралась на постель, чмокнула в губы.

— Только не забудь, милый... Я тебя вовремя разбужу. Мне это раз плюнуть, я — двужильная.

Действительно разбудила она меня точно в срок. Ее было не узнать — тупой, бездумный взгляд, механически точные движения. Она помогла мне натянуть ковчег и уже в шлюзе, занеся ногу в распахнувшийся люк койса, я обратился к фламатеру.

— Послушайте, есть просьба. Нельзя ли последнюю биокопию не превращать в биомассу?

— Это ваше единственное пожелание?

— В общем-то, да...

— Что ж, просите и по заслугам обрящете.

Мне стало не по себе — прощание вышло сконканным, тревожащим.

Ладно, чему быть, того не миновать!

Глава 9

Мы стартовали на исходе ночи, когда начали тускнеть звезды. Койс отправился в путь в своем естественном виде. Для начала совершил несколько оборотов вокруг Земли, потом, прикрываясь Луной, «Исчезающий мгновенно» лег на орбиту коротко периодической кометы Бизмы и начал постепенно увеличивать скорость. Действовал строго по инструкции. Перелет должен был занять пару недель, все это время «Быстролетный» постоянно находился на вахте, при этом неумоимо, в специально сооруженной печи-давилльне выделял алмазы, гранил их, и странным, необузданным образом размещал по каюте. Тончайший лазерный лучик подсвечивал самоцветы, так что в рубке от радужного блеска рябило в глазах. Вернослужащий обожал раздробленное, многоцветное сияние.

Я тем временем доводил до ума защитную систему своего скафандра составлял программу, позволившую бы в любом случае сохранить живучесть. Пусть даже с жертвой поврежденных членов. «Быстролетный» одобрил эту работу, назвал ее «полезной», хотя скептически заметил, что нам, людям, в этом смысле далеко до ди. Мы не умеем моментально сворачиваться в защитную форму. Да, согласился я, неплохо иметь такую природную способность. При чем здесь природа — это искусственное состояние. В нем можно пережить вечность.

— Даже гравитационный удар архонтов?

— Даже его, — ответил койс. — Конечно, при определенных условиях. Я-то пережил.

— Кто такие архонты? — осторожно поинтересовался я.

— Цивилизация древних, — ответил он. — Пытаются изменить физику мира... Я, впрочем, не очень верю в эти побасенки, мое дело маленькое, но повелители считают, что ответ лежит за пределами Большого взрыва или точки Сотворения. Хотя, с другой стороны, может и так — уж больно они безжалостны. Этих не уговоришь, не разжалобишь. У них и гены другие. Прут лобом! На Галактический синклит идут. Мир наш всего лишь звено в цепи кармических превращений, и, рожденный взрывом, он должен отжить свое и вновь сжаться в точку. Это случится, когда материальное переплавится в духовное, вселенная станет мыслью. Единой, слиянной многомерной... Одушевленной природой. Мир станет синонимом Разума. Чтобы очиститься и безгрешно, в сиянии добра, возродиться вновь, нужно пожертвовать собой и пройти очищение посредством священного Огня.

— Кто же по доброй воле согласится жертвовать собой?

— Вечно жить невозможно. Что лучше — обратиться в хаос, слиться с серым лимбо и так исчезнуть, или попытаться дать жизнь тем, кто, может, будет лучше нас, ответственнее, добрее? Не будет топтать по коридору, разбрасывать инструменты, хватать сияющие камни и тем самым тревожить мою ауру. Я, может, жениться хочу! — неожиданно заявил голос. — Вот вернемся на... одним словом, домой. Обернусь Серым волком — очень мне, Вовик, шкура твоя нравится. И пасть! Как рязину да рязину, все койсыни третьего ранга со страха

попадают. Возьму себе такую, как Каллиопа — пусть сотворят за мои заслуги. Мечта, а не женщина. Я никогда раньше об этом не задумывался, а теперь словно проснулся и догадался — это здорово! Конечно, она из первых повелителей, в общем, и наш синклит ей не указ. Куда мне до нее! Нам что-нибудь попроще.

— Вон, Земфиру возьми. Вылитая Каллиопа.

— Сам с этой шлюхой возись. Ей до Каллиопы... как мне до попы. Зря ты с ней спутался. Она хоть из лосиных мослов изготовлена, но хищница еще та.

— О, злые языки!.. Что ты в этом понимаешь, железяка медная!

— Сам ты... трескослюнявчик клеелазый.

— Кто, кто?

— Дед Пихто! — тут аппарат опять впал в задумчивый, рассудительный тон. — С другой стороны, хорошо, что я столько повидал. Раньше, ну, вернулся бы я на... одним словом, домой, разве захотел бы жениться? И кого бы создал? Такую же чурку металлокерамическую. Нет, Каллиопа — это вещь! — он вздохнул с затаенной грустью.

— А я никогда не женюсь! Не желаю!.. — неожиданно заявил мой скафандр, стоявший в углу.

Я в тот момент занимался его блоком питания. Надо же — немые заговорили!

— Ишь ты, не желает! — возмутился койс. — Кто тебе разрешит! Тебе еще шестнадцать годков не стукнуло.

— А я в мусульмане запишусь, там, говорят, можно пораньше.

— Ладно, придержи язык, мальчишка. У тебя еще женилка не выросла.

Ковчег обиженно засопел, но возразить не решился.

— Так, что там насчет пожертвовать собой? — спросил я. — Насчет вечной жизни?

— Я и говорю. Все равно конец наступит. Лучше уж пройти обряд очищения в священном пламени, чем раствориться в пустоте. Так хоть какая-то надежда есть. Может, детишки получше нас будут и не придется им сиднем сидеть шесть миллионов лет на поганой, должен заметить планете.

— Ну, ты не очень-то! — я повысил голос.

— А что? Скажешь райский уголок? Зверство кругом кипит. Вы себя называете разумными называете, а только о том и мечтаете, как глотку ближнему перегрызть. И ладно бы ради корысти, а то просто так, из интереса. В то же время всякая пакость — те же игвы и прочая бесовщина — жируют у вас под ногами.

— Я с ними и воюю. И предки мои воевали.

— Что с ними воевать? Вывести их под корень — и хорошо! Трудно, что ли, двухмерное пространство третьим измерением насытить. Поди, им там тоже не сладко по плоскости ползать. Они потому и пояс твой сперли, что посредством кольца Мёбиуса хотели объемными стать. Конечно, скопом их на волю нельзя выпускать. Надо по одному перевоспитывать. А ты тоже, защитник, окрестил подружку. Тьфу! Блудница поганая!..

— А как это, женилку вырастить? — задумчиво спросил скафандр.

— Попробуй только еще раз заикнись об этом! — рассвирепел я, — с меня одной паршивой биоконии за глаза хватит!..

— А-а, — обрадовался койс. — Свербит сердечко-то. Не будешь грешить.

— Ладно, — прервал я его. — Хватит этого театра абсурда. Пора что-нибудь порубать.

Так, с разговорчиками мы добрались до Сатурна. Увидев его с расстояния в несколько миллионов километров — сразу, после долгого, провального сна — я онемел от восторга. Уже шарообразная внушительная глыба Юпитера потрясла меня. Кровавым оком зрело в космос обширное красное пятно, по краям его лежало цветастое покрывало облаков, ясно различимые гигантские атмосферные вихри поражали мощью скованных в теле исполина сил.

Но Сатурн!.. Это было зрелище! Мы подплывали к нему под таким углом, под которым его царственный пояс был видим особенно отчетливо. Есть впечатления, которые навечно застревают в памяти — может, слой подобных зримых образов и составляют естественную биографию любого существа, самый заветный клад, который распаивается перед смертью и приносит облегчение измученной душе. Как бы там ни было, а мне повезло увидеть Сатурн во всем его блеске. Его щелястая корона-кольцо была чуть сдвинуто набекрень — сияла и переливалась в солнечных лучах. Я невольно подумал, что мы с ним одной крови. Оба стоим на страже. Эта мысль наполнила меня гордостью. Компания у нас, в общем-то, подобралась неплохая — все было запросто.

Койс и ковчег были свои ребята, без претензий. Да и синклит, казалось, в последнее время подобрел, уже менее дичился меня, представителя *homo sapiens*. Пусть в чем-то я не дотягивал до их уровня, пусть временами был своеволен, недоверчив, однако, общаясь с флагом и засевшими в его лоне придурковатыми богами, я никогда не испытывал того благоговения, которое испытал при виде неспешно разворачивающейся в пространстве исполинской планеты.

Конечно, такому коронованному созданию и свита была под стать. Особенно Титан — единственный в Солнечной системе спутник, обладавший атмосферой. Воздух там был цвета спелого апельсина, снег из аммиака ослепительно бел, а скалы отливали первобытной благородной охрой. Там я вновь услышал скрип шагов, похрустывание наста смерзшегося метана, перестук камней, медленно осыпавшихся со склона. Это был звучный, неспешный мир.

Работал я с воодушевлением. Когда прояснилась картина повреждений и поломок, стало понятно, что при свертывании в исходную форму, при острой нехватке времени, в интеллектуальных цепях, ответственных за обеспечение спецсвязи произошел сбой. Толком я в этом не очень-то разобрался — у меня даже сложилось впечатление, что интеллектуальные цепи стартового комплекса, ощущая резкий недостаток энергии, которая шла на создание защитного экрана, спасающего от обстрела архонтов, решили пожертвовать наименее важной своей составляющей — узлом связи. Важно было сохранить производственный потенциал — оборудование для удвоения и телепортации деталей, создания

оболочек и энергетических машин, а также навигационный комплекс. Туда, к моему сожалению, меня не допустили, так что откуда прибыли гости и куда они направляются, я так и не смог определить.

Вся эта махина — или махины, не знаю! — ухитрились свернуться в три многотонных, размером в несколько десятков метров яйца. Или, как выражались ди, «оболочки».

Я занялся ремонтом и подготовкой станции к развертыванию. К моменту прибытия спасательной капсулы, схоронившейся на Земле, весь комплекс должен был развернуться и в считанные часы составить межзвездный корабль. По моему мнению, подозрительность фламатера и синклита не знали границ. Кто бы мог усидеть в засаде в течение шести с половиной миллионов лет? А если даже так, то вблизи базы обязательно обнаружались следы их пребывания. Ничего подобного следящие системы комплекса за этот срок не зафиксировали. «Вблизи» понималось как объем, в пределах которого ощущалось тяготение Сатурна. Естественно, до пороговой величины...

Вот и койс, облетающий планету по очень вытянутой орбите, не отметил никаких следов враждебной деятельности. На окраинах Солнечной системы царили покой и тишина. Понятно, засечь стартовый комплекс, место приземления фламатера, приводную станцию на Луне можно было только по всплеску активности, поэтому все эти части сидели тише воды, ниже травы. Но их противники?! Они должны были обмениваться информацией. Как там, возле желтой звезды, все тихо? Разве можно, не имея связи, организовать облаву, ус-

петь развернуться из скрытого состояния? Одним словом, я не верил в существование врага, наша бригада могла работать спокойно, без оглядки на события миллионолетней давности. И все равно мысль о том, что в этих краях когда-то произошло космическое сражение, не давала мне покоя. Следы битвы должны были сохраниться на Гиперионе, седьмом спутнике Сатурна. Вот где стоило поискать! Тогда сразу бы многое стало понятно, и легенды, рассказываемые фламатером, обрели весомость действительного события. Манила меня и поверхность Сатурна или то, что приблизительно можно было считать твердью. Как хотелось погрузиться в его атмосферу, глянуть изнутри на, вероятно, ослепительное зрелище — его кольца. Я тайно поговорил на эту тему с ковчегом, мы решили, что можем рискнуть. Жаль, что мне было запрещено даже мечтать об этом. Такой крюк — на Гиперион ли, к поверхности планеты ли, — как бы нарушал соразмерность моего задания, где четные «туда» и «обратно» иерархически согласовывались с работой внутри стартового комплекса. Правда, у меня была лазейка — в плане предусматривалось окно, точнее, два окна, для окончательной калибровки систем скафандра, однако заняться этим мне было позволено только в Поясе астероидов. Там, в скопище небесных камней легче и цель подобрать для окончательной доводки систем наведения и скрыть следы испытания оружия. Так что посещение Сатурна и любого его спутника, кроме Титана, исключалось.

Жаль! При моих теперешних возможностях я бы за несколько часов обернулся. Тем более нельзя же сутками сидеть в аппаратной и общаться с бездушным ав-

томатом. Я замучился посекционно сличать характеристики, ковыряться в какой-то тухлой, дурно пахнущей слизи, которую ведрами заливал в особый автоклав-удвоитель — в нем по образцам воспроизводились твердые, по большей части, металлокерамические детали. Это было удивительное зрелище — предметы удваивались на глазах. Жесткие конструкции ди использовали куда реже, чем особые, всевозможных размеров полости, заполненные вязкой средой. Взвесь, в которой плавали крупные узлы, была чуточку пожиже. Под воздействием особых полей эта похлебка совершенно преобразалась. Из подобной субстанции можно было лепить все, что угодно. Любая заложенная схема могла измениться в мгновение ока. В результате получалось изделие, совершенно непохожее на первоначальный предмет. Другими словами, подобный технический уровень позволял, например, на наших глазах превратить бульдозер в экскаватор. В буквальном смысле слова!.. Со всем его техническим оснащением, готовый к работе... Понятие «ремонт» относилось только к искусственным интеллектуальным цепям. Сами по себе взвесь и плавающие в ней узлы принципиально не могли выйти из строя. Всякий находящийся на грани поломки узел заменялся мгновенно. Удивительный материал!..

По окончании работ на стартовом комплексе мне было предоставлено двое земных суток для отдыха. Даже было позволено в темное время побродить по поверхности Титана. Через несколько часов «Быстролетный» должен был закончить обследование приле-

гающего к Сатурну пространства. И я рискнул. Скафандр не посмел возражать...

Из песни слова не выкинешь! Нагулявшись между глыбами кольца, осмотрев щель Кассини, я по пологой параболе устремился к поверхности планеты. Намеревался пролететь по касательной... Прежде всего меня поразили удивительный серебристый блеск наиболее высоких перистых облаков. Чем ниже, тем гуще и слоистей залегала облачность. Ни радиолокационный, ни телепатический луч не мог ее пробить. Скоро я потерялся в жуткой, буроватого оттенка, призрачной взвеси, мчавшейся с огромной скоростью. Только изредка в тучах появлялись широкие разрывы — так случилось, что меня вынесло в одно из таких окон, позволявших заглянуть вниз на десятки километров. Странные, причудливые, ячеистые шестигранники открылись передо мной. Немногочисленным стадом они проплывали далеко внизу. В следующее мгновение плотная аммиачная муть закрыла видимость. Ковчег напомнил, что давление нарастает, и я тут же с ускорением рванул вверх. Промчался сквозь щель Кассини и за несколько десятков минут достиг орбиты Гипериона. Отступить было поздно, и на километровой высоте я облетел этот угловатый, скальный, неправильный шарик. Ничего примечательного не обнаружил, на это было глупо надеяться. Я едва удержался от искушения, чтобы не приземлиться на его поверхность и не расписаться где-нибудь лазерным лучиком: «Здесь были Вовик и Ковик, февраль 199... года». То-то будет потеха, когда полвека спустя сюда доберутся первые исследователи.

Смех смехом, но когда койс узнал о нашей экскурсии, о замеченных в атмосфере планеты шестиугольных структура, он буквально дара речи лишился. До самого Пояса астероидов твердил одно и то же — он никак не ожидал от меня подобное легкомыслие. Уже после испытаний, когда я полностью обесточил ковчег на стрельбах по мелким астероидам, вернотружущий нежданно напротч замкнулся. Замолчал, как истукан! Более того, поставил ментальную защиту от проникновения в его нейронные цепи. Это было удивительно! Я пытался расшевелить его анекдотами, рассказами о женщинах...

Никакого ответа. Нежданно я почувствовал себя замурованным внутри неживого механизма. Голос его потерял оттенки, стал насквозь информативен. Однажды после ночного отдыха я обнаружил, что исчезли украшавшие рубку бриллианты. Это навело меня на грустные размышления. Я энергично, как было предписано, принялся сканировать окружающее космическое пространство — нигде никаких признаков проявления враждебной активности. В чем же дело? Скоро Земля ущербным с правого бока, голубоватым, с обширными серовато-белыми пежинами шаром подвисла на обзорном экране. До нее было рукой подать, тем не менее койс начал совершать сложные маневры, и мы еще почти сутки, маскируясь под искусственный спутник, кружили возле родной планеты. В рубке уже который час стояла мертвая тишина. Ковчег был свернут в исходную оболочку и представлял из себя что-то похожее на большой рюкзак. «Быстролетный» перестал информи-

ровать меня о принимаемых решениях. Мне было неловко беспокоить его вопросами.

Приземлились мы у подножия сопки, до шлюза было топтать метров сто. По глубокому снегу... Я растерялся, с некоторым недоумением оглядел стены рубки, потом дал команду открыть люк и выбрался наружу. На востоке светлело — чистая бирюзовая завесь висела над сопками, в той стороне лежала скованная льдом Брюнгаде. Прямо — долина Сейкимняна. Позади уже отчетливо читались стволы лиственниц в пойме Джормина. Было не так уж холодно — что-то около минус двадцати. Я обнажил голову и глубоко вдохнул воздух Земли. Это было необычное состояние — мелькнула мысль, что мне впервые довелось ощутить всю сладость земного воздуха. Всей атмосферы. Теперь домом для меня являлась вся планета — не какое-то определенное место: село, город, округа, страна, но весь наш шарик. Даже высадившись на Южном полюсе мне следовало с благодарностью повеличать дядов и домовых..

Я попытался вызвать фламатер, окликнуть синклит. Чужедальные боги словно в воду канули. Уже совсем посветлел купол неба, начали таять звезды, где-то ниже по течению печально взывала волчица, а те, кого я в душе посчитал ровней, помалкивали.

— Серый волк! — неожиданно кто-то окликнул меня. Я резко обернулся. Одетая в шубу, песцовую шапку, модные сапожки, проваливаясь в снег, ко мне пробиралась Земфира. Ходьба давалась ей с трудом, но она была сильная, выносливая девушка. Золотистые волосы выбились из-под шапки, глаза обмерли от страха. Она

слезливо всхлипывала и поочередно вытирала глаза то левой, то правой рукой.

— Что случилось? — воскликнул я.

— Не знаю.

В нескольких шагах от меня Земфира споткнулась, плашмя рухнула на снег и завывала в полный голос. Со всем по-звериному. Тотчас ей откликнулась волчья стая. Я бросился к ней, помог встать, заглянул в заплаканные глаза. На ресницах и бровях посверкивал снег.

Край солнца неожиданно вспрыгнул над седловиной, осветил ее заплаканное лицо. Девушка зажмурилась, потом наконец вымолвила.

— Подняли ночью. Дали мысленную команду подготовиться к выходу на поверхность. Я была готова через несколько минут — ты знаешь, я всегда в форме. Приказали пройти в твой отсек. Захожу — в кресле эта шуба, ну, и все, что под ней. Сверху меховая шапка. Как отрезанная голова... Приказали — переодевайся. Я переоделась... Вот гады — обо всем позаботились, даже утепленные стельки в сапоги положили. Не забыли накормить. Потом коротко — в шлюз! На волю марш! Я, как дура, послушалась. Вышла, отошла на положенное расстояние, села на пенек и жду. Вдруг среди ночи зарево, такое синтесивное, яркое сияние...

— Какое? — не понял я.

— Синтесивное.

— Может, интенсивное?

— А, плевать!

— Дальше? — потребовал я.

— Ну, это, интенсивное свечение. Я даже зажмурилась, а когда открыла глаза, уже ничего не было.

— Что значит ничего?

— Ну, свечения.

— А сопка?

— Все на месте — и сопка, и горы, и снега не растаяли, и кусты целы...

— Что ж, они взлетели?

— Не знаю, гора на месте. Слушай, — до нее внезапно дошло. — Если они улетели, что же со мной будет?

— Не знаю. Шерстью вновь обрастешь, лосихой станешь.

Она — в рев!

— Не хочу лосихой!..

— Ладно, успокойся. Что-нибудь придумаем. Не могли они вот так сразу взять и улететь. И что, никакого землетрясения, извержения вулкана?

— Ничегошеньки! Только яркий, жгучий свет. А тебе просили передать вот это, — она протянула волшебный пояс.

Я онемел. Это точно был он, я узнал его сразу. Живой, невредимый, с той же самой щербинкой на золотой бляшке, с редкими трещинками на покрытой обливной эмалью орнаменте. Готовый к употреблению... Выходит, я получил плату, выходит, мы в расчете? Свершилась мечта идиота? Стоит только нацепить этот предмет, перекувырнуться через голову, я вновь стану волком. Еще раз совершу кульбит и обрету наконец свою изначальную, человеческую форму? Но зачем это мне сейчас? Цивилизованные ди так не поступают! Вот и Ковчег совсем обессилил, койс наотрез отказался хотя бы частично заправить его энергией.

Я загрустил — почему собственно не может быть? Они же оставили койс. В качестве премии? Тот же скафандр!.. Штучки-то любопытные во всех отношениях. То-то «Быстролетный» заткнулся на середине пути. Видимо, получил приказ и всю оставшуюся дорогу пережевывал его. Прощай, молодая койсеха, никогда не видать ему гурьбу койсят. Ладно, успокойся, только без истерики. Значит, сами испарились, а койс бросили? Он никогда не нарушит приказ.

Как-то все нескладно получилось! Посещение Сатурна, Гипериона, эта Земфира. Что мне с ней делать? «Просите и по заслугам воздастся», — таков, кажется был их ответ. Ребята, я готов покаяться! Немедленно!! Прямо здесь!..

Я повернулся к горе, вперил в сопку самый мощный, рожденный в глубине несогласной с приговором души, ясновидящий взгляд. Плотное каменное месиво... Порода, только порода, никакого намека на полость, на клейкую, вязущую субстанцию, заключенную в непробиваемую упругую скорлупу. Как я был глуп, наивен, самонадеян, когда с такой силой рвался побывать «на боту звездного корабля». С какой же силой запечатала мне мозги эта гнусная литература вымысла, читанная мной в школьные годы! Вспомнился Рогулин, его вечная, терзающая душу попытка разгадать — за что? Кому это надо, чтобы человеку небо показалось с овчинку, а смерть — желанным выходом. На что руку поднял, Серый? На Промысел Божий?! Явил тебе лик посланец небес, а ты его хаять! Теперь жри снег, жри прах свой, посыпай голову пеплом, молись, взывай, бейся лбом о

пень — это все человеческие деяния. Вряд ли они тронут непостижимые сердца синклита.

— Серый волк, — окликнула меня девушка. Я повернулся к ней — она отшатнулась, увидев мое залитое слезами лицо. Наконец мне удалось взять себя в руки.

— Одежонки мне никакой не оставили? — спросил я.

— Возле пенька. В корзине.

Койс по-прежнему помалкивал. Я глянул в его сторону, потом заковылял к редкой стайке лиственниц. Добрался до пенька, перебрал вещи в корзине, которую оставила в подземелье Каллиопа. Они вернули все в целости и сохранности — сувениров им не надо.

Я глянул вверх. Голубела высь, завесой отгораживая другую глубь, другие пространства и времена, другие расстояния и сроки. Все прошло, как с белых яблонь дым. Что мне оставалось? Только обнажиться, накинуть пояс, перекувырнуться через голову и обрести подлинную, волчью суть.

Я направился в сторону койса, очень не хотелось кувыркаться в присутствии биокопии, камнем повисшей у меня на шее.

Койс покорно отодвинул створку люка. Превращения и прочие манипуляции с одеждой я совершил механически. Выпрыгнул наружу — Земфира с перекошенным от страха лицом бросила бежать, но тут же увязла в снегу, заревела в полный голос. Должно быть, было чего пугаться — огромных размеров волк стоял возле летающей тарелки и держал в зубах корзинку с одеждой.

Я приблизился к девушке. В этот момент со звонким щелчком захлопнулась створка люка. «Быстролетный» — приятель и верный служака — воспарил над землей и брошенным вдаль камнем исчез за чередой сопок. Я на мгновение опешил, потом непроизвольно скакнул за ним. Койс преодолел километров триста и нырнул за хребет Черского. Там, наверное, свернулся яйцом и навечно ушел под землю.

Злобно рыча, я принялся разгребать вечные снега, где, как мне показалось, спрятался этот ублюдок. Я жаждал отыскать его, прихватить лапами, потребовать ответ — где его хозяева, что за комедию они разыграли со мной? Как они посмели?..

По склону покатила снежная лавина. Я бросался то к одной расщелине, то к другой, устраивал обвалы, грыз камень... В безумной попытке попытался взять штурмом небо, преодолеть слой атмосферы, выйти в космос взвился вверх. Я знал, где была спрятана приводная станция. Дайте срок, я и до стартового комплекса доберусь. В лепешку расшибусь, но узнаю — исчезли они или нет. Рухнул я на вершину горы Победа и скатился к подножию...

Опомнился к полдню. Похмелье было горьким. Долго сидел и выл, глядя на солнце. Подступило отчаяние, положение казалось безвыходным. Мысль о биоконии отрезвила меня — я глянул на свои израненные до крови лапы. Тело ныло — падение с такой высоты не прошло для меня даром. Ради чего? Чтобы несчастное существо без роду и племени замерзло в тайге? Ты просил сохранить ей жизнь, чтобы потом погубить? Такова цена твоему безумству, скачкам в небо?

Я побрел на юг. Нашел Земфиру в зарослях стланика — она лежала, свернувшись в клубок. Рядом стояла корзинка с вещами. Я с трудом растолкал ее, попытался было растереть обмерзшие руки. Лапами это было несподручно. Кувырнуться здесь? Зачем? В человеческом обличьи я здесь к вечеру околею. Синклит все продумал заранее — и расплатился, и просьбу мою исполнил, и дал нам возможность сохранить жизнь. Я кое-как привел женщину в чувство, закинул на спину и скакнул на запад.

Часть III

Глава 1

Домой я вернулся спустя несколько дней после исчезновения фламатера. Первым делом доставил Земфиру к Василь Васильевичу, там мы ее подлечили. Помогла Каллиопа — стоило наложить ей руки на обмороженные места, как Земфира уже к вечеру следующего дня поднялась, прилипла к окну и, потрясенная увиденным, начала допытываться — неужели двуногие, что расхаживают по лощинам, проложенным между многоэтажных сопок, тоже биокопии? Или они боги, как мы? Объясняться с ней я оставил Василь Васильевича, лешака нашего, а сам рысью устремился в заволжские чаши и там надежно спрятал скафандр. Обернувшись человеком, направился напрямиком к Змею Огненному Волку.

Евгений Михайлович Неволин, работник одного из академических институтов, встретил меня холодно. Жестом, молча, пригласил войти. После смерти жены он так и жил холостяком в большой кооперативной квартире.

В начале сообщил, что отыскал адрес офицера МВД, тоже когда-то побывавшего в недрах горы. Теперь офицер на пенсии, тронулся умишком и, будучи неопасен для окружающих, превратился в городского дурачка. Ничего любопытного в его судьбе нет. Разве что его история может сослужить добрую службу тем, кто, испытав головокружения от встречи с тайной, теряют ощущение реальности, слишком много на себя берут.

Это был камень в мой огород, однако теперь его местечковые упреки меня не задевали. Я понимал Змея, прямого потомка Дажьбога — он вырос с убеждением, что смысл жизни заключается в спасении человечества. Исполнение долга прежде всего! Конечно, в первом приближении это можно было считать истиной, но мне эта одежонка уже была тесна. Я готов был поспорить, постоять за себя, за свое будущее...

— А на других махнуть рукой? На обязательства, на предначертанное судьбой? На идеалы, в конце концов?.. — прищурившись, спросил он.

— В чем меня можно упрекнуть? Разве я позволил себе преступить заветы?

— Послушай, Володя, — ответил Змей Огненный Волк. — Я прекрасно понимаю, даже сочувствую, но надо смириться — их нет на Земле. Они исчезли. Каллиопа может подтвердить мои слова. Мы вдвоем просвечивали гору. Ничего, кроме обычного залегания пластов, нескольких подземных туннелей и полостей, не имеющих выхода на поверхность. Просвечивали дважды... Правда, ни с помощью воды, ни с помощью корней добраться до сердцевины нам не удалось. Сезон не тот и силенок не хватает, чтобы создать необходимое давление и просочиться между пластами. Однако общая аура местности подтверждает наш вывод.

— Но как же им удалось исчезнуть, не оставив никаких следов?

— Как исчезает мираж?

Я недоверчиво усмехнулся.

— Да, — уточнил Змей Огненный Волк, — я верю в их реальное существование. Глупо было бы отрицать

очевидное! Но представь себе, что берега Джормина всего лишь сценическая площадка, где разыгрывалось представление, а режиссер или кукловод находится за многие сотни километров оттуда. Фламатер, исходя из каких-то собственных соображений, просто-напросто перешел в другое измерение, сменил начало координат. Стоит ли объяснять, что с нашей точки зрения — это чудо, а с точки зрения ди всего-навсего технологический прием. Вот она, пропасть, что лежит между нами... До противоположного края рукой подать, а вот попробуй перепрыгни. Ничего враз в этом лучшем из миров не происходит. Придется попотеть, поработать.

— Вы считаете, что суть проблемы в техническом разрыве?

— Конечно, нет, — усмехнулся Евгений Михайлович. — Есть куда более важные отличия. Вот какой вопрос постоянно не дает мне покоя — отчего за все время сидения синклит не попытался создать расу, которая могла бы помочь ему выбраться из земной западни. Ему бы хватило нескольких тысячелетий, чтобы, например, здесь, в Якутии, заняться евгеникой и создать мощное государство, развить в нем науки, поднять культуру и, в конце концов, вывести особь, которой были бы по плечу ремонтные работы на Луне и Титане. Которая смотрела бы на подобное задание, как на исполнение священного долга перед ужасным и всемогущим божеством.

Я ничего не ответил. Фламатер не предпринимал подобных попыток, я был уверен в этом. Почему ди отказались от самых решительных мер воздействия на объективную реальность? Почему не воспользовались

высокой целью, которая оправдывает всякое средство? Что бы не твердили о нравственном прогрессе *homo sapiens*, подобный ключик к отмыканию любой двери в неизвестное, по-прежнему лежал в потайном кармашке человечества. Большинство из нас готовы на все, тем более, когда аморальные методы оправдываются государственными интересами, обещанием будущей светлой жизни, религиозными предписаниями. Вот еще одна пропасть, отделяющая нас, только что освободившихся от шерсти дикарей от ветхозаветного разумного чудовища...

Может, дело в бессмертии? Шесть с половиной миллионов лет по нашим меркам это бесконечность. Василь Васильевич — чудо природы, а для них это всего-навсего технология.

После долгой паузы Евгений Михайлович попросил.

— Ну-ка, расскажи мне о своем последнем полете. Все до мельчайших подробностей.

Я выложил ему все, что произошло в последние недели. Ничего не утаил, сообщил о рискованном рейде к поверхности Сатурна, о замеченных там ячеистых шестиугольных структурах...

Учитель сразу помрачнел.

— Теперь все понятно! Какое легкомыслие!..

— В чем легкомыслие?! — воскликнул я. — Я же не биокопия! Что же это за монастырь такой, в котором запрещено выглядывать за пределы кельи.

— Таков устав, ты был предупрежден об этом. Не знаю, как ты будешь объясняться с сонмом. Встреча и договор с фламатером открывали перед нами такие

возможности прежде всего в понимании темных мест нашей истории...

— Ты имел связь с синклитом ди?

— Два раза они обращались ко мне за советом. Да-да, и по поводу тебя тоже. Я дал рекомендацию, поручился. Выходит, напрасно. Тебя не намного хватило. Ты ухватился за край тайны и уже посчитал дело сделанным, а ведь замысел был куда шире. Что же мы за хранители, если замкнемся только на сохранении прошлого и позабудем о будущем. Оно ведь тоже требует защиты. Наша раса выходит в космос, значит, мы, живая память земли и воды, заранее должны побеспокоиться о надежном обеспечении подобного мероприятия. Фламатер предоставил нам шанс воспитать хотя бы одного хранителя, способного одолевая свободное пространство. Со всеми необходимыми техническими атрибутами... И что же! Один из наших лучших бойцов позволили себе недопустимое легкомыслие!.. Понимаешь, нам необходимо заранее изучить сферу распространения *homo sapiens*, заготовить комплект преданий, отобрать будущих святых, заранее создать необходимую мифологию. Мы не имеем права допустить, чтобы покорение космоса и в самом деле стало *покорением*, высасыванием полезных ископаемых, поводом к звездным войнам. Обживать пространство — это значит очеловечивать его. Это значит создавать легенды — как о Летучем Голландце, например. Накопить запас сюжетов, на основе которых будут написаны книги, поставлены фильмы, нарисованы картины. Весь этот ряд должен быть подготовлен заранее, он должен соответствовать нашим представлениям о самих себе и в какой-то

мере реальной действительности. Более того, расширять их! Иначе мы скатимся на уровень агрессивных ублюдков, получивших в руки гравитационное оружие. Едва ступив за пределы земной атмосферы, ты уже подпал под власть своеволия. Или недомыслия... Володя, помнишь цечешище? Оно было рождено на планете Цны. Так вот, Сатурн и есть эта самая Цны. Скопище всякой мерзости, когда-то дальний форпост архонтов. И клянусь, я не могу теперь поручиться, что передо мной сидит прежний Серый волк, верный и храбрый хранитель...

Я был поражен.

— Значит...

— Ничего не значит! — повысил голос Змей Огненный Волк. — Общаясь с фламатером, мы многое поняли в стратегии архонтов. Придет час, и нам придется принять с ними бой. Возможно здесь, на Земле. Да-да, в этом содоме, среди войн, бедствий, эпидемий и катастроф. В нашем распоряжении пока только один вид оружия — это миф. Слово! Только оно!.. Это единственное, что нас объединяет. Звездные технологии нам пока не доступны. Вот почему нам следует сохранять выдержку, собирать информацию, не торопить события, не рваться раньше срока в Галактический синклит. У нас нет права на ошибку в определении целей, поэтому в среде хранителей не может быть — изначально! — ни тайных интриг, ни обуянных гордыней чудотворцев. Нет среди нас соглядатаев, греховодников, корыстолюбцев, не может быть в наших рядах секретной службы, полиции нравов. Все держится исключительно на доверии, на способности улавливать ауру родственного сознания. Вот почему

я вынужден предостеречь тебя — не пытайся понять, почему они улетели. Не зацкливайся на этом. Пойми, их пути неисповедимы. Бессмысленно копаться в причинах, искать разгадку. Смирись и попытайся исправить зло, привнесенное тобой в мир.

Я удивленно глянул на него, хотел возразить, но он жестом остановил меня.

— Да-да! Кто халатно отнесся к сохранению чудесного пояса? Сколько бичуры с его помощью прорвалось в наше трехмерное пространство? Кто должен заняться ее уничтожением? Вот он, оселок, на котором поверяется вера, значимость для общего дела. Ты — работник ценный, честность твою, храбрость, готовность до конца сражаться с бесовщиной никто сомнению не подвергает. И твое право на свободный выбор никем не оспаривается. Твое стремление связать свою судьбу с флама-тером никем не может быть оспорено. Но человек волен только в первом шаге, последующие совершаются по необходимости. Принимаешь ли ты на себя часть вины за то, что творится вокруг или нет — вот в чем суть проблемы. Только не надо бить себя в грудь, каяться, посыпать голову пеплом... Не доглядел, проморгал, увеличил количество зла в мире? Будь любезен исправить! Разыскать этих насытившихся энергией подземных тварей, загнать их в пекло — разве это не твоя прямая обязанность?

Я угрюмо смотрел в окно. День темнел на глазах. Сумерки подбирались нехотя, исподтишка, прикрываясь светом вспыхнувших уличных фонарей. Что я мог возразить? Воскликнуть — помыслы мои чисты! Слышал я подобные оправдания. И не раз...

Я поднялся.

— Хорошо. Вы мне адресок того пенсионера, что побывал в недрах сопки, не дадите?

— Пожалуйста. Добрюха Борис Петрович. Огородная, 16...

До дома я добрался поздно — явился с корзиной грибов. Купил на московском рынке несколько упаковок шампиньонов. С ними и переступил порог. Все равно встреча оказалась нерадостной. Без прежнего огонька.

Да, два раза заходила Вероника Ерофеева, передавала весточки. Да, очень ждала. Ты исчез так неожиданно... Да, старший сдал зимнюю сессию на «отлично». Сейчас он в институте... У младшего конфликт с учителем черчения. Тот буквально взъелся на мальчика и вкатил тройки в первой и во второй четвертях. Ладно, в первой, но за что во второй? В декабре состоялась городская олимпиада по черчению, нашего мальчика учитель включил в школьную команду. Мальчик занял второе место в своей возрастной группе, но за четверть ему все равно была выставлена тройка. Я не выдержала, пошла в школу — дорогие педагоги, как же так? Вообще-то следовало сходить отцу... Учитель нервничает, таким петушком наскакивает — у него в журнале, мол, сплошь удовлетворительные оценки. Я посмотрела на директора — та хотя бы застыдилась, пообещала разобраться. На работе тоже тревожная обстановка, все ждут сокращения штатов. После твоего отъезда кот совсем о рук отбился — лезет в ведро для мусора, по занавескам лазает, орет по ночам.

Свежесть впечатлений первых дней быстро сменилась сосущим, не дающим покоя томлением. Жизнь час от часу пустела. К тому же за эти полгода стремительно изменились нравы и далеко не в лучшую сторону. Граждане все больше и больше теряли почву под ногами. Внезапно рухнул рубль, и бывшие строители светлого будущего вдруг обнаружили, что они нищие. У меня, по крайней мере, был запас мелких бриллиантов, которые по дружбе намял и огранил «Быстролетный». Где он теперь? Продать их через Дороти не составляло труда, так что хотя бы на первое время я обеспечил семью «зелеными».

Пришлось поговорить с Лапсиком — улучил момент, когда мы остались дома вдвоем. Накинул пояс, обернулся волком — у кота сразу шерсть дыбом, однако скоро признал, успокоился, сел напротив.

— Что ж, ты, брат? — спросил я его. — Занавески рвешь, суешь нос в грязное ведро? Тебя плохо кормят?

— Тоска смертная, Серый, — ответил кот. — Во двор не выпускают... Я мышиный выводок под корень вывел, ведро как раз возле их лаза стоит. Нет-нет, и заглянешь, вдруг что-нибудь ценное выбросили. Знаешь, волчара, как на волю хочется. Скоро весна. Еще февраль на улице, а на сердце давно апрель.

— Ладно, вылазку я тебе организую. Потом мыться. И без разговорчиков!.. Дедушка, что днем и ночью по цепи ходит, интересуется, как там любезный внучок? Что мне ему ответить? Что внучок занавески рвет?

Расположились мы возле зеркала. Иной раз я заглядывал в него. Удивительная была картина! Сидят исполинский волчище, уши под потолок, напротив пуши-

стый белый кот и помуркивают по очереди. А то матерый зверь поглаживает кота по спинке.

Меня ждала работа — Дороти закончила очередной роман. Он вышел в Штатах и теперь я с утра до ночи работал над переводом. Грустные мысли навевали на меня эти страницы, особенно те главы, в которых рассказывалось о событиях, случившихся на Земле шесть миллионов лет назад. Теперь я был знаком со всеми обстоятельствами пребывания неведомых пришельцев из галактики Трубы и с согласия Дороти взял на себя смелость переписать отдельные места, где излагалась история возникновения рода благородных бисклаваретов. Пусть хотя бы в такой форме люди узнают, что творилось на нашей планете в ту далекую эпоху, когда воды Атлантики прорвали Гибралтарский перешеек и затопили Средиземноморскую впадину. Не давал покоя и разговор со Змеем Огненным Волком. Время от времени я поглаживал наколку, намертво врезавшуюся в руку — вот они циферблаты! Теперь я знал, какой из них показывал лунное время, какой земное — второго часового пояса, а какой циферблат фиксировал бег минут на Титане. Девять других еще хранили тайну. Оставалось только верить, что очередь познакомиться с ними поближе еще не подошла. Эта убежденность скрашивала тоску. Легко Евгению Михайловичу с патриарших высот рассуждать о predeterminedности, смирении, о необходимости прекратить поиски и забыть о фламатере. Я относился к немногим человеческим существам, которым посчастливилось увидеть разом всю звездную сферу. Небо было вокруг: над головой, под ногами!..

Неутоленная ярость всякий раз охватывала меня, когда в морозные зимние ночи я вместе с котом, посадив его к себе на загривок, забирался в глухомань и с вершины обширного, заваленного снегом холма или с обрывистого берегового откоса вглядывался в четкий, прописанный тысячами, рисунок созвездий. Находясь в недрах волшебной горы, я выучил его на зубок. Цепочка моих следов осталась на Луне — когда-то время затянет их лунной пылью? Я был знаком с дьявольским Сатурном, с царствующим Юпитером, побывал в гостях у Титана. Теперь мне предлагали купить телескоп и заняться изучением светил с помощью оптического стекла? Попытаться открыть новый астероид или неизвестную науке комету?.. Хороший совет! Но невыполнимый... После того, как довелось поехать на новенькой «мерседес», трудно удовлетвориться трехколесным велосипедом. Так уж устроен человек, а я являлся человеком, таким же чувствительным, взбалмошным, безумным, как и все мои собраты. Во время подобных прогулок особенно разительной представлялась мне пропасть, отделявшая нас от цивилизации Ди. У меня в руках остался скафандр, но я не мог оживить его и, по совету Неволина, мне следовало сдать на хранение сонму эту яйцеобразную, обтянутую чем-то маслянистым, на ощупь напоминающим яловую кожу, массу. Те запрячут скафандр где-нибудь в горных пещерах Южной Америки, чтобы через несколько тысячелетий какой-нибудь счастливчик-археолог обнаружил еще одну «загадку» цивилизации древних инков.

Спасибо за совет! В любом случае я сам попытаюсь отыскать фламатер...

Поглаживая браслет, я время от времени вспоминал Рогулина. Он в очередной раз обменял квартиру и переехал в другой город. Там его следы затерялись...

Глава 2

Спустя две недели я собрался в поездку — решил посетить Бориса Петровича Добрюху и попытаться с его помощью нащупать тропку в недра волшебной горы. Может, он до сих пор каким-нибудь образом поддерживает связь с фламатером. Электричка на Владимир отходила за полночь, и я зашел в гости в Василь Васильевичу. Фавн, увидев меня, обрадовался, однако по дрожащему голосу, слезкам, копившимся в уголках глаз, мне сразу стало понятно, что семейная жизнь у него не очень-то налаживается.

— Нужен мне этот старый баран! — заявила биокония. — Все колени облобызал, колготок не напасешься, а документы до сих пор не может добыть. Ты тоже меня бросил, Серый, но я не в обиде — спасибо, что извлек из подземелья. Я уж сама как-нибудь устроюсь.

— Устроится! Эта устроится!.. — плаксиво подтвердил Василь Васильевич. — Ты ее, шлэндру, только сегодня дома застал, а так трое суток неизвестно где ночевала.

— Это ты, козел вонючий, домом называешь? Свою однокомнатную хибару?! Обнаглел, папаша. Ты не переживай, съеду я от тебя, как только мужика подходящего найду. С моей... — она пошлепала себя по ши-

ринке на джинсах, — не пропадешь. Я еще в Америке миллионера какого-нибудь подхвачу.

— Ты хоть знаешь, где эта Америка? Тебе, Земфира, учиться надо, — сказал я.

— Чему? Все, что в этом вашем вонючем бардаке надо знать, я уже знаю. А умею и того больше. Ты, Серый, сам дал мне первый урок.

— Вот только этого не надо, — возразил я. — Виноватых искать, ссылаться на обстоятельства. Ты же креститься собиралась. В церковь хватит смелости пойти? Не струсилась?..

Я тайно надеялся, что она испугается. Может, в подобном создании заложена какая-нибудь бесовская червоточина, которая не позволит ей пройти обряд крещения? Тем самым и на фламатер, и на синклит была бы брошена тень. Сознаюсь — после услышанного о судьбе Рогулина мне бы стало легче, однако биокопия с радостью ухватила за эту идею. Назвала ее «свежакком», а «свежак» и «долбежку» она любила.

Василь Васильевич только руками развел.

— Лосиха и есть лосиха! Как ты выражаешься?!

— Зато все понятно, — огрызнулась она. — Я — девушка простая, не из куриных окорочков слепленная. Родственники мои по лесу бегают. Кто, кроме меня самой, обо мне позаботится. Спасибо вам за милость, но в этой халупе я жить не намерена.

Я засмеялся — женщина всегда остается женщиной, из чего ты ее не слепи: из ребра, из глины, из мяса. Биокопия бровью не повела, только добавила.

— Я уже устроилась в коммерческую палатку, побольше кандидата наук буду зарабатывать. Будут бабки — и документы появятся. Все будет.

Что ж, за нее можно было не беспокоиться — она не пропадет. Уже уходя, я услышал, как биокопия приказала.

— Давай-ка, друг милый, баюшки. Болтать сил больше нет.

В коридоре, не в силах справиться с любопытством, я поинтересовался у вышедшего провожать меня Василь Васильевича.

— Значит, она и тобой не брезгует?

— Каждую ноченьку безжалостно терзает, — вздохнул фавн. — Сил больше нет.

Я вытаращил на него глаза.

— У тебя нет сил?!

Тот промолчал, опустил голову, а биокопия, направлявшаяся в ванну, сказала:

— Будет знать, как моих сестричек и прочую лесную родню мучить. Надо же, греховодник старый, беременную зайчиху Пелагею и ту трахнул. Сам хвалился.

— Дурак же ты! — не выдержал я. — Язык за зубами держать надо. Теперь отработывай.

***

В Гусь-Хрустальный я прибыл автобусом из Владимира и первым делом отправился по указанному Неволиным адресу.

Жил мой товарищ по несчастью на окраине в собственном доме, в самом конце кривого переулка. Изба-

пятистенка выглядела угрюмо, обездоленно, на одном из окон оторвался ставень, стекла присыпаны пылью — видно, их годами не мыли. Наглухо зарос палисадник. Наклонились верей, и створки деревянных ворот ребрами легли на землю. Что-то то подсказало мне, что спешить с визитом в это мрачное логово не следует. Для начала я решил расспросить соседей, что за человек Борис Петрович Добрюха и настолько ли он дурён, насколько прикидывается. Я представился страховым агентом. Никто, оказывается, придурком его не считал — так объяснил сосед-пенсионер. Случается, находит на Бориса Петрович — это да. Бродить начинает, вышагивает и вышагивает, сутками шляется по городу. Словно что-то ищет. Но чтобы, как наш местный дурачок Ванька Грозный — ни-ни! Мужик самостоятельный, что починить, бабы к нему несут. Копейку любит. Скопидом, каких свет не видывал — это да. Что ни найдет, все во двор тащит. Плюшкин, так сказать, местного масштаба. Вот избу привести в порядок, вокруг дома территорию почистить, до этого руки не доходят. Денег, говорит, нет, а у самого в подполе мешки долларов хранятся. Наверняка... По причине жадности в рот спиртного не берет.

Я мог быть спокоен — такой человек браслет не упустит.

— На здоровье не жалуется?

— Побойтесь Бога! Как огурчик — это да.

— В последнее время Борис Петрович куда не отлучался?

— Бога побойтесь! Вчера его видел.

Можно было возвращаться. Одно только не давало покоя — если такая колоритная фигура как Добрюха считается в этом городке вполне нормальным, дай Бог, каждому, человеком, чем же мог среди местных жителей прославиться Ванька Грозный?

— Да что вы! — замахал на меня руками пенсионер. — Он же по городу с цепью через плечо разгуливает. И толстая, должен сказать, подлюка, как якорная. Метра четыре длиной...

Тут спорить было не о чем — цепь в четыре метра длиной была весомым доказательством придури. По дороге на вокзал, откуда отправлялись автобусы на Владимир, выбравшись из лабиринта проулков на окраине, я никак не мог избавиться от сосущего ощущения недосказанности. Все-таки стоило взглянуть на человека, который случайно вляпался в нашу общую тайну. Может, он помнит какие-нибудь детали? Действительно, жадность и любовь к одиночеству никак не позволяют причислить человека к придуркам. В противном случае все мы в той или иной степени придурки.

Но как отыскать Добрюху в городе? Эта задача представлялась мне неразрешимой. Оставалось положиться на удачу.

Мне не пришлось петлять, мучительно прикидывать, где бы я мог встретить совершенно незнакомого мне человека: на рынке, в магазине, на улице... На удивление легко я наткнулся на него, словно некая подсудно указующая стрелка вела меня. Заметив на пути «шайбу» — круглую, собранную из металлических листов пивную, заглянул освежиться кружкой пивка и сразу

узнал его — даже не удивился, что узнал, потом только сообразил, что представительный старик, при-
ткнувшийся в углу за круглым, покрытым голубым пла-
стиком столом, мне кого-то нестерпимо напоминает...
Был он высок, очень широк в плечах, редкие седые во-
лосы аккуратно зачесаны на пробор, губы яркие, цветущие.
Нос крупный — такой обычно в пивных называют
«рубильником». Правда, в его облике чего-то отчаянно
не доставало. Ага, бороды! Этакой окладистой, по
грудь, лопаты!.. Нимб тоже можно было подвесить. Ря-
дом со мной, в пивной города Гусь-Хрустальный, стоял
дед, с которым мне довелось встретиться в Нонгакане
прошлым летом. Это был он, бог-кулинар, испекший на
костре незабываемого вкуса хариусов.

Скоро я убедился, что ветеран сильно заблуждался
насчет трезвого образа жизни своего соседа. Возможно,
дело было в том, что степень опьянения все понимают
по-разному. Сколько в него не вливай, Борис Добрюха
не дрогнет. Даже не покачнется. Это я точно говорю.

Я занял место за его столиком и, улучив момент,
когда сосед потянувшись обнажил запястье, на котором
отчетливо заиграла знакомая наколка, — спросил.

— Браслет не продадите?

Он угрюмо глянул на меня.

— Тебе его вместе с кистью вручить?

— Зачем с кистью, — усмехнулся я, — Часы можно
снять, — я показал ему свою наколку.

Он бросил на меня беглый взгляд, допил пиво и, ни
слова не говоря, направился к выходу. Я, дождавшись,
когда он выйдет из пивной, последовал за ним.

Так мы прошли весь город, добрались до его подворья. Он в калитку, и я в калитку. Он на веранду, я за ним. Уже в комнате, темной, пропитанной запахом пыли, Добрюха глухо спросил.

— Что надо? Зачем явился?..

Я пожал плечами.

— Хочешь купить? — он прищурился. — Пожалуйста, только я дорого возьму. За все заплатишь.

— Это что-то новенькое, — ответил я. — За что же я должен платить, если, как и вы, случайно провалился в подземелье. Вас тоже встретил случайно. Отошел от стойки — гляжу, возле мужика свободное место. Вы в этот момент за солью потянулись. Я как увидел наколку, едва кружку не выронил. Ну, думаю, еще один, попавшийся на крючок. Слушайте, вы соображаете, о чем я толкую? А то, может, вы у «хозяина» этой живописью обзавелись?

— Понимаю, не дурак. Ты что, из блатных? Шпана какая-нибудь, на легкие хлеба в Якутию подался?

— Нет, срок тянуть не доводилось. Вы, папаша, сняли бы свой браслет. Доказали бы, что мы с тобой об одном и том же толкуем.

— Ишь ты, настырный какой, — усмехнулся Борис Петрович и действительно легко стянул с запястья звездные часы.

— Доволен? Дальше что?

— Дальше? — переспросил я. — Дальше выпить можно.

— Я не пью.

— Как знаешь, папаша. Я думал, мы не первые встречные, хотя и знакомы никогда не были. Но если нас угораздило...

— Ты не понимаешь! — неожиданно страстно воскликнул он. — Ты даже представить не можешь, какое это великое счастье! Это надежда! Я в нее верю — и точка! — в глазах Добрюхи вспыхнул неземной свет.

Теперь он ни капельки не напоминал прежнего угрюмого бирюка.

— Сначала я тоже сомневался. Руки на себя хотел наложить, потом догадался — это же испытание! Это закалка воли, выдержки, верности убеждениям. Не-е, — он погрозил мне пальцем, — нас так просто не возьмешь. Мы зрим в корень. Думаешь, все было напрасно? Думаешь, труд не станет владыкой мира? Шалишь, брат! Звездная машина послана нам в помощь. Наши братья говорят: «Ждите, мы придем, встанем плечом к плечу». Тогда посмотрим, чья возьмет.

Я опешил. Он, заметив мое удивление, заторопился.

— Пойдем, пойдем... Я вижу, ты — брат! Пойдем, кое-что покажу.

Он направился в другую комнату, поднял крышку, ведущую в подпол, и, махнув мне рукой, начал спускаться по приставной лестнице. Поколебавшись, я последовал за ним. Мужик он был грузный, кулачищи с маленькие дыни, к тому же малость не в себе. А в подполе, наверное, тесно?.. Не развернешься. Однако отступать было поздно.

К моему удивлению, подземное убежище оказалось достаточно просторным. Пол и стены выложены

кирпичом, в углу стеллаж, на верхнюю полку которого был водружен небольшой сейф. Понизу — полные мешки, аккуратно завязанные у горловины. Один мешок, правда, был наполовину пуст, хотя и в него доступ был перекрыт плотно затянутой тесьмой.

— Как я был глуп! Как наивен! — с прежней страстью продолжал выкрикивать Добрюха. Он держал в руках зажженную керосиновую лампу. — Ведь это же прямое указание держаться. Крепить дух... А-а, — он в сердцах махнул рукой, потом уже более спокойно продолжил. — С прииска бежали два зека. Нас бросили в тайгу с приказом поймать и вернуть к месту заключения. Меня и двух салажат с Северного Кавказа доставили в Нонгакан — слышал, небось?

Я кивнул. Он продолжил.

— Организовали мы засаду — все, как положено. По очереди на пост выходили, контролировали единственную тропку, ведущую в поселок Кобюме. День проходит, второй — рации у нас нет, припасы на исходе. Отправился я на охоту и, чтобы не привлекать внимания, решил перевалить через сопки и выйти к Джормину. Иду распадком, вдруг — р-раз и в яму. Что я тебе рассказываю, сам, небось, также провалился.

Я опять кивнул.

— Ох, голова непутевая, как я сначала перепугался, а потом, когда скумекал что к чему, сообразил — надо срочно доложить начальству. Так они же, эти голоса, не выпускают! Всего измерили! Проходит месяц, другой — вдруг заявляют: «Капитан Добрюха, вы свободны! Можете идти». — Меня даже в краску бросило. Куда же мне идти, меня уже давным-давно без вести пропав-

шим числят. Или того хуже — дезертиром. Нет, говорю, так не пойдет. А то, что я у вас здесь столько времени корячился, да вы меня всего измерили — это что, ни гроша не стоит? Ладно, будь по-твоему, говорят... Затем провал. Очнулся в госпитале — оказалось, что нашел меня сторож-якут. Я, мол, память потерял, ударился головой о камень — пока туда-сюда, пока вертолет прилетел, пока меня врачи всего обследовали... Эх, что вспоминать! Как только я о чужаках рапорт написал, уволили вчистую. Пенсия мизерная. Приехал на родину злой, как черт, — плюнь на меня, шипеть начну. На руке этот проклятый браслет, в кармане пятак. Я тогда на него внимания не обратил. Повесил костюм в шкаф, начал жизнь налаживать, а самого все сомнение грызет — за что же со мной так? Службу нес честно, думал, добыю срок, вернусь с приличными деньгами, а оно вон как вышло.

Как-то раз сунулся в шкаф — гляжу, в лакированных ботинках полно пятаков. Ну, монета такая, доперестроечная...

— Знаю, — сказал я.

— Меня любопытство взяло, — продолжил Добрюха, — как они туда попали? Решил проследить. Стал по карманам пиджака шарить и нашел в одном целую горсть монет. Тут и припомнил тот давешний разговор, что в подземной камере состоялся. Разложил все пятаки на подоконнике, утром оглядел свою коллекцию — что за чудеса! Один пятак удвоился, словно монетой разродился. Решил, что это — существенная деталь для науки, и тут же смекнул-вспомнил, как мой рапорт насчет фламатера приняли. Где я тогда оказался? Нет, думаю,

не на того напали. Мне этот пятак вручен, мне им и пользоваться. Невелика ценность, но по тем деньгам, если поднакопить, большая сумма могла набежать.

Он вздохнул.

— Вот так предал идеалы, за что понес суровое, но справедливое наказание. Сначала Гайдар шибанул, отпустил цены, потом деньги поменяли, а у меня уже несколько мешков монеты. Я туда-сюда — никто их в таком количестве не берет, а тот родоначалник-пятак все штампует и штампует. Я свой браслет и так, и этак крутил, хотел связаться с фламатером — мол, замените монету. Пришлите новую, достоинством хотя бы в пятьдесят рублей. Инфляцию тоже надо учитывать. Пятьдесят рублей, конечно, мелочишка, но хоть принимают. Никакого ответа. Горько мне стало, решил, что нет справедливости на белом свете, потом как будто светом озарило. Понял я, — его глаза наполнились вдохновением, указательный палец был поднят вверх, — что меня испытывают насчет крепости убеждений. Я ведь до какого маразма докатился — хотел пару мешков во Вторцветмет сдать. Мне там смехотворную сумму предложили, а сами в Прибалтику цветные металлы вагонами загоняют. И по приличной цене. Все-таки одумался. Вот ты прикинь, — Добрюха прищурился, на его лице появилось плутовато-загадочное выражение. — Такой колосс и пятак вручил. Ведь это же неспроста?

Я пожал плечами.

— Конечно, неспроста, — сам себе ответил Добрюха. — Ведь это же намек. Держись, Борис Петрович, храни ценности. Они тебе еще понадобятся. Вернутся прежние времена, и снова зашуршат по рукам наши со-

ветские рубли. В метро можно будет за пятак пройти. Наступят светлые дни. Тому порукой... — он не договорил и потыкал пальцем в потолок.

Я едва не присел на стоявший рядом мешок. Во время опомнился — разве можно давить задом священные реликвии! Как посмотрит на это вернотружущий Борис Добрюха.

— И вот эта штука, — он многозначительно указал на татуировку.

— Ты бы, товарищ, попытался вызвать его еще раз, — подбодрил я Бориса Петровича. — Может, он какие-нибудь указания даст, поможет? Скажет, держитесь, ребята, победа близка.

— Пробовал. Молчит... — ответил Добрюха.

— Значит, срок не вышел.

— Может, и так, — согласился тот.

Возвращаясь домой, глядя в окно автобуса, я размышлял о том невероятном чутье, с каким фламатер выбирал подарки для гостей. Он не терял времени даром и дотошно изучил наш человеческий род. Чужак ни в чем никому не отказывал. Добрюхе на пятак не поспешил, Рогулину открыл будущее, мне выделил биопию. И всех в качестве премии наградил воспоминаниями. По заслугам... Может, поэтому мы и не любим богов? Яростно поклоняемся, бьемся лбами об пол, взываем, молимся — и в то же время ненавидим их, всемогущих, всевидящих.

Хорошо, что чужак покинул нас. Доброго пути! Он, как говорится, слишком много знал...

Не прошло и недели после возвращения, как мне позвонил Василь Васильевич.

— С девочкой беда! — с ходу выложил он. — Третий день сидит дома, нос боится на улицу высунуть. В фирме, в которую она устроилась продавщицей на лоток, случилась какая-то неприятная история. Она твердит, что ее собираются похитить и потребовать за нее выкуп.

— Василь Васильевич, — вздохнул я, — у кого выкуп брать? Кто за нее платить будет? Ее родственники в лесу бродят. Документов нет. Неужели ты сам не можешь навестить этих доморощенных коммерсантов и разобраться? Явился бы к ним в истинном своем обличи, заверещал бы по-звериному. Уверен, все ее страхи сразу рукой сняло.

— Так-то оно так, Серый, я бы не стал тебя беспокоить, если бы не одно обстоятельство. Генеральный директор этого самого акционерного общества в разговоре с ней обронил странную фразу — что б, говорит, твой лешак в это дело не путался!

Я помолчал, похмыкал, потом спросил.

— Так и сказал — лешак?

— То-то и оно. Что характерно в смысле, как они могли узнать?

— Земфира не могла проболтаться?

— Я ее в свои служебные дела не посвящаю. Должен сказать — девка дремучая-я!.. Далеко пойдет.

— Ладно, о биокопии потом. Странной, однако, осведомленностью страдает этот генеральный директор. Тебе придется посетить эту контору. Котом бродячим обернись, мышкой... Затаись, послушай. Земфиру не-

медленно спрячь, из дома не выпускай, предупреди Георгия, он вроде совсем поправился. Ну, и все остальные мероприятия по тревоге.

— Сделаю.

Неделю от фавна не было никаких вестей. Я весь извелся в ожидании. Наконец он позвонил.

— Седлай коней, Серый волк, — объявил он. — У них там логово. Буквально кишмя кишат.

— Наши крестники? — недоверчиво спросил я. — Из Мещеры?

— Выходит так. Все сходится: дата регистрации, начало деятельности. Скажу более, никто раньше с этой группировкой дела не имел, никто не может сказать, откуда они взялись. Занимаются вымогательством, грабят «челноков» обложили данью некоторых коммерсантов. Безжалостны, откровенно тупы... Главаря — он же генеральный директор — кличут Бес. По косвенным сведениям, у них в руках уже крутятся огромные суммы.

— Надо за ними повнимательнее понаблюдать. Глаз с них не спускай, дело не терпит отлагательства. Первое, узнай, кому из местных они наступили на хвост. Второе, где их лежка. Третье, как бы нам собрать их всех вместе. Можно, конечно, взять языка, но лучше этого не делать. Стоит им только почуять, что я близко, расползутся, как тараканы, а их надо кончать разом.

После разговора с фавном, я тут же, на ночь глядя, отправился в Москву и нагрязнул к Георгию. Было что-то около двух часов ночи, однако нельзя было терять ни минуты. Георгий, высокий, грузный, в полосатом халате,

открыл дверь. Увидев меня, зевнул и осуждающе глянул.

— До утра нельзя было подождать? В кои веки жене дома дождался, и сразу гости...

— Хватит зевать, — прервал я его, — пора меч точить. Как он у тебя, не заржавел?

Услышав последние новости, его и Каллиопы благодушное недовольство, как рукой сняло. Скоро в гостиную заглянул Джордж — он по обмену теперь учился в Московском университете.

Обсудив положение, мы наметили примерный план действий, куда первым пунктом была включена зарядка моего чудесного скафандра.

— Жора у нас физик, вот пускай и разберется с этой диковинкой. Я оставлю тебе все коды. Флам ухитрялся загонять в него столько энергии, что нам и не снилось. Далее, пора подключать Джорджа, уже не мальчик.

Юноша с угрюмым видом слушал нашу беседу. В ответ на мое последнее замечание от заявил.

— В ваших кровавых акциях я участие принимать не намерен. Зло порождает зло. Это бесперспективный путь.

— Молодо-зелено, — вздохнул отец.

Каллиопа промолчала.

— По-твоему, пусть они продолжают поганить землю?

— Этот казуистический вопрос вечен, — сказал Джордж, — Я не знаю на него ответа. Но и ваш — это не более, чем видимость. Я не намерен своими поступками увеличивать количество зла в мире. Мы не имеем

права распоряжаться чужими жизнями, в какой бы форме они не существовали. На том буду стоять!

— Послушай, — обратился я к нему. — Вот краткий перечень их подвигов: Семенов М.И., руководитель ремонтно-строительного кооператива. Был замучен до смерти, на теле следы ожогов утюгом, к половым органам подводился ток. Убит после того, как внес требуемую сумму в пятнадцать тысяч долларов США.

Две челночницы были ограблены, лишились всех товаров, за которыми летали в Турцию. Причина — на несколько минут задержались с уплатой дани. Ограблены после уплаты требуемой суммы. Петрищева С.А. была изнасилована тут же, на кладбище, за то, что пригрозила обратиться в милицию. В изнасиловании принимал участие работник органов внутренних дел. У старшей потерпевшей трое детей, у Петрищевой двое. Для поездки в Турцию они продали часть вещей и заняли крупную сумму денег.

Матросова А.И., работница «Союзпечати». Была сожжена в своей палатке...

Я не буду продолжать список. Хочу заметить, Джордж, как ни крути, но в этой ситуации речь идет не о твоём отношении к жизни, не о мировоззрении — вопрос касается твоей человеческой сути. Теперь ты не можешь утверждать, что не знаешь, с кем имеешь дело. Защитить людей от нечисти, от безжалостных убийц — наш долг. Не нами он взвален на наши плечи, не нам его скидывать. Свобода выбора — ты должен согласиться — всего лишь способ проявить свою подлинную природу. Показать, чего ты стоишь. Тебе самому придется отвечать на вопрос, кто ты есть? Потомок

Тараниса, Одина и Перуна или дерзкий юнец, поставивший свое разумение выше мудрости наших отцов. От себя добавлю — Юрий, они рвутся к власти. У них уже много денег. Они беспощадны, над ними распростерта тень Гагтунгра. Когда они добьются своего, чью мифологию ты будешь собирать? Уверен — не нашу. И вряд ли тебе доверят этим заниматься, потому что с этого начинается переписывание истории.

— Кровь рождает кровь... — глухо ответил Джордж.

— Тебя никто не заставляет проливать то, что ты называешь их кровью. У них нет крови, они наполнены болотной жижей. И сумеешь ли ты выпустить ее? Отец хоть раз доверил тебе волшебный меч?

Он промолчал.

В этот момент зазвонил телефон. Это был Василь Васильевич.

— Чую их возле дома. Уже под дверь, под дверь шебуршатся. Боюсь, мне не совладать. Земфира столовым ножом вооружилась. Говорит — не дамся!

— Эх, надо было ее на дачу отвезти! Ладно, до рассвета продержишься? Уже недолго, седьмой час утра.

— Наложил заклятья на дверь и окна, но ничего утверждать не могу.

Я молча взглянул на Доротею.

— До утра оберегу, — после короткого молчания пообещала она.

— Потом, может, Джордж приведет ее сюда?

Маленькая некрасивая женщина на мгновение обрела свой подлинный облик — гневная, испепеляющая взглядом богиня! — и вновь обернулась человеком.

— Ну, Серый! — костяшками пальцев она постучала по столешнице. — Знала бы я, какую шутку ты со мной сыграешь, я бы эту тварь за версту обегала.

— Послушай, Вероника, — подал голос Георгий. — Мне надоела твоя глупая ревность. Неужели ты считаешь, что я способен променять примитивную копию на подлинник?

— Причем здесь ты, — усмехнулась она. — Я боюсь за Джорджа.

Юноша вспыхнул.

— Мама, неужели ты считаешь, что я настолько туп, что не могу понять разницу между лосихой-перевертышем и разумной приличной девушкой из хорошей семьи.

— Ах, Джордж, ты еще так молод, — вздохнула мать.

— Ну как? — вновь спросил я. — Везем ее сюда или нет? Ваньку-Джона пока тоже не надо в детский сад водить. Эта девица за ним присмотрит.

Глава 3

Утром, доставив девушку на квартиру Георгия, я отправился к своему школьному другу. Его племянник как раз являлся одним из тех «крутых» парней, которым прищемила хвост болотная бичура, выползшая из Мещеры. Я попросил друга договориться о встрече.

Молодой человек сразу повел себя разумно — мне не пришлось оборачиваться волком и рявкать на него. Мы поговорили как партнеры. Первую мою просьбу — добыть настоящие документы для биоконии он взялся

исполнить. Сказал, что дело трудное и взаимное. И почесал палец о палец. Со своей стороны я пообещал утихомирить Беса. Он скептически оглядел меня, пожал плечами, потом ответил: «Мужик, ты сам сказал». Кроме того, он пообещал снабдить меня необходимыми сведениями.

С помощью наружного наблюдения, дополненного полученной информацией, было установлено, что нечисть начала охоту за небольшим придорожным кафе у въезда в Москву. Они сняли в аренду расположенный по соседству большой участок земли. Дело оставалось за малым — убедить коллектив, приватизировавший кафе, обратиться оттуда подобру-поздорову.

К середине марта в в бывшей общепитовской точке остался только директор предприятия, он же повар, и его жена буфетчица. Все остальные благоразумно уволились, продав свои паи. С директором несколько раз беседовали, но он продолжал упрямяться. То ли от природы был такой несообразительный, то ли надеялся выторговать более выгодные условия — не знаю. Может, был глуп от рождения — я много раз внушал ему мысль о том, что с этими молодчиками добром не договоришься. Он даже мысленно упирался, все надеялся вырвать у них лишний миллион.

Однажды я откровенно, один на один, поговорил с ним на эту тему.

— Язык они у тебя вырвут. Вместе с головой, — доказывал я.

Убеждал, чтобы завтра он не являлся на работу. Пусть отдохнет с женой. Если жизнь ему дорога. Директор начал ломаться — мол, он никому не может дове-

ритель ключи от внутренних помещений. Пришлось уже целенаправленно, с помощью находившейся в зале Каллиопа, внушить ему, что собственная шкура дороже ключей. Тем более склада с ворованной водкой, которой он отоваривался у проезжающих мимо, приторговывающих сомнительным спиртным шоферов.

Я бы не позволил себе этого микроскопического отступления от наших древних традиций, но место было очень удобное, достаточно тихое. Неподалеку березовая рощица, там можно казнь свершить. К тому же эта забегаловка была таким лакомым кусочком, что я был уверен — после подписания необходимых бумаг директору не жить.

За день до начала операции Георгий позвонил мне и признался, что с подзарядкой скафандра у него ничего не получилось. «Хитрая штука, этот твой ковчег, — признался он. — Я его даже развернуть не могу. Знаешь, я бы хотел всерьез заняться этой вещицей». — «Только тихо». — предупредил я. «Можешь не беспокоиться. У нас сейчас половина сотрудников на работу на ходит, аппаратура простаивает... Придется тебе обойтись поясом».

Эта новость испортила мне настроение, хотя, если признаться, ничего другого я и не ожидал. Слишком разительно отличался технический уровень ди от нашего нынешнего состояния. Я и сам постоянно тренировался в телепатической области — цель моя была овладеть способностью помимо чудесного пояса научиться переходить в другую ипостась. Занятия с фламатером убедили меня, что это возможно, однако в одиночку, в прежних — обыденных — условиях, у меня ничего не

получалось. Тяготила зависимость от пояса. Все эти кувьрки, заклинания теперь казались каким-то допотопным, тяжеловесным и даже немного смешным ритуалом.

С утра Доротея наложила заклятье на мечкладенец, благословила мужа, сама обернулась белой пушистой кошкой, и все мы, включая Джорджа, которому была придана личина директора ресторана, и биокопии, изображавшей буфетчицу, — отправились на пригородное шоссе.

Добравшись до места, мы с Георгием, одетым в длиннополый плащ на меховой подкладке и отложным воротником — на голове шляпа с невысокой тульей — вышли из машины, обменялись взглядом с Василь Васильевичем, сидевшем в своем «жигуленке», прошли в зал и заняли столик. В течение получаса мы мысленно выживали посетителей. Наконец, когда кафе опустело, я забрал ключи у директора, проводил его с женой с черного хода, посадил Джорджа в тесном закутке, изображавшем кабинет руководителя, и вновь вернулся в зал. Биокопия, совершенно освоившись, уже заняла место на раздаче. Белая кошка прошмыгнула в зал, где умещалось пять столиков, устроилась на коленях у Георгия. Тот принялся ласково почесывать ее за ухом.

Скоро явились гости — трое парней, коротко стриженные, с налитыми загривками, в кожаных куртках. С оружием — это мы установили сразу. Что ж, пускай популяют... Не обращая на нас внимания, они сразу прошли в коридор, и через несколько минут растерянный сынок Каллиопы вышел в зал.

— Я, как и было условлено, все подписал, — сообщил Джордж. — Они предложили мне убираться вместе с моей шлюхой.

— Иди в машину, — приказал я. — Захвати с собой Земфиру. Отгони машину в поселок, поставь где-нибудь в проулке. Ждите нас.

Я встал, скинул куртку, перекувырнулся в коридоре и направился в директорский кабинет. Через фанерную дверь было слышно, как один из гостей объяснял по телефону, что все в порядке, заведение очищено, можно подъезжать. Я постоял, потом, как только разговор закончился, на задних лапах вошел в кабинет.

Опять же лапой затворив дверь, рыкнул так, что стекла задрожали.

— Что, голуби, узнали?

Они съежились на глазах. Не знаю, от неожиданности или от страха. Опали куртки, обвисли штанины, лица в миг почернели. Двумерные мерзкие мурины — вот кто они были. Более ничего... Первого я пришиб сразу, второго пришлось выковыривать из-под табуретки. Прихватив зубами, я осторожно выволок его в общий зал.

Увидав над головой блистающий клинок, он заверещал и издал отвратительное зловоние.

Между тем Джордж, еще не успевший покинуть кафе и пораженный до глубины души, долго смотрел на бисово создание, омрачающее своим присутствием землю.

Я взял эфиопа за воротник — он повис в воздухе, подтянув к телу короткие ручки и ножки — показал юноше и спросил.

— Этих, что ли, кровь ты не решился пролить? Сидели бы у себя в стекле, кто бы их тронул. Не-ет, Земфиру им подавай, частную собственность. Зачем девица вам нужна была?

— Бес учуял, вы где-то рядом бродите. Хотел выкуп за нее содрать, — плаксиво ответил мурин. — Пояс чудесный...

— Он меня совсем за дурака считает? — удивился я. — Вы же, получив пояс, тут же пришибли бы ее.

— Не-а, — завертел головой бес. — Мы бы ее на хазе держали, чтобы ты и властелин меча не рыпались.

— И конечно, пользовались бы? — я хорошенько потрянул его.

— Это уж как водится, — неожиданно грубым басом ответил мурин и захохотал.

— Ступайте в машину, — приказал Георгий сыну и замершей у порога девушке.

Они покорно вышли.

— Ну-ка, прими человеческое обличье, — приказал Георгий.

Мурин покорно исполнил его просьбу.

— Встретишь дружков, проводишь в зал.

— Что я буду за это иметь?

— Если знаешь, где прячет деньги Бес — в каких банках, на каких счетах — пока будешь жить.

— Знаю. Все знаю. Он мне доверяет. Я у него за казначея. Он только меня к деньгам подпускает. Остальным говорит, не вашего ума это дело. Выпивка у вас есть, телки есть — вот и помалкивайте.

Мы переглянулись.

— Из ваших он? — спросил я.

— Из наших. Из болотных воинов. Правда, одно время был выпущен на землю и провел там около полугода.

— Так что, согласен встретиться?

— Что вы с ним договариваетесь, — вступила в разговор вмиг покрупневшая белоснежная кошка. Когти на ее лапах заметно удлинлись. Она ловко вспрыгнула на спину вздрогнувшему парню. — Пусть попробует послушаться. Ступай к выходу, — приказала она ему, потом обратилась к нам. — Включите музыку, накиньте кожаные куртки. Займите столик, притушите свет. Ты, Серый, спрячь хвост.

Через полчаса к кафе подкатили две черные «вольво». Наш знакомый встретил их у порога и проводил в зал. Вид у него был совершенно озадаченный, он никак не мог понять, почему приятели не замечают, что на спине у него пригрелась огромная белая кошка. Глядя на него, я невольно улыбнулся — это был любимый прием Каллиопы. Она оставалась невидима и аккуратно просвечивала мозги вновь прибывших гостей. На тех, кто послабее, она сразу надевала ментальный хомут.

Собственно, мы в этом случае имели дело со швалью, с последними подонками, которые и в своем царстве-государстве уважением не пользовались и первыми, с помощью локтей, начали проталкиваться к металлическому коню. Видно, смекнул я, в двухмерной стеклянистой плоскости тоже начались смутные времена. Раньше стоило какой-нибудь твари выскользнуть на поверхность, она сидела тише воды, ниже травы, или начинала проявлять гражданскую активность, вступала в

партию, потом только начинала рваться к трибуне. В ту пору на это решались отдельные бесы-одиночки. Теперь из-под земли словно плеснуло удушливой, пропитанной наглой, окрашенной жестокостью волной. Слово безумие, до основание потрясшее наш трехмерный мир, отозвалось не только в подземелье фламатера, но и в Мирах возмездия. А может, и синклиты тонких миров тоже потеряли почву под ногами, и бегство фламатера — прямое свидетельство приближающейся катастрофы. Но это тоже крайний взгляд — впрочем, как и благодушная вера в неминуемый прогресс. Истина творилась где-то посередине. Или, может, в этом зале, когда на вошедшего в зал под охраной двух головорезов Беса прыгнул гигантский белый зверь, напоминавший кошку. Охранники успели несколько раз выстрелить в налетевшее чудовище и тут же пали, сраженные клинком Георгия.

Лужи зловонной жидкости растеклись по полу. Жирный чернокожий карлик суетливо сучил ручками и ножками, прижатый к полу могучей лапой с ужасными когтями.

Остальных муринов я раскидал по одиночке. Бежать им было некуда — вход, помещение за раздачей, окна были прикрыты ментальными экранами. Я быстро загнал их в угол, там обессилил, сковал попарно и, подхватив пастью конец невидимой цепи, выволок на улицу в сгустившуюся ночную мглу.

Георгий-меченосец кончил их в роще. Зловонная жижа скоро впиталась в сырую, местами оттаявшую землю. Исчез мерзкий душок. Растворился в свежем весеннем воздухе... Тем временем Каллиопа, приняв-

шая свой истинный вид, допыталась, где карлик хранил ценности.

— Очень хорошо, — подмигнул я черному мури-ну. — Пойдут на экологию.

— Без меня их вам все равно не выдадут, — бурк-нул злыдень.

— Выдадут. Еще как выдадут, — успокоила его ко-ролева фей.

Тем временем я позаботился о «вольво» — загнал их в овражек в роще и накрыл колпаком. Теперь их во-век никто не найдет. Я же поставил окончательную точ-ку в этой истории — снес голову Бесу.

— Что вас на землю потянуло? — перед казнью спросил я его. — Сидели бы в своем стекле, пускали бы пузыри на болоте.

— Чем мы хуже других, — ответил мурин. — Сам бы посидел в стекле, тоже взвыл.

— Может, и взвыл, — согласился я и поднял лапу.

Глава 4

Прошло две недели. Мы с Георгием с увлечением возились со скафандром. Домой теперь являлись позд-но, уставали до предела. Время от времени Жора брал с собой в лабораторию то Каллиопу, то вызванную из колледжа на уикэнд Флору. В который раз мы проигры-вали методику вступления в контакт с Дхармом и глав-ной базой на Титане, пытались найти ключ к запечатан-ному яйцу по аналогии с технологией пробуждения тех свернутых в исходные формы объектов. Результат пока был нулевой — оживить Ковчег не удавалось, однако

кое-какие выводы уже можно было сделать. Прежде всего стало ясно, что в принципе мы можем запустить механизм разворачивания скафандра в рабочую форму — все дело было в ментальном пароле. Эта мысленная форма — или, если хотите, залятье, — лежала в пределах нашей досягаемости. Фламатер и в этом случае применил код, который позволял мне запускать в действие процессы удвоения и телепортации на Титане. Можно представить, какую радость мы испытали, когда нам удалось определить первый ментальный звук, после которого электропроводность свернутого яйцеобразного объекта резко изменилась.

Георгий возился с упакованным чудесами мешком, как ребенок. Загадки природы интересовали его куда больше, чем сражения с нечистью. Странная ему выпала судьба. С горчинкой... Он и Каллиопу любил больше жизни, однако в душе ему тяжело было смириться с ее неизмеримо более высоким в иерархии сонма положением. Более того, Жора был из тех людей, которому вполне было достаточно одной Вероники. Три жены в разных обличьях, из которых одна — предмет вожделения всех поколений, проживавших на Земле, для него было слишком много. Как-то раз в походе, у костра, он признался, что ее небесные совершенства порой угнетают его. Был еще один повод для тоски — никогда ему, как ушей своих, не видать своего царства. Как родился царевичем, так и помру, угрюмо признался он. Ради чего всю жизнь мечом махать?

Кроме того, я упорно работал над способностью без помощи пояса переходить в сказочную ипостась. Результатами похвалиться не мог, а вот биокопия Зем-

фира откровенно радовала. День ото дня она набиралась опыта — научилась ступать на эскалатор, переходить улицы, пользоваться городским транспортом, не только заваривать, но и подавать чай, обращаться с растворимым кофе, готовить еду, накрывать на стол. Во избежание возможных осложнений мы справили ей документы и поселили на даче у Василь Васильевича. Наняли частного преподавателя. Тот был немало удивлен — девица на выданье не умеет ни читать, ни писать. Грамота давалась Земфире с трудом, а вот свободно обращаться с компьютером она научилась за несколько часов. После той ночи, когда мы устроили засаду, девушка резко изменилась. Запретила Василь Васильевичу даже мечтать об этом. Фавн сник... Джордж тоже ходил, как пришибленный. Вероника с тревогой поглядывала на сына.

***

Помнится, в тот день я возвращался домой, окрыленный долгожданной удачей — после перебора на машине бесчисленного количества комбинаций нам удалось определить второй ментальный звук. Услышав его, Ковчег начал подавать признаки жизни.

Время было позднее, в вагоне всего несколько пассажиров, однако один из них, вошедший следом за мной, все равно устроился напротив. Сел у окна, против хода движения, глянул на залитый первым апрельским дождем перрон — в этот момент поезд тронулся. Неожиданно мигнув, погасли потолочные плафоны, и в наступившей темноте на лицо соседа легла мертвяще-

сизая, бегущая подсветка перронных огней. Свет ложился ломанными пятнами, резко очертились скулы, тени под подбородком пропитались непроницаемым мраком, обесцветились зрачки, и эта прорисовка сделала его лицо чрезвычайно знакомым. Где же я его видел? Незнакомец неожиданно поинтересовался, который час. Забывшись, я машинально потянул рукав, обнажил наколку. Тут же вздрогнул, испуганно глянул на соседа — ни одна жилочка не дернулась на его лице. Может, не обратил внимания? Глядя на татуировку, я сообщил, что пробило полночь. Он удовлетворенно кивнул, затем неловко поправил шляпу и представился.

— Очагов Виктор Александрович...

— Очень приятно, — ответил я и тут же надернул рукав.

Незнакомец коротко, порывисто вздохнул и неожиданно добавил.

— У меня, Владимир Сергеевич, просьба вот какого характера. На вас, эта, последняя надежда. Больше обращаться некуда. Сын у меня пропал. Серега... Единственный ребенок. Пятнадцать лет мальчику... Такой хороший был мальчик, учился без троек.

Я растерялся. Ему известно мое имя? Он поджидал меня на вокзале? И это неувловимое сходство... С кем? С Рогулиным?.. Правда, выглядел он посвежее, словно сбросил с десятков годков и, по-видимому, избавился от пагубного пристрастия к алкоголю.

— Не знаю, чем я мог бы помочь?..

— Я тоже не знаю, — он неожиданно вытер навернувшиеся на глазах слезы и дрогнувшим голосом добавил: — Но если не вы, то никто.

Я поперхнулся.

Сосед протянул визитную карточку. «Председатель художественно-строительной фирмы «Арбил», — прочитал я и удивленно глянул на него. Очагов не был похож на заядлого бизнесмена — невысок, лобаст, глубокие залысины, одет подчеркнуто изящно. Белый шарф, завязанный каким-то удивительным узлом, пышно выпячивался из-под кожаного пальто. Скорее художник, чем строитель, решил я. Виктор Александрович чувствовал себя немного скованно.

— Что, и такие бывают? — спросил я.

— Да. Наша профиль — оформление интерьеров. Европейский стандарт, а также художественное решение внутренних объемов. Кроме того, ремонтируем помещения, ставим металлические двери, решетки на окна и балконы. Можем провести сигнализацию.

Он сделал паузу, потом, видимо, чуть успокоившись, продолжил.

— Дело у меня к вам, Владимир Сергеевич. Очень важное... Если позволите, изложу вкратце. Перед судом мой дядя, небезызвестный Рогулин Олег Петрович, поделился со мной, каким образом его любимая татуировка оказалась на вашей руке.

Я невольно бросил взгляд на свое запястье.

— Вот я и решил, — добавил Очагов, — почему бы нет? Возможно, вы и есть тот самый человек... Вдруг вам удастся вернуть Сережу.

— Где же теперь ваш дядя?

— Посадили за убийство. Припаяли неумышленное, но нам-то с вами известно, что рано или поздно этим должно было закончиться. Не его, так он сам...

— Это большая разница, — усмехнулся я.

— В обычных обстоятельствах, — кивнул Очагов. — А в необычных? Пришел срок, и он, как с ним уже не раз случалось, поменял квартиру, перебрался в соседний городок. Выпивал там с каким-то бичом и все допытывался — нет ли у того умысла убить его? Может, он и финку с наборной ручкой захватил? Шутка такая... Ну, и доигрался. Со страху всадил гостю нож в самое сердце. Я нанял адвоката, чтобы дело переквалифицировали на самооборону, но уж больно ловко Олег Петрович лезвием угодил. Аккурат между ребер, острие даже не скользнуло.

Я внимательно слушал его.

— Гляжу, вы заинтересовались, а то я сомневался — не сочтете ли вы меня... того. Поверьте, я вполне здоров и безумен не больше вашего.

Он вздохнул, сцепил руки и принялся рассказывать.

— Сразу после защиты в Суриковском институте дядя предложил мне отправиться в путешествие в Якутию. Говорит, давай побродим по нашей советской Шамбале. Я согласился. Добрались мы до Усть-Неры. Там Олег скорешился с геологами, их полевая база находилась километрах в восьмидесяти от конечной точки нашего путешествия. На базе я всем желающим портреты рисовал, так что договориться с командиром вертолета, чтобы тот нас на место доставил и через три недели забрал, не составило труда.

Представьте, что я испытал, когда в ночь перед вылетом дядя признался, *кого* он собирается искать в тайге. Космических пришельцев! Он принялся уверять, что не сбрендил, и эта татуировка на самом деле не укра-

шение, а звездные часы. Их можно снять. Так снимите, предложил я. Не-ет, засмеялся он, не все так просто. Их можно снять только в присутствии посвященного человека. Типичный бред!.. Потом начал рассказывать про волшебную гору, какой-то входной шлюз, принялся описывать покрытые инеем подземные коридоры. Мне и смешно, и мороз по коже дерет. Сознаюсь, это была ужасная ночь — с сумасшедшим туда, где не ступала нога человека. На три недели! Он еще и приборы с собой прихватил — собирался измерять в том районе ускорение силы тяжести. Собственно и на базе виды были отличные. Стоило подняться на ближайшую сопку, и перед тобой распахивались такие живописные дали! Такое обилие красок!.. Засыпая, он так и сказал — оставайся на базе, здесь тоже хорошо. Геологи примут тебя подсобным рабочим, ты им наглядную агитацию оформишь. Захочешь сходить в маршрут, тоже не откажут.

Я до утра не мог заснуть — прикидывал, как поступить. Олег Петрович был мне ближе всей родни, кроме разве что матери. Он собственно вырастил меня — родной папаша, понимаете ли...

Очагов щелкнул себя по горлу. В этот момент свет в вагоне опять притух, за окном ярче засверкали промелькивающие огоньки.

— Ему я обязан образованием, — в полумраке продолжил Очагов. — Он настоял, чтобы я пошел по художественной части. Утверждал, что у меня подлинное дарование, — сосед криво ухмыльнулся. — Одним словом, не мог я бросить его в тайге одного. Решил, будь, что будет. Он обрадовался, хлопнул по плечу — не дрейфь, Витек, не пропадем! Перед отлетом заставил

меня карту перерисовать, маршрут назубок выучить. Всякие варианты спасения со мной отработывал — обо всем так трезво рассуждал: как ходить по болотине, как спастись от комаров, где разбить лагерь, если мне придется в одиночку до базы добираться. В случае необходимости следовало надуть резиновую лодку или сколотить плот и спускаться вниз по Сейкимняну, потом по Брюнгаде. Без конца твердил, что тайга — это не игрушки, здесь и в июле можно околеть.

Не месте он мне все подробно объяснил — это речка Джормин. Действительно, вот она. Вот и сопка со срезанной верхушкой. Точно, и сопка на месте. С той стороны должен быть вход... Два дня мы лазали по склонам — никакого следа металлической плиты.

Я невольно кивнул. Не удержался... Эти шуточки были мне знакомы. Гость, заметив мой жест, заметно повеселел, почувствовал себя свободней. Он, по видимому, тоже робел. С незнакомым человеком в полночной электричке о пришельцах, о звездных странниках — это тоже, знаете ли...

...Два дня они бродили вокруг сопки, пытались найти вход в подземелье, потом Очагов махнул рукой и взялся за краски. Долго ходил вокруг станка, присматривался к холсту — все напрасно! Мало того, что в голову ничего стоящего не приходило, но и желания взять в руки карандаш, нанести первый разметочный штрих не было. Дядя между тем упорно поднимался с первыми лучами солнца и приходил на закате. Считай, бóльшую часть суток бродил в тайге, в июле ночи еще были коротки. Брал с собой охотничий карабин, которым снаб-

дили их на базе, племяннику оставлял охотничье ружье. Вот только рацию начальник партии не дал — все они были на учете.

— Житуха была — ни в сказке сказать, ни пером описать! Схожу утром на охоту, подстрелю зайца или куропаток — и в котелок! Разведу костер, разложу стульчик, поставлю мольберт. Так хорошо, тихо... Вода в речке струйкает. Горы, чем дальше к горизонту, тем синее. Небо чистое, воздух ясности необыкновенной. Такое впечатление, что все вокруг залито неощутимой бирюзовой жидкостью. Переливы цветов бесконечны, и все больше пастельные тона. Там в природе нет навязчивой звучности, знаете, жирной такой, южной красоты. Там, в зоне, всё переливы, неброские оттенки... Желтоватый откос, разноцветная галька в реке, стланик по склонам, в пойме редкий лиственничник. Все замерло, дышит, вбирает тепло, спешит подрасти. Зверью всякому надо успеть вывести потомство, деревьям шишечки народить, травинкам отцвести. Попал я там и на грибы — вот где их видимо-невидимо. Торопятся, шляпки высовывают... Буквально ходишь по грибам. Но это чудо всего на два дня. Уже к вечеру приходится большую часть добычи выбрасывать. Червивые!.. На утро здоровый гриб уже днем с огнем не найдешь. А какие крепенькие, чистые из земли вылезали... В обед искупаешься, рыбку половишь.

Собственно с грибов все и началось, но это потом. Сначала я места себе найти не мог. Представляете, в таком раю — и не пишется! Конечно, в конце концов я надавил на себя, принялся малевать. Рисовал с накомарником на голове, упорно, часами, но все равно чего-

то на полотнах не хватало. Может, не те сюжеты выбирал? Не знаю. Томительно было на душе, все ждал хорошего. Ходил как неприкаянный, пока однажды не окунулся в омут — в этот момент меня как бы пронзило. Не знал — о чем, как... Стоило натянуть холст, дальше все пошло само собой. Более откровенной бредятины, какую я начудил в тот день, мне никогда видеть не приходилось. Причем, картина была в целом закончена, только следовало дать ей отлежаться, подправить кое-что и можно на выставку. Только какой худсовет ее бы принял?! Знаете, что я изобразил? Групповой портрет победителей конкурса по выдавливанию зубной пасты из тюбика. Так они и стояли на пьедестале, установленном на лужайке под сенью старого дуба. У одного на щетке из пасты была воссоздана роза, у другого — несколько тюльпанов. Лауреат ухитрился выдавить на щетку сказочный домик.

Он сделал паузу, развел руками и хлопнул себя по полам пальто. В вагоне вновь ярко вспыхнули лампы.

— Не желаете закурить? — спросил он, и мы отправились в тамбур.

Виктор Александрович затаился, потом продолжил.

— Следующая моя работа уже припахивала явным душевным нездоровьем. Я бы так назвал ее: «Заготовка грибов в тридесятom царстве-государстве».

Представьте гористую местность, точнее, спину чудо-юдо рыбы-кит. Местные жители отправляются на заготовку грибов — запрягают в телеги лошадей, складывают туда двуручные пилы, топоры, веревки бухтами... Грибы — все боровики, подосиновики, рыжики,

маслята высотой в рост человека. Вот они, мужики, их дружно, с песнями, пилят, рубят, укладывают на телеги и с везут в деревню. Девки и малые дети собирают щепки — их жарят с картошкой, закатывают в банки. Так лихо, в охотку работают...

И пошло-поехало. Следом я нарисовал удивительный пейзаж, как если бы лежащая передо мной местность освещалась двумя светилами. Одно — огромное, в четверть неба, синевато-белое, с алыми приблесками по краям; другое чуть меньше Солнца, только горячее, ярче и золотистей. Следующее полотно — какой-то удивительный сюр. Странная фигура, рот растянут и изогнут в виде сабли. Существо прикрыто мешком с прорезями для рук и ног, горловина затянута на шее. Поверх мешка накинут плащ с капюшоном. Улица, на которой была изображена эта фигура, выходила на площадь к костелу и, огибая его, устремлялась влево и чуть вверх. Небо над городом отливало темной синью, все другие предметы — стены домов, крыши, уличные фонари — я размалевал тускло-желтой и красной, как кровавая соль, красками. Костел — желтый, стрельчатые оконные проемы — шафранные, тени — красные, крест грозно золотился на фоне насупившегося ультрамаринового неба. Удивительно было другое — как только я закончил картину, сразу обратил внимание, что взгляд существа менялся с неуловимой быстротой. Как, впрочем, и выражение лица. Хохот неожиданно уступал место негодованию, брови вдруг изумленно ползли вверх, то вдруг по морщинистым щекам начинали скатываться слезы. Следом на лице появлялась лукавая усмешка.

В ту ночь я долго не мог заснуть — спрятал по-дальше от дяди эту картину, прикинул: если дело и дальше так пойдет, то вскоре я непременно обнаружу в этом глухом таежном краю орду пришельцев. Утром вновь чудесное настроение, опять потянуло к мольберту. В тот день я написал лучшее, из всего наработанного в Якутии. Жанровую вещицу в манере старых фламандцев — грубый дощатый стол, три женщины играют в карты. Единственный источник света — догорающая свеча... А какой колорит!..

Я невольно вздрогнул — воспоминание о любимой картине, что висела в моей спальне, где по вечерам огонек свечи освещал страницы книги, которой я замыкал день, пронзило меня. Вида я не подал. Очагов между тем все говорил и говорил...

— С каждым днем дядя возвращался все более мрачный — сообщал, что день прошел впустую, молча заправлялся похлебкой и заваливался спать. Иногда, когда угрюмые мысли перебивали сон, начинал вслух пытаться себя — может, он на самом деле спятил, и это приключение не более, чем сон. Мброк какой-то... Некая флуктуация, действующая в этой местности на сознание человека?.. Потом долго рассматривал холсты, поглядывал на меня — я не мог сдержать дрожь в руках, так мне было весело, так хотелось работать — удовлетворенно хмыкал, оживал на глазах. Ничего другого он якобы и не ожидал. Это на меня фламатер действует, уверял он. Значит, будем продолжать поиски.

Я только саркастически хмыкал — фламатер так фламатер. Главное, чтобы хорошо работалось, а уж звездные корабли, худсовет, членов которого сразу пе-

рекосит, стоит им только увидеть мои работы, — это дело десятое...

Потом пошла еще более удивительная дичь. Какие-то твари, рассеявшиеся на сопках и любующиеся звездным небом, совсем непохожим на наше. Я хорошо запомнил, как, пугаясь самого себя, касался кончиком кисти полотна. Я точно знал, в каком месте уколоть золотистым мазком подернутый черно-фиолетовой тьмой небосвод. В этом было что-то от религиозного обряда, от созидания иконы. Любая ошибка в местоположении той или иной звезды казалась страшным грехом, не подлежащим прощению. Любой сбой мог нарушить стройность общей картины и прав-до-по-до-бие.

Представляете, правдоподобие!..

Потом я принялся за тварей. Это были жуткие и в то же время милые уродцы. Невелики размерами — высотой примерно в метр с четвертью. Пятипалые, только вместо большого пальца острый шип. Как бы их окрестить? Разве что динозаврами с лицами. Не человеческими, конечно, но их морды были настолько выразительны, что их можно было назвать лицами. Они обладали не общим выражением, я различал несхожие черты... Одним словом, страх господень!..

Тут ко мне ни с того, ни с сего пошли посетители. Один за другим. То местный оленевод явится, то лесник. Этот все больше насчет дяди интересовался — где он ходит, что ищет? Отвечаю — ускорение силы тяжести измеряет, а сам гребешок на спине у одной очень милой ящерицы дорисовываю. А зачем он ускорение измеряет? Потому что ученый, понимать надо! Прислан Академией наук для предварительного обследования тер-

ритории. А ты зачем чудищ рисуешь? Это что, абстракционизм? Нет, говорю, это — социалистический сюрреализм. Такое новое направление в искусстве, намеченное решением последнего пленума ЦК. Врешь ты, говорит лесник, чтобы на всякую муру еще и решение партии! Я отвечаю — почему муру. Вы здесь в Якутии кукурузу сажали? А как же, рапортует он, все согласно постановления. Вот теперь и рассуди, говорю, вы кукурузу в Приполярье сажаете, я сюрреализм рисую. Каждый из нас при деле, а все вместе мы — необоримая сила современности.

Лесник оказался не так прост, как прикидывался. Ладно, говорит, насчет ящериц мне понятно, хотя их здесь отродясь не бывало, а вот зачем он ускорение измеряет? Это по какому постановлению ЦК?

С целью эксперимента, отвечаю. Конечно, о звездном корабле я и не заикался — сразу свяжут и отправят в психушку. Изучает, как распределяются массы в теле Земли. Зачем, спрашивает. Чтобы знать, говорю. Пойми, ты, садовая голова, он — ученый!.. Такой попался зану-да!

Очагов замолчал — видно, воспоминания о тех днях давались ему нелегко. А может, он ждал моей реакции? Не знаю. Я прикусил язык. С подобными занудами мне уже приходилось встречаться. С уголовником, омоновцем, капитаном милиции... Робот роботом, а в зубы бьет квалифицировано. Как царский жандарм... Даже, представьте, с самим господом богом, имел встречу. Даже две, но об этом лучше помалкивать.

— Наконец, я, как зверь, вцепился в интереснейший сюжет. Что-то смутно бродило в голове. Представь-

те — пасторальная северная сцена: невесомое округлое небо, все вокруг полнится солнечным светом, сопки нежатся, деревца питаются теплом. Лось вышел на водопой, щурится на солнышко. Ветерок прилег... Знакомая нам сопка, со срезанной вершиной, как бы оставившая строй своих старших пышнотелых собратьев и сбегавшая к воде... Ясен пейзаж, не правда ли?

Я пожал плечами. Он продолжил.

— И в недрах этой сопки таится что-то чудовищное, яйцеобразное, неразличимое для случайного взгляда. Словно сложенная из земных пород пирамида вынашивает под сердцем чуждый нашей природе, жуткий плод. Не злобный, не добрый, а непонятно какой. Чужой!.. И все-то ему неловко в утробе, он ворочается, места себе найти не может, пуповина от него куда-то вниз тянется.

Как я хватисто работал! Как классный боксер на ринге — ни одного лишнего движения. Удар, нырок, уход, снова удар. И все в цель! К вечеру почти закончил, вдруг является местный общественник, оставленный сторожить брошенный поселок. Известный Миша-якут... Сразу начал охать, ахать — зачем моя преисподнюю малюет? Нельзя гнездовье абасов тревожить. Проснутся — на землю полезут, тебя допекут. Меня, то есть... Нигде от них не спрячешься.

Накаркал! Ночью прихватила меня простуда, бредить начал. Дядя вечером явился, а у меня температура сорок! Рации нет — что делать. Надул он резиновую лодку, погрузил, что поценнее, остальное — палатку, холсты, даже прибор свой — бросил. Утром отправились в путь, вечером уже были на базе. Там вызвали вертолет и меня доставили в ближайший поселок. Об-

наружили воспаление легких. Провалялся я недолго, недели две. Дядя за это время ухитрился побывать на месте нашей стоянки. Палатку, прибор, шмотки привез, а холсты словно корова языком слизнула. Кому они могли в тайге понадобиться?

— Этим, — ответил я, — охотнику, оленеводу, леснику.

Очагов усмехнулся.

— Мы объявление по радио давали. Никакого толку.

Мы помолчали, потом я сказал:

— Интересная сказка, только причем здесь я?

Гость усмехнулся.

— Это еще не сказка, только присказка. Сказка вся впереди. Понимаете, с той поры, как дядя завлек меня в Якутию, я забросил кисть. Конечно, кое-что малевал — оформлял заводские столовые, дома культуры, проходные. Мозаики выкладывал. Одним словом, наглядно агитировал. И далеко не безвозмездно, однако все, что творилось, происходило как бы не со мной. Я со стороны наблюдал за своей физиономией — вот неумный, все-то ему денег мало. А я сам, собственный, потаенный, скрученный, жил воспоминаниями о тех днях, которые провел на берегу горной речушки. О работах, которые создал в Якутии. В ту пору я ни разу не повторился...

Наконец прошлое отболело, я отгоревал, отбесился. Завел семью. В семье порядок. Потом появились приличные деньги, голова закружилась от успехов. Тут меня словно черт под локоток толкнул — не пора ли отправиться в Якутию на поиски своих работ? Заодно и

прежнее место навестить, побыть в одиночестве, натянуть холст на подрамник, взять в руки кисть... Почему нет? Очень мне хотелось вновь пережить то необыкновенное состояние свободного полета, ошарашивающей дерзости... Вы сами книги пишете, должны понять, что иной раз долгое ожидание свободы бывает во много раз увлекательней, чем сама свобода. И конечно, прикосновение к тайне! И чтобы мурашки по телу!.. Это казалось во много раз интереснее, чем каждую неделю из-за переполненной пепельницы менять «мерседесы». Ни в какие фламатыры, ни в каких зеленых человечков я не верю, но то, что в Якутии, в среднем течении Бронгаде, существует аномальная зона — это факт.

Экспедицию планировал на широкую ногу — видимо, совсем от гордыни разум помутился. План такой — вертолетом в Нонгакан, оттуда пешком добираюсь до Джормина. Мои люди между тем направляются в каждый близлежащий населенный пункт. Их задача отыскать старожилов, попытаться собрать сведения о картинах — может, кто-то из местных что-либо слышал. Заодно можно и этот дьявольский звездолет поискать. Выпивши, поделился своим замыслом с Сережей. Тот загорелся — возьми меня с собой! Я сдуру согласился. Добрались мы с ним до Джормина, расположились на прежнем месте, в излучине, на коренном берегу. Лето в прошлом году в Якутии выдалось отменное, такие краски вокруг, а у меня, кроме отвращения к холсту, никаких иных чувств. Горько стало, неужели напрочь обесточилась душа? Неужели жизнь ухлопал на наглядную агитацию: на матерей-героинь, склонивших головы солдат, на хороводы задастых девиц, которые я очень любил

изображать в домах культуры и на стенах заводских столовых. Подобные панно пользовались особой популярностью у профсоюзного начальства.

День прошел, другой... От моих ребят никаких известий. Сережа рыбу ловит. Побродили мы с ним по соседним сопкам, нигде никаких примет аномальщины. О звездолетах я уже и не говорю. Я совсем загрустил и как-то угораздило меня отправиться на ту приметную сопку. Решил в последний раз изучить ее склоны, и на завтра на лодках начать сплав до базы геологической партии.

Был конец июня — в тайге стояла девственная тишина. Солнце, как мячик, касалось горизонта, а потом вновь впрыгивало в изумительной чистоты небо. Обошел я сопку, взобрался на площадку, огибающую вершину — устроился на выпирающей из склона мшистой плите, выпил стакан, и храбро так спросил камень — что, брат, не сладко? Устал, прилег отдохнуть? А мне какво с полным набором красок, с французским мольбертом? Все бы отдал, только бы хотя бы разок ощутить прилив... ну, вы понимаете?

Я кивнул.

— Так, не подумав, и брякнул — ничего, мол, не пожалею. На все готов. Даже душу продать...

С утра вдруг азарт появился. День раскачивался, другой, потом накатило. Вот какой пейзаж родился на холсте. Сюжет явно неземной, краски необычные. Светило голубовато-белое, широкое, сплюснутое снизу и сверху. Скалистый берег... Океанские волны бьют в прибрежные камни. Скалы красноватые — по-видимому, железа в них избыток, — морская ширь гус-

то-красная. До вишневого примеса на горизонте... На берегу непонятное сооружение, домик или сарай. Подворье ясно очерчено изгородью, однако вокруг, по берегу, холмистая, обильная растительностью степь. Травы, знаете ли, напоминают колючую проволоку — такие выющиеся, жесткие и стебли усыпаны крючковатыми шипами.

Я за день закончил пейзаж. Вижу, что закончил, а оторваться от полотна не могу — то в одном месте подправлю, то в другом. Сережа как-то сразу невзлюбил эту картину, назвал ее «жутью», попросил смыть. Я ни в какую! Совсем голову от усердия потерял — решил, что вернулись прежние деньки, однако как ни понукал себя, больше ничего стоящего в голову не приходило. Волей-неволей возвращался к этому пейзажу... Ведь что-то подталкивало меня к точной передаче деталей, что-то водило рукой. Дело дошло до того, что спустя несколько дней нарисованная поверхность океана ожила, заволновалась. Я явственно ощутил грохот прибоя, дуновение ветра — запахи были какие-то чудные. Вернее, ошеломляло их сочетание...

Мы вернулись в вагон. Кривая усмешка застыла на лице Виктора Александровича.

— Как только мы с сыном вернулись в Снов, я навестил Рогулина. Он едва не выгнал меня, узнав, что я отважился вместе с Сережей навестить зону. Начал кричать, что я совсем разума лишился. И словно, эта, накаркал — спустя две недели сын остался ночевать на даче. Ночью там случился пожар — и все, нет больше Сережи.

— А картина? — после короткого молчания спросил я.

— Обнаружили в саду. Обгорела малость, а так в полном порядке. По-видимому, он ее на подоконник в мансарде поставил. Но почему он сам в окно не выпрыгнул? — со злобным удивлением спросил Виктор Александрович. — Что ему могло помешать?

Я пожал плечами. Очагов как-то сник.

— Уже скоро год, как нет Алеши. Мать до сих пор не верит, хотя и труп нашли, и группа крови, судя по экспертизе, сходится. Думаете, несчастный случай? — он искоса глянул на меня.

Я не ответил.

— Не сочтите меня за сумасшедшего, но и я тоже не верю. Рогулин посоветовал обратиться к вам. Я взываю к состраданию, у вас тоже два сына. Думаю, что получив этот браслет, вы сами сидите по уши в дерьме. Я не настаиваю, не предлагаю деньги, но если потребуются... Я никогда и никому не расскажу про вашу разборку с Бесом. Глупо связываться с группой, в которой запросто разгуливают огромные белые кошки. Я достаточно начитан и сметлив, чтобы не догадаться, что события, случившиеся в Москве в тридцатые годы, в момент посещения столицы неким Воландом, едва ли можно назвать полным вымыслом. Каждый внимательный читатель уверен, что в той старой истории есть рациональное зерно...

Он неожиданно подмигнул. Я потерял дар речи, он закурил уже прямо в вагоне и, ткнув сигаретой в окно, продолжил.

— Черный кот, белый кот. Чувствуете аналогию? Я же не прошу вернуть мне деньги за осетрину второй свежести. И квартира мне не нужна. Я, конечно, грешен, но не до такой степени, чтобы лишать меня последней надежды.

— Послушайте, давайте рассуждать здраво. Даже если все, что вы рассказали, правда; если в ваших, слишком далеко идущих предположениях есть крупница истины, то где искать вашего сына? В каких краях? В Якутии, где теперь снега повыше головы?

— Но вы же ездите под Калязин на рыбалку и там буквально исчезаете из поля зрения. Может, подледный улов в Якутии будет удачливее? Поездку я оплачу. Как вы не можете понять! Мне бы только узнать о его судьбе! Я ко всему готов. Пусть исчезновение Сережи — это происки нечистой силы, я и на это мракобесие согласен. Только скажите, что с ним случилось? Где его могила? Вы же эксперт!!

— Послушайте, если найден труп, если он идентифицирован, чем я-то могу помочь? У меня даже фотографии вашего сына нет.

— Есть, есть! — всплеснул руками Очагов. — Вот она, можете полюбоваться.

Я поднес снимок поближе, взгляделся...

На меня, эта, с фотографии смотрел Дружок.

Глава 5

Я не сказал ему ни да, ни нет. Попросил фотографию — Очагов охотно вручил мне снимок. Домашние уже спали, я расположился на кухне, поставил перед собой карточку.

Парнишка, эта, стоял в полный рост. Ветровка расстегнута, рубашка в полоску, джинсы. Десятиклассник... Голубоглазый... Взгляд осмысленный...

Ну что, Дружочек? Хозяин вновь достал меня? В тот самый момент, когда мы с Жорой добрались до разгадки свернутого в первичное яйцо Ковчега? Значит, фламатер здесь? В этом теперь не было сомнений. Он снова нанес удар. Не в меня он метил — это было ясно. То есть, не в меня конкретно, а в самое сокровенное, чем живет каждый из нас вне зависимости от гражданства, пола, национальности...

Великие планы строили мы с Властелином меча в отношении Ковчега. Овладей им, обвяжись волшебным поясом, и всякой дряни, терзающей землю, всякой нечисти, прорывающейся из недр Миров Возмездия скоро пришел бы конец. Власть над миром из области преданий, вымысла, стала бы реальной целью. Средством, с помощью которого хранители смогли бы установить на нашей брэнной планете новый порядок, когда бы каждое существо, каждая травинка, букашка, зверек, люди наконец, почувствовали себя частью великой животворящей силы. Владея такой мощью, мы с легкостью защитили бы их от всяких бед, совладали со злом, наметили путь к совершенству. Это была обоюдоострая сила, я отчетливо понимал это. Сколько раз охочие до спасе-

ния человечества слабые людишки пытались построить царство Божие на земле...

Теперь эти рассуждения оказались не более, чем риторика. Человечишко, недоросток, десятикалссник смотрел на меня с любительской фотографии. Он попал в беду, он уже успел однажды умереть у меня на глазах. Теперь мне вновь предлагалась партия, в которой белые вынуждены были сражаться за спасение одной-единственной человеческой жизни, а черные боролись за власть над миром.

Слова, слова, слова!

Я вздохнул...

На следующий день, вечером позвонил Очагову и сообщил, что мне надо взглянуть на картину.

— Пожалуйста, — согласился Очагов. — Жена бережет ее как зеницу ока. Спрятала на всякий случай, чтобы и со мной беды не приключилось. Можно прямо сейчас зайти ко мне.

Жена Виктора Александровича — красивая, молчаливая женщина средних лет — по-видимому, ждала меня. Поздоровавшись, она вопросительно глянула на мужа — тот в ее присутствии как-то сразу обмяк, заулыбался, неопределенно пожал плечами. Сразу было видно, что им было хорошо вдвоем. Втроем, правда, было бы еще лучше... Возможно, тогда из глаз Натальи Павловны исчезла бы пугливая настороженность, с какой она смотрела на меня.

Очагов подвез меня на мой садовый участок — дома я очень редко позволял себе превращаться в волка. Сейчас был именно такой случай — имея дело с подоб-

ным произведением искусства, следовало быть во всеоружии.

Ночь выдалась холодная, ясная. За городом небо вызвездило так, что проселок, прихваченный апрельским заморозком, искрился в невесомом серебристом сиянии. У ворот Виктор Александрович предложил составить мне компанию — мало ли чего, — но я решительно отказался. Пообещал напрочь обесточить дом, быть готовым ко всяким неожиданностям.

Дождавшись, когда вдали стих шум мотора, я выставил картину на стол, перекувырнулся, проверил ясновидящим взглядом — действительно ли Очагов уехал. Убедившись, что на несколько верст в округе я единственное диморфное существо, сел напротив тусклого, едва угадываемого в сумеречной тьме полотна.

Прежде всего меня потянуло в сон — я не стал противиться, и уже в полудреме, когда очертания и контуры предметов начали таять в зыбком сиянии, внезапно всплывшим с шероховатой поверхности картины, лег на лапы, пристально вгляделся в наметившееся во мраке комнаты окно.

Окно в чужое...

Как я очутился на скалистом откосе, у подножия которого грохотал прибор — объяснить не могу. Не моргая долго, как способен только хищный зверь, я взирал на полотно, обрамленное деревянными крашенными рейками. Стоило только на мгновение смежить веки — и я вмиг очутился на покатам, обильно поросшем подобием колючей проволоки лугу. Травяной наст здесь был ровен, упруг, все растеньица переплетались по многу раз. Корешков было видимо-невидимо.

Это был жуткий мир, где растительности было хоть отбавляй, а животный мир до предела беден, разве что в океане, свободно омывающем обширные острова-континенты, часто разбросанные по поверхности планеты, плодились какие-то ужасные исполинские существа. Здесь даже в тяжелом пахучем воздухе сказывалась какая-то ущербность, присущая этой планете, где два раза в год грохотали невообразимой силы ураганы, и, чтобы выжить, удержаться на свету, каждой былинке необходимо было обзавестись колючками, укрепить стебель, накрепко вцепиться, в бурную, обильную солями железа почву. Все равно после сезона бурь растительность и верхний плодородный слой срывало на миллионах квадратных километрах и уносило в океан, который тысячами пережаривал эту несъедобную пищу.

Свет в чужом краю был иной, чем на Земле. Давящий, пронизывающий... Светило огромных размеров висело ощутимо близко. Казалось, до него можно достать рукой. Также надоедлив был шум прибоя. В воздухе никаких запахов вкусной мясной живности — резкий запах моря перебивал все другие ароматы. Я было решил подскочить к кромке обрыва, однако знакомство с фламатером приучило меня сохранять выдержку. Прежде всего я точно определился по солнцу — одна из секций наручного браслета, плотно обхватившего лапу, теперь заметно посвечивала. На циферблате сами собой пошли стрелки. Теперь я был уверен, что всегда смогу отыскать место прорыва. Прямо передо мной темнел небольшой прямоугольник — судя по прежним техпроцессам ди по телепортации мне необходимо было расположиться прямо перед ним, произнести не-

сколько мнемонических заклинаний... Конечно, все эти операции подростку оказались не под силу. С какой же целью синклит заманил его на эту планету? Или со стороны мальчишки это была всего лишь шалость, попытка проникнуть в тайну светящейся и оживающей картины? Сколько их, пропадающих без вести на Земле? Более десятка тысяч случаев ежегодно. К тому же на пепелище был найден обгорелый труп, экспертиза установила, что это Сергей Очагов. Какую же помощь я теперь мог ему оказать? Как мне отыскать на этих равнинах тот предмет, в котором уместилось сознание земного мальчика? Кто, кроме фламатера, может помочь в этом случае?

На следующий день я отправился к Евгению Михайловичу. Тот сразу принялся названивать Веронике и Георгию, потом вызвал Василь Васильевича. Исчезновение человека — это было серьезно. Это могло вызвать непредвиденные дипломатические осложнения. Какие, не могу сказать — Неволин и Дороти долго спорили между собой по поводу каких-то специальных, недоступных моему пониманию деталей. Использовали юридические термины, упоминали о Галактическом сонме, о принципе наименьшего вмешательства, о Светлых мирах, законах Ману, заветах протолюдей... Наконец было решено в связи с открывшимися обстоятельствами еще раз провести детальную разведку на месте и с этой целью отправить в Якутию нашу золотую четверку. Особая миссия возлагалась на Василь Васильевича, кто лучше любого из нас был способен видеть на семь верст и семь пядей под землей, улавливать шоро-

хи времени, ощущать следы былого. Первым делом лешак должен был установить сам факт гибели подростка, и только затем отправляться в Якутию. В Оймяконе нашей группе необходимо было связаться с местным хранителем Прокопием Егоровичем Спиридоновым. Его тоже необходимо ввести в курс дела.

К тому моменту, когда мы отправились на восток, фавн точно выяснил, что человек, погибший на пожаре, безусловно подросток Сергей Очагов, и если бы не странная картина, которую я передал Неволину на хранение, необходимость в нашей экспедиции отпала. Картина вырисовывалась такая: пожар, по мнению Василь Васильевича, возник уже после того, как подросток был лишен разума. Другими словами, у парнишка неизвестным способом в доли секунды было высосано сознание и переброшено в тот странный, неведомый мир. Без вмешательства фламатера это невозможно, поэтому сонм дал добро на детальное обследование места слияния Сейкимняна и Брюнгаде.

Из Якутска Дороти авиарейсом отправилась в поселок Томпо, находившийся примерно в трехстах километрах от аномальной зоны. Ближе к Джормину ей пока приближаться не следовало. Местом моего пребывания была выбрана Усть-Нера. Это тоже в нескольких сотнях километров от заповедной долины. Георгий, Василь Васильевич самолетом долетели до Оймякона. Отсюда до северного отрога хребта Сунтар было не более ста пятидесяти километров, таким образом район поисков был взят в треугольник, что позволяло наладить устойчивую ментальную связь между всеми участниками

экспедиции и в то же время не пропустить любой необычный всплеск активности в среднем течении Брюнгаде.

В Усть-Нере я устроился в бревенчатой одноэтажной гостинице, в номере, где, кроме моей, стояло еще три койки. Правда, жил я один — других постояльцев не было. Из низкого оконца открывался вид на необъятное снежное поле, под которым корчилась могучая Индигирка. За рекой, на противоположном берегу, искрились округлые сопки. Снега до сих пор лежали нетронуты, разве что в полдень начинала звучно позванивать капель и в безветренные дни на улице ощутимо припахивало сладковатой прелью.

Историю свою Усть-Нера ведет с тридцатых годов. В то время здесь были построены обширные лагеря, которые обслуживали расположенные поблизости золотые прииски. До сих пор по окраинам поселка, где кучковались полуразрушенные бараки, можно было ходить только по протоптанным дорожкам. Повсюду были раскиданы витки колючей проволоки, спирали Бруно, которые намертво вцеплялись в штанину повыше голенища сапога и не давали возможности шагу ступить. Поселок был деревянный, только в последние три десятка лет здесь появились двух— и трехэтажные блочные дома. Выглядели они жалко, напоминали скорее склады или те же бараки, чем жилища. Трубы, снабжавшие дома теплом и водой, как и везде на севере, были проложены над землей, тротуары тоже были приподняты на случай разлива Индигирки. И конечно — так всегда бывает в подобных поселениях — посреди Усть-Неры возвышался огромный дворец культуры. Античный портик

прикрывался от неприглядного окружающего вида двумя рядами высоченных колонн. Здание было настолько велико, что в зале разом могло поместиться все население поселка и аэропорта, расположенного в нескольких километрах вверх по течению, на противоположном берегу реки.

В нынешнюю пору дворец умирал — от его широких темных, бельмастых окон веяло кладбищенским холодом. Поселок пустел на глазах — все, кто имели возможность, давным-давно покинули этот брошенный на произвол судьбы край. Сюда давно уже не привозили фильмы, однако мне повезло — на том же самолете, на котором я прилетел в Усть-Неру, была доставлена долгожданная лента. Делать было нечего, от моих товарищей ни слуху, ни духу, и я отправился на поздний сеанс.

Явился задолго до начала — надоело сидеть в гостинице и смотреть на покрытую льдом Индигирку. Я оказался один-одинешенек в огромном, пустом, скудно освещенном фойе — единственный плафон горел на стене. Батареи отопления едва теплились. На стенах фотографии знаменитых когда-то киноактеров, передовиков золотодобычи десятилетней давности. Потом решил подняться на второй этаж. Здесь, в широком холле, была размещена экспозиция, посвященная истории поселка. В конце коридора дверь, на которой висела вывеска «Картинная галерея».

Не знаю, что толкнуло меня переступить порог. Передо мной открылся просторный полутемный зал, где по стенам были развешаны копии картин известных советских мастеров, а также работы местных художников.

Исключительно портреты знатных людей района. Ни одного пейзажа!.. Удивительно, откуда такая нелюбовь к природе?

— Это только часть экспозиции, — позади меня раздался голос.

Я обернулся.

Невысокая старушка с истончившимся седеньким узелком волос на затылке, кутавшаяся в пуховый платок, стояла в дверях.

Я подошел ближе, поздоровался, поинтересовался.

— Где же вы храните свои главные сокровища?

— В запаснике. Здесь, в подвале здания. Вы не подумайте, там сухо, ровная температура. Идеальные условия. Если желаете познакомиться, приходите завтра. Скажем, часа в четыре...

Внизу прозвенел звонок, созывающий зрителей в зал. Это было так трогательно. Как в старые добрые времена... Я спустился в фойе. Сразу стало грустно — зрителей оказалось не более десятка человек. Так мы и сидели в пустом зале — все по разным углам. Фильм был скучный, скоро веки у меня смежились, я невольно задремал. Проснулся от того, что какой-то старик с запоминающимся изможденным лицом подергивал меня за плечо. Был он в полушубке, на голове местами стертая до лысины шапка. Я удивленно глянул на старика.

— Все, больше кина не будет. Прошу на выход, — сказал тот.

Я последовал за ним, потом, вспомнив, что делать в гостинице все равно нечего, спросил:

— Я разговаривал с вашей заведующей. Она разрешила мне посмотреть картины в запаснике. Нельзя ли сейчас пройти туда?

Он подозрительно глянул на меня и спросил.

— На ночь глядя?

Я пожал плечами и поинтересовался.

— Как насчет бутылки?

— Об чем разговор!

— Прошу.

Мы миновали фойе — шаги звонко, с гулким протяжным подпевом разносились в опустевшем холодном доме. В подсобке, предназначенной для отдыха вахтеров, он снял с доски ключ и отдал мне.

— Направо и вниз по лестнице. Как войдете, выключатель слева, возле двери. Будете уходить, повесьте ключ на крючок.

Я направился в указанном направлении и в этот момент сторож окликнул меня.

— Вы там осторожнее...

— А в чем дело? — спросил я.

— Картины эти. Которые спрятаны в хранилище. Они, эта... Шевелятся.

Глава 6

Озноб прошиб меня, когда, спустившись по лестнице, я отворил дверь и оказался в просторном помещении с низким потолком, тесно и в беспорядке заставленном поблекшими театральными декорациями. На стеллажах вдоль стен были свалены образцы народного творчества: вышивки, вырезанные из дерева панно с

серпами и молотами, модели парусников, современных боевых кораблей, самолетов, золотодобывающих драг, портреты из крашеной соломки. У ступенек, лицом к двери, располагалась трибуна с гербом. Этим ораторским атрибутом, по-видимому, еще пользовались... За трибуной висели театральные задники — на одном из них грубо и ярко была намалевана дворянская усадьба, перед ней пруд, по берегу которого гуляли наряженные в вечерние костюмы господ. Женщины держали в руках зонтики, подбитые кружевами.

Слева от декорации были свалены ряды стульев, прикрытые огромным холстом, на котором сияло солнце, встающее над горами. Пятно лунного света, проникающего в хранилище сквозь зарешеченные, наполовину врытые в грунт окна, лежало на раскрашенном золотом круге.

Я включил электрическое освещение. Запылившаяся лампочка сначала испуганно замигала, потом кое-как приноровилась к исполнению давным-давно забытых обязанностей и с трудом раздвинула застоявшиеся по углам потемки. Мне так и не удалось разбудить их.

Обходя декорации, сломанные стулья, столы, какие-то непонятные механизмы, я двинулся по извилистому проходу. Добрался до дальней стены — здесь тоже обнаружилась дверь. Подергал за ручку — створка даже не стронулась с места. Постоял, огляделся — во круг ничего похожего на рамы или скрученные в трубки холсты. В подвале было холодно, дышать трудно, пыль забивалась в ноздри, слепила глаза. Глядя на этот могильник прежних светлых лет, я ничего, кроме тоски и брезгливости, не испытывал. Прежним путем, стараясь

ступать след в след, направился к выходу. Щелкнул выключателем, напоследок оглянулся. Лунное сияние пятнами лежала на фанерных, раскрашенных деревьях, останках сценической мебели, рядах списанных стульев. Дальняя стена терялась в полутьме. В этот момент мое внимание привлек тончайший зеленоватый лучик света. словно кто-то веселый, жизнерадостный, окликнул меня на кладбище в полночь. Свет выбивался из-за груды наваленного тряпья. Я направился в ту сторону, опять прошел след в след. Как фронтовой разведчик... Скинул истлевшие театральные наряды — сияние угасло. Вокруг все та же помесь застоявшейся сытой тьмы и зыбкого лунного света. Вдруг прямо в лицо ударило розоватое весеннее сияние, тут же ослабло, перелилось в изумрудную, окрашенную золотом волну. Затем наступил черед бирюзовым тонам. Где-то рядом работал телевизор? Демонстрировали фильм? В подвале? В полной тишине?! Я затаил дыхание, ощупал волшебный пояс. У меня появилось неудержимое желание перекувырнуться в этом забитом хламом складе.

Радужное свечение выбивалось из-за двери. Я судорожно вцепился в ручку, подергал ее вверх-вниз. Наконец вспомнил о ключе. Вставив флажок в скважину, заставил себя успокоиться, насторожиться. Сделал два оборота... Дверь скрипнула, подалась. Я плечом отодвинул створку, заглянул внутрь.

Небольшая комнатуха была залита лунным сиянием, свободно лившимся в полуподвальное окно. Никаких других источников света здесь не было. Я опешил, потом догадался — спешить не надо. Следует иметь

терпение. Как только легкая тучка накрыла месяц, в комнате вновь запылало изобилие света.

Картины стояли лицом к стене. Много картин... Большинство в резных, выкрашенных бронзовой краской рамах. Я принялся перебирать их. Копия, копия, опять копия, теперь передовик с искаженно-выпячивающимся орденом на груди. Еще одна копия, темная, невыразительная. Наконец вот она, картина, излучающая свет... Я вытащил ее, водрузил на груду составленных к стене полотен.

На переднем плане два поросших лесом холма, одна вершина как бы выплывает из-за другой. За ними, во всю ширь, море. Огромное, ощутимо слепящее солнце встает над водной гладью. Каменистый проселок, огибающий подножие ближайшего холма искрился в его лучах. По проселку движется обоз — мужики везут на телегах свежеспиленные бревна, огромные, в пять обхватов, шляпки грибов.

Я долго вглядывался в картину. Что-то здесь было не так. Ага, вершины вековых сосен чуть покачивались!.. Шевеление было едва заметно, но чем дальше тем быстрее оно набирало силу. По морю побежали белоснежные барашки, ветерок поднял пыль на дороге...

Теперь нельзя спешить — я это понял сразу, до холода в груди. До остановки дыхания... На этот раз у меня не было права на ошибку. Тайной тропой я добрался до распутия, теперь следовало хорошенько взвесить, на какую из трех дорог ступить. В то мгновение с ошарашивающе пронзительной ясностью я увидел свое будущее. Код моей человеческой судьбы был зашифрован во время оно, в первое мгновение рождения все-

ленной. Даже если я угадаю верный путь, даже если сумею одолеть фламатер и овладеть молодильными яблочками, сапогами-скороходами или ковром самолетом, не миновать мне гибели. Теперь неизвестность для меня ограничивалась простеньким вопросом — хватит ли на свете живой воды, чтобы вернуть меня к жизни? Во время ли подоспеет подмога? Это прозрение было как ноша, которую ни скинуть, ни перебросить на другие плечи нельзя. Можно, конечно, застыть и не двигаться с места, но, как известно, на белом свете нет абсолютного покоя. Раньше или позже кто-то или что-то обязательно столкнется с тобой. Я был свободен, но у меня не было выбора. Так и так мертву быть.

Мельком я просмотрел остальные полотна. Вот награждение победителей конкурса по выдавливанию зубной пасты из тюбика. За ним пейзаж с двумя светилами. И наконец передо мной открылся берег Джормина — стремительный поток, за ним волшебная гора, укрывшая пришельца. Лось припавший к воде, ивняк, ниже по течению хилый лиственничный лесок. В лицо пахло речной свежестью...

На сегодня достаточно. Завтра я вернусь сюда во всеоружии. Мне должно хватить времени, чтобы связаться с Каллиопой.

На следующий день, поздним вечером, с бутылкой, я вновь появился во дворце культуры. Сторож-старик все в том же драном полушубке сидел у входа за голым столом. Я поставил перед ним бутылку — вчерашний должок. Старик угрюмо глянул на меня.

— Что это? Зачем?.. — изумился он.

— Согласно уговора, — ответил я.

— И-эх, молодежь! Московский, сытый... Зачем мне эта отравка? Я водку уже сколько лет не употреблял, нутро не позволяет, — он сделал паузу, потом, уже более спокойно продолжил. — Вы в поселковом магазине цены видели? А нам знаете, сколько платят? С утра поешь хлебушка, и до вечера терпи. К тому же ни зарплату, ни пенсию третий месяц не привозят. Картошка, огурчики, яблочки у нас здесь не растут, а вы, значит, меня водкой решили порадовать. Я же фигурально, в денежном исчислении имел в виду.

Меня насквозь пронзило ощущение голода, который год преследующее старика. Его иссохшие внутренности требовали обильной, диетической пищи. Куриного мяса, каш, овощей, фруктов. Творожка, наконец, который в местном магазине был на вес золота.

— Прости, отец! — ответил я. — Сейчас все будет. Все, что у меня есть. Пусть это будет праздничный заказ к первомайскому празднику...

Я принес ему хлеб, тушенку, чай, сахар, положил деньги. Он только рукой махнул — бери, мол, ключ.

Я поспешил в подвал. Никто не мог сказать, сколько часов мне придется провести в хранилище. Конечно, желательно было дожидаться приезда Дороти, она бы с большей основательностью изучила картины, составила опись, мысленным взором проникла в историю их появления, однако времени у нас не было — сегодня вечером Каллиопа должна прибыть в Оймякон и не позднее завтрашнего утра наша группа высадится на берегу Джормина. Вертолет уже был заказан... Они на месте займутся поисками таинственного пришельца. Теперь,

после обнаружения картин, положение радикально изменилось. Теперь перед нами лежал ясно очерченный след, он должен был привести нас к фламатеру, желает он того или нет. Мне было предписано исполнять роль диспетчера и наводить их на цель из подвала поселкового клуба. Как, я пока не мог сообразить и тем не менее верил в успех. Чутье редко подводило меня — мы прочно сели фламатеру на хвост. Вцепились намертво... Теперь главное не спугнуть, не дать возможность пришельцу вновь сменить систему координат. То есть, исчезнуть и похоронить тайну исчезновения Сергея Очагова.

До полуночи я расставлял картины вдоль стен. Сначала у меня дух захватило от их новизны, непривычного колорита. Даже если рукой Очагова водила неземная сила, все равно в деталях он добивался поразительного эффекта жизнеподобия. К сожалению, у меня не было времени обстоятельно рассматривать на глазах оживающие, далекие миры, где царствовали два светила — одно гигантское, голубовато-белое, другое густозолотое, в рыжинку. Мельком оглядел я и толпу грациозных ящерок, собравшихся на вершине полого, поросшего стелющейся растительностью холма. Они с ожиданием и мольбой взирали на эти солнца. Бросил мимолетный взор на попыхивающих самокрутками мужиков, возвращающихся домой с богатой грибной добычей. На странную тварь с отверстым ртом, гримасничающую и то и дело указывающую на храм, упершийся крестом в фиолетовое небо...

Другой сюжет занимал меня в те минуты. Наконец я добрался до него. Все, как рассказывал Очагов — жаркий июльский день, невесомое, округлое небо, все вокруг полнится солнечным светом. Сопки нежатся, деревца питаются теплом. Лось вышел на водопой, щурится на солнышко. Ветерок прилег. Волшебная гора с надвинутым на вершину подобием колпака, как бы оставившая строй своих старших пышнотелых собратьев и сбежавшая к воде....

Я не удержался и пощупал холст. Сомнений не было, ладонь коснулась бугристой закрашенной поверхности. В этот момент мой взгляд невольно упал на звездные часы — циферблаты на наручном браслете внезапно ожили, бешено завертелись стрелки, начали пульсировать надписи. Что-то творилось со временем. Оно пустилось вскачь? Или хуже того — произошло смешение времен. Следом страшная тяжесть навалилась на меня, я едва не потерял сознание. Закрыв глаза — сразу стало легче. На ощупь принялся осторожно укладывать картины лицевой стороной вниз. Работал по памяти, ориентировался с помощью внутреннего зрения, по всполохам света, бушевавшего в невысокой камере. Наконец мне удалось унять оживающие изображения. Теперь можно перевести дух. Как я сразу не сообразил, что их вряд ли можно было назвать картинами. Рамы ограничивали не холсты, а окна.

Окна в другое!

И в каждом из них время текло по-своему.

Каково было оказаться в невзрачной, наполненной призрачным светом камере, в которой один из оконных проемов выходит на лужайку, где награждают по-

бедителей самого идиотского конкурса на свете, другой открывает панораму на причудливую спину рыбы-кита. В третьем светили два солнца. В четвертом одно, но какое! Половину небосвода занимал ослепительный, приплюснутый, иссиня белый диск. Стоило обернуться, и взор наткнулся на орду грациозных ящерок.

Меня так и подмывало подойти поближе, задрать штанину, перелезть через какой-нибудь подоконник и очутиться там, куда Макар телят не гонял.

Я осторожно открыл глаза. Передо мной предстали изнанки выставленных холстов. На одном из них четко различалась подпись Очагова. На других автографы были смазанными. Успокоились и циферблаты звездных часов. Я коротко выругался — не хватало напортачить в решительную минуту! За этими картинами нужен глаз да глаз. Не спеши, попытайся мысленно связаться с Каллиопой. Они, наверное, уже вылетели на место. Вот и займись тем, о чем вы договорились.

Я выставил изображение окрестностей таинственной сопки. Усилием воли увеличил масштаб центрального участка полотна. Могу поклясться, картина ничего, кроме слоя красок, не представляла. Да, изобилие света, фигура лося выписана с удивительной точностью. При большом желании можно заметить, как струится вода в Джормине, однако никаких примет фламатера. Никаких следов той жутковатой червоточки, что проела нутро таинственной горы. Я пересаживался и так, и этак, переставлял полотно с места на место. Все напрасно!

Прежде всего успокойся. У меня есть несколько часов. Потрать их с пользой.

В этот момент глухой, едва различимый гул долетел до меня. Скорее тарахтенье... Я прислушался. Может, это снаружи? В аэропорту, кружа на Усть-Нерой, садилась «аннушка»? Нет, судя по звуку мотора, это вертолет... Я решительно распахнул окно, завешенное металлической сеткой. Полной грудью вдохнул морозный воздух — сразу прибавилось бодрости, прояснился рассудок. Уже светало, на небосводе гасли звезды, вдали очертился гористый горизонт. Однако на воздухе я перестал различать звуки работающего мотора. Значит, галлюцинация рождалась в запаснике? Я прикрыл окно и теперь уже явственно ощутил далекий постукивающий гул винтокрылой машины. Тут же, рывком, повернулся к пейзажу, бросил взгляд на волшебную гору. Так и есть — в небе уже было можно различить пятнышко, напоминающее гигантскую стрекозу.

Я прислонил картину к стене, выровнял ее. Сам устроился на единственном стуле как раз по центру. «В фокусе...» — мимолетно уточнил про себя. Погрузился в созерцание. Если мне удалось приметить летящий вертолет, то и полное изображение, соответствующее не только нашим, но и каким-то запредельным измерениям, рано или поздно должно была открыться передо мной.

...Недра сопки обнажались с трудом. Что-то отчаянно препятствовало мысленному взору проникать в толщу горы, тем не менее шаг за шагом я погружался в скальные породы. Скоро открылись заиндевелые подземелья, вырезанные в камне туннели, наконец очертилась какая-то темная прямоугольная полость — по видимому, это был мой отсек. Далее пришлось прило-

жить усилия, чтобы обнаружить оба шлюза: на склоне и в колпаке, надвинутым на вершину.

Между тем вертолет уже успел приземлиться на речной долине. Пассажиры не спеша выбирались из его нутра. Знакомые все лица! Георгий в покрытой брезентом шубе и унтах, Василь Васильевич в своем вечном кожаном пальто — уши лешак прикрыл подушечками. И Дороти здесь.

Хорошо, что Очагова оставили в Оймяконе.

Спустя несколько минут после отлета винтокрылой машины — как раз в то мгновение, когда она скрылась за горизонтом, — до меня долетел зов Каллиопы. Больших усилий потребовал у меня ответ. Я указал им на приметное деревцо на южном склоне, возле которого должен располагаться вход, прикрытый толстенной металлической плитой.

Удивительно, на картине сквозь июльскую зелень все резче и отчетливей начинали проступать апрельские снега, длинные узкие проталины. Блеклое летнее небо вдруг обернулось сияющей весенней синью. Деревце на склоне принялось поигрывать — то сбросит листву, то оголится. Изображение плавно перетекало из одного времени года в другое. Внезапно я увидел оба состояния природы одновременно. В этот момент мне удалось разглядеть в утробе горы черный овальный плод. Он просматривался с трудом; вглубь, в древние граниты, от него уходила тонкая пуповина. Подземные ходы, по которым мне когда-то довелось расхаживать, обнимали непонятное образование, которое никак невозможно было признать за космический корабль. Разве что фламатер свернулся в исходное яйцо. Каким же об-

разом звездолет извергал из себя койс, биороботов, прочую техническую чертовщину? Ну, это второй вопрос! Главное — фламатер был на месте, и я добрался до него. Это внушало оптимизм.

Наконец снега одолели летнюю теплынь, изображенную на полотне — берега Джормина оделись в свежайшей белизны покров. Удивительная раздвоенность исчезла. Что же представляла из себя эта картина? Что это за художественное изображение, способное отражать смену времен года?

Я не успел обдумать этот вопрос, как из-за ближайшей седловины начало напоздать подсвеченное изнутри, желтое с прозеленью облако. Спустя несколько минут оно начало расслаиваться, свиваться в гирлянду покрытых слезящимися ячеистыми оболочками шаров.

Шары вращались, натыкались друг на друга, ежесекундно меняли размеры, наконец, начали обрастать перепончатыми крыльями. Комковатая нечисть принялась вытягиваться, россыпь мелких пузырчатых выпуклостей постепенно превратилась в крючковатые загогулины. Это же когти! Следом на фоне белого снега образовалась вытянутая, с длинными усами, змеиная голова. Она с натугой харкнула — из пасти вывалился сгусток пламени, который тут же, коснувшись снега, с шипением угас.

Исполинский дракон оседлал седловину хребта, подошву которого огибал Джормин. Чудовище, собравшись с силами, рыгнуло — длинный язык пламени протянулся к людям, застывшим посередине речной долины. Они сразу попадали в снег. Дракон сделал шаг в их направлении, неуклюже перевалил через седлови-

ну — чешуйчатый хвост тянулся за ним — вновь дохнул огнем. Сразу запылали прибрежные заросли, от закрашенной поверхности картины ощутимо пахнуло жаром и смрадом. Царевич Георгий, махонький, с ноготок, поднялся, в руках у него блеснуло лезвие волшебного меча.

Я не верил глазам — все происходившее напоминало рисованную иллюстрацию, сцену из детского фильма... Для полноты впечатления не хватало только музыкального сопровождения — чего-нибудь звучно-героического, бравурного. Фанфар наконец.

Георгий между тем укрупнился до своей сказочной величины, меч его достал небольшое перистое облачко. Рассек его... Царевич, ломая ногами лед, сокрушая ивняк, двинулся навстречу дракону. В этот момент до меня донеслись едва слышимые аккорды. Я прислушался — это же марш дальней бомбардировочной авиации нацистской Германии. Полет валькирий!.. Бой с драконом все отчетливее обретал признаки театральной постановки. Инопланетный режиссер упустил только одну деталь — у рыцаря не было коня. Этим скакуном всегда был я. Теперь царевичу предстояло сражаться пешим.

Что-то во всей кутерьме было не так. Зачем музыка? Неужели фламатер даже на таком расстоянии способен улавливать мои мысли? Он и теперь руководствуется ими, спасаясь от прибывших на вертолете загонщиков? Облава приближается к закономерному концу? Еще несколько минут и стрелки-хранители, спрятанные в засаде, откроют огонь? Это будет последний бой фламатера? Тогда синклит ди выбрал неверную тактику. За каких же варваров он нас принимает, если

решил утратить людей драконовой ипостасью! То ли дело танковая атака! Раздавить их гусеницами!..

В следующее мгновение очертания дракона дрогнули, смазались. Его тело вновь распалось на шары, которые резво раскатились по заснеженному склону. Внезапно обзавелись гусеницами, орудийными башнями, ощерились дулами пушек. Сходство с «тиграми» было потрясающим. Более того, в разворачивающемся для атаки строю нашлось место и тридцатьчетверкам, и Т-70-ым.

Меня трясло как в лихорадке, я не мог справиться с нахлынувшим торжествующим ликованием. Танки — это пустяки. Даешь боевые роботы! Гусеничные машины на мгновение остановились, начали подрастать, облекаться в уродливые человеческие формы, обзаводиться конечностями. Вот первый механический монстр задрал правую лапу — оттуда ударил лазерный луч, выжег пятно на снегу.

Между тем я различил, как гневно исказилось лицо Каллиопы. Она приняла божественный вид, взмахнула рукой. Ужас пробрал меня — здесь, в окрестностях Джормина, ей был подвластен каждый камешек, каждая струйка воды. Каждый корешок, семя, веточка... Я вмиг прозрел — она была готова на все и, сообразуясь с передаваемыми мной ментальными картинками, была способна в мгновение ока покончить с фламатером. Стоило прервать пуповину, связывающую яйцо с утопленным в гранитные слои ядерным реактором, и пришельцы будут обречены. В этом смысле было достаточно небольшого локального сотрясения почвы, смещения подстилающих пород...

Волна тоски накатила на меня, неподдельной, презирающей слова. Мне было знакомо подобное состояние — я испытал его в темные глухие ночи, когда чьи-то кошмарные, прерывистые сны бродили по заиндевевшим подземным коридорам. Я улавливал их обрывки, искал в них ответы на глупейшие вопросы, на которые был способен мой опрошенный рассудок, пытавшийся докопаться до «истины».

Истина была совсем рядом, просто в нее было трудно поверить, поверить себе, своим ощущениям, древнему началу, которое было заложено в нас. Я имел дело с одряхлевшим до предела существом. Шесть с половиной миллионов лет не шутка даже для подобного могучего организма. Ему давным-давно следовало отправиться на покой, перестать менять ипостаси, обзавестись сподручной для подобного возраста внешностью, поселиться в уютном домике, ковыряться в саду, похваливаться перед соседями урожаем каких-либо диких фруктов. Посещать встречи ветеранов, на досуге заняться мемуарами, время от времени перезваниваться с капитаном, знахаркой, начальником вооружений, спорить с библиографом.

Вместо этого фламатер и синклит до сих пор находились в строю. Даже теперь, когда очевидной стала угроза их уничтожения или, что еще страшнее, захвата плоти изнывающими под бременем молодости и энергии дикарями, они не могли покинуть окоп. Фламатер из последних сил отбивался от нас, насылал пугающие картинки, прятал шифровальные коды, технические диковинки, крал людей — пытался сохранить верность

присяге. Он не имел права живым попасть нам в руки! Кто знает, что еще предпримут эти ненасытные варвары? На какую хитрость они способны. Он уже приготовился к смерти, потому что самым страшным наказанием для него был плен. Этого унижения он не мог перенести...

Каллиопа уже вовсю начала размахивать волшебной палочкой, вычерчивать в морозном воздухе магические фигуры. Я с замиранием сердца наблюдал за ней. Еще несколько мгновений — и ветеран в недрах горы сколлапсирует, сожмется в безжизненное пупырчатое ядрышко. Это было так унижительно — бессмысленно погубить старика. Не в состоянии справиться с собой я бросился к картине...

Крашенная поверхность расступилась. Лопнула на миг затуманившая глаза пленка. Я обнаружил себя на вершине волшебной горы, уже в волчьей шкуре. Взревел так, что люди внизу на снежном поле опять попадали. Каллиопа замерла — гора подо мной уже ощутимо тряслась.

— Остановитесь! Цечешище, сомкнись!..

В ту же секунду боевые роботы обернулись россыпью слизистых, едва перекатывающихся по снегу шаров. Кое-как они слепились в цельную структуру, затем в подобие бесцветного облака, которое в конце концов обрело очертания человеческой фигуры. Контур медленно, с трудом переставляя ноги, побрел по снегу в сторону сопки.

Я скакнул с площадки. В несколько прыжков одолел расстояние до людей, здесь внезапно перекувыр-

нулся, вновь обрел человеческий образ, замахал руками на Каллиопу.

— Все, хватит! Они здесь! Георгий, убери меч, все закончилось.

Потом мы развели костер, и я подробно рассказал им о найденных картинах. Фламатер между тем помалкивал. Я настоял, что пока его не следует тревожить. Ваша задача — добраться до Усть-Неры, забрать полотна и вернуть их Очагову. Для этого необходимо выйти на заведующую клубом и сторожа...

Скоро прилетел вертолет, я спрятался в кустах, чтобы не вводить в оторопь пилотов — каким образом в тайге обнаружился еще один пассажир? Каллиопа предлагала заморозить летчиков — они, мол, ничего не заметят. Будут смотреть на тебя, как на пустое место. Я засмеялся — не бери на себя слишком много, Каллиопушка, не считай других слепцами. Зачем тревожить покой честных людей? Зачем смущать их чудесами?

— А как же ты доберешься до Усть-Неры? — поинтересовался Георгий. — Вообще, как ты оказался здесь?

— Это долгая история. Как-нибудь на досуге я расскажу тебе. А может, раньше...

Как только они улетели, началась пурга. Фламатер по-прежнему помалкивал — видно, сначала решил замести следы. Когда я уже окончательно озяб, черная тень мелькнула в вечернем небосводе. Бесшумно скользнула к подножию скалистого мыска, легла на обнажившийся лед. Я загасил разведенный костерок и нырнул в образовавшееся отверстие. Прошелся по рубке — знакомому до слез, в половину овала помещению, которое даже на первый взгляд казалось значительно

просторней, чем весь койс. Ни единой кнопки, никаких клавиш, мигающих сигнальных лампочек — я не говорю уже о рычагах, педалях, рычагах — здесь не было. Никакого привычного пульта управления. В стене — прозрачный, с округлыми краями экран. Это сероватое обширное пятно могло перемещаться по всей длине окружности и давало возможность наблюдать за любым сектором внешнего пространства и в любом масштабе. К тому же оно одновременно являлось и демонстрационным полем для навигационных схем, чертежей, схем, диаграмм. Нижняя грань экрана граничила с полом — это изменение было сделано по моей просьбе. Я испытывал удивительные ощущения, когда, устроившись в кресле, разглядывал звезды под ногами... Теперь насчет кресла — оно, как собачонка, бегало за хозяином. Его можно было подзвать мысленно или поманить пальцем. Оно именно бегало — перебирало ножками, а не подкатывало. Цвета в рубке были теперь другие — что-то среднее между темной сиренью и теплым фиолетом. Управление осуществлялось с помощью мысленных команд, либо голосом. В большинстве случаев решения принимались после взаимного обсуждения с койсом. Он рассчитывал варианты, из которых выбирался наиболее приемлемый, причем — я был уверен в этом! — иерархия в этом вопросе соблюдалась строжайшим образом. При определенных обстоятельствах никаких словопрений не допускалось и более высокий, чем «вернослужащий» чин, мог обращаться с койсом, как с бездушным механизмом. Для этого существовала особая система паролей и мысленных команд. Подобные властные полномочия мне никогда не передавались.

Мне и в голову не приходило их потребовать — я просто не был готов управлять такой разумной машиной, как «Быстролетный». Может, поэтому мы с ним так близко и сошлись. Мне пришлось по сердцу его незамысловатая жизненная логика, опытом он обладал колоссальным, много рассказывал о прошлом Земли. О тех временах, когда сутки на Земле составляли шесть часов, и планетарная ось указывала на другие созвездия, очень далекие от Малой Медведицы. Географические полюса занимали тогда иное положение, а магнитные с тех пор несколько раз успели поменяться местами. По его рассказам выходило, что это была совсем другая, совершенно неизвестная и чуждая нам планета.

У «Быстролетного» были свои причуды — например, ему очень льстило, что мне сразу удавалось определить, когда его вещающим устройством бесцеремонно завладевал кто-нибудь из членов синклита. Определив, что собеседник сменился, я тоже менял тон.

С койсом мы сдружились...

Он даже позволил посадить в рубке земное растение. Как-то я обмолвился — как тоскливо в твоём, «Быстролетный», жестяном нутре! Металл да керамика и эта вязкая взвесь... Однажды я предложил ему — давай заведем какую-нибудь простенькую биомассу. Например, ката?.. Мне по душе эти мелкие пушистые зверьки. Не то, что псы поганые, лизоблюды...

Вернослужащий с неделю обдумывал мою просьбу, потом отказал. Что я буду с ним делать, загнусавил он, когда возникнет необходимость свернуться в исходную оболочку? Начнет у меня в утробе гадить... Мне бы что-нибудь сельскохозяйственное, цветущее... Эта идея

увлекла нас, выбор мы остановили на разновидности шиповника — китайской розе. Растение неприхотливое, цветет обильно и постоянно. Приживить росток я упростил Каллиопу. Та в парадном одеянии — диадема на убранных золотых волосах, волшебный жезл в руке, тело обнажено — вошла в рубку и поколдовала над черенком. Койс был в полном восторге. Цветок прижился, пустил корни. Под надзором «Быстролетного» цвел постоянно. Вот и сейчас растение было усыпано большими алыми бутонами.

Золотое было время, девственное... Оно вернулось? В это было трудно поверить. Я стал другим — не было уже того чувства новизны, подсознательного страха, который я испытал в таежном поселке, когда меня с налету окружили биокопии, когда впервые оказался в недрах горы. Теперь уже и биокопии не те, они многому научились, обзавелись документами. Слышишь, флам, теперь она вряд ли согласится служить говорящим инструментом. Впрочем, я тоже. Слышишь, флам?

Я сидел в кресле, наблюдал как в звездном небе время от времени промелькивали следы выгорающих метеоритов. Койс по собственной инициативе выискивал их в воздушных далях и выводил на экран. Белесые искрящиеся отрезки во всех направлениях черкали темный полог неба. Это было грустное зрелище — теперь я с полным основанием мог применить это слово к состоянию наших душ. Мы оба испытывали легкую печаль по поводу безвременно погибавших небесных тел. В этом ощущении мы были едины.

Теперь все пойдет по-другому, не так ли, флам? На основе писанных законов, в духе дружбы и сотрудничества...

— Ах, — воскликнула знахарка ди, — как вы любите все усложнять! — Голос ее чуть дрогнул, потом зазвучал томно, нараспев. — Мы до сих пор дискутируем: то ли это ваше родовое свойство, то ли черта, присущая всем варварским цивилизациям.

— Усложнять? — усмехнулся я, — Это вы говорите мне после устроенного вами спектакля?

— Опять неверная оценка ситуацию. Все-то заговоры ищите. Козни вам подавай, с которыми вы могли бы успешно справиться. С нашей стороны никому бы и в голову не пришло воспринять последовавшие после путешествия на Титан события, как воздаяние, как божий суд. Своими необдуманными поступками вы нарушили симметрию в жизненно важной для нас области пространства. Мы были вынуждены объявить карантин.

— Объявить? — я почувствовал легкое раздражение. Потом успокоился — стоит ли придирается к словам? Они считают, что объявили, значит, объявили. Уже совсем спокойно спросил. — Как насчет завершения проекта?

— Да, время уходит.

— Мне понадобятся помощники.

— Конечно.

— И биокопия Земфира тоже.

— Если вы не перестроили ее сознание, то мы не возражаем.

— Будьте уверены — не перестроил. Хотя...

— Договаривайте, договаривайте.

— Хотя некоторые улучшения в нравственной оценке мира налицо.

— То есть биокопия уже не бросается на представителей другого пола, как сумасшедшая?

— Именно.

— Ну, ваши нравственные категории нас не интересуют.

— Есть еще проблема. По-видимому, главная... Сережа Очагов... Это имя вам ни о чем не говорит?

Наступило долгое молчание. Я не выдержал.

— Но он жив? Что мне сказать отцу?

Нет ответа.

Глава 7

Весна в тот год через силу, с натугой, взбиралась в горы. Был уже конец мая, стояли ясные, ветреные деньки, а в зарослях кедрового стланика, по листовничным рощицам в пойме, после полудня, на припеке, только-только начинало сыто пахнуть теплом. Лишь в начале лета снег на южных склонах обмяк, прорезался проплешинами. В тени наст рассыпался зернами, начал выделять влагу, и, наконец, в первую неделю июня, когда стих северный ветер и наступило затишье, снега поплыли. Забурлила вода, побежали по распадкам ручьи, за окном моей спальни, утопленной в теле горы, зазвене-ла капель.

Наступило веселое время — я ожил. Теперь в жилом отсеке, подземных коридорах, учебном классе, подсобках густо смердело псиной. Даже синклит не вы-

держал и капитан от имени синклита попросил меня не появляться в шкуре во внутренних помещениях.

— Кто же из вас такой деликатный? Кому волчий дух не по нраву? — засмеялся я. — Уж не знахарке ли?

Голос задохнулся от негодования, потом, справившись с изумлением, повелительница, действительный член синклита, нашла для меня подходящие слова. Я зажал уши лапами. Выговорившись, целительница с укоряющей грустинкой добавила.

— Грех смеяться над обездоленными сознаниями. Я была красавицей ди. У нас на родине тоже случаются вёсны...

— Простите, у меня и в мыслях не было вас обидеть! — рыкнул я и, обернувшись человеком, поклонился в сторону двери.

В те дни я не знал усталости. В свободные часы неутомимо рыскал по сопкам, ловил одиноких волчиц. К замужним даже приблизиться не пытался — у нас с этим строго, не то, что у людей. Хотя, конечно, и в наших стаях забот хватает. Но измен не случается.

Вставал я затемно, мысленно поджигал свечу на картине, изображавшей приморскую, как объяснил мне Очагов, таверну, увеличивал яркость, приветствовал пышногрудую красавицу бессменно игравшую в карты со своими подругами. Та церемонно кивала в ответ — ее напарницы так ни разу и не удосужились взглянуть в мою сторону. Видно, эта картина не в полной мере удалась Виктору Александровичу. Не в пример той, изображавшей берег моря, вишневого цвета океан, странное подворье и степь, усеянную жесткой, похожей на колючую проволоку, травой, куда я так запросто теле-

портировался ночью на даче. Там теперь обитает сознание Сергея Очагова. Или здесь, в недрах горы? Интересно, в каком облике? Свернутым в первичное яйцо?.. Несмотря на нежелание синклита отвечать на эти вопросы, я был уверен, что подобное положение не может продолжаться долго. В каком-то смысле мы уже стали партнерами и, перебросив идеальный слепок Очагова на неизвестную планету, они явно преступили границы взятых на себя обязательств. Полагая себя существом, стоявшем на неизмеримо более высокой ступени развития, чем человек, они рискнули разыграть с нами драму, в которой отвели себе роль судьбы, рока или, по определению древних греков, фатума, которые, как утверждают, правят жизнью. Я не сомневался, что фламатер и синклит попали в критическое положение. Нехитрые рассуждения привели меня к выводу, что если на той неизвестной планете расположена центральная для этого сектора галактики приводная станция, то становится непонятным, зачем отправлять туда особого гонца, тем более представителя дикой расы? Возможно, там произошла авария, тогда почему главное управление ди не занялось ремонтом такого важного узла. Ответ напрашивался сам собой — от него захватывало дух. Нет никакого центрального управления. Приводная станция оказалась брошенной на произвол судьбы. Выходит, фламатеру некуда возвращаться? Выходит, и с ним рок сыграл злую шутку?

Эти мысли я держал при себе — не хватало еще взвинтить обстановку в недрах горы, где полным ходом шла подготовка к отлету.

Планы у нас были грандиозные... Под стать удивительной стране, где мы трудились.

Я до глубины души полюбил Восточную Якутию. По сердцу пришлось ее короткое, часто жаркое, лето и долгая, редко мягкая, зима. Эта горная страна, лежавшая между Алданом и Колымой, являлась кладовой самого чистого воздуха на планете. Прозрачность атмосферы здесь была такова, что во время последней войны при создании опорной сети для обзорно-топографических карт геодезисты измеряли углы в треугольниках, стороны которых превышали сотню километров. При этом видимость на соседние пункты открывалась идеальная. Или еще одно чудо природы — гигантские наледы, по-местному называемые тарынами, оседлавшие русла многих рек. Эти исполинские щитообразные массы подсвеченного июльским солнцем — более в бирюзу и зелень — льда производили неизгладимое впечатление. Тарыны хранили миллионы тонн чистой пресной воды.

Также масштабны были и наши планы. Согласно уточненному графику фламатер должен был покинуть Землю в трехмесячный срок. Не позднее августа... Оптимальное время — его первая половина. Желательно шестое число, на исходе земных суток. В этот период согласно расчетам Земля и Сатурн окажутся по разные стороны от Солнца. На взлет с нашей планеты, рейс до окрестностей окольцованного гиганта, на развертывание межзвездного комплекса, проверку и отладку систем, разогрев генераторов, прорыв суперповерхностной пленки было выделено не более двух суток. Задача в техническом плане чертовски сложная, но выполняемая,

причем, решать ее приходилось в достаточно узких политических рамках. Сформулированы они были в параграфах договора, заключенного между хранителями Земли и синклитом ди.

Вот его пункты:

— исчезновение с Земли должно производиться скрытно;

— допустимы побочные эффекты, причем, ни совокупность их, ни каждое отдельное явление не давали бы возможность определить истинную причину их возникновения;

Эти положения особых споров не вызвали. Расхождения наметились во время обсуждения третьего пункта, касавшегося возможного вреда, который мог быть нанесен земной ноосфере. Обе высокие договаривающиеся стороны два дня бились над формулировкой, спорам конца не было, пока этот пункт не был записан в редакции дона Мигеля Суареса из Перу, потомка Ильи-Кон-Тики-Виракочи, хранителя чудесной лодки, доставшейся ему от божественного прародителя. Изложен этот пункт был следующим образом:

— допустим минимальный и восполнимый вред земной ноосфере и околосолнечной экосистеме в пределах, не превышающих двойной афелий (сноска: наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты или кометы.) Плутона.

Понятие «минимальный» расшифровывалось в особом секретном протоколе.

Четвертый пункт касался тайны проводимых мероприятий:

— обе высокие договаривающиеся стороны подтверждают необходимость соблюдения режима максимальной секретности. Недопустимы любые нарушения симметричности и иерархии всех временно-пространственных континуумов, заполняющих объем Солнечной системы; деформация физических законов, а также любые сдвиги в социальном, политическом, мифологическом, культурном и моральном пластах.

Последний пункт констатировал установление отношений между договаривающимися сторонами и фактическое разрешение на убийство с поверхности планеты.

Определение «равноправные» даже не фигурировало при обсуждении, потому что было неясно, о каком равноправии могла идти речь между сонмом и функциональной — пусть даже разумной — машиной. Это все равно, что зверю договариваться о равенстве с деревом. Они могут взаимодействовать, но это может случиться только по уговору, чаще всего негласному.

Переговоры оказались под угрозой срыва, когда королева фей в резкой форме поставила вопрос о возвращении Сергея Очагова. В моем отсеке, где проводилось заседание, сразу наступила тишина. Затаилась мебель, на лету замерла капель за окном, округлились глаза у женщины, играющей в карты — я посматривал на нее через распахнутую в спальню дверь. Даже свеча на картине перестала дымить... Мы напряженно ждали ответа.

Женщина на картине настороженно глянула на меня.

— Нам, представителям сонма, отвечающего за целостность и непрерывность развития духовной ауры

Земли, понятны и в какой-то мере кажутся убедительными доводы, подтверждающие выполнение вами правил космического общежития... — я решил поддерживать членов синклита. В тот момент самым важным было не утратить доверие друг к другу.

Дверь в припортовую таверну внезапно распахнулась, и в зал вошли двое мужчин. У одного из них правый глаз был прикрыт черной кожаной заплатой. Они уселись за столом, рядом с женщинами. Теперь все пятеро заинтересованно смотрели в мою сторону.

— Вы вправе утверждать, — продолжил я, — что ваше участие в судьбе Сергея Очагова минимально. Что картина была нарисована его отцом, что он получил воздаяние по неразумности своей, поставив выше любви к ближнему жажду творчества или точнее — самовыражения. Сонм готов согласиться с утверждениями о вашей непричастности к пожару на даче, однако в этом деле есть обстоятельство, позволяющее нам поставить вопрос о возвращении подростка. Мы согласны, что Виктор Александрович Очагов наказал себя сам, но в чем вина матери подростка?

Те, на полотне, по-прежнему настороженно поглядывали на меня.

— Сонм, — я продолжал чеканить слова, — пришел к выводу, что разрешение этого противоречия есть непременное условие продолжения нашего сотрудничества. Нам не будет оправдания, если для потомков богов, наследников стихийных сил, слезы матери окажутся водой. В течение двух недель мы продолжаем совместно трудиться, считая, что в отношении гражданина Очагова обе стороны пришли к взаимно устраивающему

соглашению. Мы не имеем намерения связывать вас какими-либо обязательствами, ультиматумами, согласованием технических деталей...

— Но именно в техническом плане это невозможно! — сказал мужчина за столом. Голос его звучно разлетелся по гостиной. — Вы, представители сонма, сами не понимаете, какую ловушку готовите себе, выдвигая подобное условие.

— Мы готовы разделить ответственность за возвращение Очагова, — ответил я.

— Не разделить, а взять, — уточнила знахарка.

Мы, все четверо, переглянулись.

— Чему быть, того не миновать, — откликнулся я и посмотрел на Каллиопу. Она одобрительно кивнула. Царевич Георгий и Василь Васильевич тоже наклонили головы.

— Что ж, — сказал капитан, — это был ваш выбор.

***

Конкретный план отлета, предложенный синкли-том ди, был детально обсужден на совете сонма и по предложению Каллиопы отвергнут в полном объеме. Кроме предложения, касавшегося использования вспышки на Солнце.

Основная идея в изложении фламатера заключалась в том, чтобы в нужный момент взорвать какой-нибудь вулканический остров, сходный с Кракатау, и с помощью огромного количества пепла, выброшенного в атмосферу, замаскировать отлет.

Мы, в общем-то, не возражали против вулканического извержения — каким еще способом можно было залатать прореху на месте разрушенной сопки, скрыть атомный котел, долгие миллионы лет дававший энергию для поддержания жизни свернутой капсулы. Однако никаких Кракатау! Это условие было обязательным. Извержение должно быть местным, коротким и практически безвредным. Но это было невозможно в геологическом отношении — юго-восток Якутии не является областью активной вулканической деятельности. На это возражение одного из местных хранителей фламатер ответил, что, во-первых, мы ошибаемся насчет затухания вулканических процессов в данном районе; во-вторых, для него извержение не проблема. Затем кто-то из членов синклита заявил, что только используя тепло Земли, капсула может покинуть планету, не причинив ей существенного вреда.

Долгое обсуждение вызвали вспомогательные мероприятия, с помощью которых следовало обеспечить недоступное для визуальных и любых иных средств наблюдения вознесение достаточно крупного тела с отметки в 1513 метров над уровнем моря до верхней кромки атмосферы. Стоило хотя бы единственному наблюдателю с помощью приборов засечь отлет, и тогда не будет отбоя от научных и околону научных экспедиций, посещений этого района представителями прессы. Свидетельств очевидцев — оленеводов, геологов и геодезистов, работающих в тех местах — мы не опасались. Менее всего на Земле верят очевидцам. В любом случае мы не должны были допустить, чтобы Темные миры заинтересовались таким странным природным явлени-

ем, как извержение вулкана в Восточной Якутии. Фла-матер особенно настаивал — нельзя допустить, чтобы какие-нибудь существенные сведения дошли до архонтов. В этом все были единодушны. Их реакция непредсказуема, и превращать нашу звездную систему в поле битвы двух высокоразвитых цивилизаций нам никак не хотелось.

Очень перспективное, поражающее дерзостью решение предложила Каллиопа. После краткого обсуждения собравшиеся пришли к выводу, что более удобного и безопасного выхода из создавшегося положения не найти. Надо было встряхнуть человечество! Показать еще раз, что все мы — одной крови, что на пороге космоса не может быть ни белокожих, ни узкоглазых, ни шоколадных. Детальная проработка предложения королевы фей была проведена в очень короткое время, все документы ограждены заклятьями, скреплены семью печатями и утоплены на дне озера Оганья. Огромная масса местных хранителей так и не догадалась, что же на самом деле произошло на территории Соединенных Штатах Америки, в Большом Каньоне реки Колорадо в первые августовские дни.

Работы был непочатый край. Прежде всего я должен был довести до возможно более высокого уровня способность моего дружка-ковчег запасать и концентрировать энергию. В техническом отношении задача состояла в тесном совмещении структур инопланетной оболочки и чудесного пояса. Мне необходимо было добиться, чтобы они мирно ужились вместе и позволили искусственному разуму скафандра свободно свивать,

дробить, направлять в нужную сторону потоки энергии. С помощью оболочки я мог черпать мощь из солнечного света. Волшебный пояс был плоть от плоти матери сырой земли и питался ее соками. Кроме того, мне удалось поместить в заплечный гребень капсулу, способную развернуться в миниатюрный термоядерный реактор, работавший на холодных реакциях ядерного синтеза. В броне перчатках с помощью Земфиры были установлены более мощные гравитационные pulverизаторы.

Кроме этих основных обязанностей мне было поручено создание и оборудование внутренних полостей, где должны были разместиться жилые отсеки для Георгия и Каллиопы — возможно, с детьми — а также для Василь Васильевича. С этим я справился за сутки — в микроскопическую трещину в породе просовывался специальный ультразвуковой щуп. Как только он добирался до проектной точки, отверстие расширялось. В образовавшуюся полость закладывалось выданное фламом яйцо — округлый, морщинистый, бурого цвета предмет размером со спичечный коробок. Эта капсула в течение нескольких часов расширяла полость до нужных размеров и формы, покрывала гранит изнутри подобием керамического пластика, порождала мебель, санитарное оборудование и прочие необходимые принадлежности.

В соответствии с договором наша группа хранителей должна была сопровождать фламатер до орбиты Сатурна. Таким образом ди выторговали себе охрану, которая должна была оградить звездолет от всяких случайностей вплоть до момента прорыва суперповерхно-

стной плевры. Особым пунктом в нашу программу входило создание примитивного койса. Этот межпланетный аппарат должен был доставить нас на Землю. К исполнению задания был привлечен и «Быстролетный». С первой же минуты я понял, что оно ему не по душе.

В свою очередь Каллиопа, Георгий и Василь Васильевич с помощью биокопий усердно трудились над созданием своих индивидуальных космических оболочек. Тут-то Жора развернулся. Он завалил начальника вооружений бесчисленными вопросами, однако тот оказался туг на ухо, и на этот раз были изготовлены могучие, но совершенно безмозглые истуканы, неспособные позабавить хозяев мало-мальски сносными анекдотами. Василь Васильевич, наслушавшись моих рассказов, заикнулся было о необходимости воплотить в приставленной к нему биокопии идеал женской красоты. Ему было сухо отказано... После Земфиры все искусственные существа проектировались только в бесполом варианте.

Каллиопу тревожил Джордж, на которого было возложено обеспечение безопасности и скрытности работ, ведущихся в долине Джормина. С этой целью он объезжал ближайшие поселения и записывал местный фольклор. Он же исподволь распространял забытую теперь легенду о Долине горных духов, расположенную за несколько сот километров от долины Джормина. Слухи о ней были распушены по всей трассе Магадан-Хандыга. На случай забредших в бассейн Брюнгаде охотников, а также геологов были припасены искусственные фантомы. Ближайшая стационарная геологическая база размещалась в полтора километра от

нашей сопки. Топографические работы по материалам аэрофотосъемки были закончены здесь несколько лет назад. Все равно хлопот у Джорджа было много — прослушивание местных радиостанций, сбор информации о всех туристических походах в нашем направлении, обеспечение надежной связи с Прокопием Егоровичем Спиридоновым, потомком Лабынгха-Сююрюк. Прокопий Егорович являлся местным знахарем, хранителем этого уголка якутской земли.

Парень трудился день и ночь, однако особой радости не выказывал — ходил, словно в воду опущенный... Каллиопа как-то призналась, что ее старший сын страстно влюбился в «эту куклу Земфиру». Та очень мягко отказала, прибавив, что ее сердце отдано другому. Тем не менее молодые люди подружились и много времени проводили вдвоем, а то и втроем — с Флорой. Брат и сестра занимались с «этой куклой», учили ее английскому.

Должен сказать, Каллиопа тоже с причудью. С одной стороны ее радовало, что биокопия была тверда, как скала. С другой — царицу фей несколько задевала и коробила подобная неуступчивость, которую проявляло произведенное из звериной плоти создание по отношению к юноше из одного из лучших, древнейших семейств Земли.

К середине июня Земфира под руководством начальника вооружений закончила специальный уголко-вый отражатель. После лабораторных испытаний он был свернут в исходную форму. Мне было предписано вывести его в космос и в назначенной точке, придав расчетную скорость и азимут, запустить в сторону Зем-

ли. Хранители на местах должны были обеспечить его скорое обнаружение. Для этой цели возле нескольких обсерваторий начали скапливаться волчьи стаи. Мои сородичи оказались весьма сильными в телепатическом отношении существами, они должны были послужить трансляторами для передачи легкого мысленного толчка наблюдателям-астрономам. Те должны были первыми обнаружить странный космический объект, приближающийся к Земле. Перед хранителями Североамериканского континента была поставлена дополнительная задача — им следовало негласно обеспечить наплыв туристов в район Большого Каньона реки Колорадо.

В свободном пространстве, выбрав траекторию, которая должна была привести «Быстролетный» в расчетную точку пространства, где нам следовало после сложнейших маневров выпустить уголкового отражателя, койс с обидой признался, что никак не ожидал от повелителей подобного бесцеремонного к себе отношения. Мало того, что для создания молоденького койса ему пришлось пожертвовать частью своей плоти, так еще последовало бестактное указание поторопиться и не впадать в романтический пафос. Из всех землян только я был способен понять и посочувствовать несчастному вернослужашему, вынужденному в недостойных условиях пониженного планетарного тяготения, вопреки наклонностям и привычкам, пренебрегая обычаями древнего рода вернослужаших, заветами отцов, минуя период божественного вдохновения, мистической прорисовки будущего идеального образа, пере-

скакивая стадию его воспевания, — вот так сразу, тьяп-ляп, воспроизвести подобный себе аппарат, еще до рождения обреченный на вечную разлуку с папашей.

Я пытался успокоить его. Напомнил, что закон требует исполнения долга. Без рассуждений, без страха и упрека...

— Иначе, — убеждал я «Быстролетного», — тебя не поймут. Твои же товарищи вернослужащие — всякие навигационные системы, разумные помпы, двигатели, генераторы — отвернутся от тебя.

— Так-то оно так, — вздыхал койс. — А вдруг хорошенький получится! Обидно же!..

— В таком случае ты не очень-то старайся, — посоветовал я.

— О люди, о млекопитающие! — возмутился «Быстролетный». — Что значит, не очень? Есть специальные наставления, устав внутренней службы, технологические требования, наконец. Работа эта трудная, почетная. Кое-как я не могу!

Ковчег, присевший на корточки у входа в шлюз, внимательно прислушивался к нашему разговору. Мой напарник вырослел на глазах и в последнее время осмелел настолько, что иногда смел мне перечить. Это, в общем, радовало... Он был практичный, трезво мыслящий, в меру осторожный молодой скафандр. Это он посоветовал мне скинуть чудесный пояс — справимся и без него. Я согласился и оставил пояс в своем жилом отсеке. Беспокоило меня и немного раздражало разве что его нескрываемое увлечение Земфирой. Ковчег был ее страстным поклонником и не скрывал, что когда наступит день вручения наград, он сотворит себе оболоч-

ку, напоминающую эту биокопию. Его очень интересовал процесс сотворения живого организма...

— Никто и принуждает тебя сработать кое-как, — возразил я, обращаясь к «Быстролетному». — Этого только не хватало! Нам же на этом аппарате возвращаться на Землю. Я о другом веду речь — разве нельзя заранее вложить в плод качества, которые тебе активно не нравятся. Я же помню, как ты содрогнулся, когда я предложил тебе завести кошку...

Тут я невольно бросил взгляд на пышно цветущую китайскую розу и поинтересовался.

— Послушай, как же ты свернулся в яйцо и не погубил растение?

— Кое-что перестроил в его генетической структуре... Ага, ты желаешь выяснить, можно ли подобную операцию произвести с живой плотью?

Я кивнул.

— Можно, но это высшее искусство. Им владеет только повелительница-знахарка. Я этому не обучен.

Я взял его слова на заметку. Мне уже хватало знаний, чтобы понять, что термин «искусство», употребляемый койсом, фламатером, синклитом, не имеет никакого отношения к нашему пониманию творческой деятельности. В их толковании это было всего лишь обозначение степени мастерства, потому что в общественном сознании ди давным-давно сложилось убеждение, что всякая сознательная деятельность своего рода искусство. Вплоть до изготовления ночных горшков. Не знаю, правда, пользуются они ими или нет.

После некоторой паузы я между делом поинтересовался.

— Значит, это именно знахарка обеспечила переброску подростка на неизвестную планету?

— На Беркту? — переспросил койс и тут же ответил. — Ну да. А я транслировал идеальную копию на та-мошный запасной централ.

Предваряя мой вопрос, он разъяснил.

— На Беркте расположена центральная для этого сектора галактики приводная станция. Когда повелители приняли решение возвращаться, они попытались связаться с Берктой, однако централ не отвечал. Пришлось послать туда образец живой плоти. Туда и обратно. Здесь на месте синклит воспроизвел идеального гонца, детально проверил его и пришел к выводу, что приемная станция на Беркте работает в нормальном режиме. Правда, режим автоматический. От своих — ни ответа, ни привета! Затем его воспроизвели в форме биокопии, которую угораздило свалиться в обрыв.

Мне не следовало спешить. Я нутром почувствовал, что на этот раз койс разговорился. Все-таки древний старик, тоже хочется вспомнить былое, доказать, что и он не лыком шит.

— Что же случилось на Беркте? — с полным равнодушием спросил я.

— Черт его знает. Скорее всего землетрясение. Около нескольких сотен тысяч лет назад.

— Что же, вы не могли послать копию члена экипажа.

— Ну, ты даешь, Серый. Сразу видно, что дикая раса. Кто же из нормальных ди позволит себе изготовить копию! Подобный проступок преследуется по закону как самое тяжкое преступление.

— То есть, — не понял я.

— Наши десять заповедей уже давным-давно начинаются с фразы: «Не приумножайся». Потом уже «не убий», «не прелюбодействуй», «не сотвори себе кумира»... Но прежде всего — «не приумножайся»!

В голосе «Быстролетного» слышались торжественные нотки.

Я, ошарашенный, слова не мог вымолвить. Выходит, с моими братьями можно поступать, как заблагорассудится — их можно приумножать, губить, ловить на слове, отсылать на чужие планеты. Использовать как шест во время переправы через реку. Ткнул в дно, и если мелко — можно ступать дальше. Так, что ли?.. Выходит, они решили использовать Сережу в качестве подопытного кролика? Вся мистика, слезы Натальи Павловны, его матери, горе отца, самое противное человеческому разуму несчастье — смерть юного человека — вполне уместались на ноготке пришедшего к нам бога. Что-то вроде пылинки — сдул ее и даже не заметил?.. Это был ушат холодной воды на разгоряченное воображение. Мы сами хороши — по мере разумности и воздаяние. Нет, я не брал на себя смелость кого-то осуждать, кого-то оправдывать. Простор жизни, уместившийся в космосе, не нуждался в нашем сочувствии, воспевании, отрицании или, черт знает, в чем еще. Это было нужно только нам, чтобы не заплутать в трех соснах. Другие загадки в момент откровения переворошили мне душу. Почему соотечественники синклита ди не откликнулись, получив такое оригинальное послание с просьбой о помощи? Где они?.. И второе — что имела в виду знахарка, обещая нам кучу хлопот с возвращением

Сергея? Хотя, боюсь, на второй вопрос я уже знал ответ. От него холодок пробежал по телу. Каждый следующий шаг вперед давался нам, представителям Земли все труднее и труднее...

Глава 8

В полночь по местному времени мы вернулись на Землю. Во входном шлюзе я простился с «Быстролетным», пожелал ему удачи в сотворении малосимпатичного, с дурным характером аппарата и направился в свой отсек. Час был поздний, в глубине горы стояла сонная, дремотная тишина. Давным-давно была заделана трещина, через которую вместе с каплями воды в подземный туннель просочилась Каллиопа.

Героическое то было время, рискованное! Теперь другая пора — тупого исполнительства, любви, скорого расставания. Мне стало грустно... Томила некоторая устроенность жизни, ясность цели, налаженный быт. Подземелье теперь чем-то остро напоминало общежитие, все ходят друг к другу в гости... Тайна упрощалась, обрастала пошлыми деталями.

Разве что удивительными могли показаться следы мокрых босых ног, которые я обнаружил в насквозь промерзшем, подземном коридоре возле своего отсека. В нашей команде появились йоги? Кто это мог быть?

Не заходя в помещение, я двинулся по следу. Отпечатки привели в темный тупик — здесь меня встретила глухая стена. Внимательно ощупал и осмотрел холодную шершавую поверхность. В этот момент из-за спины донеслись осторожные, чуть пришаркивающие

шаги. Звуки приближались, скоро долетел шелест материи, затем чья-то скороговоркой брошенная ругань... В тупике спрятаться было негде — я попытался вжаться в стену. Бесплезно! Такого огромного, в скафандре, трудно было не заметить. Пришлось пойти на хитрость. Я распластался на потолке лицом вниз, расставил ноги, утопил в камне горб скафандра. Кто бы ни был таинственный бродяга, он не сразу сообразит, почему вдруг так понизился потолок.

Незнакомец был в длиннополой рясе, лицо прикрыто просторным капюшоном. Я рухнул на него сразу, как только он свернул в тупик. Тут же подмял под себя — тот едва слышно охнул — затем перевернул, откинул капюшон.

— Василь Васильевич?

Лешак мгновенно зажал мне рот, костяшками пальцев несколько раз постучал по моей, свободной от шлема, голове, затем столько же по стене.

Это было слишком!

— Зачем шумишь? — шепотом спросил Василь Васильевич. — Ты никого здесь не заметил?

— Кого бы я мог заметить? Меня здесь неделю не было, — также понизив голос, ответил я. — Вот следы... Кто-то решил в йоги записаться. Откровенно говоря, я решил, что это ты на ночь глядя по туннелям шастаешь.

— Ну, рассудил!.. — покачал головой Василь Васильевич. — Как же я, когда у меня на ногах копыта?

Выкатив для убедительности глаза, он добавил.

— Здесь привидения бродят. Обнаженные до предела!..

Я вздохнул.

— Раздетые, что ли?

— Один черт! — в сердцах выругался фавн. — Сейчас не до тонкостей вашего великого, могучего, изящного — какого там еще? ага, певучего и гибкого! — языка. Я по существу — тебе приходилось встречать здесь привидения?

— Нет, — откровенно признался я. — А тебе приходилось? Может, померещилось?

— Ага, мне померещилось! И Каллиопа, и волчихе этой, гордячке. И лосихе местной, что на водопой к Джормину ходит...

Я прервал перечисление, хотя упоминание о привидениях почему-то встревожило меня. Я словно ждал чего-нибудь подобного. С другой стороны, какие могут быть привидения в пространстве, полностью контролируемом фламатером? Разве что с его подачи кто-то начал бродить по подземным ходам босиком? Странные, должен заметить, причуды, у этого звездного пришельца.

— Знаешь, пойдём-ка ко мне, там все и обсудим, — предложил я.

То-то я удивился, обнаружив у себя в отсеке встревоженную Каллиопу. Если богини начали страдать бессонницей, дело действительно приняло серьезный оборот.

Василь Васильевич, завидев королеву фей, сразу повеселел.

— Каллиопушка, друг мой, следы ведут напрямиком в короткий тупичок. Там я подвергся нападению Серого. Он упал на меня сверху. Придавил, окаянный, как куль

с сахарным песком!.. Может, это он шастает голышом по ночам?

— Уймись, Василь Васильевич! — в сердцах выговорила Каллиопа, затем обратилась ко мне. — Что там в тупике?

— Глухая стена, — ответил я. — А в чем собственно дело?

— Нелепость какая-то, — призналась Каллиопа и неожиданно примолкла, затем поднялась, прошла по комнате. Кресло вприпрыжку засеменило за ней — среди предметов мебели, собранных в моем жилище, особой честью считалось услужить повелительнице земли и воды. Кресла, стулья, софа любили обсуждать, как невесома, как удобна была Каллиопа в качестве клиентки. Какая деликатная мягкость, какой тончайший аромат распространяла она. Как по-королевски щедра на благодарности. Не то, что некоторые мужланы, сутками шныряющими то по лесам, то по свободным пространствам. Явится, плюхнется, ножищи вытянет, заорет: «Подать шлепанцы!..» Хамло!.. Вообще-то, как хозяин он совсем не плох, вот только деликатности ему не достает. Признания чужих прав...

Кресло, следующее за Каллиопой, наконец дождалось награды — повелительница грациозно опустилась на подъехавшее сидение, поблагодарила. Задняя спинка тут же изогнулась, принимая ее обнаженную спину. Подлокотники приняли невесомую тяжесть ее рук.

— Являясь арендатором подземных помещений, — обратилась она к пышногрудой красавице, изображенной на картине, — вы имеет право использовать на поднаемной площади любые, не противоречащие до-

говору объекты. Вплоть до флуктуаций в виде светящихся человеческих фигур, бродящих по ночам безголовых тел, проб голоса в коридорах... Однако, как сообщают зайцы и прочая местная живность в окрестностях сопки появилось неизвестное человеческое существо. Что бы это значило, госпожа целительница?

Красавица вздохнула, отложила карты, ответила напевным, низким голосом.

— Мы готовы дать самые подробные объяснения, сольветера. Но при этой церемонии должен присутствовать и ваш супруг.

— За ним дело не станет. Куда прикажете следовать?

— Все в тот же тупичок, за которым с такой тщательностью следил уважаемый фавн.

Василь Васильевич заерзал на стуле. Тот едва стерпел подобную наглость.

— Мы ребята сельские, простые, — подал голос лешак. — Куда нам до звездных технологий.

— Вот именно, — сделала замечание целительница ди.

Всей гурьбой мы направились в назначенном направлении. По дороге к нам присоединился сонный Георгий. Был он в махровом, до пят халате, часто позевывал, спросил у фавна, куда это они в такую рань.

Тот с гордостью объяснил.

— С привидением знакомиться. Это я его обнаружил.

— До утра нельзя было подождать! — рассердился Георгий.

— Ты что, царевич! Какие же утром привидения. Они же пол-ноч-ные существа!..

— Какие полночные! Сейчас половина третьего!..

Всю дорогу Властелин меча бормотал что-то невразумительное. Примолк только, когда замыкавшая тупик стена отъехала в сторону.

Мы вступили в просторный сводчатый зал. В полутьме едва угадывались плавные обводы какого-то оборудования, расставленные вдоль стен. Посередине стол. На столе что-то длинное, узкое, накрытое покрывалом.

Вспыхнул свет. Каллиопа, приблизившись, дрогнувшей рукой откинула покрывало. Тут же попыталась зажать рот, однако ее глухой стонущий всхлип раздался в помещении.

На лабораторном столе лежал человеческий труп. Хорошо развитое, молодое тело без всяких признаков жизни. Это был Дружок, я сразу узнал его. Милый юноша, весь в отца, с богатой русой шевелюрой и наметившейся щеточкой усов. Василь Васильевич деловито приблизился, приподнял его правое веко, заглянул в зрачок. Удовлетворенно кивнул.

— Мертвяк. Вне всякого сомнения...

В следующее мгновение мертвец внезапно открыл глаза и сел. Потом ловко, бездумно соскочил со стола и, размахивая руками, как бы маршируя, прошелся по комнате. Наконец улегся на прежнее место, сложил руки на груди и замер.

— Как видите, — раздался голос знахарки, — двигательная система, вестибулярный аппарат, внутренние

органы работают идеально. К тому же он силен, как бык.

Георгий не выдержал и сердито спросил.

— Кто же это, можете вы сказать?

— Сергей Очагов, — ответила знахарка. — Вернее, его биокопия.

***

В ту ночь Каллиопа долго не могла успокоиться — грозила фламатеру разорвать подписанный договор, устроить в долине Джормина локальное землетрясение и навсегда погубить это чудовище, посмевавшее поднять руку на человеческое существо.

Слышали бы вы, как возмутилась знахарка! Она обвиняла нас в черной неблагодарности, в следовании низменным инстинктам, склонности к варварским пережиткам. Сгоревшие останки не подлежали восстановлению. Биокопию она назвала наилучшим в этих условиях подарком человеческой расе, которая до сей поры с такой преступной небрежностью обращается со своим наследственным аппаратом.

Потом женщины начали язвить. Опять посыпались упреки в приверженности к кровавым ритуалам древних веков. Каллиопа в свою очередь, спокойно, как и подобает настоящей леди, объяснила, что согласие на подобный эксперимент — есть первейшее условие всякого эксперимента с разумной личностью. Наконец мужчинам с обеих сторон удалось кое-как успокоить дам, перевести разговор в нормальные рамки.

Синклит ди отметал всякие упреки в преступном небрежении обязанностями гостя. Кто же гость на этой планете-старушке, деланно изумился начальник вооружений. Уж не мы ли? Именно, заявила Каллиопа. А вы, малолетки, в таком случае кто? Мы — закономерный итог эволюции. Ну, знаете, сделал замечание библиограф, нас тоже не в капусте нашли! Капитан и знахарка настаивали, что собственное сознание подростка, которое через несколько дней в целости и сохранности будет переписано в клетки его девственного мозга, является сертифицированным, единичным, полностью соответствующим требованиям цивилизованных рас и Галактического синклита разумом. По всем параметрам он изначально принадлежал гражданину Сергею Очагову.

Я невольно представил, как спеленатая в нейро-электронных цепях целительница заламывает от негодования руки, электрическим шепотом делится со своими товарищами, — ах, какое невежество! Что за дикарское племя!..

Какой смысл, обратился к Каллиопе капитан, цепляться за сменяемую физическую плоть! У них, на Ди, это обычное явление — межзвездный перелет есть перенос идеальной копии сознания. Это только в ваших примитивных фантастических сочинениях материальные объекты способны перемещаться в нуль-пространстве. Это же нонсенс! Все происходит в информационном поле! Каждый астронавт проходят через подобную стадию. После каждого межзвездного прыжка мы меняем личины, и никому в голову не приходит горевать по прежнему подобию. Пусть оно даже явля-

ется подобием божьим!.. А тут на тебе! Целое море негодования! У вас на Земле тоже существуют организмы, которые развиваются посредством стадий. Те же бабочки, например... Что в этом случае считать особью? Куколку? Порхающее насекомое? Может ли куколка подать на бабочку в суд?

Я сидел в уголке лаборатории и, стиснув зубы, вслушивался в их спор.

Каллиопа настаивала на правах личности распоряжаться собой и невозможности даже минимального покушения на святая святых — на человеческий образ.

— Послушайте, сольветера! — вступил в разговор явно державшийся на грани гневливой истерики библиограф. — Мы предупреждали вас, что вы сами загоняете себя в угол, подмешивая к технической проблеме соображения морали, человеколюбия, некоей даже фобии. Мы умываем руки — в любом случае вы получаете готового Сергея Очагова. Не желаете — не берите! Только учтите — это существо в точности повторяет того Очагова, каким он был раньше! В известном, конечно, приближении... В любом случае ни один врач не сможет отличить его от прежде существовавшей особи. У вас существуют истории болезней? Так вот, никому и никогда в голову не придет усомниться, что перед ним настоящий Очагов, разве что идеально здоровый. Даже в Галактическом синклите вам подтвердят, что это обычная операция, и физическое совершенство — достаточная плата за отсутствие его письменного согласия на перемещение на Беркту. А вот каким образом объяснить его повторное появление на белом свете — это уже ваша забота. Придется извернуться, господа.

— Что значит, в известном приближении? — возмутилась Каллиопа, — Вы имеете в виду, что этот вновь народившийся субъект в чем-то непредсказуем?

— А как же, сольветера, — объяснила знахарка ди. — При любом переносе возможны те или иные отклонения. Важно, чтобы они были в пределах официальных допусков.

— Хватит! — рявкнул начальник вооружений. — Хватит оправдываться!.. Мы предупреждали, стоит ли теперь оправдываться перед этими?..

— Перед какими это «этими»!.. — неожиданно завопил Василь Васильевич. — Вы того, господин хороший, говорите, говорите, да не заговаривайтесь. Мы тоже кое-что можем! Как шваркнем на вас цидульку куда следует, вам мигом хвосты накрутят. А до той поры никакого вам отлета, никакой помощи.

— Вам бы, бессмертный, — в лаборатории раздался наполненный сарказмом басок начальника вооружений, — следовало помалкивать. Вы, помнится, однажды в присутствии Иисуса из Назарета уже открыли хайло, за что и получили достойную награду. Вы еще не прощены — запомните это...

Я кивнул и обратился к Каллиопе.

— Повелительница земли и воды, трав и цветов, живое дыхание июньских лугов, запах моря, свежесть горного воздуха. Королева фей...

Длиннющее перечисление титулов Каллиопы заставило всех замолчать. Обычно при подобном обращении присутствующие обязаны встать, однако хранители остались сидеть. Затем я перечислил членов синклита и в конце спросил — о чем спорите, господа? Неу-

жели непонятно, что в конце концов вопрос о допуске этого монстра или, если хотите, супермена в наше, эта, сообщество будет решать сонм старейшин и хранителей. Я со своей стороны готов взять на себя ответственность за ложь во спасение. Горе матери перевешивает все соображения личного порядка. В нашем нынешнем положении, согласно обычая, только особа царской крови имеет право дать разрешение на воскресение из мертвых или наложить запрет на возвращение до окончательного выяснения дела в Светлых мирах.

— Вы имеете в виду Каллиопу? — спросил капитан.

— Нет, повелитель. Царица фей проходит по другому ведомству, ей не дано решать эти вопросы. С растениями и животными она может поступать как ей заблагорассудится, но человеческие судьбы — это удел царей.

Наступила тишина. Царевич Георгий скинул халат и принял свой обычный вид — златокудрый, чернобородый, он сжимал в руках рукоять двуручного меча. В его крупных, чуть прикрытых веками зрачках стыла небесная синь. Все мы обрели исконный облик — его жена, в венке из полевых цветов, сияющем прозрачном покрывале с волшебной палочкой в правой руке встала возле супруга. Я — мохнатой лобастой головой под потолок, нервно постукивая хвостом, — лег у ног. Тут же поместился обтянутый кожей скелет в одеянии римского легковооруженного воина — кожаный колет, короткая юбка с нашитыми металлическими пластинами, кожаные сандалии, на голове парадный шлем. Георгий коснулся лезвием меча обнаженной груди мертвяка и гулким комковатым баском загудел нараспев.

— О Пресвятая Госпоже Богородице (сноска: звательный падеж русского языка, теперь не употребляемый.) выше еси всех ангел, архангел, всех тварей, честнейше помощница еси обидимых; убогих одеяние, больных исцеление, грешных спасение; христиан всех поможение и заступление; спаси Господи и помилуй раба божия Сергия, ризою твоею честной защити. Умоли, госпоже, тебе бессменного, воплотившегося Христа Бога нашего.

О, Всемилостивейшая Госпожа Богородица, воздвигни его из глубины греховные, избави от глада, губительства, от всякого зла, от всех скорбей; от уклада, стали, от силы электрической, луча фотонного, захвата гравитационного. Просвети ему ум, вновь даденный и очи сердечные, еже ко спасению, сподоби его, грешного, царствия Сына твоего, Христа, Бога нашего, яко держава его непоколебима, благословенна и прославлена, со единачальным его Отцом, со Пресвятым, Благим и Животворящим Его Духом, и ныне, и приисно, и во веки веков.

Аминь!

Он сделал паузу, набрал полную — гигантского объема — грудь воздуха и продолжил уже более высоко, более ясно.

— Именем земли и воды разрешаю вдохнуть в чужака жизнь. Быть ему под опекой сонма. Имя ему даст родная мать. Если примет, быть чужаку родичем всем живущим на Земле, тверди и хляби, обильным дождям и буйным ветрам. Каждой песчинке и капельке, каждой травинке и клеточке. Повелением твоим, Создатель.

Тихонько завывала — совсем по-звериному — притаившаяся в углу Земфира. Потом принялась всхлипывать... Я подошел к ней, погладил лапой по голове.

— Не плачь, девочка. Вот и брат тебе, а может, муж. Наплодите вы деток. Они будут сильные, добрые, разумные, не нам чета...

***

Вся подготовительная работа по возвращению Сергея Очагова в человеческое сообщество была возложена на Василь Васильевича как знатока всех бюрократических тонкостей. Ему пришлось потрудиться — подправить сданное в архив дело о пожаре на даче, исправить записи в регистрационных книгах в кое-каких отделениях милиции, основательно поработать с персоналом местной поликлиники в Усть-Нере, где якобы и был обнаружен бомжующий подросток. Он страдал потерей памяти и только в последнее время кое-какие воспоминания стали пробиваться в его сознание. Нам трудно было понять логику, которой руководствовался фламатер, разработавшего этот план. Каким образом, спрашивал я, шестнадцатилетний подросток, обгорев на пожаре, мог оказать за шесть тысяч километров от родного дома в таежном поселке, куда только самолетом можно долететь?

Звездолет второго класса только усмехнулся в ответ.

— В этом все дело, — объяснил он. — В этой истории обязательно должно быть какое-то темное место. Мало ли кто когда-нибудь заинтересуется биографией

этого юнца. Вот пусть он и поломаёт голову, как тот очутился за тридевять земель. Парень будет отвечать — не помню, и все тут. Он и в самом деле не будет помнить. В этом и будет заключаться загадка, которая полностью прикроет тайну его происхождения. Зато это приключение полностью освободит его от всевозможных государственных секретов, «почтовых ящиков», шарашек и прочих контор. Он потом вас ещё и благодарить будет.

С Очаговыми я встретился на даче, куда с помощью «Быстролетного» были доставлены работы Виктора Александровича. Начальник вооружений уверил меня, что теперь это не больше, чем плоскости, измазанные краской, и с отлетом фламатера станут раритетными свидетельствами необузданности человеческой фантазии. Блажен, кто верит, усмехнулся я. Теперь на родине, в окрестностях Снова, расставив полотна в небольшой комнатушке садового домика, в ночной тьме, задумчиво наблюдал, как прежней сильной жизнью наливаются картины. Наполняются светом и движением. Конечно, подобные превращения были едва заметны и ощущались только посвященными, но я знал и верил, что стоит выставить их, и в толпе всегда найдется зритель, который проникнется их тайным смыслом.

Виктор Александрович и его жена Наташа долго молча рассматривали картины. Разговор не начинали. У меня было очень мало времени — уже через несколько дней я уже должен был находиться на территории Соединенных Штатов, на краю Большого Каньона реки Колорадо.

— По всей вероятности, мы нашли его, — сообщил я родителям. — Совсем недавно в больницу в поселке

Усть-Нера был доставлен паренек, страдающий потерей памяти. В последний месяц воспоминания стали возвращаться к нему. Он называет себя Сергеем, описывает страшный пожар, рассказывает о каком-то неизвестном, проникшем в дом. Тот оказался грабителем... Все это смутно, на грани бреда. Между ними вышла драка. Парень ударил взломщика, затем плеснуло пламенем, спасая картину, он выскочил в сад. Затем полный провал. Мы потратились на проведение генной экспертизы. Анализ подтвердил предварительное заключение, что это ваш сын Сергей Викторович Очагов, однако окончательное решение можете принять только вы сами, вернее Наталья Павловна. Знаете, человек с неуравновешенной психикой... С ним столько хлопот. Кроме того, нет полной уверенности, что в психическом отношении он осознает себя Сережей...

— Я хочу взглянуть на него, — сразу заявила Наталья Павловна.

— Да, конечно, — кивнул я.

— Но как он мог оказаться в каком-то поселке?... — неуверенно спросил Очагов.

Я развел руками.

Она узнала его сразу. Парнишка сидел в приемном покое, страшно исхудавший, подстриженный под нулевку — сидел и разглядывал навещавших других больных посетителей. Изношенный до последней степени, сизый халат был ему короток, из-под полы торчали высохшие до костей ноги. Обут он был в грубые полуботинки без носков — старушка-сестра побеспокоилась, принесла оставшуюся после умершего мужа обувку.

Некоторое время мы — Очаговы, я, Каллиопа с мужем, Василь Васильевич — томились в коридоре. Я прикидывал, как нам поступить, если Наталья Павловна начнет испытывать сомнения, и Очаговы попросят время на размышления. В этом случае как нам сообщили из сонма, им никогда больше не увидеть своего сына. Он немедленно «сбежит» из лечебницы и за его дальнейшую судьбу будут нести ответственность хранители.

Ей хватило нескольких мгновений, что узнать своего ребенка. Никаких сомнений она не испытала. Сразу бросилась к нему, села рядом — нарядная, в светлом брючном костюме, — прижала его голову к своей груди. Так и сидели — долго, молча. В приемном покое собрались врачи и сестры. В другом углу стояли Земфира и Джордж с сестрой.

Я все ждал, кто же первым разрыдается.

Оказалось, я... Первым не выдержал, вытер тыльной стороной ладоней глаза и вышел на крыльцо. День был теплый. Снег полосами сползал с ближайших сопкок. Небо было ясное и прозрачное на всю глубину — по крайней мере, мне удалось в тот миг через толщу атмосферы увидеть звезды.

Из приемного покоя донеслись громкие голоса. Женщины плакали все поголовно. Сергей на негнущихся ногах, поддерживаемый матерью и Каллиопой, вышел на балкон, глянул вверх. Я освободил ему место — пусть мальчик посмотрит днем на звезды. Уверен, ему была дана такая способность.

Василь Васильевич, успокоившись, принялся объяснять Виктору Александровичу, что в интересах скорейшего выздоровления — а врачи не сомневаются, что

к Сергею вернется память, — Очаговым желательно сменить местожительства, переехать в другой город. С документами он, Василь Васильевич Фавн, поможет.

Виктор Александрович усмехнулся, оглядел старика, особое внимание уделил грязным резиновым сапогам. Василь Васильевич удивленно следил за ним.

— Что вы меня разглядываете? — спросил он.

— Смотрю, как же вы ухитряетесь копыта в сапоги засовывать?

— Элементарно, — пожал плечами фавн. — Обращаю в портянки...

Они засмеялись, пожали друг другу руки.

— Да, вот что еще, — добавил Василь Васильевич. — Насчет копыт... Не следует задавать много вопросов. Среди них могут оказаться лишние...

***

Местный врач, сухонький старичок в истертом донельзя, чистеньком белом халатике, посоветовал не спешить с отъездом. Малого — так он почему-то называл Сережу — неплохо бы подкормить. Пусть пообвыкнет. И вы, родители, строго приказал он Очаговым, первое время не досаждайте ему с чувствами. Не надо его расспрашивать, тем более пытаться — что да как? Пусть попытается сам вспомнить, что с ним приключилось. Побольше спокойствия, выдержки. Ну, а через недельку, думаю, можно в путь-дорогу...

Родители были готовы на все — и недельку подождать, и вести себя ненавязчиво. Поселились они в соседнем номере все той же пустующей гостиницы. Меня

же старенький доктор попросил побыть рядом с Сереей. Не могу сказать, почему он остановил свой выбор именно на мне. И на Земфире, которая на смену со мной должна была присматривать за найденным.

Вот как мы расположились: Виктор Александрович, Сережа и я заняли трехместный номер, рядом поселились Наталья Петровна и Земфира.

Скоро всеобщее возбуждение, охватившее Усть-Неру при известии об удивительной, трогательной встрече подростка с родителями, улеглось. Местный газетный листок поместил несколько материалов на эту тему — Каллиопа сделал все возможное, чтобы далее этого медвежьего угла информация не просочилась.

Связно Сергей заговорил на второй день пребывания в гостинице, до того все больше помалкивал, порой начинал что-то путано объяснять — насчет пожара, прыжка в окно. Тут же начинал с сожалением вспоминать о потерянном в детстве складном ножике, о велосипеде. Виктор Александрович шепнул.

— Когда ему было десять лет, у него украли велосипед...

На третий день он уже явственно начал узнавать отца, мать, отвечать на вопросы, которые доктор задавал ему в присутствии родителей. Речь его стала вполне осмысленной, правда, несколько медлительной, но со временем, уверил нас доктор, затруднения исчезнут. Память возвращалась к нему не по дням, а по часам, потом хлынуло обильно. Скоро он, поминутно хватая за руки заливавшуюся слезами, смеющуюся мать и сам хохоча от души, начинал рассказывать о ссадинах, шраме на брови — он рассек ее о ветку, о каком-то необык-

новенном воздушном шарике, который ему купили в цирке. Врач-старичок ежедневно колдовал над ним, задавал малопонятные окружающим вопросы: что-то из школьной программы, что-то из детских книг, интересовался, кто такой Буратино, мастер Самоделкин, Чипполино и прочая братия. Сергей розовел день ото дня, и спустя неделю пребывания в Усть-Нере старичок дал согласие на поездку. Он вручил Наталье Петровне листок о нетрудоспособности и, глядя на Очагова, развел руки.

— А вам, батенька, не положено.

Тот замахал руками — побойтесь Бога, доктор — предложил гонорар. От вознаграждения старичок — глаза у него обильно слезились — отказался, попросил только подсобить в ремонте больницы, и ладно!

Вечером последнего перед отлетом дня, когда мы остались втроем — я, Земфира и Сережа, — он спросил, не встречались ли мы раньше? Потом признался, что глядя на меня, его так и тянет, эта, рассказать анекдот, а вот какой, никак не может припомнить. То ли про Ганнибала, то ли про каннибалов?.. Вспоминая, он разволновался — пришлось заверить его, что мы не знакомы, однако ему, по-видимому, до смерти хотелось рассказать какую-нибудь забавную историю. Задумавшись на мгновение, он вдруг начал.

— Жили-были в многоквартирном доме, эта, два человека по фамилии Дюран. Один из них футболист, другой вернулся из командировки...

Он задумался, потом решительно подправил.

— Нет, другой Дюран наоборот — отправился в командировку. Или это был Ганнибал?.. — вдруг засо-

мневался он и начал водить указательным пальцем по одеялу.

Я, откровенно говоря, почувствовал себя неуютно и попытался объяснить, что этот анекдот мне известен, однако молодой человек загорелся.

— Нет, это точно был Дюран. И никакой он не Ганнибал и не футболист, просто Дюран. А-а, он умер!.. И вдове приносят телеграмму... Почтальон, эта, перепутал.

— Послушай, — я перебил его. — Что такое телеграмма? Кто такой почтальон?..

— Вы меня совсем за дремучею считаете? — Сережа постучал костяшками пальцев по голове и вновь принялся водить указательным пальцем по свесившемуся с кровати одеялу. — Почтальон — это человек, который разносит корреспонденцию, а телеграмма — это такая бумажка...

Далее я не слушал — у меня перехватило дыхание, когда я обнаружил, что вслед за его двигающимся пальцем на одеяле из верблюжьей шерсти появляется прожженный след. На моих глазах прореха увеличивалась, края ее обугливались, зловоние начало распространяться по номеру.

Спустя мгновение и сам Сережа обнаружил, что он творит. Заворожено он следил за своим, как бы сам по себе, двигающимся и прожигающим одеяло насквозь тоненьким пальчиком.

— Что это вы тут палите? — встрепенулась сидевшая поблизости Земфира и, увидев мой изумленный взгляд, деловито наставила свой указательный, розовенький, с накрашенным ноготочком палец на дыру и,

водя им взад и вперед принялась соединять края прорехи. Шерсть затягивалась охотно, без швов, рубцов или каких-либо иных отметин...

Я глянул на нее, потом перевел взгляд на Сережу. Тот немо смотрел на меня.

— Вот так, теперь не заметно, — как ни в чем не бывало сообщила Земфира и, удовлетворенная проделанной работой, показала нам край одеяла.

Итак, мы распахнули перед ними дверь в наш мир. Перед кем или перед чем?..

Глава 9

За полчаса до рассвета мы с Дороти вышли из отеля и, поеживаясь, позевывая, проследовали на смотровую площадку, нависшую над Большим Каньон, где уже начали собираться туристы. Многие желали присутствовать при потрясающем зрелище, уловить тот краткий миг, когда первые лучи солнца, сметая остатки ночи, накрывшей плато Коконина, обнажат плотно забитую непроницаемой мглой пропасть.

В небе ярко горели звезды. Было тихо, безветренно. Я сразу отыскал созвездие Лебедя — ближе к зениту полыхала Вега, чуть дальше к горизонту Альтаир. Именно в том треугольнике должен был появиться «Быстролетный». Оставалось только ждать, всякий обмен мыслями, любые телепатические переговоры и связь были запрещены. Я прислушался к обрывкам разговоров, приглушенным возгласам, шуткам, ментальному шуму, облачком накрывшим толпу туристов. Все, как обычно, разве что повышен порог предвкушения, ожидания

странного. Глянул на циферблат звездных часов, указывавший местное — семнадцатого пояса — время, показал стрелки Дороти, державшей меня под руку. Она кивнула. До восхода оставалось минут двадцать минут — тусклая синева уже наползала с северо-востока. Звезды начали меркнуть, и когда пропитанная золотом и охрой полоса осветила горизонт, я вскрикнул и указал пальцем на небо.

— Дороти, что это? Смотри, вон там?!

Королева фей поднесла бинокль к глазам, повела им в указанную сторону и коротко ахнула.

— Они движутся!

Привлеченная нашими возгласами соседка заинтересовалась.

— Что движется?

— Звезды.

— Дай-ка я посмотрю! — решительно заявил я и протянул руку к биноклю.

Туристы между тем начали кучковаться вокруг нас, головы их были повернуты в северо-восточном направлении. Многие принялись рассматривать тот участок неба в оптические приборы.

— Е-е, они даже перемигиваются! — кто-то громко объявил у меня за спиной.

— Точно, — подхватил я, наблюдая за небом в бинокль. — Похоже на сигнальные огни. Бог мой, — выдохнул я, — это же летающее блюдце!..

— Где? Где? Где? — зазвучало со всех сторон.

Я указал на уже ясно видимый, расцвеченный радужными огнями аппарат, стремящийся к земле. Неожиданно из него ударил яркий луч света, прорезал

тму до самого дна ущелья — внизу, в четком световом овале что-то слепяще заискрилось. Затем луч начал перемещаться в нашу сторону — люди врассыпную бросились прочь от смотровой площадки. Мы с Дороти переглянулись — она не смогла скрыть победную улыбку — потом отбежали и спрятались за ближайшим киоском. Всю эту мизансцену с освещением придумала она. «Надо, — повторяла она, — навести страху, нагнать ажиотаж. Все, как в самом задрипанном фантастическом боевике...»

Луч шмыгнул по кромке обрыва, переместился вглубь плато, за городские строения и, обежав полукруг, снова начал что-то высматривать на дне каньона. В серых сумерках пропасть едва просматривалась, скорее угадывалась. Аппарат в этот момент завис над самым руслом реки, в устье бокового каньона Светлого Ангела. Значительно увеличившаяся толпа вновь прихлынула к перилам, ограждавшим смотровую площадку. На всех балконах нашего и соседних отелей стояли люди.

На краю пропасти я кинул якобы первое, пришедшее на ум объяснение.

— Это скорее всего маневры или испытательный полет.

— Парень, слышишь как странно гудят двигатели? — возразил мужчина одних со мной лет. — Словно поют... Я работаю на «Локхид», авиаинженер, и до сих пор не встречал летательный аппарат, способный совершать подобные эволюции.

— Это ни о чем не говорит! — как можно громче вскричал я. — Возможно, это экспериментальный самолет. Суперсекретный...

— И чиновники из министерства авиации не нашли другого места для его испытаний, как только в Большом Каньоне? Где собираются тысячи людей?..

— Но ведь не из космоса они же явились? — Дороти неопределенно пожала плечами.

— Почему бы и нет?! — неожиданно взъярилась стоявшая впереди дама средних лет. — Я знала, я верила, я слышала их зов. Я пришла сюда с надеждой!.. Наконец-то я увижу их!

Она была сверх меры возбуждена, руки благоговейно сложены для молитвы. Я удовлетворенно хмыкнул, подмигнул Дороти — неплохо поработали наши товарищи-хранители. Толпа с нескрываемым интересом слушала испытывавшую прилив восторга женщину.

— Покайтесь! — неожиданно громко взвизгнула она и тут же встала на колени. — Опуститесь на колени! Они явились, чтобы возвестить — скоро придет час расплаты, и каждому воздастся по грехам его...

На колени никто не опустился, но толпа зевая увеличивалась на глазах.

Между тем странный летательный аппарат, напоминавший два сложенных краями блюдца с выпуклостями, наростами, наплывами на верхней и нижней поверхностях, начал плавно смещаться вниз и в сторону гигантской скальной, усеченной пирамиды, которая согласно карты-путеводителя называлась храмом Брахмы. Теперь в ясных светлых сумерках неопознанный летающий объект был виден особенно четко. Я отдал должное художественному вкусу Флоры и Джорджа. Они действительно соорудили из койса нечто потрясающее. Глядя на пульсирующий, источающий пере-

ливчатое многоцветное сияние диск, у любого захватило бы дух. С первого взгляда было ясно, что подобный аппарат не может быть делом человеческих рук. В том-то и заключался наш тайный замысел — с виду диво дивное, чудо чудное, а на поверку во всей этой феерии нельзя было обнаружить и намека на факт или конкретное действие, которое нельзя было бы объяснить с позиций современной науки и техники.

Толпа была взбудоражена до предела, и когда черная, полыхающая светом машина, изящно выдвинула четыре опоры, мягко коснулась бесплодной, чуть покато́й площадки на вершине скалы, — раздался оглушительный свист и вопли несказанной силы и ликования. В этот момент над землей выглянул край солнца, брызнул лучами. Огни на корпусе аппарата тут же погасли. Крики, свист стали еще громче, слились в единый восторженный гул. Люди бросились вперед, перила на смотровой площадке затрещали. Дороти испуганно схватила меня за руку, однако наконец-то появившийся полицейский наряд принялся отгонять зрителей от края пропасти. Я облегченно перевел дух.

Появление стражей порядка явно успокоило толпу. Крики стихли. Вокруг стрекотали видеокамеры. В этот момент опоры, на которых покоился аппарат, начали осторожно втягиваться, и койс, совсем как кот, опустился брюхом на землю и замер. В ярком утреннем свете его поверхность приобрела угольный, в заметную фиолетовую блеску, цвет. В следующую минуту с востока над Каньоном пролетели два истребителя, развернулись и еще раз пронеслись над самыми крышами поселка. Один из пилотов, отлично видимый под про-

зрачным фонарем кабины, показал публике колечко из сведенных вместе большого и указательного пальцев. Самолеты набрали высоту, совершили боковой разворот и теперь прошли над самым аппаратом — точнее, над самыми чашками параболических антенн, выдвинувшихся из округлого наплыва на верхнем блюде.

Дороти покачала головой, потом сказала:

— Блеск! — и потянула меня за рукав рубашки.

Мы в противоход густо прибывающему народу почти бегом бросились в отель. Закрылись в моем номере и по заранее заготовленному с помощью местных хранителей списку принялись обзванивать редакции газет в Финиксе и Лас-Вегасе, а также офисы местных телекомпаний. Потом принялись за калифорнийскую прессу, наконец занялись восточным побережьем. В ответ на все недоверчивые вопросы мы отсылали собеседников к командованию ВВС США и в Белый дом, предлагая — пусть официальные представители подтвердят или опровергнут нашу информацию. Действительно в конце дня власти вынуждены были официально прокомментировать это событие. В сообщении для прессы были использованы тщательно отобранные выражения — «неопознанный летающий объект», «обладает чертами искусственного происхождения», «его появление было зафиксировано учеными из обсерватории Паломарес еще начале июля».

Итак, запущенный мной уголковый отражатель успешно выполнил поставленную задачу. Спустя несколько дней после начала самостоятельного полета он попал в поле зрения земных наблюдателей — слишком

необычна была траектория и отражательная способность этого удивительного небесного тела. Слишком высока скорость... К тому же в пределах околоземного пространства этот объект совершил несколько сложных маневров. Все они были зафиксированы земными обсерваториями. Потом объект неожиданно исчез, однако научная общественность уже была взбудоражена, и бдительное наблюдение, в конце концов, дало свои плоды. Вынырнув из-за диска Луны, странный космический предмет устремился к Земле. Именно в этот момент ученые официально уведомили свои правительства. С той минуты, когда неопознанный космический объект (НКО) лег на околоземную орбиту, были приведены в полную боевую готовность системы НОРАД и станции слежения космической обороны России. В ночь на второе августа НКО приступил к маневру снижения и вошел в плотные слои атмосферы. На высоте примерно двадцать километров объект, прочертив огненный след, исчез с экранов радаров. (Уголковый отражатель сложился в миниатюрную капсулу и самоуничтожился).

Разработка этого сценария, художественное оформление, подготовка спецэффектов не заняли много времени. Куда большее внимание мы уделили созданию и программному обеспечению особых плазменных фантомов, которые должны были, воспользовавшись вспышкой на Солнце, полностью заглушить станции слежения на Японских островах, Филиппинах, островах Мадагаскар и Реюньон. Следовало также поставить завесу от аналогичных российских станций на Чукотке и самолетов АВАКС, бороздящих небо над Аляской.

Все мы работали дружно, разве что Джордж постоянно бросал в мою сторону косые взгляды. Ревновал, по-видимому... Чем я мог ему помочь? Я вышел в синклит с предложением передать ему управление биокопией под кодовым названием «Земфира». Джордж затеял страшный скандал — кричал, что ему претит психология рабовладельца, присущая некоторым зарвавшимся хранителям, а также гостям, явно засидевшимся на чужой планете. Его холодно выслушали и поинтересовались — что же он предлагает? Тот опять завел дискуссию о правах человека, однако фламатер тут же прервал его и заявил, что собственно синклиту нет никакого дела до наших земных установлений, и с той поры, как биокопия «Земфира» была выдана мне по моей же просьбе, она вышла из-под его и синклита ди, юрисдикции. Теперь дело сонма хранителей обеспечить это существо надежным энергетическим источником существования. Сонм оказался не готов к подобному повороту событий. Вопрос о статусе и возможности биоробота «Земфира» выжить без помощи фламатера повис в воздухе.

Бог с ними! Был бы человек, а закорючку в параграфе всегда можно будет отыскать. Что, в итоге, оставалось делать сонму, как не зафиксировать ее нынешний статус и наделить ее всеми правами и обязанностями человека. Проблему обеспечения ее выживаемости фламатер согласился взять на себя. Ею занялась знахарка и через неделю с точки зрения физиологии биокопия «Земфира» ничем не отличалась от обычного человека.

Девушка между тем действительно повзрослела. От вульгарных замашек, ненасытной похоти, редкой глупости не осталось и следа. На свет она появилась восемнадцатилетней биокуклой, озабоченной исключительно тем, чтобы выжить, а теперь перед нами была зрелая, себе на уме, молодая женщина. Дороти по-прежнему относилась к ней с неприязнью и все же помимо воли вынуждена была оказывать ей поддержку. В конце концов, королева фей смирилась с ее существованием. Ее материнская любовь к Джорджу была беспредельна и ради него она была готова на все. Даже на признание ровней безродной, одушевленной волчицы. Своего сына, своего первенца, она знала лучше, чем кто бы то ни было. Это был истинный англосакс, упрямый, как баран. Причем, это национальное свойство крепко увязывалось с деловитостью, энергией, изощренностью в средствах, с помощью которых он желал добиться поставленной цели. Парень он был хороший, русскости в нем хватало, чтобы по-настоящему подружиться с Земфирой, однако всем — мне, его отцу, его матери, — было ясно, что пока я рядом, Земфира никогда не полюбит его. К тому же этот молокосос даже не догадывался, как следует взять ее! Мне-то, в общем, тоже было не сладко. В человеческой личине я вполне мог устоять, но в те дни, когда у нее начиналась течка, я с трудом справлялся с влечением и в такие дни строго-настрого запретил себе оборачиваться волком.

К полудню Гранд-Каньон-Виледж уже кипел от напыла любопытствующей публики, корреспондентов, телерепортеров и агентов ФБР. Скоро к поселку начали

подтягиваться полицейские подразделения и части национальной гвардии.

К десяти часам утра летающее блюдце, как и предусматривалось планом, родило полуметровую капсулу округлой формы — она как бы выдавилось из корпуса. Яйцо, неожиданно взмыв в воздух и басовито гудя, метнулось в сторону смотровой площадки. Толпа резко отхлынула от края обрыва. Раздались истошные детские вопли и крики перепуганных насмерть людей. Панику удалось быстро погасить. Полицейские мгновенно изолировали впавших в транс представителей религиозных сект, солдаты национальной гвардии оттеснили зрителей от перил, взяли наизготовку оружие, готовые в любую секунду открыть огонь по внеземному объекту.

Ко всеобщему облегчению яйцо внезапно нырнуло в сторону и начало мерно, параллельными маршрутами летать вдоль каньона. Постепенно оно сдвинулось к южному обрыву. Эти маневры продолжались с полчаса, потом странный предмет нырнул в какую-то расщелину и, ввинтившись в грунт, исчез из вида. Только черное отверстие указывало на то место, где он погрузился в толщу осадочных пород.

К полудню, несмотря на увещевание старших полицейских чинов, среди собравшейся толпы сформировалась многочисленная делегация жаждущих установить контакт с пришельцами. Были среди них и очевидцы, как они утверждали, подобных случаев. Нашлись и такие, кто, по их словам, уже совершал космические путешествия. Они были готовы поделиться опытом за небольшую плату. На все попытки полицейских предотвратить несанкционированное шествие, собравшиеся

громко поминали конституцию, пугали судебными тяжбами и наконец с пением псалмов начали спускаться по Кайбабской тропе, ведущей через все ущелье на северную сторону провала. Внизу, на огромной высоте через реку был переброшен подвесной мост.

Полицейские ходили, поигрывали дубинками — что они еще могли поделывать? Прямого распоряжения перекрыть доступ в ущелье не поступало.

Собственно, несмотря на религиозный восторг, ликующие призывы к Богу, пение псалмов, хлещущий через край энтузиазм никому из жаждущих не суждено было добраться не то, чтобы до летающего блюдца, но даже до подножия исполинского скалистого останца, и даже если бы такой смельчак отыскался, выше, над пирамидальным основанием вздымался каменный столб почти полукилометровой вышины. Одолеть его без специального снаряжения было невозможно. Оставался единственный путь — сверху! Действительно, еще на моих глазах где-то после одиннадцати над храмом Брахмы появился армейский вертолет. Несколько раз он облетел каменный столб, потом завис над неизвестным аппаратом, и в тот же момент койс выдвинул металлический стержень. Когда конец стержня достиг примерно четырехметровой высоты, на нем обозначилась перпендикулярная штанга, которая начала вращаться с все возрастающей скоростью — приближаться, мол, запрещено! Потеха!.. Более идиотское устройство трудно было выдумать, особенно принимая во внимание вероятное происхождение летательного аппарата, но мы сознательно пошли на это. Наблюдая за этими

манипуляциями с балкона моего номера в бинокль, я не мог удержаться от улыбки.

Тем не менее пилот вертолета вполне серьезно отнесся к предупреждению — тут же взмыл вверх и скрылся за северным краем Каньона.

Апофеоз нарастал. Поселок уже был переполнен машинами, людьми, увешанными фотоаппаратами и видеокамерами, военными, полицейскими. Как я уловил из радиопереговоров, ждали делегацию конгресса штата. Официальные представители федерального правительства уже вылетели из Вашингтона. Практически все основные теле— и радиовещательные компании вели непрерывный репортаж с места событий. На мой взгляд, успех отвлекающей операции был полный — вряд ли в ближайшие недели кого-либо заинтересует извержение внезапно открывшегося вулкана там, где его даже теоретически не могло быть. Что ж, пусть геологи поломают головы... У нас не было другого выхода — разлившаяся в радиусе полукилометра лава надежно скроет следы самой таинственной из всех таинственных катастроф, которые когда-то случались на Земле. Даже такие глобальные катаклизмы, как обрушение Гибралтарского перешейка, случившееся около шести с половиной миллионов лет назад, в результате чего воды Атлантического океана хлынули в Средиземноморскую впадину; падение Тунгусского метеорита или взрыв вулкана Кракатау, — не были связаны с разрушительным понижением силы тяжести, которое должно было случиться в далеком, северном, нехоженном краю.

Если признаться, в ту пору мы играли с огнем. Это был первый опыт. Мы, хранители, бездумно доверились чуждому разуму и хотя цель его была близка и понятна, все-таки повторить нечто подобное, даже в самом заброшенном безлюдном уголке Земли, пусть на ледяных просторах Антарктиды, — мы бы теперь не решились.

С большим трудом мне удалось выбраться из Гранд-Каньон-Виледж — со стороны Финикса в направлении национального парка двигался сплошной поток автомашин. День был субботний, и желающих поглазеть на давно ожидаемое чудо — явление космических пришельцев — оказалось предостаточно. В столице штата я вернул арендованную машину и на такси добрался до расположенного в пригороде мотеля, где снял номер до утра. Попросил портье, чтобы меня не беспокоили — утомился в дороге. Потом закусил в баре. В обсуждение последних новостей, передаваемых по телевизору, вступать не стал. Сидел, помалкивал... Теперь моя задача заключалась в том, чтобы как можно незаметнее убраться отсюда. Хотя как осуществить взлет в середине дня и не привлечь случайных взоров, я не мог придумать. На всякий случай раскрыл чемодан — ковчег сам выбрался оттуда. Мне оставалось только надеть его и дожидаться сумерок.

Я сел у окна и принялся изучать окрестности. Мой домик был последним в ряду бунгало, полукружьем обнимавших бассейн. С той стороны слышались голоса, плеск воды. Конечно, можно незаметно покинуть строение — без шума выбраться через окно, при очень

слабой тяге гравитационных двигателей добраться до ограждающей сетки, перемахнуть через нее. Дальше открытое пространство, затем промоина и можжевельниковые заросли. Ладно, добрались до зарослей, оттуда уже можно стартовать. Устроить в противоположной стороне, за хайвеем, небольшой отвлекающий взрыв — пусть хлопнет погромче — и тут же взметнуться в небо. Когда я окажусь на высоте около ста метров, вряд ли кто-нибудь сумеет определить, какой объект чернеет там, вверху.

Я усмехнулся — согласно моего личного графика мне было предписано стартовать спустя полчаса после наступления полной темноты. Однажды на Титане я позволил себе своеволие. Опять нейдет?.. Полетное время от окраин Финикса, штат Аризона, до среднего течения реки Сейкимнян, что на Яно-Оймяконском нагорье составляет двадцать девять минут. Как у ядерной боеголовки. Зачем спешить, суетиться, однако сидеть в забытом Богом мотеле тоже было невыносимо.

...Дотошность синклита ди и фламатера, их умение организовать дело, превратить исполнителей в охваченных восторгом, озабоченных исключительно выполнением задания энтузиастов, было поразительным. Уровень технических решений, масштабность и в то же время ясность задач, новизна подходов к их решению — тот невыразимо могучий, бодрящий пульс, который начинает биться только в момент великих свершений, — вызывали восхищение. Каждый инженер знает, что по ритмичности и силе всегда можно судить о грандиозности и выполнимости замысла. Целью подготовки

у ди являлось стремление предусмотреть все и, как теперь я мог судить, они были очень близки к идеалу.

Только теперь я сердцем ощутил, что значит иметь дело с такой мощью, уметь управлять полями тяготения, преобразовывать материальное тело в совокупность информационного пучка, ведь, собственно, прорыв суперповерхностной пленки заключался в перемещении знака гравитационной постоянной и энергию для этого черпали в микроскопической «черной» дыре размером с протон. Корабль, уже превращенный в поток информации, каким-то образом через нее и попадал в серое лимбо. Физическое тело как бы превращалось в свой образ или отображение и затем эта совокупность полей выталкивалась в чуждое изначальное пространство, в котором по воле Разума в исчислимом будущем мы все вновь сольемся в Первоначальное яйцо, чтобы дать жизнь новой вселенной, более светлой, исполненной радости, окончательно поборовшей архонтов.

Цель была благородна, задача ясна. Зачем спешить? От подобной перспективы захватывало дух. Сердце билось ровно, гулко — было весело сознавать, что все вокруг, в конце концов, напившись светом разума, засияет светом мудрости. Так свершится превращение тягостной весомой материи в собственное детище — дух!..

Прозрел и увидел себя в ординарном номере средних достоинств мотеля. На плечах обтягивающие, гладкие, лоснящиеся латы ковчега, все застежки зашелкнуты, все отверстия наглухо загерметизированы. Зачем? У меня еще уйма времени. Со стороны бассейна долетал плеск воды, крики, смех. Я усмехнулся —

большинству людей, в общем-то, наплевать на явление пришельцев. Это мне нравилось. В подобном отношении таилась незамысловатая истина. От этого она не становилась менее грандиозной. Тот мудр, кто умеет сохранить спокойствие перед лицом небывалого. От него не убежишь, не спрячешься, но принимать его следует достойно, окунувшись в бассейн, загорая на солнышке...

Я освободился от оболочки и в купальном костюме направился к бассейну. Потом накинул халат и двинулся в бар — портье за стойкой удивленно глянул в мою сторону.

— Не спится, — я беззаботно махнул ему рукой. — С этими пришельцами обо всем забудешь.

Тот понимающе заулыбался, закивал.

В баре было полно посетителей — все наблюдали за экранами трех телевизоров. Они были настроены на разные каналы. Все происходящее мы могли видеть с трех точек.

Менялись кадры — одна из камер неотрывно наблюдала за вершиной гигантской скалы, на вершине которой лежал аппарат. «Быстролетный» не подавал признаков жизни. По-прежнему в момент зависания какого-нибудь слишком настырного летчика из центрального наплыва выдвигался металлический стержень. Всякий раз появление вращающейся штанги вызывало бурный восторг у зрителей. Я усмехнулся — собравшись в толпу, *homo sapiens* способны видеть только то, что желают увидеть.

Между тем группа немногочисленных религиозных фанатиков под охраной полиции спустилась к мосту,

перешла на противоположный берег. Здесь люди застряли в недоумении, кое-кто вернулся на южный берег. Снизу объект поклонения вообще не просматривался и был недоступен также, как и в ту пору, когда они глядели на него с края провала. Как это было по-человечески — осенять себя знамением, петь псалмы, упрямо стремиться вперед и потом, приблизившись в цели, в полном отчаянии взирать на вздымающуюся неодолимую стену. Как бараны на новые ворота...

Около четырех часов пополудни летающее блюдце приняло на борт забурившуюся в земной грунт капсулу. После полуночи «Быстролетный» соскользнет со своего пьедестала и, прикрывшись ночной мглой, достигнет поселения Вильямс, где в пустынной местности его будет поджидать Доротея. Там же будут высажены Джордж, Флора и Земфира, которые самостоятельно доберутся до Ирландии. В недоступных подземных пещерах графства Керри они будут дожидаться возвращения королевы фей. «Быстролетный» же, подхватив Каллиопу, отправится в Сибирь и неподалеку от поселка Оймякон примет на борт Прокопия Егоровича Спиридонова, девяностошестилетнего старика, местного знахаря, потомка Лабынгха-Сюрюк, легендарного небесного шамана. Был в их роду и знаменитый Лэбиэрийэ-Ойун, первым пришедшим на Индигир-реку или Чисхан. Был и внук Лэбиэрийэ из племени Ёлёттью Иван Готовцев... Ныне Спиридонов являлся хранителем этого уголка якутской земли и по решению земного сонма именно он должен был дать добро на отлет гостя. Действительно, фламатер несколько засиделся в гостях...

Капсула, пролежавшая в земле, в свою очередь, должна была развернуться в пустотелый аппарат, детище «Быстролетного», и за час до рассвета, озарившись огнями, стартовать с вершины храма Брахмы. Перед выходом на околоземную орбиту, где аппарат должен будет исчезнуть из поля зрения наземных станций слежения, неопознанный объект совершит облет южного края Гранд-Каньона и, наведя кратковременную панику на съехавших в поселок зевак, разбросает множество листовок с призывом следовать по пути Господа нашего Иисуса Христа и с этой целью покупать жевательную резинку одной известной фирмы. Долой всякому посягательству на кислотно-щелочной баланс в рту! Человеческие зубы должны быть накрепко защищены от кариеса.

Я особенно настаивал на подобном финале, хотя подобная реклама была сопряжена с известным риском — использовать святые имена для рекламы товаров ширпотреб в Штатах запрещено законом. Главное навести побольше туману. С этой целью химический состав бумаги, ее структура должны быть исключительно земного происхождения, однако установить, где именно была произведена бумага установить не удастся. Так что не такой простой покажется нашим умникам хитроумная рекламная компания, разыгранная как посещение Земли инопланетянами. Известная фирма будет яростно отрещиваться от нее, тем самым резко увеличивая свою популярность. Одним словом, объяснение этого события так и канет в область догадок, тем самым сонм получит надежные гарантии, что тайна засидевшегося в гостях чужака не будет раскрыта, и никому в го-

лову не придет связать это событие с извержением внезапно заработавшего в Восточной Сибири вулкана.

Глава 10

Стартовал я за углом своего домика, прямо с обсаженной кустарником аллеи. Ковчег на мгновение вырубил свет на территории мотеля. Когда фонари засияли вновь, мы были так высоко, что при всем желании я не смог бы распознать в россыпи огоньков не то, что придорожную гостиницу, но и сам город Финикс. В ионосферу я вышел над Тихим океаном, там же встретил рассвет. Над линией перемены дат искусственный разум автоматически отбросил лишние сутки и ранним утром следующего дня я приземлился на вершине родной мне сопки.

Появившаяся вскоре Дороти с ходу занялась изгнанием из долины Джормина и окрестностей всякой живности. Мысленным угрозами, колдовскими заклятьями она нагнала такого страха на бедных зверушек, что к вечеру вся округа в радиусе километра вокруг обреченной горы напрочь опустела. Знали бы мы, что животных надо было отогнать подальше!..

Низкорослый, худенький старичок-якут со сморщенным, потемневшим от времени личиком, с реденькой бородачкой, одетый в штормовку, теплую зимнюю шапку, на ногах миниатюрные резиновые сапоги, — готовился к камланию. Каллиопа в своем истинном облачении — свободно ниспадающей, сияющей, белоснежной хламиде с пышным венком на голове — представила меня. Потом добавила, что в числе моих предков

есть и покровитель охоты, дух темного леса Баай-Байанай.

Старичок мелко задергал головой — закивал, что ли? — и сказал: «Очень приятно», — затем вновь погрузился в созерцание своего бубна. Рядом, лежа на брюхе, отдыхал «Быстролетный» и внимательно наблюдал за шаманом. Какими органами, не могу сказать, но уверен, что «глаз» со старика не спускал. Весть о том, что здесь собираются устроить проводы гостя, буквально ошарашила вернотружущего. Он никак не мог взять в толк, кто собственно гость на этой планете, и чего ради синклит согласился участвовать в этом спектакле!

Закончив с проверкой плазменных фантомов, которые должны были создать помехи, способные напроць заглушить станции дальнего радиолокационного обнаружения — как российские на Чукотке, так и американские на Японских и Сейшельских островах, на Мадагаскаре, архипелаге Диэго Гарсия, — я также вышел наружу, похлопал койс по борту.

Старик, сидевший неподалеку, прекратил заунывную малопонятную ворчбу, подозвал меня пальцем.

— Вова, — тихо спросил он, — а что, эта госпожа в самом деле из рода Илбис-Кыысы? (сноска: Девавоительница.)

— Да, — кивнул я, — прямая наследница в сто восемнадцатом колене.

— А ее хозяин потомок Уордоаах-Джэсёгей-Тойона?

— Нет, муж ее из Перунова рода, колена Зевса-Юпитера. Между Сюулэ-Хааном или по-вашему Уор-

доаах-Джёсёгей и Георгием-победоносцем было какое-то родство, но я точно не знаю!

— Вах-вах-вах, — голова у старика опять мелко задергалась. — Какие люди! Ка-акие люди!.. Повелители!.. А этот, — он робко потыкал в недра горы, — как его величают?

— Фламатер.

— Грозный, однако?

— Не то слово, зверь! Пусть улетает!..

— Зверь-то зверь, а сколько лет сидел тихо. Саха еще возле Байкала кочевали, а он уже был здесь.

— Прокопий Егорыч, ни якутов, ни русских, никого из людей еще в помине не было, а он уже прятался в горе.

— Какого он рода?

— Род его называется Ди. Далеко их стойбище, за восемью небесами.

— Однако, это понятно. В космосе однако... Я спрашиваю, в нашей ли галактике?

— Не знаю, Прокопий Егорыч. Думаю, в нашей, но в другом спиральном завитке. Вот этот знает, — я еще раз похлопал по корпусу «Быстролетного», — но не говорит. Попугайте его злыми духами, может, скажет.

— Не надо, — раздался голос, — все равно не скажу.

— Ай, хорошая машина, — восхитился Прокопий Егорович. — Разговаривает...

— Ну-у, — подтвердил я. — с ним одно удовольствие на охоту ходить. Летает бесшумно, ни одна веточка не шелохнется. След берет сразу.

— И что же, не нравится ему у нас?

— Почему не нравится. Привык. Однако домой тянет. Жениться хочет, детишками обзавестись.

Старик недоверчиво посмотрел на меня. Я подтверждающе кивнул.

— Точно. У себя дома женилку отрастит — и вперед.

— Шутишь? — спросил Прокопий Егорович.

— Язык у него длинный, — откликнулся койс. — Укоротил бы кто.

— Годы укоротят, — сказал старик и вновь погрузился в лицезрение бубна.

Я перешел на другую сторону площадки, обнимавшей вершину обреченной сопки. Внизу петлял Джормин, речка неширокая, но очень живописная... Три последние дня здесь шли дожди, и теперь поток вздулся, покрыл усыпанные галькой плесы. За тысячелетия река разработала горную долину. Там, ближе к северу, Джормин впадал в Сейкимнян. Тот, в свою очередь в нескольких километрах к востоку достигал полноводную Брюнгаде и вливался в нее. Напрямую же между нашей стоянкой и поселком Нонгакан было что-то около восьми километров. Нас разделял Брюнгадийский хребет, одно из ответвлений цепи Сунтар. Склоны сопки здесь были густо покрыты осыпями, скалистые откосы круты. Гора, которая столько лет служила прибежищем чужаку, была как бы выдвинута вперед, и Джормин в том месте плавно огибал ее подошву.

Весь день камни под ногами сотрясалась от мелких толчков. К вечеру их сила заметно возросла, гора уже ощутимо ходила ходуном — видно, магма уже скопилась возле самой поверхности и только ждала момента,

когда резко упадет сила тяжести и ей удастся вырваться на поверхность. Выброс предполагался мощный, обильный, но разовый.

В сумерках последовала команда приготовиться, и по мысленному сигналу я принялся запускать капсулы, несущие плазменные помехоактивные полости. Они разворачивались в небе на высоте нескольких километров — странные светящиеся, летающие объекты, напоминающие ежастые шары. Такие обычно рождаются во время салюта, только на этот раз их свечение было едва заметно. Часть шаров потянулась к востоку, к Чукотке, другие, более компактные, понеслись в сторону Японии, а также прямо на юг, к Индийскому океану.

Все шло по плану — у ди всегда все было продумано. Но кое о чем, пользуясь нашим невежеством, они умолчали. Например, о побочных эффектах... Никто не ожидал, что изменение силы тяжести, даже на таком микроскопическом по площади участке земной поверхности приведет к таким разрушениям.

Отсчет начался за час до включения гравитационных машин. К тому времени койс уже переместил нас на удаленную от сопки седловину, где мы в полной готовности должны были ждать, когда разверзнутся земные недра, и нам придется броситься к заполненному кипящим базальтовым расплавом жерлу и не допустить прорыва на белый свет всякой нечисти, особенно игв и раруггов.

К ночи с запада натянуло облака, наступила еще недолгая в августе тьма, пошел дождь.

Прокопий Егорович уже погрузился в транс и, когда мы выбрались из «Быстролетного», старик, ударяя в бу-

бен, пустился в пляс вокруг аппарата. С уст его срывались бессвязные слова. Он клонился то в одну, то в другую сторону, вертелся волчком, потом неожиданно успокоился и громовым, заставившим нас вздрогнуть и пригнуться голосом спросил.

— Желаешь ли получить напутствие, гость Земли?

К нашему удивлению, над куполом сопки вспыхнул светящийся столб. Неожиданно заерзал по камням койс. Старик не спеша взошел на округлую поверхность аппарата, указал нам место рядом с собой — мы тотчас присоединились к нему. В следующий момент вокруг нас выросли перила, и вернослужащий, стронувшись с места, плавно, по воздуху понес нас к сотрясаемой толчками изнутри горе. Мы остановились в десятке метров, дождь заливал прозрачный купол, сомкнувшийся над нашими головами. Ливень внезапно прекратился, прозрачная завеса спала. Старик вскинул бубен, ударил в него и все тем же низким рокочущим голосом возвестил.

— Мы, плоть от плоти земли и воды! Мы, кровь от крови матери нашей, спрашиваем — готов ли ты, Флэмэтээры, отправиться в дорогу?

Низкое, могучее, протяжное, как вздох, «да» донеслось до нас. Словно гора вымолвила...

— С легким ли сердцем отправляешься в путь, гость Земли?

«Да-а...»

— Так пусть продлишь ты свое дыхание в лице потомства своего. Пусть потомство твое никогда не поминует в молитвах священное имя Юрюнг-Айааы. Пусть не пускают они в свои табуны белого жеребца. И не долж-

ны дети твои держать в руках свитую из черных и белых волос веревку. Пусть покровителем твоим станет Хотой-Айыы (сноска: Предок, создатель орла.). И пусть будет наречено твое потомство Флээмэтээры Баарагай Кун.

Кун Тойон Флээмэтээры, мы отпускаем тебя. Ступай домой...

Громовыми раскатами загрохотал бубен. Койс всплыл и медленно, задом, попятился к седловине, где и остановился. Лег на камни возле скального выступа.

«Да-а...» — отозвалась гора.

В этот момент поднялся сильный ветер. Едва не сбил нас с ног, выхватил бубен из рук старца. Инструмент солнцем взлетел в темное небо и, по-прежнему раскатисто грохоча, сделав круг, вернулся в руки шамана.

— Смотрите, смотрите! — неожиданно вскрикнула Каллиопа и указала на вздувавшийся на глазах Джормин.

Уровень его начал стремительно подниматься, прибывающая вода словно упиралась в невидимую стену. Сокрушительные порывы ветра взбурлили ее и гигантскими частыми волнами погнали на скалы. И Брюнгаде зашевелилась в своем ложе. Наши тела тоже ощущимо полегчали. Вода в реках и ручьях, в круге действия гравитационных машин, резко замедлила свой бег, однако за пределами понижающейся силы тяжести, напор оставался прежним. Через несколько минут бушующая водная стихия затопила долину, побежала вверх по скалистым распадкам-желобам. Гул нарастал, земля ходунном ходила под ногами. Потом, вздохнув, гора взорвалась, и исполинская каменная шапка, шесть миллионов

лет прикрывавшая сопку, отвалилась в сторону и глыбой рухнула в кипящую воду. Из обнажившегося жерла выперло что-то округлое, угольно-черное. Поверхность была иссечена змейками разрядов, осыпана горстями искр. Ветер взревел, гора под ногами крупно вздрогнула. словно вздохнула...

Я отдал команду, и голова моя покрылась шлемом, створки которого выползли из плеч и сомкнулись. Каллиопа тоже была в полном боевом облачении. Ее скафандр, названный «Ладья Харона», был подобен моему, только куда проще оборудован.

В небесах, среди разорванных туч показалась луна. Контур ее были искажены, края подрагивали, диск приобрел странный синеватый оттенок. словно лицо перекошенное от страха...

Наконец аспидная, похожая на картофельный клубень масса, развалив гору, обрушив скалы в беснующийся поток, выползла на свет Божий. Каллиопа тоненько вскрикнула, шаман горько и обиженно запричитал... Я же сжал руки в кулаки — дрожь донимала меня. Я неотрывно смотрел, как облитое смоляным, адским пламенем чудовище с трудом начало карабкаться в небо. По телу фламатера безостановочно ходили волны; то там, то здесь выпирали гигантские шишкообразные холмы. По крохам пришелец сбрасывал с себя путы притяжения дикой, чуждой ему планеты. С каждой секундой исполинское яйцо все более и более набирало скорость; когда же бугристая, исчерченная сполохами молний, темная масса достаточно высоко всплыла над землей, из открывшегося зева с ужасным бульканьем хлынула жгучая, слепяще-золотистая магма. Чудовищ-

ного взрыва удалось избежать, его энергия, преобразованная машинами фламатера, дала возможность пришельцу штурмовать небо, но земля — мать сыра земля — была оставлена один на один с разбушевавшейся стихией. Через несколько мгновений первый вал магмы докатился до обступивших истерзанные скалы вод. Вот когда громынула так, что все мы, находившиеся на достаточном, как нам казалось, удалении попадали на колени. Даже койс неожиданно начал соскальзывать с узкого гребня... В начинающее светлеть небо взметнулся неохватный взглядом столб пара. Туман, цветные дымы затопили округу. Следом рвануло еще раз и я понял, что пришел мой черед. Я едва мог сдерживать рвущееся из груди сердце — эх, помирать, так с музыкой! — обернулся волком и взревев, с боевым кличем древних якутов «Урууй» бросился в облако перегретого пара.

Взметнувшиеся вихри — ветер с неодолимой силой подхватил меня — разогнали клубы пара. Магма подомной, отсеченная от глубин, истекающая, на последнем издыхании, — уже покрывалась багряной, то тут, то там лопающейся коркой. Выбросов больше не было и первое чудище, которое я мысленным взором обнаружил в расплаве — оно, оглушенное, наполовину погруженное в магму, упрямо ломало корку и брело к нависшим уцелевшим скалам — я сразил первым же ударом гравитационного бича. Мелкую нечисть смел одним хлопком. С раруггом, потомком древних динозавров, пришлось повозиться. Расправившись с исчадием верхней мантии, я заткнул последний лавовый ручеек, что еще выбивался из-под на глазах темнеющей корки. Еще раз облетев

место извержения, я вернулся к седловине, где шаман и королева фей уже заканчивали камлание. Заклятья следовало наложить прочно, чтобы в течение месяца, а лучше до снегов никто из людей не смог добраться до этого места. Прокопий Егорович совсем ослаб и едва касался бубна, а вот голос Каллиопы, низкий, тягучий, был все также громок.

— ...плакун! Плакал ты долго, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмам снеговым; а не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут оне от своего позорища; замкни их в ямы преисподние. Будь мое слово крепко и твердо из века в век.

Тут же она опустилась на колени, я последовал за ней и вдогон перекрестился. По-своему, по-православному... Что из того, если мы обращались к одному заступнику, единому Хранителю, Матери его святой, Оберегу святому.

— Отъиде, дьявол, от храму и от места сего, от всех четырех сторон. Нет тебе, дьявол, чести и участия, нет тебе здесь покою, здесь Крест Господен, Матерь Христова, Пресвятая Богородица, святой Петр, святые Евангелисты — Иоанн, Лука, Марк, Матфей, — святой архангел Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Угасиил, Егудиил, Варахаил. Силы небесные ликовствуют здесь, святые херувимы и серафимы хвалы поют... Святой Михаил ныне по всей вселенная по ним же полки держа, святой Петр палицу держа. Здесь Рождество Предтечи, здесь тебе, дьяволе, нет чести и участия, места и покою. Беги

отсюда в ад кромешный, где твой настоящий приют, и там обретайся. Слово мое крепко, яко камень. Аминь!

Потом последовало заклятье на гаэльском языке, затем потекла певучая латынь. Наконец мы поднялись с колен. С человеческим лицом, омытом слезами, я обратился к Прокопию Егоровичу.

— Береги это место, отец. Тщательно присматривай. Нам пора. Дел невпроворот.

Эпилог

Этот роман, точнее, свидетельство о событиях, случившихся на Земле в конце двадцатого столетия от Рождества Христова, тринадцатого от жития Мухаммедова, в восьмом тысячелетии от сотворения мира, в седьмом миллионолетии от прибытия фламатера, — я написала быстро. В один, как говорится, присест... Слишком жгучи были воспоминания о последних часах пребывания в наших пределах гостя ниоткуда, о вознесенном на небо доблестном бисклаварете из колена Змеев Огненных Волков, потомке Бхимасены. Достойный род — Ромул и Рэм принадлежали к нему, князь полоцкий Всеслав... Но не о предках сейчас речь. Не о седой древности, но о грядущих веках. О той дали, где звезды не более, чем редкие островки, а расстояния между ними скоро станут соизмеримы с длиной человеческой ступни. Мы ворвались туда под канонаду извержения, по колено в крови и магме, под грохот все сокрушающих гравитационных разрядов, которыми в окрестностях Сатурна-Цны встретил фламатер проникший когда-то в наш мир сторожевой комплекс архонтов.

Говорят, время — протяженность, координата, с точки зрения физики условная величина, не имеющая конкретного смысла. Чепуха! Время активно и действенно, именно этот нескончаемо расширяющийся объем мгновений вносит в мир организующее, а следовательно, животворящее начало. Лишь время невозможно к дерзости архонтов. Оно в состоянии возродить жизнь из ничтожного, уцелевшего после космического

столкновения комочка плоти. Что есть память как не одушевленное, стиснутое в трепещущие пласты время? Как жить без памяти? Только вера в неодолимый бег мгновений питает надеждами ослабевших, нищих и озябших...

Время — это переплетенное в тугой ком, раскаленное докрасна прошлое, тончайшее настоящее и опасное, как первобытный лес, будущее. Осторожно я сжимаю торчащий из клубка кончик нити, легонько потягиваю, и кружево случившегося в обители мрачного Сатурна разворачивается перед глазами...

Мы высадили старого шамана в окрестностях Оймькона, и койс, заметно накренившись, упершись режущей кромкой в плотные набежавшие облака, почти вертикально стартовал в небо. Фламатер мы настигли на полпути к Сатурну. Планета в ту пору находилась по другую сторону от нашего светила, и звездолет ди добирался туда по крутой дуге, понизу огибавшей плоскость Солнечной системы. Серый волк присоединился к нам уже в пределах видимости Титана, где на достаточном удалении от спутника, прикрывшись им, как щитом, от полосатого лика планеты-гиганта, производилась сборка корпуса звездолета.

К тому моменту несущий каркас фламатера уже был почти смонтирован. Межзвездный корабль был похож на два соединенных основаниями усеченных конуса, к торцам которых со всех сторон, очень организованно и сноровисто подсоединялись какие-то гроздья, реже фермы и консоли, выполненные в виде геометрически сложных, объемных и плоских фигур. По всему кор-

пусу пристыковывались возвращенные на Титане пучки разноцветных труб и кабелей. Работа шла с такой быстротой, что на наших глазах корабль обретал законченные очертания.

Сразу по прибытию нашу группу разделили и по двое отправили на наблюдательные посты. Мне в подмогу выделили Василь Васильевича. Наша позиция находилась над южным полюсом Титана. Мой муж и Серый осматривали пространство над северной оконечностью естественного спутника планеты.

Сатурн был величав и удивительно красив. По королевски окрашен... Кольца его ослепительно сияли в солнечных лучах — за их пределами то там, то здесь, бросая тени на его исполинскую, золотисто-оранжевую поверхность, сновали крошки-спутники. Это было первое впечатление, и чем дальше я всматривалась в изборозженный полосами, помеченный сокрушительными атмосферными воронками-вихрями лик планеты, тем цепче страх сжимал сердце. Чем-то нечистым, чуждым, зловещим дохнуло от этого небесного тела. Что-то неощутимо скверное клокотало под крышей атмосферы, дышало ненавистью... Я сначала не решилась сообщить Серому о своих подозрениях, попыталась сама разобраться в предчувствии, для этого на мгновение погрузилась в вещий сон... После пробуждения ощутила — опасность исходит из верхних слоев воздушной оболочки, укутавшей Сатурн, из размытой области в средних широтах северного полушария. Пятно страха медленно смещалось параллельно экватору. Вот пятно скрылось за горизонтом, хватка ужаса ослабла. Тут я услышала

торопливый разговор Серого с фламатером — волк тоже учуял угрозу и не раздумывая связался с синклитом.

Я вздрогнула, услышав в сознании пронзительный сигнал боевой тревоги. Все дальнейшее происходило с нарастающей быстротой, скоротечно, так что не обладай я способностью растягивать ход времени, вряд ли смогла бы поведать о том, что произошло в свободном пространстве, на расстоянии в несколько планетарных радиусов от Сатурна.

С каждой минутой нарастал стрекот ментальных сообщений и переговоров. По направлению к планете устремился «Быстролетный» и, миновав ближайшее к поверхности кольцо, добравшись до верхних слоев атмосферы, неожиданно озарился чередой ярчайших вспышек. Аппарат открыл огонь? Или стреляли по нему? Я растерялась — все происходило так стремительно. Пришлось на мгновение отключиться, взять себя в руки, покрепче сжать рукоять гравитационного хлыста.

Когда я пришла в себя, то обнаружила, что упругие, синусоидальные, ярко блещущие лучи обрушились на Гиперион, девятый спутник Сатурна. В мгновение ока ледяная поверхность этой каменной округлой глыбы превратилась в кромешный ад. Там начали вспухать и лопаться огромные, малинового цвета пузыри.

Теперь сообщения сыпались со всех сторон. В шлеме стоял сплошной переливчатый клекот, в котором изредка, скороговоркой проскакивала человеческая речь. Мне стало ясно, что на Гиперионе размещалась древняя приводная станция архонтов и разгром ее случился в самый момент пробуждения. К сожалению, ос-

тавалось неясным, успела ли она подать сигнал ожидавшему в засаде кораблю?

Ответ на этот вопрос мы получили спустя несколько минут, если судить по-моему субъективному, земному времени. За это время ход монтажных работ заметно ускорился, и уже через несколько мгновений фламатер предстал перед нами во всей красе. Межзвездный корабль напоминал собой абажур, увенчанный головой древнего ящера. Два усеченных конуса были соединены в основаниях широким, чуть посвечивающим кольцом. Вдоль центральной оси просматривалось огромное сквозное отверстие. При медленном — по всем трем осям — вращении выпадал момент, когда эта труба была обращена в мою сторону, тогда сквозь нее были отчетливо видны звезды. Поверхность звездолета была матово-черная, украшенная цепочками бегущих огоньков. Наконец вращение аппарата замедлилось, он принял заданное положение — направил сквозное отверстие на Сатурн.

«Это были какие-то непонятные шестиугольные ячеистые структуры! Клянусь!.. Не более того... Что-то похожее на облака странной формы. Я даже намек на угрозу не уловил...» — сквозь оглушающий стрекот прорвался голос Серого волка.

«Облака ожили, ветер обрел форму», — мудроно ответил фламатер.

«Виновен! Что дальше?..»

«Нарастание угрозы в северном полушарии Сатурна. Они дождались... Столько лет провели в спячке, а ты, Серый, их разбудил. Теперь мое преимущество во времени сведено почти к нулю».

«Шесть с половиной миллионов лет в засаде? Где это видано!..»

Ответа я не расслышала. Через некоторое время снова раздался голос фламатера.

«Согласен, но обнаружить меня в свернутом состоянии — занятие очень дорогостоящее и долгое. Они единственный раз смогли устроить повальный обыск на Земле. Потом поиски прекратились, однако я был уверен, что архонты оставили наблюдательный пост. Теперь известно, что они схоронили здесь и главного противника. Вот он!..»

Я невольно глянула в сторону Сатурна. Клубящаяся, почти сплошная облачность, покрывавшая планету, внезапно озарилась изнутри. Поднимавшийся со дна атмосферы лиловато-багровый, исполинский пузырь, набухая на глазах, неодолимо стремился вверх. Цвет облаков стремительно менялся. Они все более и более наливались жутким, кроваво-сиреневым свечением. Прошло еще несколько мгновений, и зловещее пятно скрылось за горизонтом.

Наступила пауза — чудовищный нарыв появится в поле зрения не ранее, чем через час. Между тем в противоположной стороне фламатер заканчивал проверку корабельных систем — от него посекундно отскакивали какие-то налипшие на корпус приспособления. Он словно бы избавлялся от всего нечистого, недостойного оказаться в сером лимбо. Двигатели начали понижать напряженность гравитационного поля в этой области пространства. В прозрачном мраке, видимом сквозь центральную широкую трубу, еще посвечивали звезды. Неожиданно по оси прогала засветилось легкое розова-

тое свечение — короткими отрезками оно вырывалось из обоих окончаний центральной трубы и растекалось по корпусу, как бы поглощая его искрящимся непрозрачным облаком.

— Боевая тревога — раз! — болезненно громко гроыхнуло у меня в сознании. Это была команда Серого. Тут же над сероватой полярной шапкой, что украшала Сатурн, тоже возникло свечение, и спустя несколько секунд приметное место, где копилась вражья сила, выплыло из-за горизонта.

Я вскрикнула от ужаса — нечто рогатое, черное, напоминающее жука с покрытыми броней головой и туловищем, шевелящее многочисленными конечностями, упорно карабкалось в космос. Чудовище уже почти одолело атмосферу — еще немного, и, прикрываясь ближайшим планетарным кольцом, оно выйдет на ударную позицию.

Два синусоидальных ослепительных жгута сорвались с вершины более острого, направленного в сторону Сатурна усеченного конуса фламатера — поверхность звездолета ди тут же померкла — и ударили в нелепого, исполненного злобы жука. Тот, на мгновение охваченный испепеляющим белейшим пламенем, замер, лишился левого рога, затем, снова ожив, продолжил подъем. Через несколько мгновений крейсер архонтов всплыл над северным полюсом планеты. «Быстролетный», Серый волк, повелитель меча непрерывно хлестали его гравитационными бичами. Мы с Василь Васильевичем бросились к ним на помощь.

...В этот момент я словно пробудилась ото сна. Ледяным холодом прихватило голову и сердце, растаяла

робость. Я вновь обрела пронизывающий время взгляд. Все это я уже видела. Где, когда — не знаю. В провидческой дреме? В череде видений, которые, случилось, навещали меня?.. Был момент, когда мне пришлось испытать что-то подобное... Теперь я ведала, как действовать, какое заклятье наложить.

Два сокрушающих синусоидальных жгута еще раз поразили корабль архонтов, прожгли ему брюхо. Через несколько секунд его плоть, броня, многочисленные лапки обратились в мертвящую радиоактивную пыль. Незавидная участь! Шесть с половиной миллионов лет провести затаившись, не подавая признаков жизни. Наконец дождаться, когда враг, потеряв осторожность, появится в назначенной точке — и погибнуть в течение нескольких мгновений. Что-то здесь было не так. Почему корабль оказался брошен? От сна ли он так долго пробуждался или, может, вылезал из могилы? Из другого измерения?.. Даже теперь, разлетевшись на мелкие фрагменты, творение архонтов не изменило своей природе. Или, если угодно, долгу. Несколько десятков сохранивших разум обломков, словно стая диких псов, бросились на изготовившийся к старту фламатер. «Быстролетный», Серый волк и мой муж тут же принялись возводить в свободном пространстве защитный экран. При этом они не забывали поражать гравитационными ударами рвущихся к звездолету врагов.

«Лю-ди, — долетел до меня тяжкий, как выдох больного, голос межзвездного корабля. — Оставьте поле сражения. Я готов к старту. Я совершенен, мое дыхание глубоко, я погружаюсь в небытие. Лю-ди, отступайте к оболочке и возвращайтесь...»

Под прикрытием «Быстролетного» мы начали по очереди приближаться к предназначенному для нас койсу. Как случилась беда, я и теперь не могу сообразить. Один из обломков — яйцевидная боевая форма — совершив немислимый маневр, нацелилась в спину Георгию. Форма уже выбросила черное щупальце, и в тот же миг Серый, первым учувший опасность, успел не только прикрыть собой властелина меча, но и погубить врага. Он всегда был отличным стрелком, наш Серый... Часть мертвящей плоти успела врезаться в его ковчег. Скафандр волка ярко вспыхнул и мгновенно обратился в черный обуглившийся ком.

Я закричала от ужаса. Георгий подхватил на глазах съеживавшееся тело. Краем сознания я уловила, как кувыряясь удаляется в безбрежное пространство отсеченная передняя лапа Серого. «Быстролетный», уже направлявшийся в сторону фламатера, совершив головокружительный пируэт, метнулся в нашу сторону.

«Оставь его», — членораздельно выговорил койс.

Останки Серого на глазах оказались втянутыми в отверзшиеся недра «Быстролетного». Тот вновь устремил свой полет в направлении звездолета и спустя мгновение исчез в его утробе.

Разместившись в предназначенном для нас койсе, ходко набравшем скорость; прижатые к мягким спинкам раздавшихся, обернувшись ложами кресел, мы наблюдали, как на фоне бархатисто-угольной, пересыпанной звездной россыпью завесы вдруг вспыхнула молниевидная прямая черта, ярко-алый штрих.

Все затаили дыхание.

Середина отрезка расширилась, и в образовавшуюся щель неотвратно начал втягиваться облако, плотно охватившее межзвездный корабль. Секунды раздвинулись до часов, минуты обернулись вечностью. Наконец все было кончено — серое лимбо поглотило информационный сгусток, в который обратился фламатер. Слезы текли у меня по щекам, я терялась в догадках, где упокоится прах нашего доблестного хранителя? Как мы оправдаемся перед сонмом? Не слишком ли высокую цену заплатила Земля за проводы гостя?

Всю дорогу до дома Василь Васильевич бормотал поминальные молитвы. Во сне всхлипывал, проснувшись бодрился. Удивительно, но я, в общем-то, не ощущала горечи. Все тот же провал в дрему, пронзительное ясновидение; вопрос, обращенный к чему-то древнему, покоившемуся в самой середке изначального пространства, к тому, кто управляет временем. И скорый ответ — это не его судьба. Вот и старик-фавн неожиданно успокоился — видно, уловил что-то, прозвучавшее в высших сферах.

Только Георгий помалкивал, хмурился, часами вглядывался в экран, за изогнутой прозрачной поверхностью которого вовсю полыхали звезды. Какая дума беспокоила его? Я не отваживалась его тревожить. Придет срок, и он поделится со мной. Моя судьба — воспоминания. Я храню их, подвластна им, иногда перебираю их, играя... Воспоминаний много, все не перечесть... Шесть с половиной миллионов лет пустяк по сравнению с той уймой мгновений, которые отпечатались в моем сознании и которые мне приходится оберегать, и из всей этой груды лишь малая толика при-

надлежит мне, слабой женщине. Дети, семья... Вспомнился Серый, и вновь сердце окатили печаль и тревога.

На экране, в сонной ватной тишине вспухал бело-голубой шар Земли. Теперь надо ждать нашествия архонтов? Теперь наша очередь встретить их?

Я помыслила об этом ясно и целенаправленно. Георгий тут же откликнулся.

— Вы так ничего и не поняли? — вслух спросил он.

Василь Васильевич удивленно глянул на него.

— Не будет нашествия, — тихо повторил он. — Все кончено. Это было последнее сражение героической эпохи. Оно должно было случиться шесть с половиной миллионов лет назад, однако фламатер слишком хорошо укрылся, и врагу ничего не оставалось делать, как только поджидать его. За это время много воды утекло. Вы задумывались, почему не пришла подмога? Почему «Мужественный на страже» и его противник сражались в одиночку? Почему никто не прислал ремонтную бригаду на Беркту?

Мы затаили дыхание.

— Потому, что некому прийти на помощь. Их нет. Они погибли. Сгнули... Не знаю, может, архонты и ди сокрушили друг друга. Не знаю! Уверен только, этот бой вели дряхлые старцы. Грядут новые войны, скрытые, коварные, хитроумные... Войны за власть над физическими константами, за изменение постоянных, за степень искривления пространства. И самое главное — за обладание прошлым. Одним словом, за власть над мифологией врага. За его язык, за чистоту земли и воды. За право светить незримо. Вот каков удел Серого, ведь он

хранитель будущего. С тем он и вознесся на небеса. Ушел трудно, в страдании, с болью. Не могу винить фламатер, но он не мог оставить на земле существо, обладающее мощью Ковчега и силой волшебного пояса. Когда-нибудь Серый вернется на Землю. Я верю в это... Как-нибудь вечером в каком-нибудь немыслимом обличье подойдет ко мне, облокотится о перила и скажет: «Привет, Георгий. Я — Серый волк. Пора в дорогу».

Вид повелителя меча изменился — теперь он был в латах, чернобородый, здатокудрый. Кресло его обратилось в украшенный самоцветами трон. Исполинский меч лежал на коленях. Я встала рядом с венком в руках. Поднялся и леший. Глазницы его ввалились, наполнились непроглядной чернотой, седовласая голова стала подобна черепу. Он почесал одна об другую шерстистые ноги, ослабил. Того и гляди захохочет. Это у него случается хронически после встречи с галилеянином... В ту пору он тоже посмел открыть рот. «Иди, иди, — презрительно бросил он несчастному. «И ты иди», — ответил Иешуа.

Что теперь вспоминать о прошлом, ворошить былое? Будем ждать весточку из будущего.

Автору можно написать:
e-mail: ishkov@mail333.com

Автора можно поблагодарить,
положив на его номер телефона:
89168323835
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

ОГЛАВЛЕНИЕ

В РАБСТВЕ У БОГА	1
Часть I.....	3
Глава 1	3
Глава 2	30
Глава 3	41
Глава 4	64
Глава 5	97
Часть II.....	111
Глава 1	111
Глава 2	134
Глава 3	158
Глава 4	194
Глава 5	223
Глава 6	229
Глава 7	244
Глава 8	266
Глава 9	279
Часть III	297
Глава 1	297
Глава 2	308
Глава 3	325
Глава 4	333
Глава 5	354
Глава 6	363
Глава 7	384
Глава 8	402
Глава 9	422
Глава 10	440
Эпилог	451